

Т. Хорхордина

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА
И
АРХИВЫ

1917 - 1980-е гг.

Т. Хорхордина

ИСТОРИЯ
ОТЕЧЕСТВА
И
АРХИВЫ

1917 - 1980-е гг.

МОСКВА 1994

ББК 79.3

X79

Рецензенты:

В.С. Листов, д-р искусствовед. , канд. ист. наук;

Н.А. Ивницкий, вед. науч. сотр. Института российской истории РАН, д-р ист. наук;

Е.В. Старостин, директор Историко-архивного института РГГУ, проф.

Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы: 1917 –
X79 1980 гг. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. 360 с.

Целостная, научно-полновесная история отечественного архивного дела новейшего времени излагается в драматическом взаимодействии с судьбами живых людей, с реальной действительностью. В научный оборот введено множество новых документов, выявленных в недавно рассекреченных фондах архивохранилищ. Процессы возникновения, формирования и кризиса тоталитаристской модели нашей архивной системы анализируются как неотъемлемая часть истории нашего Отечества.

Для специалистов, аспирантов, студентов.

X 0503020000–036 без объявл.
0Т8(03)–94

ББК 79.3

ISBN 5-7281-0044-9

© Хорхордина Т.И., 1994

© Российский государственный
гуманитарный университет,
худ. оформление, 1994

Введение

В сегодняшней России интерес к архивам то внезапно разгорается, когда в костер конъюнктурных политических схваток вдруг подбрасывают очередную связку "сенсационных" документов, то угасает. Очень медленно, с трудом общество приходит к осознанию простой и ясной истины: информация в архивохранилищах столь же многозначна и трудна для понимания, как и отдельная человеческая личность или многоязыкое сообщество людей. Потому что архивы — это и есть сама "живая жизнь", только остановленная, зафиксированная во времени и пространстве. Они требуют к себе такого же уважительного отношения, как и все другие феномены человеческой культуры.

Утрата навыков цивилизованного общения с разноголосицей архивных документов, попытки насильственного ограничения изначально присущей им свободы приводят общество на грань духовного одичания. В тоталитарных структурах, где насилие возводится в основной принцип управления всеми сторонами жизни человека, включая его закрепленную в документах память, архивы мстят за себя тем, что органы власти теряют ощущение реальности, начинают жить в иллюзорном, мифологизированном мире, слепнут и в конечном итоге катастрофически быстро теряют свою дееспособность.

Новейшая история отечественных архивов — ярчайшее тому доказательство.

Более чем семидесятилетний эксперимент, основной целью которого было монополизировать все архивы сверху донизу

для использования их в качестве примитивного "политического оружия", закончился крахом. От провозглашенного в 1917 – 1918 гг. лозунга централизации архивного дела для его "спасения от произвола ведомств" отечественные архивы под «мудрым руководством» партийно-правительственной номенклатуры прошли крестный путь испытаний, завершившийся в 80-х годах еще худшей децентрализацией. Национальное достояние страны, лицевое именуемое "единым государственным архивным фондом", на деле оказалось раздробленным, разграбленным могучими собственниками – прежде всего правящей партией, а затем "силовыми" и карательно-репрессивными ведомствами, другими отраслями и отдельными учреждениями. В результате деятельность архивистов была практически сведена к функциям канцелярских работников во главе с внешне могущественным, а по существу беспомощным перед произволом вышестоящих "директивных инстанций" Главархивом СССР.

Этот правовой беспредел был логическим следствием тоталитарного построения архивной системы, в которой все архивы провозглашаются на словах равными, но на деле одни из них все-таки оказываются, так сказать, более равными, чем другие.

Данная книга является первой в нашем архивоведении попыткой осмыслить ход и отдельные перипетии этого многолетнего процесса. Ни в коем случае она не претендует на то, чтобы дать единственно правильные ответы на все вопросы, возникающие у тех, кто заинтересован в поисках исторической правды. Более того. Если у читателя возникнет стремление обратиться к архивным документам, чтобы самостоятельно пойти по пути их исследования, автор будет считать свою задачу выполненной. Потому что эта книга адресована прежде всего студенческой и молодежной аудитории, в диалоге с которой в стенах Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета автор проверял верность своей концепции и убедительность доказательств.

И последнее.

Главный акцент в книге делается на выявление ведущих тенденций в архивном строительстве и узловых проблем в оте-

чественном архивоведении. Меньше внимания уделяется истории отдельных архивов, поскольку в целом ее фактографическая часть достаточно полно отражена в монографиях, учебных пособиях и многочисленных статьях самых разных авторов. Исключение сделано только для тех случаев, когда речь идет о судьбе центральных и отраслевых архивов, вплоть до последнего времени считавшихся закрытыми или находившихся в режиме "ограниченного пользования". Парадоксально, но одним из таких архивных фондов является фонд документальных материалов общесоюзного архивного главка – Главархива при Совете Министров СССР, – который на протяжении многих десятилетий был одним из самых таинственных ведомств страны.

По существу, самые ценные части фонда лишь недавно начали подвергаться активному рассекречиванию. Только в конце 1993 г. было передано на общее хранение около 6000 дел, в которых заключались "нормативная документация, приказы, наблюдательные дела, переписка по вопросам комплектования и использования документов" за период с 1918 по 1950 г.* Это капля в море, особенно если учесть, что материалы по архивному строительству откладывались практически во всех фондах, сдававшихся на длительное или постоянное хранение в государственные и ведомственные, центральные и местные архивохранилища. Поэтому полная история архивного строительства будет, видимо, создана только в итоге коллективных усилий ученых и исследователей, которые объективно изучат весь комплекс источников.

Мы делаем только первые шаги.

Автор выражает признательность за помощь в подготовке к изданию книги профессорам Н.И. Басовской, А.П. Логунову, Е.В. Старостину.

* Информационная справка ГАРФ о результатах рассекречивания фондов в 1993 г. от 26.01.1994 г. (машин.)

Глава 1. Архивное дело в период 1917 — 1920 гг.

Первые же страницы историографии отечественного архивного дела послереволюционного периода на протяжении семи с лишним десятилетий существования тоталитарного режима в нашей стране столько раз переписывались и переделывались под влиянием политической конъюнктуры, что многие реальные факты в результате были искажены до неузнаваемости или грубо сфальсифицированы. В частности, именно этим объясняется возникновение и многолетнее монопольное господство в нашем архивоведении традиционной (а правильнее было бы сказать — официозной) схемы, в соответствии с которой истоки радикальных архивных преобразований в стране датируются либо 25 октября (7 ноября) 1917 г., либо 1 июня 1918 г. — днем подписания председателем СНК РСФСР декрета "О реорганизации и централизации архивного дела". Внимательное и объективное изучение подлинных архивных материалов того времени позволяет сегодня утверждать, что такая схема является, мягко говоря, недостаточно научно обоснованной. Во всяком случае, никакими документальными источниками она не подтверждается.

Наша задача, основываясь на анализе подлинных документов, во многих случаях публикуемых впервые, проследить преемственность связей между проектами архивной реформы в России, которые разрабатывались задолго до событий 1917 г., и идеями, положенными в основу первых практических мероприятий по радикальной реорганизации и централизации архивного дела, предпринятых в новейший период отечественной истории.

Архивы и безвластие: от Февраля к Октябрю 1917 г.

Корни и истоки радикальной реформы архивного "нестроения", вызванного монополией ведомств на документальные "следы прошлого", можно отнести к началу XIX в. Так, еще в 1820 г. барон Г.А. Розенкампф представил председателю Госсовета и кабинета министров, главноуправляющему Комиссии составления законов князю П.В. Лопухину "планы о приведении в лучшее устройство архивов вообще". Сутью этих планов была "централизация столичных архивов, – централизация не только в отношении единства управления отдельными архивными фондами, но и в смысле пространственного их объединения в едином Государственном архиве"¹.

За год до открытия в Париже Школы хартий – первого в мире учебного заведения по подготовке архивистов-профессионалов – Розенкампф поставил вопрос о необходимости введения архивного образования в России. Но главной идеей "планов" было именно объединение всех исторических архивов Москвы и Петербурга под руководством Главного управления архивами, которое должно было подчиняться Государственному совету.

К началу XX в. необходимость радикального преобразования архивной системы осознавалась практически всеми учеными-историками и профессиональными архивистами. В гораздо более известных сегодня проектах архивных реформ Н.В. Калачова² и Д.Я. Самоквасова³ можно найти почти текстуальные совпадения с теми положениями, которые затем составили основу декретов по архивному делу, принятых в первые годы советской власти. Более того. В наших отечественных архивохранилищах можно встретить документальное подтверждение такого поразительного – на первый, непрофессиональный взгляд – факта, что личную заинтересованность в необходимости проведения радикального переустройства российской архивной системы проявлял сам император Николай II. Во всяком случае, именно с ответственного утверждения реальности этого

ВЦИК академик С.Ф. Платонов, излагая свою концепцию истории создания Центрального архивного управления РСФСР. В этом документе выдающийся русский историк, один из первых руководителей архивной реформы в послереволюционное время, с присущей подлинному ученому беспристрастностью информировал высший орган советской власти о том, что "новым духом" реформ в отечественном архивном деле впервые ощутимо повеяло в далеком 1911 г., когда на годичном собрании Русского исторического общества, проходившем под председательством Николая II, "бывший император поднял вопрос об усилении мер к охране исторических документов от уничтожения". Как пишет Платонов, "он и поручил Историческому обществу разработать вопрос о положении архивного дела в России и способах его улучшения". В соответствии с этим "высочайшим поручением" сообщество российских историков (которое, кстати, возглавлял великий князь Николай Михайлович*) попыталось сплотить все патриотические силы вокруг благородной борьбы за "наступление лучших времен для архивного дела" в России. Однако, свидетельствует Платонов, "государственные старцы" и всякого рода бюрократические "рептилии" начали тормозить ход выработки проекта вполне назревших реформ. Первые практические шаги в этом направлении были сделаны только спустя три года, когда на состоявшемся в мае 1914 г. Первом съезде "представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений" архивная "провинциальная братия" попыталась дать открытый бой высокопоставленным бюрократам-ретроgrадам, "внеся в третий (и последний) день работы съезда" обширную программу достаточно радикаль-

* Николай Михайлович (1859 – 1919), – великий князь, внук Николая I, двоюродный дядя Николая II, расстрелян в Петропавловской крепости в январе 1919 г. следует иметь ввиду, что С.Ф. Платонов (1860 – 1933), академик (1920), преподавал историю великому князю Михаилу Александровичу, брату Николая II, который был убит в Мотовилихе 13 июня 1918 г., а также великой княгине Ксении Александровне, сестре Николая II (1875 – 1960), умершей в эмиграции. Сам Платонов после революции 1917 г. работал в Главархиве, затем был директором Библиотеки АН. Репрессирован в 1930 г. по "делу академиков". Умер в Самарской ссылке.

день работы съезда" обширную программу достаточно радикальных реформ архивного дела в России. Попытки "начальствующего состава" удержать съезд "в рамках приличия и сдержанности", вспоминает Платонов, не удалась⁴. Однако путь практических преобразований был прерван первой мировой войной, а затем революционными событиями 1917 г.

Так в очень сжатом изложении выглядит у Платонова характеристика перипетий борьбы за радикальную реорганизацию архивного дела в России. Естественно, это очень субъективная оценка. Вряд ли можно сегодня, например, полностью согласиться с тем, что "неуспех" предыдущих проектов преобразований следует отнести на счет "московского профессора Д.Я. Самоквасова", поскольку "прямолинейный и парадоксальный, грубый и сварливый его ум плодил гораздо большее число зоилов и антагонистов, чем сторонников и последователей", а порождаемые в связи с этим "ученые распри... давали удобный повод правительственным ведомствам откладывать практические мероприятия до лучшего выяснения дела".

Сегодня мы вправе рассматривать причины "неуспеха" в более широком социальном контексте. Но здесь важно прежде всего оценить добросовестность и чисто человеческое мужество историка и гражданина, который не считает себя вправе умолчать о положительной роли "б. императора" и "б. великого князя" в истории архивной реформы, хотя об их трагической судьбе он, как и все российские граждане, был прекрасно осведомлен. С учеными, обладающими такой памятью, а главное – совестью, советской власти чуть позже, уже с середины 20-х годов, окажется не по пути. Сам академик будет репрессирован. А вместе с живыми людьми из нашей истории будут вырваны и целые страницы правды об идейных предтечах преобразований в отечественном архивном деле после революции. Всех "дореволюционных" архивистов вскоре объявят "буржуазными специалистами", их разделят на "поддержавших большевистскую революцию" и на ее "противников". Иначе говоря, будет сделана попытка развести ученых по разные стороны политических баррикад. Но это будет позже.

Пока важно констатировать один главный вывод: накануне революционных событий практически все ученые-историки и архивисты-профессионалы выступали за реформирование архивной системы, против всевластия бюрократических ведомств. Парадоксально, но наиболее резко выразил эти настроения задолго до 1917 г. директор архива Священного Синода – одного из самых "закрытых" и "привилегированных" архивов дореволюционной России – А.Н. Львов: "...сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались... до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами исторического научного значения, решительно ничего не выйдет"⁵.

Здесь отражается противоборство между общественным настроением в пользу радикальных реформ и неспособностью ведомственного бюрократического аппарата решить эту проблему быстро, эффективно и мирным способом. Не усвоив этот исходный тезис, нельзя понять причину столь единодушного выступления историков и архивистов в период февральских событий 1917 г., которое выразилось прежде всего в создании уникального для того времени не только в России, но и за рубежом общественного объединения – Союза российских архивных деятелей (Союза РАД).

Первые оценки (1918 – 1920) принадлежали перу активных деятелей Союза РАД или близких к нему историков и архивистов (А.Е. Преснякова, А.С. Николаева, Н.В. Голицына и др.). Они сохранились только на страницах труднодоступных изданий того времени ("Русский исторический журнал", "Исторический архив", "Дела и дни") либо осели на полках центральных архивохранилищ⁶. Большая заслуга в "реабилитации" исторической роли Союза РАД принадлежит С.О. Шмидту, Л.В. Ивановой, А.В. Олигову, в меньшей степени А.П. Пшеничному, В.Н. Самошенко и некоторым другим исследователям. Они первыми отвергли безапелляционную, резко отрицательную, "классовую" оценку, которая давалась Союзу в официальной историографии архивного дела (А.В. Черновым, В.В. Максаковым).

Совершенно по-новому, опираясь на выявленные в "закрытых" ранее фондах архивохранилищ документальные источ-

ники, осветил эту тему видный теоретик и историк отечественного архивного дела В.Н. Автократов, который в конце жизни работал над очерком "Из истории централизации архивного дела в России (1917 – 1918)"⁷. Из его неоконченного, к сожалению, исследования, следует вполне определенный вывод: без выяснения подлинной истории Союза РАД – этого наиболее яркого научного и организационного феномена в архивном деле периода Февральской революции – нельзя правильно оценить всю последующую историю отечественных архивов. Дело в том, что если не все, то очень многие принципиальные основы и первые шаги по пути решительной демократизации и одновременно рационализации постановки архивного дела, которые затем в течение десятков лет будут приписываться только и исключительно "правильной политике коммунистической партии и советского правительства", рождались в среде членов Союза РАД или идейно близких к ним деятелей. Чтобы доказать это, достаточно внимательно и в максимальной степени объективно разобраться в документах и материалах, отражающих теоретическую и организационную стороны деятельности "союзников".

Прежде всего следует учесть чрезвычайные, "форсмажорные" обстоятельства, вызвавшие появление Союза.

В первый же мартовский день 1917 г., когда Временное правительство только успело объявить о начале своего существования, в Петрограде и Москве почти одновременно запылали огромные костры во дворах зданий упраздненных новой властью органов полиции и жандармской охраны. Толпы неизвестных жгли кипы документов, которые кто-то выбрасывал прямо из окон или выносил в охапках, импровизированных сумках и мешках. Как вспоминал спустя десять лет очевидец московского "варианта поджогов", "трудно было понять, кого в этой толпе было больше – любопытствующих или бывших охранников, стремившихся, пока не поздно, по возможности скрыть в огне костров следы своего участия в охране самодержавия"⁸. Погромам – под прикрытием "стихийных" выступлений народных масс – целенаправленно подвергались фонды Третьего отделения собственной е. и. в. канцелярии, департамента полиции, гу-

бернского жандармского управления, судебной палаты, дворцовой комендатуры, генерал-губернатора и т. д.

Однако следует иметь в виду и другое. Уже 4 марта 1917 г., когда дымились костры из архивных документов и мародеры рылись в канцеляриях брошенных учреждений в поисках ценностей, на петроградской квартире А.М. Горького собралась группа видных представителей столичной интеллигенции (А.Н. Беньюа, И.Я. Билибин, Ф.И. Шалапин, С.К. Маковский и др.). После официальных визитов в оба главных органа власти – во Временное правительство и в Петросовет – "горьковская группа" добилась опубликования первого в послереволюционное время "Воззвания", в котором говорилось: "Граждане! Старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит народу... Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы – все это ваша история, ваша гордость".

Это воззвание, напечатанное массовым тиражом в "Известиях Петроградского Совета рабочих депутатов" уже 8 марта 1917 г., стало первой акцией общественности в защиту отечественных памятников прошлого. Характерно, что, как установили современные исследователи, «вплоть до настоящего времени в исторической, научной и популярной литературе появление "Воззвания" относят к дням Великой Октябрьской социалистической революции»⁹. Это был, может быть, первый по времени, но далеко не последний пример фальсификации фактов и документов, относящихся к Февральской революции. Все негативное целенаправленно взваливалось на Временное правительство, все положительное приписывалось органам советской власти. Так почти весь период с февраля по октябрь 1917 г. превратился в огромную "черную дыру", в которую сознательно запихивалась историческая правда. Вот почему сегодня приходится столь скрупулезно разбираться в подробностях тех дней. Необходимо восстановить истину. А она заключается в том, что особая заслуга в спасении архивных документов принадлежала с первых же дней не только "горьковскому комитету", который вскоре распался, но и высококвалифицированным представителям ис-

торической науки и профессионалам-архивистам. Они не остались равнодушными перед зрелищем быстро распространяющейся разрухи и актов вандализма. Но суть заключалась в том, что винить по отдельности, персонально любого из министров или других ответственных чиновников Временного правительства трудно. Вина лежала на том хаосе и сумятице или, если угодно, на "революционном вихре", который обрушился на всю старую государственную систему, неотъемлемой частью которой являлись ведомственные делопроизводства и архивохранилища. По всей России непрерывно упразднялись прежние органы власти и создавались новые. Из одних зданий спешно выезжали прежние чиновники, вывозя с собой мебель получше и привычные канцелярские пожитки, в другие тут же въезжали новые. А ведь, как правильно говорят в народе, одна перемена местожительства равносильна одному пожару; здесь же переезжали целые конторы.

Беспрерывно сочиняло все новые и новые законопроекты образованное в марте Юридическое совещание, ставшее своего рода промежуточной инстанцией между правительством и другими ведомствами и учреждениями, включая министерства, которые плодились чуть ли не в геометрической прогрессии. Только в мае было образовано четыре новых министерства: труда, продовольствия, государственного призрения, почт и телеграфа. В августе к ним прибавилось Министерство исповеданий. Весной и летом государственный аппарат пополнился Экономическим советом и Главным экономическим комитетом, Комитетом обороны, Главным управлением по делам милиции, Кабинетом военного министра, Главным управлением пограничному снабжению, Всероссийской книжной палатой. На местах в дикой спешке формировались губернские, уездные и волостные земельные и продовольственные комитеты, а число других, "самодеятельных" органов местной власти вряд ли поддается учету¹⁰, тем более что зачастую они возникали так же быстро, как и прекращали свое существование. Вот что вспоминал очевидец событий первых месяцев Февральской революции 1917 г.: "...привычная размеренная поступь сменилась колебательным

движением, все бродит, сталкивается, перекрещивается... Нет ничего устоявшегося, и разрушена всякая связь и зависимость между различными и ближайшими частями прежде единого целого"¹¹.

Как должны были воспринимать эту ситуацию образованнейшие люди своего времени – историки и высококвалифицированные архивисты, посвятившие всю свою жизнь изучению и хранению документальных свидетельств о прошлом России? Они, может быть, раньше многих других именно благодаря своим профессиональным знаниям увидели, что начавшееся на просторах России уничтожение "немых, хотя и красноречивых памятников старины", становящихся жертвами "стихийного пренебрежения и столь же стихийной ненависти", больше всего напоминает возвращение того страшного времени, когда "разиновцы XVII века уничтожали с особым ожесточением приказные документы как основу ненавистного режима". Это напоминало и "эксцессы" революции XVIII в. во Франции.

Они сумели вовремя разглядеть и вторую сторону этого страшного процесса – новые чиновники не только не препятствовали толпе, но иногда объективно превосходили ее в вандализме. Бесчисленные "новые учреждения и общественные организации, часто временные и эфемерные", постоянно въезжая в одни здания и тут же переезжая в другие, выбрасывали из шкафов, с полок и из стеллажей все казавшиеся им ненужными бумаги буквально на улицу или в "лучшем случае" в коридоры, подвалы, просто на пол... Гибло текущее делопроизводство, на пороге гибели были архивохранилища... Специалисты воспринимали это почти как безвозвратную гибель беззащитных живых существ – свидетелей прошлого и настоящего, как глубоко личную трагедию. И одновременно они понимали свой долг по "собираанию и хранению всего, что возможно", "как крупное государственное дело". Так, во всяком случае, дословно рассуждал в написанных зимой-весной 1918 г. интереснейших воспоминаниях петроградский профессор, выдающийся историк и историограф А.Е. Пресняков¹². Вот почему, пользуясь его выражением, в марте 1917 г. "встрепенулись лучшие силы работников

на ниве исторического изучения и архивного дела". К сожалению, в последующих версиях этих воспоминаний (а в архивных фондах сохранилось по меньшей мере еще два их рукописных варианта¹³) постепенно исчезали все эти живописные детали. К середине 20-х годов все меньше оставалось упоминаний о февральских событиях, все больше внимания стало уделяться периоду архивного строительства, который начался после принятия декрета «О реорганизации и централизации архивного дела» 1 июня 1918 г. Эйфория (во многом продиктованная естественными для того времени надеждами на лучшее и вполне объяснимыми иллюзиями, которые кажутся нам наивными только с позиций сегодняшнего дня) была такой сильной, что все время "до декрета" будущие историки архивного дела вначале стали просто обходить своим вниманием (А.С. Николаев в 1919 г. посвятил ему всего несколько строк, повторив ряд оценок А.Е. Преснякова почти дословно¹⁴), а затем перекрасили всю эту эпоху в один сплошной черный цвет. На самом деле именно в 1917 г. — задолго до декрета — началась, можно сказать, героическая эпопея совместных патриотических действий людей высокой духовной культуры по спасению отечественных архивов.

Началась она достаточно буднично.

Просто в первые же дни марта флотский офицер, начальник архива Морского министерства А.И. Лебедев, разослал всем известным ему столичным архивистам и близким к ним историкам персональные приглашения на собрание, которое должно было состояться 18 марта 1917 г., с целью выработки совместной программы деятельности в этот переломный для истории России период. Текст приглашения открывался патетическими фразами: "Велик народ только тот, который знает и любит свою историю, который на уроках прошлого создает свое будущее, не забывая и основы духа своего народа. Но для того, чтобы изучение истории было успешно, необходимо, чтобы архивы, музеи, библиотеки, эти хранилища источников прошлого, работали с наибольшей энергией и по определенной программе". Далее формулировались те положения, которые явно отражают не только личную точку зрения А.И. Лебедева, но и взгляды всех,

кто первым откликнулся на идею о необходимости профессионального объединения архивистов. В документе четко указывалось, что старое правительство не выработало никакой общей политики в архивном деле, в результате чего "архивы, разбитые по отдельным ведомствам, владели жалкое существование. В свободной России этого быть не должно". Поэтому прежде всего необходимо "определенно поставить вопрос" о судьбе архивов упраздняемых отживших учреждений и ведомств. Все архивисты должны обратиться к новому правительству с целым рядом решительных требований, основными из которых являются: "...объявить государственной национальной собственностью все материалы и следы деятельности официальных лиц прежнего режима, дабы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариев и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах". И еще одно: немедленно создать в одном из министерств Отдел архивной статистики и организации архивного дела "для выработки планомерной программы архивного строительства для возможности централизации архивных государственных фондов"¹⁵.

За неимением более "материалистического", основанного на документах объяснения остается только на счет невероятного совпадения отнести тот факт, что в тот же самый день – 18 марта 1917 г. – направил Временному правительству собственную "Записку об организации архивов в России" еще один флотский офицер, крупный военный архивист, "уроженец Лифляндской губернии, родом – эстонец, а происхождением – сын отставного матроса Николаевской службы" (так он подписал документ), Фридрих Адольфович Ниневе¹⁶. Под многими его программными положениями, на наш взгляд, могли бы подписаться и собирающиеся на свое первое собрание будущие члены Союза РАД. Их объединяет прежде всего благоговейное отношение к истории и архивным документам. Вот это "кредо" в изложении Ниневе: "История наша должна служить нам Ветхим и Новым заветом нашей политической, экономической и духовной жизни... На истории мы должны воспитываться: она – наша гордость... Теперь, в свободной Руси, при свободе слова, не замед-

лит появлением новая, правдивая, беспристрастная, история многострадальной России. Да поздравим нашу историю с наступлением новой эры! Но чтобы достигнуть последнего, мы должны, не теряя времени, позаботиться о сохранении источников истории как для прошлой, так и для будущей нашей государственной летописи во всех ее подробностях". И далее: «Архивный вопрос – государственный вопрос, и не последней важности. Архивное "неустройство" у нас до того велико и ощутительно, что его нельзя откладывать в дальний ящик. Оно требует немедленных, безотлагательных мер со стороны Временного правительства».

Затем Ниневе приводит ряд "печальных фактов" вроде того, что несколько архивов уже "не избегли гнева народного и сожжены", и рекомендует, "не теряя дорогого времени", "обратиться с воззванием к народу, чтобы он щадил архивы, музеи и библиотеки, а властям же предписать озаботиться о мерах охраны их". В заключение он предлагает собственные услуги в осуществлении разработанного им же плана "централизации" всех военных архивов, а также "архивов нескольких других министерств". "Хорошим примером в архивной реформе [являются] наши союзники англичане и французы" в области не только организации, но и подготовки новых кадров архивистов по образцу французской Школы хартий. Одним словом, заключает автор, архивное дело "требует реформы, переорганизации, как и вся Россия".

К сожалению, пропитанное живыми чувствами послание Ниневе имело один существенный изъян – в части практической все надежды он возложил на Государственную думу, архив которой он предлагал реорганизовать в первую очередь, чтобы сделать его "образцовым". "Эту работу как специалист-архивист и радетель всей душой за архивное дело я взял бы с великой радостью на себя", – предлагал Ниневе. По-видимому, именно это отпугнуло и чиновников Государственной думы, куда был направлен оригинал "Записки", и "обожаемого профессора П.Н. Милюкова" – министра Временного правительства (ему Ниневе направил копию записки спустя два месяца). Не до-

ждавшись никакого ответа, Ниневе уехал из Петрограда в провинцию, предположительно в Пятигорск. Дальнейшие события в его жизни неизвестны; есть косвенные свидетельства о том, что в 20-е годы он организовывал архивную систему у себя на родине – в Эстонии. Для нас сейчас важно установить, что чувство личной ответственности за спасение источниковой базы исторической науки в марте 1917 г. объединило самых разных специалистов – патриотов России. Но если Ниневе пытался пробить стену официального безразличия в одиночку и потому безуспешно, то члены Союза РАД действовали гораздо более целеустремленно и сплоченно.

На первом же собрании, состоявшемся 18 марта 1917 г., выступил А.И. Лебедев. Он повторил содержание выработанного совместно со своими единомышленниками приглашения и поставил ряд конкретных и неотложных задач по охране архивных материалов "от случайностей переживаемого времени", прежде всего по спасению архивов упраздняемых учреждений и усадебных архивов, а также архивов прифронтовой зоны в условиях приближения германской армии. Был поставлен и более общий вопрос: "о будущем наших архивов и централизации управления ими". Судя по протоколу, некоторые из приглашенных деятелей науки по каким-то причинам не явились. Особенно заметным было отсутствие академика А.С. Лаппо-Данилевского и профессора Петроградского университета С.Ф. Платонова, хотя оба они выразили горячее одобрение идее объединения ученых и специалистов во имя столь благородной цели. Не исключено, что уже здесь проявились чисто личные неприязненные чувства, которые они питали друг к другу. Именно этим объясняются, видимо, содержащиеся в первом протоколе фразы с пожеланием расширить круг собравшихся и с признанием настоятельной "необходимости сорганизоваться всем архивным деятелям для совместной работы".

Тем не менее важнейшим итогом первого (учредительно-го) собрания 18 марта 1917 г. стало официальное объявление о создании Союза РАД и образовании Особой комиссии для выработки Устава новой организации. В ее состав вошли инспек-

тор Сенатского архива И.А. Блинов, директор Государственного и Петроградского Главного архивов МИД князь Н.В. Голицын, начальник архива Морского министерства А.И. Лебедев, начальник архива Министерства народного просвещения А.С. Николаев и профессор С.Ф. Платонов. С этого дня самую энергичную деятельность в организационной сфере развил А.С. Николаев, ставший отныне едва ли не главной фигурой в работе по организации Союза. Во многом благодаря именно его личным усилиям уже на третьем заседании, 8 апреля 1917 г., был избран Совет Союза РАД в составе: академик А.С. Лаппо-Данилевский (председатель), восемь членов и три кандидата в члены "для замены случайно (досрочно) выбывших членов". Лебедев был утвержден секретарем Союза, казначеем стал А.С. Николаев, товарищем председателя – князь Голицын. Персонально членами Совета стали: Я.Л. Барсков (делопроизводитель Государственного и Петроградского Главного архивов МИД), В.Г. Дружинин, Б.Л. Модзалевский (заведующий архивом конференций Российской академии наук, Н.А. Мурзанов (секретарь Сенатского архива), Д.П. Струков (начальник Артиллерийского исторического музея), а также князь Н.В. Голицын, А.И. Лебедев и А.С. Николаев. Кандидатами в члены Совета были избраны И.А. Блинов, К.Я. Здравомыслов (начальник архива и библиотеки Св. Синода) и С.А. Розанов (архивариус общего отдела б. министерства двора).

В фонде Н.В. Голицына¹⁷ сохранились личные записи о ходе выборов, судя по которым здесь не обошлось без драматизма. Платонову, который набрал всего 14 голосов, поданных в ходе выборов на строго альтернативной основе, было предложено место кандидата в члены Совета (для сравнения: Лаппо-Данилевский получил 31 голос, Лебедев – 24, Николаев – 22); он счел себя глубоко оскорбленным и вообще отказался от участия в работе руководства Союзом, ушел и вернулся только через год – на общее собрание Союза РАД 21 апреля 1918 г., когда Лаппо-Данилевский предложил обсудить вопрос о своей возможной отставке. Поскольку вопрос этот был решен отрицательно, Платонов опять ушел и больше при жизни Александра

Сергеевича на заседаниях Совета Союза РАД не появлялся. Он вернется окончательно только в мае 1919 г., когда будет избран председателем Союза.

Объясняя в 1920 г., в первую годовщину смерти Лаппо-Данилевского, причины столь решительного выбора в его пользу, Голицын говорил на общем собрании Союза: "В его лице сочетался для нас и европейски образованный ученый с широким взглядом на задачи науки, и тонкий специалист архивной работы над документами, и знаток архивного дела в его современной постановке. С другой стороны, он не был профессиональным архивным работником, и это он считал недостатком для председателя Союза; но мы понимали, что это было и его громадным преимуществом, так как оно позволяло ему стать выше всех мелочей архивной жизни, взглянуть на наши профессиональные нужды и чаяния с высоты присущего ему общего понимания задач архивного дела в России, а не с точки зрения интересов отдельных учреждений"¹⁸.

Итак, с апреля 1917 по май 1919 г. вся деятельность Союза направлялась А.С. Лаппо-Данилевским – известнейшим и авторитетнейшим историком того времени, личностью незаурядной и далеко не однозначной. Именно он делал все, чтобы придать деятельности Союза поистине общероссийский размах. Дело не только и не столько в его личных связях с двумя министрами народного просвещения – А.А. Мануйловым и сменившим его С.Ф. Ольденбургом, его единомышленниками по кадетской партии. Главным было то, что за Лаппо-Данилевским все знавшие его лично и его труды, признавали, помимо научных заслуг, высокие нравственные достоинства. Перу И.М. Гревса, известного российского историка-медиевиста, принадлежит уникальная статья о Лаппо-Данилевском, которая озаглавлена "Опыт исследования души"¹⁹. Главная идея этой работы: Лаппо-Данилевский был бескомпромиссен в науке и в жизни, поскольку в его сознании наука и этика неразделимы. Несмотря на обширную библиографию его трудов и работ о нем²⁰, сегодня его труды по-прежнему известны только немногим специалистам, хотя уникальное учение Лаппо-Данилевского о методологии истории

как науки и месте документа в процессе ее изучения и сегодня актуально. Для историка-философа Лаппо-Данилевского длинным объектом научного познания является прежде всего исторический источник, который воспринимается как "реализованный продукт человеческой психики", как "индивидуализированный результат творчества". Архивист "одушевляет" эти документы, проникаясь "единством чужого сознания"²¹. Такая лексика непривычна, но к ней, видимо, стоит привыкать, если только искренне стремиться вырваться из заколдованного круга единственной, пусть даже самой верной, методологической схемы исторического познания. В данном случае для нас должно быть важно и то, что ученики Лаппо-Данилевского по его "семинарию" в Петербургском университете буквально боготворили его до последних дней своей жизни.

К сожалению, в последующие десятилетия психологические аспекты были вытеснены из исторической науки унылыми вульгарно-социологическими конструкциями, а славное имя Лаппо-Данилевского насильственно вычеркнуто из научной и общественной жизни. К тому же он сам, будучи до конца принципиальным, дал к этому более чем достаточный повод: готовя уже после Октября 1917 г. новое издание своей "Методологии истории", включил в нее специальную главу, в которой тщательно и скрупулезно перечислил все "стержневые идеи" теории исторического материализма Маркса и Энгельса; отдавая должное "красоте" их умственных построений и "голых схем", резко, но убедительно отрицал их научность и хоть какое-то соответствие объективной правде жизни. То есть идеалист Лаппо-Данилевский выступал в данном случае как реалист, "материалист" против марксистского волюнтаризма, находящегося "вне пределов науки"²².

Очевидно, именно в этом и заключалась благословенная негибкость Лаппо-Данилевского, талантливейшего ученого-мыслителя, ставшего академиком в 36 лет – в небывало молодом возрасте для историка.

Таким был человек, вокруг которого объединились все члены Союза РАД – от консерваторов-монархистов до ради-

кальных либералов. Его неокантианская приверженность "абсолютным ценностям" помогала устранять во время теоретических дискуссий и тем более в ходе практических работ бесплодные политические распри и междуусобицы.

Характерным для него было категорическое неприятие в составе Союза РАД любого непорядочного человека. Так, он изгнал из своего окружения ловкого самозванца, председателя Петроградской окружной архивной комиссии М.К. Соколовского, который слишком быстро перекрасился после Февральской революции из ярого монархиста в столь же оголтелого демократа. В 20-е годы Соколовский организовал травлю известнейшего военного архивиста Г.С. Габаева, который во многом благодаря его доносам впоследствии был брошен в сталинские застенки. Аналогичную позицию занял академик и по отношению к знаменитому либеральному публицисту и историку В.Л. Бурцеву, поскольку категорически осуждал такие его методы добывания разоблачительных документов, как прямой подкуп чиновников из архива Департамента полиции. Лаппо-Данилевский выступал за преимущественный прием в Союз только архивистов-профессионалов. Вот почему до самого конца 1917 г. он оставался единственным бесспорным лидером и непререкаемым авторитетом в Союзе РАД.

Только в начале 1918 г., после того как Лаппо-Данилевский открыто, в печати выступил против большевистского переворота, в недрах Союза начала оформляться (не без активной "помощи извне") внутренняя оппозиция, которую возглавил, как это ни парадоксально, ярый "государственник", будущий преемник Александра Сергеевича на посту председателя Союза РАД С.Ф. Платонов.

Однако до этого объединенный "фронт" архивистов, историков, музейных и библиотечных работников сделал удивительно много. Мы настаиваем на этой оценке, хотя практически во всех работах на эту тему Союзу инкриминируется вина едва ли не за все бедствия отечественных архивов в бурный период от февраля 1917 г. до образования 2 апреля 1918 г. первого правительственного органа – Централь-

ного комитета по управлению архивами, – предшественника ГУАД.

Не будем забывать, что в Союзе работали только подвижники, которые, так и не дождавшись реальной помощи от властей, делали все на общественных началах со всеми вытекающими отсюда последствиями. В какой-то степени они повторили печальную (и в то же время героическую) судьбу деятелей губернских учебных архивных комиссий, которые в трудные годы революционной разрухи по велению совести, иногда ценой здоровья и даже жизни спасали в провинции гибнущие и разграбляемые архивы.

А плоды деятельности Союза, как часто бывает, пожали совсем другие ведомства и учреждения и даже совсем другие люди. Как это случилось и почему?

Чтобы разобраться в этом, следовало бы разделить деятельность Союза РАД на две части: научно-методическую и организационно-практическую. Однако нужно сразу оговориться, что сделать это необычайно сложно, поскольку придется нарезать разграничительные линии буквально по живому. Иначе и быть не могло, поскольку теоретические рассуждения велись с конкретно-прикладными целями. Ведь участники заседаний приходили на них не для бесплодного умствования, а с практическими вопросами, улучив свободное от основной работы время. Возвращались они на места своей службы, восприняв выводы из дискуссий коллег как практические рекомендации к действию.

К тому же состав Союза РАД постоянно расширялся. Сформировавшись как объединение петроградских архивных деятелей, Союз постепенно включал в свой состав представителей провинциальных ученых архивных комиссий и научной общественности из Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Тифлиса, Саратова, Астрахани, Тихвина и т.д. Эта тенденция воплощена в Уставе Союза РАД, который первоначально был утвержден общим собранием членов Союза, а затем, 16 июня 1917 г., и министром народного просвещения Временного правительства А.А. Мануйловым. В этом документе основные цели Союза РАД

были сформулированы следующим образом: "...объединение архивных деятелей на общих принципах и методах работы; забота о правильной постановке архивного дела в России; защита профессиональных интересов архивных деятелей; охрана документов и всяких архивных материалов; издание трудов по архивоведению, по описанию архивов, руководств по устройству и управлению архивами и других сочинений, соответствующих целям Союза". Здесь же оговаривалось, что на Совет Союза возлагается "принятие в экстренных случаях всех необходимых мер для спасения архивных материалов", а также "сношение от имени Союза с правительственными и общественными организациями, учеными, обществами и частными лицами". Всем членам Союза вменялось в обязанность доводить до сведения Союза и местных архивных установлений все необходимые меры для спасения архивных материалов и содействовать их осуществлению. В соответствии со статусом Союза как общественной организации финансовые средства "составлялись исключительно из членских взносов в размере 5 рублей в год", причем "члены, внесшие единовременно 100 рублей, от дальнейших взносов освобождались", а также "из пожертвований в пользу Союза" и "из доходов от продажи изданий Союза"²³. Тем самым эта общественная организация становилась, по идее, полностью независимой от любого, выражаясь современным языком, "спонсора", включая структуры, преследующие определенные "партийные" интересы.

В тех случаях, когда Союз и близкие к нему историки и архивисты отступали от этих позиций, они не могли справиться с поставленными перед ними явно непосильными задачами. С нашей точки зрения, именно так следует расценивать попытки формировать новые архивы по горячим следам революционных событий. Речь идет о том, что 22 июня 1917 г. министр народного просвещения официально поручил Совету Союза РАД разработать проект постановления Временного правительства о создании специальной организации "для планомерного и систематического собирания материалов русской революции 1917 года". Тем самым делалась попытка под эгидой Союза как-то объеди-

нить и скоординировать "самодеятельность" самых разных стихийно возникающих общественных организаций типа "Союза солдат-республиканцев", "Общества по изучению революции 1917 года" и самой известной – "Дома-музея борцов за свободу", которые пытались соединить функции собирателей и хранителей историко-революционного архива и одновременно "летописцев потрясающей современности", то есть, как писал участник этой деятельности А.Е. Пресняков, "не только собирать разнообразный рукописный и печатный материал, но и создавать источники будущего изучения русской революции путем опроса видных ее деятелей и рядовых участников движения, чтобы сохранить по свежим следам фактические черты пережитых ею моментов". Практически ничего из этого совместного с правительством проекта деятельности Союза не вышло. Многочисленные кружки, объединения, "исторические комиссии" и даже отдельные лица продолжали действовать по своим планам, а главное – в соответствии с собственными политическими пристрастиями и антипатиями. После безуспешных усилий по сплочению этих насквозь политизированных, автономных "субъектов архивного дела" Союз был вынужден 4 октября 1917 г. указать Временному правительству на две важные причины, которые препятствовали выполнению поставленной задачи.

Во-первых, основная масса "письменных следов" событий революционного времени отражалась в документах центральных и местных органов власти, каждый из которых формировал собственные архивы по действующим в каждом ведомстве правилам.

И во-вторых, нельзя приступать к формированию единого архива, пока не существует законодательной основы, предоставляющей соответствующие юридические полномочия Союзу для деятельности в этом направлении. Это была абсолютная правда, и можно только лишний раз выразить сожаление по поводу категоричного тона В.В. Макасова, который назвал эту безукоризненную с профессиональной точки зрения позицию "типичной бюрократически-канцелярской отпиской" и "уклонением" от выполнения правительственного поручения²⁴. По-видимому,

когда писались эти строки, Максаков опирался на опыт создания Истпарта, которому сразу же после упрочения советской власти были предоставлены все возможные полномочия и обеспечено особое привилегированное положение в архивной системе. Однако это стало возможным только при однопартийной системе, причем в условиях, когда единственная правящая партия контролировала всю деятельность законодательной и исполнительной властей. Действительно, если смотреть с этой точки зрения, то упования Союза РАД на будущий закон об организации архивного дела в общенациональном масштабе, который должен был быть утвержден намеченным на декабрь 1917 г. съездом архивных деятелей, представляются по меньшей мере наивными. Однако в этом как раз и состояла принципиальная разница между действиями сторонников демократического процесса с акцентом на легитимные методы и теми, кто стоял на позициях односторонних радикальных мер с ярко окрашенной идеологической подоплекой. Заветной целью Лаппо-Данилевского и его единомышленников было прежде всего как можно быстрее устранить на законной основе ведомственное неустройство и сформировать централизованную архивную систему в общегосударственном масштабе во главе с неким "центральным органом по управлению российскими архивами" в виде правительственного органа – Управления архивами или Высшей ученой архивной комиссии (по проектам Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова). Этот орган должен был бы стать единым координирующим центром, объединяющим деятельность всех исторически сложившихся архивов как "ученых" учреждений, т. е. выполняющих прежде всего научно-исследовательские функции.

Кандидат в члены Совета Союза РАД К.Я. Здравомыслов (начальник архива и библиотеки Св. Синода) в конце сентября 1917 г. составил обширную Записку, в которой обобщил все идеи и предложения по вопросу о том, как следует поступать в государственном масштабе со всеми архивами упраздняемых Временным правительством учреждений и ведомств. В основе Записки лежало положение, которое мы сегодня относим к числу базовых, фундаментальных принципов: "необходимость с на-

учной точки зрения сохранения архивных фондов в целом"²⁵ (сейчас мы формулируем это как принцип неделимости фондов).

По поручению Совета Союза РАД товарищ (заместитель) председателя князь Н.В. Голицын (директор Государственного и Петроградского Главного архивов МИД) составил на основании этой Записки проект закона, который открывался именно словами о том, что архивы упраздняемых или существенно реформируемых учреждений и ведомств должны сохраняться в полном составе. Обратите внимание на четкую формулировку этого положения: "Никакие дела из них не могут быть изъяты или уничтожены чьим-либо распоряжением". Потом авторство этого принципа будут приписывать не то М.Н. Покровскому, не то самому В.И. Ленину, но в любом случае оно будет ставиться в заслугу прозорливому руководству архивным делом со стороны коммунистической партии и молодой советской власти.

Во всяком случае, именно так будет трактоваться пятый пункт ленинского декрета "О реорганизации и централизации архивного дела" от 1 июня 1918 г., в котором правительственным учреждениям запрещается по собственному решению "уничтожать какие бы то ни было дела и переписку или отдельные бумаги".

Аналогичная, тоже весьма неприглядная история произошла еще с одной основополагающей идеей законопроекта Союза РАД. В объяснительной записке, приложенной к законопроекту, четко и ясно излагалось, что "отсутствие централизации управления архивами донныне постоянно давало себя чувствовать и влекло за собой целый ряд нежелательных для архивов явлений ввиду того, что каждое ведомство считало себя вправе бесконтрольно распорядиться принадлежавшими ему архивными фондами, не учитывая того обстоятельства, что *со сдачею в архив эти фонды становятся научным достоянием всего государства* (курсив мой. – Т. Х.)". Эта идея также напоминает едва ли не самый знаменитый пункт первый декрета от 1 июня 1918 г., который гласит, что "все архивы правительственных учреждений ликвидируются как ведомственные учреждения и хра-

нящиеся в них дела и документы отныне образуют единый Государственный архивный фонд".

И наконец, последнее. В законопроекте и объяснительной записке к нему вся полнота власти по упразднению ведомственного самовластия над "научными богатствами государства" возлагалась ("по примеру французского законодательства") на министра народного просвещения, которому, собственно, и направлялись все цитируемые документы. Но в самом конце текста законопроектов оговаривалось, что компетенция министра по этому вопросу сохраняется только "до образования особого управления архивной частью". Та же мысль несколько более полно развивалась в сопроводительной записке, в которой Союз РАД предлагал свои услуги в качестве консультативного органа по вопросам архивного дела при Министерстве народного просвещения; но в документе подчеркивалось, что "с образованием особого Управления архивной частью" эта роль Союза архивных деятелей перейдет, естественно, к этому Управлению, которое опять-таки как установление, преследующее преимущественно ученые задачи, должно будет перейти "в ведение Министерства народного просвещения". Эти предложения явно перекликаются со вторым и восьмым пунктами все того же ленинского декрета, в которых "заведование Г.А.Ф. возлагается на Главное Управление Архивным делом", а само ГУАД объявляется "особой частью" Народного комиссариата просвещения.

Как видно, Союз РАД предлагал совершенно конкретную программу переустройства отечественного дела на твердой основе закона. Он посылал перечисленные бумаги с пометкой "Спешно" на рассмотрение Временного правительства. И не вина Союза, что теперь мы рассматриваем эти документы только в архивах и анализируем их только как факт истории архивоведческой мысли, как проявление самостоятельности в выработке идей архивного права. Дни Временного правительства к осени 1917 г. были уже сочтены, и инициативы общегосударственного масштаба Союза РАД в области практически-организационной, к сожалению, так и не вышли из стадии научно-теоретической и остались фактом сугубо умственной работы.

Еще более печальная судьба постигла инициативную идею сослуживца Лебедева по архиву Морского министерства, также одного из учредителей Союза РАД, – Г.А. Князева. На двух общих собраниях членов Союза, в апреле и мае 1917 г., он выступил с докладами, в которых резко поставил вопросы об отмене категории секретности на большой объем архивных дел и об облегчении процедуры допуска исследователей для научных занятий в архивохранилища. Лаппо-Данилевский предложил избрать для дальнейшего рассмотрения и окончательного решения этих вопросов комиссию, перед которой поставил задачу разобраться в существе понятия секретности для трех категорий архивных материалов. Речь шла об официально секретных документах, о "лично секретных" документах частных лиц и о "частных собраниях" (коллекциях), содержащих бумаги обеих категорий. К сожалению, вопрос этот не был решен и, похоже, не поддается однозначному и простому решению даже сегодня.

Гораздо более единодушный и горячий отклик всех членов Союза вызвала идея об упорядочении системы допуска к архивам. На общем собрании было высказано мнение о недопустимости превращения архивов в "проходные дворы" для всех искателей дешевых сенсаций и "жареных фактов", но одновременно провозглашалась и позиция в пользу сокращения излишних формальностей для тех, кто действительно занимается научной работой. Для тех, кто был "лично знаком архиву", предлагался допуск без всяких ограничений, для других требовалось предъявление удостоверения личности вместе с "достаточной" рекомендацией (предпочтительнее от Союза РАД)²⁶. Как и в предыдущем случае, по предложению Лаппо-Данилевского, Союз ограничился второй по счету рекомендацией: разработать на заседаниях комиссии общие для всех архивов правила о допуске, а затем разослать их ведомствам. Ведь все упиралось в необходимость издания закона о единой государственной архивной службе, а до этого конкретные предложения опять же откладывались в копилку научных идей. После падения Временного правительства эти вопросы решаться будут на разных этапах отечественной исто-

рии по-разному. Достаточно сказать, что и ныне они сохраняют актуальность.

Больше всего нареканий в традиционной историографии в адрес Союза РАД вызывает его деятельность во время эвакуации архивов осенью 1917 г., когда, как говорилось в "исторической" резолюции ЦК партии большевиков от 10 октября 1917 г., "русская буржуазия и Керенский с К^о решили сдать Питер немцам". По какой-то нелепой логике, если следовать этому документу, судьба архивов все-таки крайне беспокоила "буржуев, Керенского и компанию", и эти "предатели" поручили именно Союзу РАД "срочно подготовить" эвакуацию важнейших архивохранилищ из Петрограда в глубь страны. Что могли сделать архивисты-общественники в этих условиях? Ведь шла война – бедствие, которое можно сравнить только с революцией. А.Е. Пресняков оставил нам ставшее хрестоматийным описание этой первой, осенней эвакуации архивов, которая предпринималась по указанию Временного правительства: "Спешно стали упаковывать и грузить в баржи, часто вовсе не приспособленные к подобному грузу, для отправки водным путем либо в вагоны ящики, а то и просто тюки архивных дел; вывозили то, что считалось более ценным и важным, но вывозили необдуманно, без учета технических условий, без какого-либо общего плана. Часть этого груза погибла, части пришлось зимовать в обледенелых бараках. Дошедшие до места назначения архивные грузы не находили подолгу соответствующего помещения, оставались без всякого надзора и учета. И теперь мы еще далеки от сколько-нибудь точного представления о результатах этих первых бурь, постигших наши архивные фонды, разорванные на части и разбросанные по разным местам"²⁷. Это драматическое описание составлено по горячим следам событий, но стоит обратить внимание на один нюанс: в нем старательно акцентируется внимание на том, что трагедия происходит в разгар зимы ("обледенелые баржи") и после прибытия "архивного груза" на "место назначения". А эвакуация происходила в октябре 1917 г. Между этими хронологическими точками лежит роковая дата – 25 октября (7 ноября) 1917 г., дата смены

властей, когда архивы на какое-то время вообще остались без хозяина.

Во имя восстановления исторической справедливости вспомним аналогичные эвакуации, которые производились чуть позже, в марте 1918 г., уже при советской власти, или даже десятилетия спустя, в 1941 г., когда существовали полномочные правительственные органы управления архивным делом. Даже в условиях действия "твердой власти" фонды дробились, а документы гибли в жутких количествах. Какое же мы имеем право возлагать всю ответственность за беды архивов осенью 1917 г. на общественную организацию, состоявшую из подвижников-интеллигентов, не располагавших ни материальными средствами, ни юридическими правами для руководства таким сложным и масштабным делом? У архивистов сердце обливалось кровью, но приказы о сроках и порядке эвакуации принимали не они. В резолюциях собраний они постоянно начиная с весны 1917 г. обращали внимание органов власти на необходимость заблаговременно готовить мероприятия по эвакуации архивных материалов из "прифронтовых зон", но ведь, по существу, действовать они могли только словом. Конечно, легко теперь бросать камни в архивистов и писать, как это делал уже А.С. Николаев в конце 1918 г., что эвакуация оказалась "излишней" и только привела к дроблению и гибели архивных материалов. Однако осенью 1917 г. в Петрограде царила вполне реальная паника в связи с развалом фронта и неудержимым наступлением немцев по всем направлениям. Всех охватило, вспоминал Лебедев, "модное национальное переживание", и Лаппо-Данилевский в этих условиях "категорически склонялся к мысли о необходимости вывоза из Петрограда крупнейших архивов и даже дел архивов ученых обществ, несмотря на все доводы о возможности гибели их в пути: лишь бы они не попали в руки врага"²⁸.

Впрочем, деятели Союза РАД до последнего момента наделились на намеченный первоначально на осень 1917 г. созыв Всероссийского съезда архивных деятелей, на котором они рассчитывали получить дополнительные полномочия в работе по налаживанию управления и реформированию архивной систе-

мы. Лаппо-Данилевский явно видел аналогию между этим съездом и Учредительным собранием (он являлся членом Комиссии по его созыву) и ждал от съезда конституирования на демократической основе единого общегосударственного органа управления архивным делом на базе, естественно, Союза РАД. Однако из-за наступления немцев и резкого обострения внутривнутриполитической обстановки в России дата съезда была перенесена на декабрь 1917 г., а октябрьские события окончательно перечеркнули эти надежды. Так что в условиях полного паралича органов власти Союз РАД делал максимум возможного для спасения отечественных архивов от внешних и внутренних вандалов в полном соответствии с собственным пониманием своего профессионального и патриотического долга. Мы полностью согласны с вполне научно обоснованной, хотя и резкой, критикой В.Н. Автократова в адрес современного историка архивного дела А.П. Пшеничного, который бездоказательно утверждает, что перед Октябрьской революцией Союз РАД якобы "управлял всеми петроградскими и московскими архивами", а губернские ученые архивные комиссии, входившие, согласно Уставу Союза, в его состав на правах коллективных членов, ведали всеми местными архивами. Если бы это было так, то Союз действительно можно было бы обвинять во всех архивных катастрофах революционного времени. Но в том-то и дело, что, несмотря на все усилия и желания, ему не удалось даже чисто "идейно" сплотить всех архивистов России: просто не хватило для этого времени. А губернские архивные комиссии как были, так и остались – и в этом они не отличались от Союза РАД – чисто общественной организацией. Ведали они только собственными (ими самими собранными) коллекциями исторических документов, которые были предписаны к уничтожению ведомствами.

Лучшую, наиболее профессиональную и полностью соответствующую исторической правде оценку итогам работы Союза РАД в период от Февральской революции до Октября дал наиболее осведомленный в этой области первый историк отечественного архивного дела новейшего времени профессор

А.Е. Пресняков в своей статье "Реформа архивного дела", опубликованной летом 1918 г. (в его работах более позднего времени она уже выглядит значительно подкорректированной, а в работах позднейших историков вплоть до новаторской, но не завершенной статьи В.Н. Автократова, опубликованной в 1993 г., – более или менее искаженной). Пресняков так резюмировал все, что было сделано Союзом РАД во главе с Лаппо-Данилевским: с первых дней своего образования в марте 1917 г. «Союз сразу же поставил на очередь не только охрану архивных ценностей, но и широкие организационные задачи. Конечной целью Союза стало создание авторитетного и полномочного органа по руководству правильной постановкой архивного дела в России, органа, который имел бы общее, государственное значение. Подготавливая коренную реформу управления архивным делом в направлении его централизации, Союз наметил ряд существенных задач для разработки принципов и методов архивоведения и проведения их в жизнь, программу издания соответственных трудов справочного и научного характера, а также для устройства курсов и лекций по теоретической и практической подготовке архивных работников.

Первыми шагами к выполнению своих основных задач Союз наметил созыв Всероссийского съезда архивных деятелей, разработку рационального Положения о местных (губернских) архивных организациях и создание центральной архивной комиссии – полномочного органа по управлению всем архивным делом. Была разработана программа съезда, предположенного на декабрь 1917 г., получено от правительственной власти полномочие на разработку законопроекта об управлении архивным делом, объединенном в едином государственном центральном учреждении.

Но ход событий разрушил почву, подготовленную Союзом для крупной архивной реформы, которая была задумана в широком государственном масштабе. [Но] "Временное правительство", в котором он находил опору и поддержку, пало...

Очень немного можно добавить к этой оценке даже с позиций сегодняшнего дня. Нам еще более отчетливо видна важ-

ность героической деятельности Союза по спасению архивов России – ведь "союзники" практически взяли на себя задачу Временного правительства, которому в слишком короткий отпущенный ему историей срок было не до памятников духовной культуры. В этом состоит главная заслуга подвижников из Союза РАД.

Кроме того, они подготовили всю идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела, которая в мифологизированной истории отечественных архивов долгие десятилетия будет связываться только с "ленинским" декретом от 1 июня 1918 г.

Архивы и власть (Октябрь 1917 – 1920)

С первых же дней после захвата власти большевиками Союз РАД предпринял решительную попытку остаться вне политики. Это была естественная для ученых и профессионалов того времени позиция, продиктованная прежде всего стремлением уберечь ценности многовековой духовной культуры России от всех перипетий разрушительной борьбы за власть. Можно сказать, что историки и архивисты первоначально пытались просто проигнорировать происходящее, временно прервав свои "ученые занятия". Надо иметь в виду, что многие из них разделяли весьма распространенное тогда среди российской интеллигенции (и гораздо шире) мнение о том, что большевики продержатся у власти в лучшем случае до созыва Учредительного собрания, которое в конце концов расставит все по своим местам мирным и демократическим путем свободного волеизъявления народа.

Однако "отсидеться" им не удалось. Опять, как и в первые дни после Февральской революции, архивы оказались на пороге гибели. Нельзя доверять позднейшим официальным оценкам, согласно которым большевики и правительство встали на защиту "покинутых и беззащитных" документов, подлежащих "вечному хранению", и материалов текущего делопроизводства. Переживший эту вторую катастрофу Пресняков добавил в описа-

ние трагической панорамы очередной чехарды с упразднением старых и появлением новых учреждений новый, теперь уже "классовый" элемент: "Новые люди, которые вступили в покинутые помещения, были враждебны, по крайней мере равнодушны ко всякой исторической традиции и обычно весьма далеки от сознательного, культурного отношения к документам прошлого. Архивные фонды казались им никому не нужным бумажным хламом... В тех – еще лучших – случаях, когда документы не подвергались опасности уничтожения, а только перемещались, делалось это нетерпеливо, небрежно, наспех... И там, где архивы и документы оставались на прежнем месте, они месяцами оставались без надзора... В итоге получился такой разгром многих ценнейших архивных фондов, который грозил гибелью многим из них... И та же разруха коснулась жутко и нетерпимо старых архивных хранилищ, разбитых на части, вытесняемых из прежних помещений, выбрасываемых на произвол любой случайности, иной раз осужденных на уничтожение"²⁹. В рукописном варианте этой статьи приводятся выпавшие из печатного текста страшные подробности, например о том, как архивные документы "с наступлением холодов шли на топку времянок, рвались на обертку, на самокрутки и т. п."³⁰.

Отметим, что свидетельство очевидца нуждается в некоторой расшифровке. Говоря о "новых людях", он явно имеет в виду не просто новых служащих, а представителей нового мировоззрения, в соответствии с которым все залежи "бумажного хлама", оставшиеся от прошлого, следовало вместе со старым строем тоже разрушить "до основания". Ведь наступила новая эра, следовательно, начиналась и новая история, которая не нуждалась ни в каких исторических традициях. Во всяком случае, напуганная интеллигенция в массе своей именно так воспринимала происходящее в первые дни и месяцы после ноября 1917 г. Даже спустя шесть лет Платонов прямо писал в цитировавшейся уже докладной записке во ВЦИК: "В архивном деле октябрьский переворот повел к полному хаосу"³¹.

Одновременно свидетели, очевидцы и участники событий тех лет не могут не помянуть благодарным словом те "счастливые исключения", когда, как пишет Пресняков, "при делах оставались прежние их хранители, хотя бы и из низшего персонала – служителей, и делали что могли для их охранения. Бывали и случаи трогательного архивного героизма, когда архивариусы, не получая ниоткуда ни поддержки, ни вознаграждения, не покидали поста и берегли вверенное им архивное имущество"³². Не склонный к патетике Платонов, возглавлявший в те дни ученую комиссию при архиве Министерства народного просвещения, также подтверждает эту оценку: "С большим удовлетворением я узнал, что учащаяся молодежь... настолько прониклась желанием сохранить архив, что установила непрерывное дежурство в архиве. Дежурным не без труда приходилось отводить всякого рода покушения на помещения архива. Простодушное понимание созданной переворотом обстановки соблазняло кое-кого поселиться в комнатах архива; другие желали воспользоваться мебелью архива, третьи обсуждали вопрос о ненужности архива"³³.

Еще более страшный беспредел творился в Москве, где захват власти большевиками, как известно, не обошелся без вооруженных столкновений с защитниками Временного правительства. Сотрудник Московского архива Министерства юстиции Н.П. Чулков сообщал 15 декабря 1918 г. в Петроград члену Совета Союза РАД Б.Л. Модзалевскому: "Пришлось пережить жуткие дни, около недели день и ночь быть под обстрелом... Едва прозвучал последний оружейный выстрел, в архив явился военный отряд и реквизировал часть помещения... Если междоусобица возобновится, нам грозят неприятности вплоть до гибели всего, нами охраняемого"³⁴. Больше месяца ждали архивисты МАМЮ ответа на слезную просьбу к московским властям помочь в выселении непрошенных "поселенцев", но, правда, в конце концов все-таки дождались. Им была выдана единственная "охранная грамота" – та самая, на основании которой впоследствии был создан миф о том, что чуть ли не все архивы обзавелись соответствующими документами. При обстреле и после

захвата Кремля были повреждены помещения и частично сожжены солдатами документы московского отделения Архива императорского двора и губернского Архива Старых дел, хранившиеся в Троицкой, Никольской и Арсенальной башнях³⁵. Как писал Автократов, что можно говорить об отношении большевиков к архивам прежних лет, если они в ночь на 28 октября 1918 г. тайно сожгли архив собственного Военно-революционного комитета, когда им показалось, что восстание обречено на провал?³⁶

Иначе говоря, после ноября 1917 г. интеллигенция столкнулась в массовых масштабах с вандализмом особого рода — с вандализмом на "идеологической основе". Если после Февральской революции можно было говорить о проявлениях стихийной ("разиновской", как писал Пресняков) ненависти масс к "бумагам угнетателей", то теперь ненависть получила "классовое" обоснование. "Как вы можете придавать такое значение тому или иному старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?" Такими словами успокаивал А.В. Луначарского, подавшего в отставку с поста наркома просвещения под влиянием сообщений о московских разрушениях, В.И. Ленин³⁷.

Эту позицию в те годы разделяли если не все, то подавляющее большинство членов большевистской партии и даже часть примкнувшей к ним интеллигенции. В обстоятельной, построенной на архивных документах публикации В.О. Седельникова "После обстрела Московского Кремля"³⁸ впервые в отечественной историографии показан факт целенаправленной фальсификации со стороны наших партийных историков сведений о потерях в результате артиллерийского обстрела и последующего захвата Кремля, которые понесли архивы. Он приводит "Акт осмотра", подписанный архивистами С. Кологривовым и Б. Пушкиным, которые посетили Троицкую башню Кремля спустя две недели после вооруженного восстания в Москве, происходившего 28 октября — 3 ноября. Обследуя размещавшееся здесь Мос-

ковское отделение Общего архива бывшего Министерства двора, они установили, что "все запертые двери... взломаны и все помещения носят следы самого грубого, самого варварского обращения с документами отделения... Всего более пострадали описи к делам XVIII в. ...Вообще же определить потери, понесенные Московским отделением, до производства общей проверки всего состава архива невозможно. Одно только можно констатировать в заключение: та культурная ценность – в смысле описания документов, составления к ним карточек, алфавитных указателей и тому подобного, – которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благое просвещение всех русских граждан, в корне разбита, разрушена; те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших ее времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах дворцового архива поустроили отхожие места".

Этот документ, а также другие аналогичные сообщения с мест были направлены "для памяти" в Петроград членам Союза российских архивных деятелей. Конечно, не все архивы пострадали в равной степени. До некоторых просто не успели добраться. Но следует считать доказанным, что оснований для беспокойства, если не сказать для паники, у Союза РАД было больше чем достаточно.

Вторым мощным ударом по наивной попытке архивистов подождать благоприятного поворота событий стала еще одна акция большевистских властей. Они развернули работу по взятию архивов под собственный контроль, что выразилось прежде всего в появлении в крупных архивохранилищах комиссаров с самыми обширными полномочиями.

В настоящее время можно определенно назвать имена только двух комиссаров – легендарного матроса-большевика Н.Г. Маркина и И.А. Залкинда.

Первый в апрельские дни 1917 г. входил в состав отряда по охране Ленина, активно участвовал как делегат Балтики в работе I съезда Советов, затем работал в следственной ко-

миссии Петросовета, а сразу после большевистского переворота был назначен секретарем народного комиссара иностранных дел в первом составе Совнаркома Л.Д. Троцкого. Вместе с уполномоченным по НКВД дипломатом И.А. Залкиным и человеком необычайно интересной и трагической судьбы полиглотом и лингвистом Е.Д. Поливановым (1891 – расстрелян в 1938 г.) Маркин в первые же дни ноября 1917 г. объехал, запасшись "ордерами на арест", всех чиновников МИД, требуя их явки на службу. Далее, как вспоминал Троцкий, события разворачивались следующим образом: «Маркин арестовал [за саботаж] [директора канцелярии МИД] Б.А. Татищева, чиновника МИД В.В. Таубе и привез их в Смольный, посадил в комнату и сказал: "Я ключи достану через некоторое время". На вопрос о ключах Таубе отослал к Татищеву, а Татищев куда следует». Дальше, через запятую, Троцкий бесстрастно продолжает: «Когда Маркин вызвал меня дня через 2, то этот Татищев провел нас по всем комнатам, отчетливо показал, где какой ключ, как его вертеть и т. д.» Остается только догадываться, какие "революционные методы убеждения" применял героический матрос (Троцкий отмечает две его характернейшие черты: "величайшую энергию" и "некоторую упрямость"), но результаты были налицо. Дипломаты б. МИД со своей стороны ограничивались лаконичной оценкой его качеств: "из ряда вон энергичный", "человек очень умный, с большой волей, но писал с ошибками". С ноября 1917 по февраль 1918 г. он издал семь сборников тайных дипломатических документов, которые имели большое политическое значение, но представляют собой образец элементарной неграмотности³⁹.

Другим образом комиссара в архивах может служить некий "очень аккуратный и вежливый латыш", который "совсем не понимал архивного дела". Он совершенно не представлял, зачем был туда прислан, и ограничивался тем, что по подсказке единственного союзника, некоего "сторожамальчишки", выгонял со службы архивистов-профессионалов. В частности, он разогнал всю Ученую комиссию и создал невообразимый хаос в собирании дел, брошенных в различных

кабинетах и в канцелярии. Правда, вскоре он получил новое назначение.

В архиве Министерства земледелия командовал матрос, который с порога объявил документы "ненужным" хламом, подлежащим сожжению.

Здание Синодального архива предполагалось передать авиационной школе. Многие полковые архивы подверглись погромам и разграблению.

В официальной историографии направление комиссаров в архивы связывается прежде всего с начавшейся сразу после 25 октября (7 ноября) всеобщей забастовкой чиновников. Однако, во-первых, стоит разобраться в ее причинах, во-вторых, прекратить ее методами матроса Маркина было невозможно, что власти осознали буквально через считанные недели, а в-третьих, архивисты как раз меньше всего участвовали в этой акции.

Чем была вызвана забастовка? Версия о предварительном сговоре, которым руководили банки и "блок всех буржуазных и мелкобуржуазных партий во главе с партией кадетов", впервые появилась в нашей исторической литературе в середине 30-х годов и просуществовала почти полвека. На самом деле главной побудительной причиной "саботажа" послужил естественный человеческий страх за свою жизнь. И еще обида. Ведь большевики с первых дней после прихода к власти "в речах, в печати, в лозунгах" провозглашали смерть на голову классовых врагов пролетариата – "капиталистов, помещиков и царских чиновников". Была и еще одна причина для страха: "Вернутся те, что ушли, и вы ответите за службу большевикам так, что если жизнь и оставят, то не обрадуешься!" Керенский, а также "обосновавшиеся на юге сенаторы" разослали телеграммы с угрозами предать суду после возвращения "законного правительства всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевистской власти". Тем не менее в архивах, не получая зарплаты, дежурили добровольцы, которых в одном из официальных докладов Луначарскому, некий его личный посланец презрительно именовал "допотопными архивариусами" и регистраторшами. Кстати, как отмечает Автократов, среди "допотопных архивариусов" были

управляющий архивом Министерства народного просвещения А.С. Николаев и его помощник И.Л. Маяковский, которым едва исполнилось по 40 лет, а другие сотрудники (В.В. Снигирев, А.Н. Макаров, Л.И. Полянская, Ю.А. Оксман) были еще моложе! Все они являлись членами Союза РАД, хотя по своим взглядам на архивное дело тяготели к более общественно активному Платонову, чем к представителю старой школы Лаппо-Данилевскому.

Тем не менее страх за судьбу архивов пересилил личный страх. Как писал Платонов, "люди, стоявшие у архивного дела, архивисты и историки, не могли долго оставаться бессильными зрителями происходившей на их глазах гибели исторических ценностей". Именно этим было обусловлено, что 28 января 1918 г. члены Союза РАД собрались на первое после разгрома Временного правительства общее собрание. На нем по предложению Лаппо-Данилевского было решено принять ряд экстренных мер "по ограждению архивов от разрушений, разграблений, захвата их помещений и т. п."

Главную идею постановления сформулировал сам председатель Союза РАД. Она состояла в том, чтобы обратиться к новому правительству с требованием решить наконец в практическом плане вопрос о создании объединенного Союза всех ученых (научных и научно-исследовательских) установлений (учреждений) и высших учебных заведений "для защиты внепартийных научных интересов", обеспечения «возможности нормальной научной работы и автономии "всех" ученых учреждений», к которым относились и архивы. С этим предложением, как напомнил на общем собрании Лаппо-Данилевский, он уже обращался к министру Временного правительства Мануйлову и на заседании созданной по этому вопросу специальной комиссии во главе с товарищем (заместителем) министра академиком В.И. Вернадским получил принципиальное согласие. Но теперь – новая власть, и нужно начинать хлопоты снова. На имя наркома просвещения Луначарского было составлено соответствующее письмо, которое должна была вручить ему лично в руки делегация Союза РАД во главе с Голицыным. Одновременно

члены Союза РАД приняли документ, который практически начал просьбу к архивистам вернуться на свои рабочие места.

На следующем собрании (30 января) Союз РАД поручил Совету дополнить письмо "мотивированным заявлением", с которым должна была обратиться к Луначарскому делегация, возглавляемая Голицыным. В письме содержалось требование предоставить "каждому крупному архиву внутреннюю автономию", а "в случае возбуждения вопроса об образовании Совета по архивному делу как органа Центрального управления указать, что этот вопрос подлежит рассмотрению на съезде архивистов и делегация не уполномочена Союзом к его обсуждению". Как видим, здесь проявляется прежняя неуступчивая позиция по отношению к новым властям, продиктованная прежде всего Лаппо-Данилевским. Однако в чем-то даже ему пришлось пойти на компромисс, в результате чего в инструкцию на переговоры был добавлен такой красноречивый пункт: "При обсуждении с Луначарским вопроса об организации отношений Союза к современной власти допустить возможность введения правительственного комиссара в общее собрание Союза с правом решающего голоса, но отклонить назначение комиссаров в сами архивы"⁴⁰. Мы можем только догадываться, какую бурю сомнений породил этот явный шаг общего собрания навстречу советской власти у непреклонного противника политизации архивного дела Лаппо-Данилевского (напомним, что Платонов в собраниях Союза РАД не участвовал).

После включения этого пункта он отказался подписать протокол и вновь стал предостерегать архивистов от прямых контактов с Совнаркомом. Во всяком случае, на заседании 23 марта 1918 г. он объяснил членам Совета, что встреча делегации с Луначарским не состоялась из-за начала эвакуации советского правительства и "в связи с общим ходом политических событий"⁴¹. Как справедливо указывает Автократов, "первая часть объяснения не выдерживает критики: решение об эвакуации было принято только 26 февраля (нового стиля): правительство выехало в Москву еще через две недели, а Луначарский вообще Петрограда не покидал"⁴². Гораздо более существенным было

то, что "последние политические события" внушали Лаппо-Данилевскому и его сторонникам надежды на то, что советская власть рухнет под натиском внешних врагов (германское наступление), внутренней контрреволюции (белое движение) и разброда внутри самого правительства, отчетливо проявившегося в ходе небывало трудного процесса ратификации Брестского договора 15 марта 1918 г. Однако образовавшуюся под влиянием прагматически настроенной части Союза РАД брешь в стене самоизоляции от органов власти уже не удалось заделать. Жизнь брала свое. Аполитизм Лаппо-Данилевского тоже становился политикой; причем его позиция уже угрожала судьбе архивов, поскольку она обрекала специалистов на "выжидательное бездействие" в условиях, когда над архивами опять нависла угроза.

Весной 1918 г. СНК принял решение об эвакуации крупнейших архивов из Петрограда в Москву и о назначении в связи с этим уполномоченного Совнаркома Петроградской коммуны "по ликвидации и реорганизации архивов", которым стал Давид Борисович Рязанов (Гольдендах). Имя его до сих пор вызывает неоднозначную реакцию у историков отечественного архивного дела новейшего времени, хотя все ранее существовавшие запреты и табу политического характера сняты, а сам он был юридически реабилитирован (посмертно) в числе первых жертв сталинского произвола сразу после XX съезда КПСС. В то же время вплоть до 1989 г. он не был восстановлен ни в партии (теперь, очевидно, этот вопрос отпал сам собой), ни в звании академика (хотя это представляется совершенно необъяснимым). Его лишили этого звания сразу после ареста "за связь с зарубежными меньшевистскими организациями" в 1931 г. После ссылки в Саратов он был вновь арестован в 1934 г. и расстрелян в 1938 г.⁴³

Почти четверть века назад о нем было написано так: "Достаточно колоритная фигура, чтобы заинтересовать художника — он найдет в нем уйму внутренних противоречий, столь привлекательных для мастера, пишущего портреты в рембрандтовской манере светотеневых контрастов... Рисую множество недостатков Рязанова, шаткость его политических позиций, не раз

приводивших Рязанова к острым столкновениям с Лениным, художник не сможет не поразиться бешеной энергии Рязанова: физической, умственной, душевной"⁴⁴. Пожалуй, именно в характеристике основных черт Рязанова – "бешеной энергии" и самостоятельности политических взглядов – сходятся все, кто сталкивался с ним при жизни, а среди них немало политических недоброжелателей и даже противников.

Выразительный портрет его дает С. Ан-ский (С.А. Раппопорт – эсер, публицист), вспоминая о встрече с ним на одном из совещаний представителей различных партий левого толка в октябре 1917 г.: "Небольшого роста, ширококостный, с большим лбом, с широкой, длинной седеющей бородой... Он считался энциклопедически образованным человеком. Он был теоретиком. За месяц до переворота он в разговоре со мной сказал, что очень раскаивается в том, что оторвался от своих научных работ и приехал в Россию... Раньше я знал Рязанова спокойным и сдержанным. Здесь на совещании он оказался истериком, человеком, совершенно не умеющим владеть собой... Я спросил Каменева:

- Что случилось с Рязановым? Ведь с ним разговаривать невозможно.

- Он очень изнервничался от пережитых событий, – ответил мне Каменев. – К тому же его и мое положение на этом совещании очень трудное. Мы оба – самые умеренные, наши товарищи гораздо левее нас. Они отвергают всякие компромиссы. Нам приходится бороться на два фронта! Если б вы знали, как Рязанов выступает на наших собраниях! Там он еще резче"⁴⁵.

Злейшая обличительница большевиков Зинаида Гиппиус в своих "Черных тетрадах" выделяла его как "более осмысленного", учитывая, что он был чуть ли не единственным среди большевиков – членов ВЦИК, который голосовал против декрета о роспуске Учредительного собрания"⁴⁶. Абсолютное личное неприятие вызывал Рязанов у встречавшегося с ним в Москве в мае 1918 г. выдающегося русского историка-медиевиста и архивиста Ю.В. Готье. «Это человек лет пятидесяти, очень прилично и чисто одетый, с вежливыми и корректными манерами; в пер-

вые минуты беседы удивляешься, что видишь такого большевика... Он влюблен в себя и занят самим собою, много намекал на свои занятия наукой – по-видимому, марксизмом... С покровительством говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором на самом деле не пошел дальше старого доброго Самоквасова, снисходительно улыбался, говоря о слишком ярких приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно "надевают защитные цвета", причем имел в виду, по-видимому, кое-кого из петроградцев»⁴⁷. Все-таки, наверное, здесь сказывается больше чисто эмоциональное, чисто психологическое предубеждение Готье по отношению к самому типу человека, который представлял собой непостижимую, противоестественную для его нравственно-научных позиций смесь "образованности" и "марксизма". Для историка старой академической школы (как и Лаппо-Данилевского) "марксизм" был прежде всего лженаукой, не имеющей ничего общего ни с истинной духовной культурой, ни с правдой жизни.

Характеристика противоречивой личности Рязанова будет неполной, если не добавить еще один штрих. Рязанов в качестве председателя Петроградского Совета профсоюзов в конце января – начале февраля 1918 г. персонально уполномочен был быть посредником в их трудных переговорах с СНК об условиях прекращения ими забастовки ("саботажа", по терминологии тех лет). В этом качестве его принимает В.И. Ленин, а затем на заседаниях СНК дважды (15-го и в ночь с 18 на 19 февраля) заслушиваются его заявления с просьбой предоставить возможность выступить с докладом "по вопросу о ликвидации саботажа"⁴⁸. Затем в знак протеста против подписания Брестского мира он добровольно (временно) выйдет из партии, оставит все официальные посты и к моменту встречи с архивистами будет занимать неопределенную, достаточно эфемерную должность "главноуполномоченного по реорганизации и ликвидации архивов, находящихся на территории Петроградской коммуны". Иначе говоря, на него возлагались обязанности по организации перевозки правительственных ведомств и учреждений, эвакуируемых из Петрограда в Москву. Будущее его было достаточно не-

определенным. Похоже, что новую работу и постоянную должность он должен был подыскивать себе сам.

Как бы то ни было, именно такой человек предстал перед членами Совета Союза РАД 27 марта 1918 г. К этой встрече готовились обе стороны, поскольку было ясно, что без обоюдных контактов эффективная работа будет невозможной. Готовились архивисты, записавшие в протоколе заседаний от 24 марта два резолютивных пункта: 1) от депутации к Луначарскому отказаться (в связи с пояснениями Лаппо-Данилевского) и 2) выяснить цели и задачи, возложенные на Рязанова. За день до назначенного заседания на личную встречу с "новым уполномоченным" отправился князь Голицын. В записке к Лебедеву он так информировал о результатах своей "разведывательной миссии": Рязанов «производит впечатление вполне культурного человека, ставит себе целью восстановить работу бездействующих архивов, а под словом "ликвидация" имеет в виду только архивы упраздняемых учреждений... Он очень желает изложить свою программу в Совете Союза арх. деятелей и просил меня, не можем ли мы собраться в четверг или когда мы найдем удобным. Но так как нежелательно откладывать свидания с Ряз., к-рый явно желает руководствоваться в своей деятельности указаниями Союза... то лучше всего было бы собраться в четверг»⁴⁹.

Готовился и Д.Б. Рязанов. Он был знаком с молодыми историками П.Е. Щеголевым и Б.И. Николаевским⁵⁰, которые активно занимались организацией нового Петроградского историко-революционного архива, и, очевидно, заручился их рекомендацией для вступления по собственной инициативе в контакт с Советом Союза РАД. Вполне естественно, что предварительно он ознакомился со всеми программными документами Союза, тем более что практически все они официально направлялись по официальным каналам в прежнее правительство и оседали там в доступных для новых властей канцеляриях. Ему нужно было завоевать на свою сторону ученых и специалистов как по личным мотивам, так и исходя из научных и государственных интересов. В этом случае все это переплелось самым нерасторжимым образом: в случае успеха Рязанов, оставшийся практически без по-

стоянной должности в правительстве после выхода из партии (вскоре он будет принят в нес обратно в числе других "протестантов"), получил бы не только хорошие перспективы на то, чтобы возглавить временную работу по "ликвидации архивов" в связи с эвакуацией, но и руководящий пост в новом органе управления архивами (о наличии таких планов он был осведомлен). По-видимому, Рязанов в диалоге с учеными надеялся использовать свой опыт по борьбе с саботажем чиновников, которых он все-таки убедил в необходимости не усугублять разруху.

Наконец, помимо всех этих "карьерных" побуждений нельзя отрицать того, что он испытывал и чисто профессиональный интерес к реализации грандиозных замыслов архивной реформы с целью поставить наконец архивы на службу отечественной науке и тем самым осуществить проекты не только "старого доброго Самоквасова", книги которого он действительно читал, но и заветную, давно выстраданную мечту историков России нескольких поколений. Ведь как бы ни оценивать запас конкретных знаний Рязанова по организации архивного дела, собственный опыт общения с ними у него был довольно богатый. За рубежом, работая по поручению германских социал-демократов, он лично распутывал нити тех сложных дорог, по которым растекались (и могли погибнуть!) рукописи Маркса и Энгельса. Он выявлял и отбирал их для централизованного хранения, лично занимаясь поисками и первичной классификацией "по происхождению" (в архивоведческом смысле этого слова) в самых различных хранилищах — от личных библиотек Меринга и Каутского до семейного архивного фонда Лафаргов.

Вот с такими "домашними заготовками" явились в четверг, 27 марта 1918 г., на первую важную встречу не совсем обычный, первый официальный представитель советской власти и испытывающие самую разную гамму чувств — от предвзятости до простого любопытства и, наконец, понятной для всех надежды — члены Совета Союза РАД.

Впрочем, до начала этого поистине исторического заседания Лаппо-Данилевский сделал последнюю попытку нейтрализовать соблазнительное "пение" большевистской "сирены". Он

добился за несколько минут до появления Рязанова в зале заседаний спешного принятия следующей резолюции по сообщению Голицына о результатах их личной встречи: "1) Вопрос общей реформы постановки архивного дела надлежало бы поставить в зависимость с созывом съезда, о централизации управления в Петрограде в связи с эвакуацией правительственных учреждений и власти в Москву как временную переходную меру к созданию Центрального архивного управления поддержать.

2) Подчеркнуть ему на необходимость⁵¹ признавать и уважать внепартийность архивной работы и научное значение деятельности их.

3) Необходимость автономии крупных центральных архивов от комиссариатов в бюджетном отношении... делопроизводства, допуска для занятий...

4) Неуничтожимость и неприкосновенность архивных фондов и коллекций архивов.

5) О необходимости принятия мер охраны архивов"⁵².

Это была, в общем, достаточно четкая, бескомпромиссная позиция, отражающая все предыдущие заявления Лаппо-Данилевского. Однако после появления Рязанова ход заседания развивался уже по другому сценарию. Его выступление, последовавшее в ответ на объявленную тут же "программу" Союза, если судить даже по краткому изложению в протоколе, который вел Лебедев, было хорошо продуманным и направлено прежде всего на завоевание благожелательного отношения если не всех членов Союза, то хотя бы большинства. Поэтому он сразу же поспешил заявить, что "назначен не комиссаром, а уполномоченным" со строго определенным кругом обязанностей. Рязанов подчеркнул свое искреннее личное желание устранить "моменты недоверия к нему, совершенно неизбежные и понятные". Своей главной задачей он назвал "создать условия к наиболее продуктивной деятельности всех служащих архива путем создания Органа управления архивами, первоначально на территории Петроградской коммуны, а затем и для всей России". Коснувшись вопроса о централизации архивов, говорится далее в протоколе, Рязанов указал, что, не задаваясь целью создания одно-

го национального архива, предстоит тем не менее в порядке охраны сосредоточивать многие более мелкие архивы упраздненных учреждений в центральных ведомственных архивах. В заключение он скромно сказал, что «не чужд интересам архивов ввиду его знакомства с иностранными архивами по его работам в них над "историей Интернационала, изданием трудов Маркса и Энгельса"», и попросил архивистов "указывать ему все, что необходимо для спасения гибнущих архивов"⁵³.

В резолюции Союза указывается: "Выслушав гражданина Рязанова, Совет Союза постановил перейти к обсуждению вопроса о конструкции органа по управлению архивами в виде Совета". В его состав "по соглашению с Д.Б. Рязановым" было решено включить "по одному представителю от Российской академии наук, Петроградского университета, Публичной библиотеки, археографической комиссии, Дома-музея памяти борцов за свободу, Комиссариата народного просвещения и 5 членов – от Совета Союза РАД, персонально – академика А.С. Лаппо-Данилевского, кн. Н.В. Голицына, А.И. Лебедева, И.А. Блинова и К.Я. Здравомыслова"⁵⁴.

Первое заседание членов избранного Совета состоялось через считанные дни, 2 апреля 1918 г., и тогда же он получил свое окончательное название – Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА).

В коллекции документов, хранящихся в библиотеке историко-архивного института, сохранились несколько "журналов заседаний", которые проходили в апреле 1918 г. под председательством Рязанова. В журнале № 1 от 2 апреля список присутствующих зафиксирован следующим образом: И.А. Блинов, И.А. Бычков, С.А. Венгеров (от Книжной палаты), Н.В. Голицын, В.Г. Дружинин, К.Я. Здравомыслов, А.С. Лаппо-Данилевский (от Академии наук), А.И. Лебедев, С.Ф. Платонов, Д.Б. Рязанов. Позже в заседаниях будет участвовать и А.С. Николаев. Как видим, в состав ЦКУА вошли практически все члены Союза РАД, хотя это был уже другой, по существу, орган, впервые заявивший о себе как властная структура. Прежде всего это выразилось в единогласном избрании на пост председателя Ряза-

нова, а также в решении избрать "от соответствующих учреждений", т. е. прежде всего от высших учебных заведений Петрограда, библиотек, музеев и т. п., "заместителей" к каждому из членов комитета "с правом решающего голоса". Сразу же было отклонено предложение о допуске в комитет пяти членов Совета Союза РАД с правом совещательного голоса (очевидно, Рязанов и его сторонники не хотели превращения ЦКУА во "второе издание" Союза). Затем было принято специальное постановление "об образовании для управления архивами Центрального комитета циркулярно известить все ведомства" и, что более существенно в условиях установившегося единовластия, "осведомить районные Советы рабочих и солдатских депутатов об образовании ЦКУА, предложить им не вмешиваться в дела архивов, а также просить дать сведения о находящихся в их районах архивах".

Решив организационные вопросы, участники заседания немедленно перешли к конкретным, самым злободневным проблемам. Как указывается в протоколе, "вследствие оглашения сведений относительно нахождения в антикварных и книжных магазинах документов из различных архивов, похищенных во время революции, постановлено известить циркулярными письмами антикварные и книжные магазины, что продажа ими предметов, книг, документов и пр. из расхищенных библиотек и архивов будет приравнена к преступлению, и предложить им возвратить приобретенные вещи и документы в Центральный комитет, который возместит расходы по их покупке".

Были заслушаны сообщения о положении конкретных, наиболее "угрожаемых" архивов и разработаны меры по их спасению и охране.

Наиболее острые дискуссии возникли при решении вопроса о том, как осуществлять на практике проект о централизации архивов и управления ими. Докладывая предложения по решению этого вопроса, Рязанов "указал, что удобнее всего разделить архивы на законченные и состоящие при ведомствах, оставив в последних лишь текущее делопроизводство с октябрьского переворота, затем централизовать законченные архивы и тогда уп-

правление ими подчинить Комиссариату народного просвещения". По существу, речь шла о необходимости сразу решить судьбу будущего архивного управления, т. е. определить его ведомственный статус, рамки его автономии. В протоколе этот вопрос сформулирован так: "...оставаться ли ЦК вне ведомства (ведения – *Т. Х.*) существующих комиссариатов или войти в подчинение к одному из них". Несмотря на явный нажим со стороны Рязанова, представлявшего новую власть, участники заседания решили пока отложить окончательное решение по этому вопросу. Они были согласны с тем, что "пребывание вне ведомства иногда ставит учреждение в очень тяжелое положение, особенно в финансовом отношении", но попытались найти компромисс: "...пока остаться в распоряжении Петроградской коммуны", т. е., по существу, ограничиться создавшейся системой подчинения лично ее "уполномоченному" Рязанову, а "затем, впоследствии" вновь вернуться к рассмотрению этого вопроса. Реализм такого варианта определялся тем, что в разъяснении смысла решения указывалось: "...при возможном расширении компетенции Комитета на всю территорию Российской Республики придется войти в состав какого-либо Комиссариата и в таком случае было бы желательным войти в состав Комиссариата народного просвещения". Иначе говоря, архивисты хотели убедиться в том, что советская власть упрочилась во всероссийском масштабе, а затем уже стать одной из ее структурных единиц. Рязанов должен был пока согласиться с таким решением, хотя его собственный официальный статус оставался достаточно неопределенным.

Правда, он попытался еще более расширить свои полномочия, добившись на следующем же заседании, 9 апреля 1918 г. принятия решения о "желательности образования библиотечного Совета для ведения всеми государственными библиотеками" и о том, чтобы "превратить ЦК по управлению архивами в Центральный Комитет по управлению архивами и библиотеками".

Нужно отметить, что специалистам была сразу же видна ошибочность этого решения и с научной, и с практически-организационной точек зрения. Ведь в основах архивного и библио-

течного дела лежат "информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования"⁵⁵. Однако библиотеки зеркально повторяли весь крестный ход архивов в это время: в них также появлялись комиссары (был назначен даже правительственный комиссар по библиотечному делу), они также подвергались разграблению и уничтожению. Естественно, что особую тревогу вызывала у профессионалов судьба хранящихся в них ценных рукописных собраний и коллекций. В результате ЦКУА согласился на предложение об организации Центрального управления архивами и библиотеками, а еще через неделю, 16 апреля, уступил Рязанову и по последнему оставшемуся нерешенным организационному вопросу. В этот день ЦКУА принял формулировку о желательности вхождения объединенного архивно-библиотечного ведомства в Наркомпрос "с некоторыми преимущественными правами как обособленной части". Членам Бюро (председатель ЦКУА Рязанов, его заместитель Платонов, автор последнего законопроекта и объяснительной записки к нему Голицын, обеспечивающий преемственность связей между Союзом РАД и ЦКУА Лебедев) было предоставлено право кооптации, т. е. привлечения к сотрудничеству в подготовке проекта организации управления архивами всех "полезных для этого лиц".

Так подготовка архивной реформы вступила в окончательную фазу, хотя буквально за день до этого вопросы "о реорганизации управления архивами" и "об идейной централизации архивов" еще только предполагалось обсудить на заседании ЦКУА. Во всей этой невероятной спешке чувствуется железная хватка Рязанова, который уже вошел в Совнарком с предложением об официальном признании ЦК в качестве единственного официального правительственного органа по управлению всей архивно-библиотечной системой страны и ее реорганизации. Правда, при этом он должен был сделать еще один решительный шаг – пойти на прямую конфронтацию с несгибаемым оппозиционером Лаппо-Данилевским. Хотя события этого характера чрезвычайно скудно отражены в протоколах, видно, что в усло-

виях ЦКУА, который он считал "бюрократическим" ведомством, Лаппо-Данилевский сознательно уходил на вторые роли. Правда, он еще оставался членом ЦКУА в качестве представителя от Академии наук и сохранял за собой пост председателя Союза РАД. Однако и ему, и практически всем уже стало ясно, что это начало конца.

И действительно, сразу же после решения о переходе ЦКУА из подчинения Петроградской трудовой коммуны в ведение Наркомпроса, которое было принято 16 апреля 1918 г., Лаппо-Данилевский подает в отставку (вначале с поста председателя Союза РАД, который превращался просто в кружок единомышленников без сил, полномочий и средств, переходивших в ЦКУА). В образовании нового руководящего органа, который конструировался как государственное ведомство, но не на съезде, а практически по "согласованию" с новыми властями, он видел явное нарушение демократических, "общественных" принципов. Ведь с момента прихода в Союз РАД на пост руководителя он стремился следовать только им. Утром 21 апреля, накануне годичного общего собрания членов Союза РАД, Лаппо-Данилевский направляет письмо князю Голицыну:

"Многоуважаемый Николай Владимирович! Ввиду того что в настоящее время Союзу Российских Архивных Деятелей, может быть, желательно было бы иметь более подходящего председателя, позвольте просить Вас передать сегодняшнему Собранию мою просьбу об освобождении меня от обязанностей председателя этого Союза.

*Преданный Вам А. Лаппо-Данилевский
21 / 8 апреля 1918 г."*⁵⁶.

С большим трудом специально направленной к нему делегации удалось уговорить академика взять свое заявление назад. 29 апреля состоялись очередные тайные выборы нового председателя, на которых Лаппо-Данилевский опять получил подавляющее большинство голосов: 31 – "за", "против" – 7, "воздержалось" – 5. Любопытно, что именно 12 голосов (5 + 7) получила кандидатура Платонова, который и на это собрание не явился.

Но Лаппо-Данилевский потерпел поражение в другом, может быть более важном вопросе: при переизбрании новых представителей в состав ЦКУА от Союза РАД архивисты провалили его (правда, вместе с Платоновым). Зато в ЦКУА были избраны сразу четыре "платоновца" (Голицын, Здравомыслов, Блинов и Николаев), твердо стоявших за сотрудничество с Рязановым и с новой властью в целом, и только один лично преданный Лаппо-Данилевскому и его идеям член Совета Союза РАД – Лебедев. Очевидно, что отход бывших лаппо-данилевцев от непримиримой позиции их идейного вождя был продиктован прежде всего решением о необходимости использовать первую появившуюся возможность опереться на реальную власть, чтобы осуществить радикальную реформу архивного дела в общенациональном масштабе. Это решение, как писал позже Лебедев, представлялось академику "отступническим" и повергло его в "тяжелую моральную коллизию", от которой он уже не оправился. (В мае 1919 г. А.С. Лаппо-Данилевский скончался. Председателем Союза РАД стал его извечный оппонент С.Ф. Платонов.)

Центр тяжести всей организационной работы по подготовке и проведению архивной реформы решительно переместился в ЦКУА во главе с Рязановым, который сумел найти опору в лице Платонова, Николаева, Здравомыслова, Голицына и других историков и архивистов, подготовивших все проекты положений о будущем Главном управлении архивным делом и местных органах управления архивами. В течение апреля и мая 1918 г. ЦКУА заседал почти непрерывно с утра и до позднего вечера. К сожалению, в сохранившихся протоколах ("журналах") не отражен ход дискуссий, и это объясняется, видимо, прежде всего инстинктом самосохранения. Ведь архивисты должны были готовить прогрессивную, давно назревшую реформу вместе с представителями новой власти, в законности которой они, мягко говоря, сомневались. Приходилось зачастую переступать через собственные идейные и гражданские убеждения во имя исполнения сложнейшей профессиональной задачи по устранению "архивной разрухи" в России, что рассматривалось ими как высокая патриотическая

миссия и своего рода "долг памяти" ушедшим поколениям архивистов.

С апреля и до 8 июня 1918 г., когда ЦКУА прекратил свое существование в связи с образованием Главного управления архивным делом (ГУАД), в деятельности ЦКУА отчетливо выделяются два направления.

Первое состояло в сведении в единый документ всех научных идей и теоретических принципов архивной реформы, выработанных еще в период активной деятельности Союза РАД. Именно в это время исчезают под проектами подписи их подлинных авторов, в частности Здравомыслова и князя Голицына (кстати, тогда же исчезает и сам титул перед его фамилией). Докладчиком по вопросам архивной реформы во всех правительственных инстанциях начинает выступать председатель бюро ЦКУА Рязанов.

Второе, очень важное направление деятельности ЦКУА составляла практическая работа по выявлению, учету и охране архивов, находившихся в наиболее угрожаемом состоянии. По существу, все в этой области сделали сотрудники специального исполнительного органа – "инспекции ЦКУА", которую возглавлял Пресняков. Так же действовали и многие их коллеги, архивисты, на местах в Саратове, Дмитрове, Самаре, Переславле-Залесском, Сибири. Пресняков оставил воспоминания о том, как инспекторы на практике осуществляли свои функции. «Для текущей работы был создан при Комитете особый исполнительный орган, названный "инспекцией архивов", – рассказывал он позже. – Ближайшим сотрудником Д.Б. Рязанова стал С.Ф. Платонов, а с ним привлечен к работе ряд лиц, в том числе и пишущий эти строки. Первым поручением, какое было на меня возложено, было наблюдение за разборкой материала, оставшегося после Временного правительства. Судьба этого фонда довольно типична для условий, в какие тогда попадали документы недавнего, только что пережитого прошлого. Все делопроизводство б. Государственной канцелярии, ставшей после Февральской революции Канцелярией Временного правительства, было вывезено из прежнего помещения в Марииинском дворце, свалено на

грузовики без упаковки и перевязки и выгружено в нескольких комнатах нижнего этажа здания Комиссариата юстиции... беспорядочными горами на пол и в таком виде поступило в ведение нового архивного управления. А был это не "архивный", а только "делопроизводственный" материал, то есть даже не сформированный в "дела" с подшитыми бумагами в тома с обложками. Поэтому он представлял собой груды отдельных документов, разрозненных и перепутанных. Приведение подобного материала в порядок представляло немалые трудности, но было решено поручить эту разборку личному составу б. гос. канцелярии. Эти лица определяли порядок и соотношение бумаг иногда просто по знакомому почерку или по привычному им содержанию и отнесли к делу охраны исторических следов их же работы с большим вниманием. По возможности упорядоченный архив Временного правительства был сдан в Государственный архив, а ныне перевезен в Москву.

Такую же постановку получила и задача приведения в порядок и сдачи в архив дел, оставшихся после Правительствующего Сената. По упразднении этого учреждения Октябрьской революцией здание Сената оказалось вовсе заброшенным, без всякой охраны, а в нем — множество дел... Для разбора этого материала была образована группа также из лиц, близко с ним знакомых: из бывших сенаторов и других юристов. По мере разбора и сортировки дела сдавались в сенатский архив в должном порядке; а по мере выполнения задания группы расформировывались»⁵⁷.

В этом рассказе следует сразу же выделить два крайне существенных с точки зрения теории и методики архивного дела аспекта. За терминами "определение порядка и соотношения бумаг", а также "разбор и сортировка" следует распознавать активный процесс поиска организационных основ устройства российских архивов, что предполагало прежде всего классификацию сосредоточенных в них комплексов документов. По существу, архивистам приходилось с помощью прежних чиновников вначале восстанавливать отдельные архивные фонды, органически сложившиеся в определенной исторической обстановке, т. е. ис-

торический принцип (ведомственное происхождение документов) был признан главенствующим при восстановлении внутреннего цельного и единого по существу архивного фонда, который фактически был признан основной, не подлежащей дроблению классификационной единицей. В то же время на последующей стадии, т. е. при объединении тематически родственных фондов, применялся и логический принцип, когда выявлялись и группируются в одно целое фонды с близким или совпадающим содержанием. В конечном итоге именно сочетание двух этих принципов и дало толчок основной идее готовящейся к реализации коренной реорганизации архивного дела: созданию из разрозненных ведомственных архивов, которые формировались абсолютно произвольно, единого Государственного архивного фонда, руководимого из мощного "мозгового" и организационного центра. До осуществления этого проекта оставался один шаг – утверждение на правительственном уровне такой законодательной основы, которая должна была подвести итог всем теоретическим изысканиям и обобщить практический опыт деятельности российских архивистов за многие десятилетия.

Этого не сделало царское правительство. Этого не успело сделать Временное правительство.

Архивисты и историки к июню 1918 г. были готовы использовать свой очередной шанс. Объективные предпосылки были налицо – в недрах ЦКУА уже в апреле и мае готовы проекты декрета о реорганизации архивного дела, который рассматривался первоначально как сопроводительный документ к обширным проектам Положения об "устройстве центрального и местного управления архивным делом". Сложнее было с субъективным фактором. Рязанов при всем своем научном авторитете не мог действовать через голову наркома просвещения А.В. Луначарского и его заместителя – историка М.Н. Покровского, который имел свой (твердый) взгляд на русскую историю и исторические архивы, взгляд, который сегодня большинством науковедов определяется как вульгарно-социологический, но в свое время именно он доминировал в официальной исторической

науке и оказывал решающее влияние на формирование государственной политики в этой области.

Основные баталии вокруг выработки окончательного текста декрета и Положения велись в такой закулисной борьбе на высшем, правительственном уровне, что только сегодня появляется возможность ознакомиться с оригинальными текстами документов, положенных в окончательные варианты принятых СНК законодательных актов. Пока важно установить, что 26 апреля 1918 г. Рязанова впервые вызвали на заседание Совнаркома с докладом "Об организации Центрального Управления Архивами". Правда, содокладчиком на этом заседании был назначен и Покровский, а соответствующий пункт пятый повестки дня был дополнен словами: "...а также создания Архива и Библиотеки истории Революционного движения в России". На заседании СНК 26 апреля приняли участие В.И. Ленин (председательствующий), а также И.В. Сталин, Я.М. Свердлов, П.А. Красиков, Д.З. Мануильский, Г.В. Чичерин, П.И. Стучка и др. (всего – 24 руководителя партии и правительства).

Сейчас, естественно, невозможно восстановить ход дискуссий по доложенному Рязановым вопросу. В сохранившихся двух записях протокола (черновой и машинописной), которые внимательнейшим образом исследовал крупнейший современный источниковед, академик Российской академии образования С.О. Шмидт, трудно найти следы научных споров. Все свелось практически к обсуждению вопроса о том, кому должен подчиняться новый управленческий орган – Наркомпросу (по предложению Рязанова) или ВЦИК на правах самостоятельного ведомства (чего добивался Покровский). Суть спора определялась тем, что в первом случае смета ЦКУА должна была представляться ведомством Луначарского, исходя из общей суммы ведомственных расходов. При другом варианте деньги должен был выделить Наркомфин, основываясь на расходных статьях правительственного бюджета в целом. В конце концов 200 тыс. руб. было выделено "в распоряжение Наркомпроса для нужд ЦКУА", что можно расценивать как победу "идеи Рязанова". Для сравнения:

на установку памятника К. Марксу на кладбище в Лондоне был выделен 1 млн руб.

В пункте "б" короткого постановления содержалось поручение "А.В. Луначарскому созвать совещание из представителей Народного комиссариата просвещения, Председателя Центрального Комитета по управлению архивами – т. Рязанова, специалистов по назначению Народного Комиссариата народного просвещения и представителей заинтересованных ведомств для выработки детального проекта организации Центрального управления архивами, а также и в особенности проекта реорганизации всего библиотечного дела по швейцарско-американской системе"⁵⁸. С.О. Шмидт обратил внимание на то, что вопреки Покровскому, который в записке Совнаркому с просьбой поставить этот вопрос на обсуждение 26 апреля называл Рязанова всего лишь "главноуполномоченным по реорганизации и ликвидации архивов, находящихся на территории Петроградской коммуны", в постановлении СНК он именуется более высоким титулом: "председателем ЦК по управлению архивами". Но все-таки главным положительным итогом этого заседания для Рязанова и ЦКУА стал факт официального признания правительством этого ведомства в качестве общероссийского органа управления. Впрочем, не обойден вниманием и Покровский. Их функции разделяются, поскольку Рязанов и ЦКУА концентрируют свое внимание на разработке документов по архивной реформе, а Покровский занимается в Наркомпросе проведением в жизнь мер по внедрению швейцарско-американской системы в библиотечное дело. Почему-то этим вопросом, включая чисто организационные мероприятия по созыву межведомственного совещания по "централизации библиотечного дела", усиленно интересуется В.И. Ленин (во всяком случае, гораздо больше, чем вопросом о реорганизации и централизации архивного дела). Об этом объективно свидетельствуют сохранившиеся документы⁵⁹. Впрочем, вопрос о значении личной роли В.И. Ленина в разработке и осуществлении архивной реформы в России в настоящее время утратил актуальность⁶⁰.

Подготовка соответствующих документов шла, как и прежде, в ЦК по управлению архивами, но после постановления СНК темп работ еще более ускорился. Уже 30 апреля специальным постановлением ЦКУА⁶¹ была образована Комиссия для составления проекта Положения об управлении архивами, в которую вошли архивисты И.А. Блинов, Н.В. Голицын, А.И. Лебедев, А.С. Николаев, историк М.А. Дьяконов, а также представители "книжно-библиотечного дела" – С.А. Венгеров и Д.И. Абрамович. Комиссии было поручено разработать два варианта Положения: 1) при условии ведения одними архивами, 2) при возложении на новое учреждение обязанностей по охране и учету архивов и библиотек. "Проекты, – говорится в протоколе, – признано желательным разослать членам Центрального Комитета".

Уже 8 мая на заседании ЦК по управлению архивами заслушивается проект Положения "в первом чтении", обсуждение продолжается несколько дней. Наконец 17 мая, на заседании, которое вел Платонов, состоялось обсуждение проекта Положения "во втором чтении", а также короткого текста препроводительного декрета к нему. Однако возникло неожиданное препятствие, изменившее ход дискуссий. На этом же заседании Д.И. Абрамович (представитель Публичной библиотеки) и С.А. Венгеров (представитель Книжной палаты) заявили, что, "дорожа автономией" своих ведомств, они "не желают входить в кооперацию с архивным управлением". В соответствующем постановлении ЦКУА содержится лаконичная запись: «...исключить из проекта "Положения о Главном управлении архивным и научно-книжным делом" упоминание о научно-книжном деле, озаглавив его: "Положение о Главном управлении архивным делом" и оставив в ведение этого Управления лишь те научно-книжные фонды, которые тесно связаны с соответствующими архивами»⁶². Собственно, на этом Комиссия, к работам которой на различных этапах привлекались также А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, С.В. Рождественский (Петроград), а в Москве – С.А. Белокуров, М.М. Богословский, С.В. Богоявленский, М.К. Любавский, Ю.В. Готье и др., завершила свою ра-

боту. Дальнейшая судьба обоих документов (и Положения, и проекта Декрета) от Комиссии уже не зависела. Документы перешли к председателю ЦКУА Рязанову, который начал трудную борьбу за их утверждение во властных структурах. При этом собственно научная проблематика практически ушла в сторону. В правительстве об этом спорить было просто некому, и все страсти разгорелись вокруг чисто организационно-кадровых вопросов, в содержание которых ученые-"платоновцы", естественно, не посвящались. В свою очередь на правительственном уровне не придавали особого значения результатам теоретических и методических исследований, отраженных в проектах. Может быть, именно этим объясняется то, что вплоть до настоящего времени проекты Положения (сохранилось несколько вариантов его редакций) не опубликованы. Впервые исследовавший их Автократов воспроизвел в 1993 г. два первых пункта по тексту последней редакции, представленной Совнаркому:

"1. Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними книжно-научных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки.

2. Главное управление архивным делом ведает Государственным архивным фондом, научно-книжными фондами, с ним связанными, архивами общественных учреждений и учреждениями, перечень которых к сему прилагается".

В приложении к проекту перечислялись все важные очаги русской науки и культуры, которым грозила явная опасность закрытия со стороны новых властей: Археографическая комиссия (просуществовала до конца 20-х годов), Петроградский и Московский археологические институты, где существовали кафедры архивоведческих дисциплин (закрыты в 1922 г.), Комитет по русской иконописи (вскоре прекративший свое существование ввиду массированных нападков "воинствующих безбожников"), Румянцевский музей, расформированный в 1921 – 1927 гг., а также Константинопольский археологический институт (видимо, ГУАД надеялось на его восстановление после разрыва связей с Россией в 1915 г.). Кроме того, назывались: Российский

исторический музей (сохранился, хотя в начале 30-х годов был на грани закрытия), Русское историческое общество (закрыто в 1920 г.) и некоторые другие. Последним в списке шел Союз РАД, который закрывался в 1922 г. с целью изгнания из него Платонова, а потом уж окончательно "самораспустился" в 1924 г.⁶³

Можно сделать вывод, что ГУАД, по замыслу авторов проекта Положения, тем самым принимало на себя роль общегосударственного центра защиты не только архивов, но и "русской исторической науки" в самом широком смысле, как об этом заявлено в пункте первом.

И еще: проект Положения отражал те демократические принципы внутренней организации, которыми руководствовались в Союзе РАД. Права законодательной инициативы, утверждения ведомственных инструкций, "перемещения, разделения и соединения фондов", командирования инспекторов и т. д. предоставлялись Совету. Руководство текущей работой возлагалось на Бюро, но под строгим контролем Совета. Руководитель ведомства не назывался ни его начальником, ни заведующим. Он считался назначенным "центральной правительством" (так авторы проекта предпочитали называть Совет Народных Комиссаров, сохраняя, может быть, последние иллюзии относительно возможной недолговечности этой формы власти). Руководителю вменялось в обязанность представлять интересы ГУАД в правительственных сферах, используя "право непосредственного доклада" в качестве "товарища" наркома просвещения, в основном по вопросам финансирования архивного ведомства.

Важной особенностью архивной доктрины, заложенной в основу проекта Положения, было выделение наряду с Государственным архивным фондом (совокупностью архивов правительственных учреждений) параллельной структуры "архивов общественных учреждений". Только сегодня можно оценить глубину этой идеи, предполагавшей, по существу, "многоуровневую" систему архивов на демократической, строго легитимной основе и наличие различных форм собственности.

Однако проекты Положения в конечном счете так и остались без движения в архивных фондах.

В кругах архивистов наивно полагали, что все разделяют абсолютно бесспорную для них мысль о том, что тратить время на излишние дискуссии уже нельзя. Свое выступление на совещании 27 – 28 мая 1918 г. Д.Б. Рязанов не случайно начал со слов о том, что проект архивной реформы не представляет собой чего-либо принципиально нового по сравнению с проектами Н.В. Качалова и Д.Я. Самоквасова⁶⁴. Просто дальше откладывать ее осуществление нельзя. По общему мнению архивистов и историков, "реформа архивного дела, не представлявшая идейно ничего нового, поскольку о ней не первое уже десятилетие думали и писали лучшие знатоки архива в России, нетерпеливо и упорно добиваясь осуществления ее, к моменту создания декрета оказалась до крайности необходимой, и уже не только по принципиальным соображениям. Катастрофическое положение многих архивов, оставшихся без всякого призора после ликвидации ведомств, требовало немедленной помощи чисто практическими мерами, и притом в государственном масштабе"⁶⁵.

Кроме того, разработчики проектов реформы старались учесть опыт не только отечественного, но и зарубежного архивного строительства. Они пользовались библиотекой Союза РАД, которая насчитывала свыше 100 названий книг по архивоведению, включая переводную литературу. Князь Голицын, к примеру, сам отредактировал перевод с итальянского языка Положения об управлении итальянскими государственными архивами (1911, с добавлениями 1916 г.). Имеющийся материал обобщался в виде научных докладов; например, молодой, рано умерший энтузиаст архивного дела В.В. Снигирев выступил перед своими маститыми коллегами с докладом "Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России"⁶⁶. Самое пристальное внимание уделялось опыту архивных преобразований времен Великой французской революции, провозгласившей три основных принципа (скорее лозунга) нового архивного устройства: 1) "управление публичными архивами в общегосударственном масштабе",

2) "признание государством своей ответственности за документальное наследие прошлого", 3) "принцип доступности архивов для общественности"⁶⁷. Изучалась и практика централизации французских архивов. Все это было учтено в российских проектах, и архивисты надеялись на понимание со стороны новых властей.

Однако Рязанову пришлось преодолеть очень серьезное сопротивление со стороны руководителей двух наркоматов – вначале П.П. Малиновского, возглавлявшего весной 1918 г. Наркомат имуществ Республики, а затем Г.В. Чичерина (НКИД) и М.Н. Покровского, назначенного в конце мая 1918 г. заместителем наркома просвещения. Сам нарком А.В. Луначарский в этих спорах активной позиции не занимал. Суть споров менялась в зависимости от административного положения оппонентов и только в случае противоборства с Покровским (главным образом), а также с Чичериным (в меньшей степени) носила принципиальный характер.

Малиновский претендовал на то, чтобы единолично возглавить в рамках своего наркомата некий гигантский "музейно-библиотечно-архивный центр". Кроме того, он же выдвинул идею об организации Центрального музея великой русской революции "путем сосредоточения документов из всех архивов, могущих иметь отношение к этой задаче", что было прямым посягательством на идею централизации архивного дела и принцип недробимости архивных фондов. Нельзя недооценивать сегодня эту опасность, поскольку на заседании СНК от 26 апреля 1918 г. именно об этой "идее", очевидно, докладывал Покровский (вместе с Рязановым, выступавшим с докладом о проекте ГУАД). Малиновский переоценил свои силы, выступив против Наркомпроса, и потерпел поражение. Это произошло на заседании Большой государственной комиссии по просвещению 22 мая, на котором Покровский и Рязанов выступили вместе за "отдельность" архивного ведомства, хотя каждый из них преследовал собственные интересы – как в ведомственном, так и в узколичном плане. Однако на расширенном совещании Комиссии по выработке проекта организации Центрального управления

архивами, состоявшемся 27 – 28 мая 1918 г. в соответствии с постановлением СНК от 26 апреля, Рязанов и Покровский вступили в открытое столкновение. Этому совещанию впоследствии в традиционной историографии архивного дела будет уделяться непомерно большое внимание; о нем будут писать А.В. Чернов, В.В. Максаков, В.И. Вяликов, А.П. Пшеничный и многие другие, что объясняется стремлением доказать, что проекты Декрета и Положения о Главном управлении архивным делом родились именно в этот день. Поскольку на заседании председательствовал Покровский (он же с конца мая являлся и официальным председателем государственной Комиссии по организации архивно-библиотечно-музейного дела), он как бы автоматически становился чуть ли не главным организатором архивной реформы в России. Поскольку именно большевик Покровский на этом совещании был высшим представителем советской власти, из этого, естественно, следовал вывод о руководящей и направляющей роли партии и Совнаркома в этом благородном деле.

Однако если совещание 27 – 28 мая и заслуживает сегодня внимания, то только с одной точки зрения: как впервые вступили в противоборство идея служения архивов "интересам развития русской исторической науки" (так говорилось в Положении) и идея о преимущественно "политическом значении архивов" (в этом заключалась позиция Покровского). По существу, возрождался спор о гласности и принципах доступности архивов для исследователей. Рязанов отстаивал дух и букву Положения, выработанного учеными из Союза РАД и зафиксированного в нем "платоновцами". Он отстаивал принцип "предоставления полного права без всяких ограничений всем лицам пользоваться архивными материалами", хотя в Положении эта формулировка не так категорична. В ответ Покровский высказал практически сомнение в лояльности Рязанова по отношению к советской власти, поскольку он якобы сам объективно играет на руку ее противникам. Он утверждал, что рекомендовать для работы в архивах частных лиц должны не только ученые общества, но и государственные и "частные" (имелись в виду партийные) организации. Общие дискуссии перешли в конкретную плоскость:

быть ГУАД в системе Наркомпроса на правах "научного" ведомства или же составлять отдельное бюрократическое ведомство в системе ВЦИК или СНК. Вопрос был решен только через два дня, 30 мая, на заседании Большой государственной комиссии по просвещению. В конце обсуждения Покровский уступил Рязанову, но все-таки настоял на том, чтобы из проекта Положения был изъят пункт, устанавливающий право непосредственного доклада Совнаркому "со стороны председателя Совета ГУАД". Тем самым он надеялся держать это учреждение в жестких рамках партийного и ведомственного контроля.

Более трудным оказался вопрос с отказом наркома иностранных дел Чичерина согласиться с обязательной передачей в Государственный архивный фонд всех документов, законченных делопроизводством к 25 октября (7 ноября). Он настаивал на том, чтобы каждое ведомство само определяло срок хранения документов в своем распоряжении, исходя из собственных деловых интересов. Большая государственная комиссия 30 мая оставила право решения по этому вопросу на усмотрение Совнаркома. Подготовленные в таком противоборстве и в условиях огромной спешки проект декрета "О Главном управлении архивным делом" и проект Положения о ГУАД были доложены Рязановым на заседании Совнаркома под председательством Ленина. Первая попытка оказалась неудачной. В постановлении СНК (протокол № 128) записано: "Предложить той же комиссии представить завтра же как проект, так и все поправки к нему в письменной форме и за подписями председателя комиссии или лица, внесшего поправку"⁶⁸.

Уже на следующий день, 31 мая 1918 г., Рязанов представил все требуемые документы. Теперь их рассмотрение поручено так называемому Малому Совнаркому, который действовал на правах рабочего органа (комиссии) СНК с 26 марта 1918 г. и был известен как Малый совет, подготовительная комиссия СНК, "вермишельная комиссия" и т. д. Здесь председательствовал юрист М.Ю. Козловский, а к участию в заседаниях привлекались опытные специалисты по финансовым, административно-управленческим и другим важным аспектам оформления

нормативно-юридических документов, которых так не хватало при подготовке соответствующих материалов в Союзе РАД и ЦКУА. В результате работы МСНК (вместе с Рязановым) из проекта декрета "О Главном управлении архивным делом", состоявшего из девяти пунктов, и обширного Положения о ГУАД (19 пунктов плюс приложения), был составлен один общий документ из 12 пунктов, который после утверждения на Большом Совнаркоме протокола № 47 заседания Малого Совнаркома в тот же день, 1 июня 1918 г., подписали В.И. Ленин, В.Д. Бонч-Бруевич и Н.П. Горбунов.

Так в конечном счете родился декрет "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР". В результате "коллективного творчества" он приобрел вид декларации, состоящей из коротких программных тезисов, в достаточно общей форме отражающих суть новой организации архивного дела в стране. Естественно, что это сразу же открыло возможность самого различного его толкования.

Архивы и Главархив (1918 – август 1920 г.)

Декрет "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР" был воспринят отечественной интеллигенцией прежде всего как юридическая основа для осуществления долгожданной реформы архивного дела, имеющей целью "рациональную его организацию в интересах развития отечественной исторической науки"⁶⁹. Наиболее лаконично выразил это отношение В.Н. Бенешевич, крупнейший специалист по истории древнерусского канонического права. Он назвал декрет "декларацией прав науки в архиве"⁷⁰.

Интересен хранящийся в ГАРФ неподписанный текст лекции, предназначенной, очевидно, для первых слушателей открывающихся 31 августа 1918 г. специальных архивных курсов при Петроградском археологическом институте (автором, возможно, является А.С. Николаев). В лекции содержится буквально гимн новому декрету. "На что следует обратить особенное внимание в декрете?" – спрашивает автор. И отвечает: прежде

всего на "ликвидацию отдельных ведомственных архивов" и "создание Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ)", а затем — на "принцип централизации архивного дела" и "создание в составе Комиссариата по просвещению Главного управления как самостоятельного органа". Обосновывает эту оценку он так: "Нельзя горячо не приветствовать ликвидацию ведомственных архивов. Отойдет в область преданий канцелярский архив; не будет этих посылок в архив за трафаретными справками, губящими путем формы живую мысль, живое дело; отойдут в область преданий начальники архивов, занимавшие места как определенную синекуру; не будет этих бессмысленных складов без всякой системы и порядка бумажных кип. Ликвидация ведомственных архивов идет навстречу созданию чего-то нового. Ученый в новом архиве, создающемся на месте ведомственного, будет — и должен, конечно, быть — не только желанным и дорогим гостем, но постоянным жильцом, об удобствах которого особенно горячо заботятся его рачительные хозяева. Итак, декрет... хоронит никому уже не нужное, отжившее, вредное явление старого российского чиновничьего быта". Еще более грандиозные надежды и мечтания связываются с "понятием ЕГАФ", которое метафорически истолковывается как "цельное, целокупное, собирательное, единое лицо... Этот строитель, создающий частное и государственное, отлагающий свою деятельность в безбрежном океане документов, творящий жизнь в поколениях, оставляет наследие из поколения в поколение для изучения и, может быть, для назидания вещественный памятник, в котором пытливые историки читают творческие мысли... Что такое этот ЕГАФ? Это архив народа... Это комплекс архивных фондов, создававшихся на разных корнях, вращающихся около разных стержней..." И далее: "...единое, стройное, спаянное в частях, объединенное внутренним единством, широко открытое для служителей науки, для ищущих истину, строящих новую жизнь, — вот смысл Единого государственного архивного фонда, как нового понятия"⁷¹.

Эти иллюзии историков и архивистов еще сохранятся один-два года. Разочарование наступит позднее, когда они уви-

дят, как по мере дальнейших уточнений отдельных положений декрета (путем принятия последующих законодательных актов, ведомственных инструкций, циркуляров и приказов) на первый план вместо "антиведомственной" идеи ЕГАФ будут выдвигаться статьи декрета о централизации в узкоуправленческом, административном смысле, т. е. статьи, касающиеся создания ГУАД и его полномочий. Архивисты-профессионалы и историки старшего поколения начнут чувствовать себя обманутыми. Но пока им еще по дороге с молодой, не набравшей полную силу советской властью, тем более в связи с переездом правительства в Москву и необходимостью организовывать деятельность Главного управления практически на новом месте и с новыми людьми.

Собственно говоря, эти трудности ощущались и ранее. Фактическая "двустиличность" России, являвшаяся характерной особенностью государственной и общественной жизни страны на протяжении последних десятилетий, уже привела к тому, что крупнейшие центральные архивы оказались разделенными между Москвой и Петроградом. Но теперь положение усугублялось соперничеством официальных властей "разжалованного" Петрограда, которые возглавлял Г.Е. Зиновьев, и московским "всероссийским начальством" во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким. Как вспоминал современник, "центральные законы действовали на территории Петрограда только с дозволения местного градоправителя (так он называет Зиновьева. — Т. X.). «Нам Москва не указ», — от зиновьевских чиновников не раз приходилось слышать такие слова»⁷².

Еще хуже было положение в провинции, где зачастую даже не слышали о бесчисленных декретах, указах, распоряжениях, постановлениях центральной власти. Поэтому осуществление "плодотворной идеи Единого государственного архивного фонда... оказалось задачей весьма сложной", — писал Пресняков. Ведь в основу идеи централизации (ЕГАФ) было заложено понимание организации "единого общегосударственного архива" на основе "концентрации архивных материалов в каждом из столичных и губернских центров", т. е. "в отвлеченной, теорети-

чески верной идее мыслилось деятелями архивной реформы образование в каждом местном центре одного, систематически организованного, значительного архива, а в Центре – полного учета всех материалов в обширной картотеке, которая объединяла бы картотеки местные". На практике это выразилось только в достаточно формальном мероприятии: упраздненные ведомственные ("исторические") архивы были переименованы в "отделения" ЕГАФ с сохранением в их составе исторически сложившихся фондов, «лишь отчасти группируемых по содержанию и систематизируемых по так называемому "логическому принципу" в рамках "секций"». Иначе говоря, каждая "секция" должна была "объединить в своем ведении архивные фонды однородного содержания и руководить их научной разработкой, венцом которой является их подготовка к изданию и ученому исследованию"⁷³.

Таким образом, основой "научно-архивной работы" становилась именно секция, которую должен был возглавить "заведующий" ("из специалистов исторической науки"). Именно на секцию возлагалась задача по «объединению и планомерной координации работ соответствующих "отделений", касающейся "рациональной организации распределения и хранения соответствующих архивных фондов, их систематической разработки, учета, классификации и изучения, подготовки их описания и публикация».

Первоначально было выделено семь секций, которые разделились следующим образом: I – секция законодательства, верховного управления и внешней политики; состоит из трех отделений (в состав первого вошли архивы императорских Государственных советов со времен Екатерины II и Павла I, Государственной Думы, Комитета и Совета Министров, Временного правительства и т. д.; в составе второго отделения – "все архивные фонды учреждений дворцового ведомства в Петрограде и Москве"; третье отделение было образовано из Государственного архива и Главного архива иностранных дел, включающего петроградский и московский отделы). Заведующих первой секцией оказалось также двое – В.Н. Сторожев (в будущем – едино-

мышленник М.Н. Покровского) в Москве и М.А. Полиевктов (из окружения А.С. Лаппо-Данилевского и С.Ф. Платонова) в Петрограде.

Аналогично выглядели и другие секции: II – комплекс юридических фондов, включая Сенатский архив в Петрограде и Архив юстиции в Москве, а также ряд более мелких фондов (заведующий – А.Е. Пресняков); III – военная и морская (заведующий – В.И. Селивачев); IV – народного просвещения, печати, искусства и исповеданий (заведующий – С.Ф. Платонов); V – историко-экономическая (заведующий – Е.В. Тарле); VI – фонды архива Министерства внутренних дел, а также Московского губернского архива старых дел и других органов местного управления, городского и земского самоуправления и т. п. (заведующий – М.А. Полиевктов, очевидно по совместительству); VII секция, в основу которой был положен архив департамента полиции, была задумана как историко-революционная (заведующие – П.Е. Щеголев, Петроград, и В.В. Макасов, Москва)⁷⁴.

Так выглядела идеальная, гораздо более подробно изложенная во многих документах того времени и позднейших исследованиях схема построения централизованного архивного фонда России, отвечающая интересам главным образом исторической науки.

Однако, как писал Пресняков, "мудрено было вполне подчинить единой и цельной организующей мысли тот архивный хаос, с которым пришлось иметь дело Главному архивному управлению". Рязанов, постоянно переезжая из Петрограда в Москву и обратно, пытался скоординировать работу крупнейших "секций" и "отделений" хотя бы в этих двух центрах. Архивистам приходилось решать прежде всего все те же неотложные вопросы борьбы с разрухой и воинствующим невежеством, повсеместно вести "розыск, собирание и охрану" архивных фондов.

Центральный орган управления архивами работал, не имея утвержденного правительством Положения, буквально на ходу выстраивая собственную структуру и с огромным трудом завоевывая авторитет у местных властей. Постепенно, не без сопротивления петроградцев, центр тяжести научной и организацион-

но-практической работы переместился в Москву. Здесь группа историков и архивистов образовала "деловое ядро" вокруг профессора Московского университета М.К. Любавского. В их числе были историки Ю.В. Готье, А.Н. Филиппов, а также архивисты – представители крупнейших московских архивов – С.А. Белокуров, Н.Б. Рождественский и Ю.В. Сергиевский (архив Комиссариата иностранных дел), Д.В. Цветаев, Н.Н. Ардашев, Н.П. Высоцкий (архив Комиссариата юстиции), И.В. Хрипач, Г.Э. Кудлинг, И.И. Успенский (архив Главного штаба), Б.С. Пушкин (архив 6. Московского отделения Общего архива Министерства императорского двора, т. е. Комиссариата имуществ республики), Н.Н. Кононов (архив Исторического музея), Г.П. Георгиевский (рукописное отделение Румянцевского музея), Н.Н. Попов (Патриаршая библиотека).

Многие из них принимали участие в последних, майских совещаниях по выработке проектов положения о ГУАД и декрета от 1 июня. Они сохраняли собственное мнение, которое, естественно, не во всем совпадало со мнением петроградцев. Поэтому, получив сообщение о принятии правительством только одного документа – декрета, – они 15 и 17 июня, на специально созданных совещаниях, приняли собственный проект Положения, в котором акцент был сделан на недостающие в московском проекте аспекты. Прежде всего речь шла об уточнении полномочий ГУАД по отношению к местным (областным и губернским) архивам, а также о необходимости подготовки и подбора "нового кадра работников" для осуществления централизации архивного дела в общероссийском масштабе. Новые кадры должны были обладать, "кроме высшего исторического или филологического образования", еще и опытом "прохождения специальных наук в архивной школе"⁷⁵.

К этому же времени с попыткой обособить военные архивы и "делопроизводство армии" от ЕГАФ выступили представители архивов Главного штаба (управления по командному составу Всероссийского Главного штаба). Суть их предложения состояла в том, чтобы немедленно "разъяснить, что декрет о реорганизации и централизации архивного дела не распространяется

на архивы военведомства нашей Республики", и "не передавать их в заведование ГУАД"⁷⁶.

Все эти вопросы требовали немедленного вмешательства Рязанова. Дальнейший ход событий излагается М.К. Любавским так: "В последних числах июня 1918 г. заведующий Главным управлением архивным делом Д.Б. Рязанов созвал в Москве особое совещание для окончательной выработки Положения о ГУАД и подведомственных ему областных управлениях... Д.Б. Рязанов счел нужным, не дожидаясь утверждения выработанного на предварительном совещании Положения, учредить Временную коллегия и временный Совет Московского областного управления. Коллегия была утверждена в составе М.К. Любавского, его заместителя С.А. Белокурова, заместителя заведующего В.Н. Сторожева, старшего областного инспектора С.Б. Веселовского и заведующего делопроизводством И.П. Боголепова... Для обозрения архивов на местах и исполнения других поручений областного управления в помощь С.Б. Веселовскому были назначены 3 инспектора: А.Ф. Изюмов, В.И. Пичета и Л.И. Львов, а впоследствии еще и С.А. Друцкой и М.С. Вишневский".

В отличие от Петроградского отделения, которое сосредоточилось на концентрации и обработке центральных исторических архивов, Московское областное управление начало работу по "приведению в известность наличности" и "спасению архивных фондов", а также "ценных частных фондов в провинции"⁷⁷. Инспектора выезжали в города Подмосковья, а также в Ярославскую, Костромскую, Владимирскую, Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Смоленскую, Орловскую, Курскую и Воронежскую губернии, отнесенные в "состав района ближнего руководства Московского областного УАД".

Так явочным порядком Москва становилась общероссийским архивным управлением. Фактическое положение было закреплено юридически 13 ноября 1918 г., когда на базе Московского областного УАД была сформирована Коллегия ГУАД в составе Д.Б. Рязанова, В.Н. Сторожева, М.К. Любавского,

С.Б. Веселовского и А.М. Полянского. Обязанности распределялись следующим образом. Д.Б. Рязанов (заведующий) осуществлял общее руководство и докладывал в правительство наиболее важные вопросы развития архивного дела. В.Н. Сторожев (заместитель) курировал публикационно-издательскую деятельность. С первых дней после Октября 1917 г. он был явным противником идеи "гласности" ("открытости архивов"), выступая по этому вопросу вместе с Покровским против Рязанова⁷⁸. М.К. Любавский возглавлял архивные курсы. Инспекторскую часть непродолжительное время курировал в составе Коллегии Веселовский, вскоре его сменил на этом посту Пичета. На Полянского были возложены функции руководителя организационной и хозяйственной деятельностью Главархива. Кстати, само название Главархив было официально введено для применения в переписке особым циркуляром гораздо позже – только 21 марта 1919 г.⁷⁹ Вначале употреблялось – Г.У.А.Д. Наркомпроса РСФСР.

Петроградское отделение УАД, во главе которого с 16 июля 1918 г. находился С.Ф. Платонов, ставилось, таким образом, в иерархическое подчинение Москве, что было воспринято "платоновцами" весьма болезненно. В своих документах они именовали себя не областным управлением, а "Главным управлением архивным делом в Петрограде". Здесь особенно активную роль играло Совещание управляющих отделений ЕГАФ, на котором в самой демократической форме, в духе прежних общественных организаций типа Союза РАД, обсуждались практически все вопросы жизни архивов. Сегодня материалы Совещания представляют большой интерес: оно становилось как бы постоянно действующей экспертной комиссией по выработке архивной терминологии, методики и правил составления описей, инструкции об уничтожении архивного материала, методов борьбы с вредителями документов и т. д. Вопросы эти докладывались на Совещании руководителями специально создаваемых комиссий по отдельным вопросам – А.Н. Макаровым, И.А. Блиновым, П.А. Шафрановым, Г.А. Князевым, К.Я. Здравомысловым и др. Потом на основании этих разработок (естественно, с учетом уточнений и дополнений других ученых) правительство

утвердило и приняло ряд законодательных актов и других официальных постановлений, наиболее известными из которых являются подписанные В.И. Лениным декрет СНК РСФСР "О хранении и уничтожении архивных дел" (31 марта 1919 г.), декрет СНК РСФСР "Об архивах и делах расформированной прежней армии" (27 марта 1919 г.), декрет СНК РСФСР "О губернских архивных фондах (Положение)" (31 марта 1919 г.) и, наконец, декрет СНК РСФСР "Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях" (29 июля 1919 г.). Это целый "залп" декретов, который дополнялся также собственными главархивовскими документами. Такое обилие свидетельствовало не о силе, а о слабости центральных органов власти.

4 апреля, 12 апреля и 23 июля 1919 г. в циркулярных указаниях ГУАД отделам народного образования губернских исполнительных комитетов, уполномоченным ГУАД и губернским ученым архивным комиссиям, а также заведующим губархивами настоятельно, в одних и тех же выражениях указывалось на "необходимость в целях охраны исторических документов особо строгого наблюдения за тем, чтобы никакие дела и документы ни под каким видом, под угрозой судебной ответственности по декрету 1 июня 1918 года, не подвергались уничтожению без особого письменного разрешения Главархива"⁸⁰.

На заседаниях коллегии ГУАД непрерывно рассматривались практически одинаковые по сути доклады инспекторов и уполномоченных с мест. Все они касались вопроса о несанкционированных уничтожениях документов и произволе местных властей по отношению ко всем "интеллигентам" (и к архивистам, в частности). Вот несколько очень характерных для того времени документов. В декабре 1918 г. коллегия ГУАД почти ежедневно принимает постановления типа: "Клинский уездный совет местных народных судей просит разрешения уничтожить без составления описей все законченные дела мировых судей с 1884 по 1890 г., земских начальников и уездного съезда с 1890 по 1917 г. ... Мотивом к такому ходатайству Совет выставляет

утрату этими делами всякого значения. **Постановили:** Безусловно не соглашаясь с постановлением Уездного Совета... равно как и с мотивами... уведомить Совет, что, согласно Декрету 1 июня с. г., все означенные дела подлежат тщательной охране со стороны Совета под страхом указанной в декрете ответственности"⁸¹.

Хуже всего приходилось тем представителям Главного управления, которые лично вступали в столкновение с местными властями в ходе защиты архивных ценностей. Читаем в другом протоколе: "Архивариус П.С. Шереметев сообщает, что, хотя им и исполнено все ему порученное, но доклада он представить не может ввиду ареста... Согласно телефонным переговорам тов. Каменева с В.Ч.К., П.С. Шереметев увольнению не подлежит. **Постановили:** Принять к сведению". Так обстояли дела в уездах столичной губернии.

Еще хуже было в отдаленной провинции. Командированный для обследования архивов Приуралья А.А. Введенский докладывал: "Пермский губархив не имеет сколько-нибудь знающих и даже просто интеллигентных работников. Ко времени моего приезда он лишился даже своего руководителя, вследствие ареста его местной Ч.К. без соблюдения порядка, предписанного декретом об аресте ответственных, незаменимых советских работников... Мне, приехавшему для научной работы по архивам, властями было предписано исполнять обязанности заведующего губархивом, так как только при этом условии я мог бы получить фактически допуск к архивам. Пермский губархив почти бессилён предотвратить гибель архивов... Местные волисполкомы, нуждаясь для своих текущих нужд в чистой бумаге, предпринимают систематическую добычу чистой бумаги простым вырыванием ее из архивных дел, причем самые дела, как ненужный хлам, идут на растопку, на клейку конвертов и обертку... Представитель власти мне не без гордости заметил, что в Советской России ничего даром не пропадает... Угрозы судом не действуют"⁸².

Тяжелая картина состояния провинциальных архивов стала основной темой собравшегося 11 июня 1919 г. съезда губерн-

ских уполномоченных Главархива. В докладе старшего инспектора А.Ф. Изюмова о деятельности инспекций и уполномоченных Главархива были высказаны горькие, но справедливые слова о том, что "все декреты и постановления проходили для провинции малозамеченными и узнавалось про них лишь по приезде того или иного инспектора". Он рассказал о том, что Главное управление считается "пасынком среди других советских учреждений даже в центре, не говоря уже о провинциальных органах" советской власти. "Главной причиной, часто тормозящей успех работы, – сказал Изюмов, – было недоверие со стороны властей... При наведении служебных справок заурядным ответом бывало: "Не ваше дело"! "От представителей губисполкомов приходилось слушать слова о ненужности национальных архивов, в то время когда проводится интернационализм".

Главный инспектор Пичета, выступая от имени Коллегии Главархива, попробовал успокоить собравшихся: беды архивов на местах временные, поскольку "все подчинено интересам нашего торжества в гражданской войне". Он также сослался на то, что во Франции после революции конца XVII в. с архивами обращались еще хуже. Однако для участников съезда гораздо важнее было уяснить главное: успеха в работе на местах можно достигнуть только ценой собственных усилий. И только там, где "все-таки удавалось договориться с отделами образования", а назначенные новые уполномоченные устанавливали доброжелательные отношения с губисполкомами на личной основе, можно было наладить совместную работу по спасению архивных фондов от двух катастроф: "жилищного кризиса" и "бумажного голода", когда архивы силой выселяли в непригодные помещения или когда невежественные чиновники вырывали из архивных документов чистые листы, самым варварским образом нарушая состав дел, а испорченные остатки целыми возами отправляли на переработку на писчебумажные фабрики или продавали на вес для различных хозяйственных и торговых потребностей⁸³.

Участники съезда обсудили также вопрос об охране и концентрации частных архивов, одоббив деятельность по организации отдельного хранилища для них в Москве, а также инструк-

цию, согласно которой к работе по исследованию этих архивов нужно было максимально привлекать их бывших владельцев, предоставляя им работу в архивохранилище.

Обилие жалоб с мест, а также явный акцент на необходимость сотрудничества со старыми специалистами, включая бывших сотрудников губернских ученых архивных комиссий (они присутствовали в Москве в качестве полноправных делегатов, поскольку зачастую автоматически становились уполномоченными Главархива), дали повод В.В. Максакову позже обвинить съезд губернских архивных уполномоченных в преобладании на нем "антисоветски настроенных элементов"⁸⁴. Суть проблемы заключалась в следующем. Архивные деятели в центре и на местах отчаянно стремились уберечь независимость архивов от нестабильной политической конъюнктуры. Они самоотверженно, иногда с риском для собственного здоровья, личной свободы и даже жизни спасали бесценное документальное наследие России. Значение этого (немногочисленного по составу) форума архивистов, собравшегося впервые после провозглашения архивной реформы, состояло именно в том, что на нем предстала объективная картина тяжелейшего положения архивов на местах.

Во многом это объяснялось тем, что даже подписанный В.И. Лениным декрет "О губернских архивных фондах", проникнутый идеей централизации архивного дела в масштабах всей страны, на местах не принимался во внимание или трактовался с местнических позиций. Как вспоминал современник тех событий, декреты советской власти "лежали в разрозненных экземплярах беспомощной кучей, а жизнь текла своим чередом по воле и желанию власти на местах... Люди, интересовавшиеся декретами и проводившие параллель между ними и действительностью, ничего не понимали, да ничего и нельзя было понять, так как Россия напоминала собой опрокинутое решето раков, куда-то лезущих и ущемляющих друг друга"⁸⁵.

Примечательным в этом смысле является положение "Об Управлении архивным делом Сибири", опубликованное в начале 1920 г. В нем сказано: "Управление архивным делом Сибири уч-

реждается в целях организации и централизации архивного дела в Сибири. Руководствуясь в своих действиях и распоряжениях декретами Совнаркома и постановлениями коллегии Главархива, Сибархив в делах, соприкасающихся с вопросами управления, подчинен Сибревкому". По существу, такая позиция означала отказ от "чрезмерной централизации архивного дела" во имя "идеи автономизации областей"⁸⁶. Еще более самостоятельно вели себя республики, входившие в состав Российской Федерации.

Главархиву оставалось только считаться с этой реальностью. Так объективно складывался принцип своеобразного "федерализма" в архивном строительстве, соответствовавший аналогичному принципу государственно-правового строительства в масштабе всей страны, провозглашенному в принятой почти одновременно с декретом об архивном деле Конституции РСФСР.

В такой сложной обстановке архивисты пытались действовать самостоятельно, буквально через голову органов советской власти, взывая прежде всего к патриотическим чувствам россиян. В этом плане наиболее характерным примером является первая послереволюционная агитационно-пропагандистская брошюра об архивах, которая почти семь десятилетий замалчивалась в официальной историографии. Объяснялось это тем, что чуть позже на эту же тему написал аналогичную брошюру соратник В.И. Ленина, управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич. Поскольку идею брошюры ему, как он вспоминал об этом много лет спустя, подсказал сам Ленин, она выдавалась за пример заботы партии большевиков об архивах. Однако в ней отчетливо звучала идея классового, идеологизированного отношения к архивным богатствам, что на практике приводило к пренебрежению остатками "старых общественных, политических и государственных учреждений России, этих организованных и укрепленных орудий власти, угнетения и порабощения всех трудящихся и обремененных"⁸⁷.

Пафос опубликованной без указания имени автора брошюры перекликается с документом, который в личном фонде А.С. Николаева отложился как листовка-воззвание "К русским

культурным силам от ГУАД"⁸⁸. На вполне профессиональном уровне объяснялось, каким образом нужно действовать в целях сохранения "каждого собрания хранимых в порядке документов и бумаг... являющегося драгоценным народным достоянием".

Ценность брошюры еще более увеличивается в связи с тем, что ее автором, как установили в 1988 г. ленинградские исследователи Е.А. Агафонова и Г.Е. Соминич, является архивист трагической судьбы, столь характерной для тех лет, – Виктор Владимирович Снигирев (1884 – 1921). Начав свою профессиональную деятельность в 1915 г. в архиве Министерства народного образования, он активно участвовал в работе Союза РАД. С апреля 1918 г. был помощником А.С. Николаева, который руководил первым петроградским отделением IV секции ЕГАФ. От голода и разрухи он уехал в 1919 г. из Петрограда в Тверь, где умер в возрасте 36 лет. После него осталось небольшое творческое наследие: "Программа по архивоведению и архивоведению для учебных заведений, подготавливающих учительский персонал Единой трудовой школы", доклад "О постановке архивного дела на Западе" и наброски лекций, которые он читал на архивных курсах Петрограда в 1918 и 1919 гг.⁸⁹ Однако достаточно только одной, чуть ли не случайно сохранившейся брошюры, чтобы увидеть в нем типичного российского архивиста-подвижника тех лет.

Характерно прежде всего название этой небольшой (8 с.) брошюры: "Почему необходимо бережно хранить собрания документов и чем всякий из нас может помочь в этом деле". В отличие от Бонч-Бруевича Снигирев не упоминает уполномоченных Главархива и только вскользь называет "культурно-просветительные отделы местного совдепа". Его главная надежда – на пробуждение активного патриотического чувства прежде всего у "народного учителя", а также у всех граждан России, к которым он обращается со страстным призывом: "Читайте и распространяйте ее среди грамотных, толкуйте детям и взрослым большую важность сохранения документов и бумаг ради возможности познакомиться из них с прошлым... Твердо помните, что происходящая на всем протяжении Республики огромная

работа по спасению архивов совершается в ваших же интересах, в интересах всего населения и даже будущих поколений и что успешное ее выполнение очень много зависит от вашей сознательной и добровольной помощи". Давая совершенно конкретные, деловые советы и даже адреса, по которым нужно обращаться в случае выявления "любого, хотя бы и небольшого собрания документов и бумаг", Снигирев указывает: "Какими бы малоинтересными и неважными ни казались на первый взгляд документы некоторых архивов... в руках знающих людей они явятся очень важным материалом для ознакомления... с самой обстановкой нашей общественной и частной жизни... Необходимо помнить, что, как бы ни были важны и интересны отдельные разрозненные документы и бумаги, главная их ценность заключается в том, что они сохраняются вместе с другими, им подобными, без которых их далеко не всегда можно понять и оценить по достоинству".

Как видим, здесь нет даже намека на классовую суть документов, речь идет только об их культурно-историческом значении. Более того, в брошюре, как и в листовке-воззвании, содержится явная полемика с теми, кто "по невежеству, или небрежности, или по равнодушию" участвовал в уничтожении "письменных остатков нашей старой жизни", отражавших "все теневые и солнечные стороны русской жизни, все ее радости и печали, победы и скорби". Снигирев и его единомышленники звали "всех культурных и просвещенных людей провинции" объединиться "в архивные организации, общества, кружки, комиссии, комитеты или отделы при советах по народному образованию", чтобы спасать и сохранять, приводить в порядок и изучать письменные материалы, относясь к ним как "к большим и малым частицам русской истории, русской культуры, русских духовных богатств".

Этот призыв был услышан, но не представителями официальных властей, которые в массе своей к архивариусам всякого рода относились по меньшей мере с пренебрежением. Он был услышан именно теми "культурными людьми", к которым обращались через голову правительства патриотически настроенные архивисты.

С властями же Главархиву пришлось вступить в прямые столкновения. Это отразилось в серии циркуляров Главархива, разосланных осенью 1919 и весной 1920 г., в результате чего появился последний (по времени) документ, в котором говорилось: "27 ноября 1919 г. за № 658 Бумажным отделом Центрoutilia ВСНХ был разослан губернским отделам утилизации циркуляр с инструкцией об утилизации старых архивов. Ознакомившись с этим циркуляром и инструкцией и имея в виду, что они находятся в противоречии с декретами от 1-го июня 1918 г. и 31-го марта 1919 г., Главархив обратился по сему делу с протестом в Высший Совет Народного Хозяйства и ныне получил из Отдела Утилизации (Комиссии по сбору отходов) ВСНХ сообщение от 16-го сего апреля за № 1545 о том, что в дополнение к указанному циркуляру Комиссией будет разослано на места разъяснение в том смысле, что все архивы, имеющие историческую и научную ценность, могут передаваться для утилизации только после просмотра и извлечения из них необходимого материала Разборочными комиссиями местных губархивов"⁹⁰.

Этот документ может служить типичным примером самобмана и отчаяния. Главархив в централизованном порядке не смог овладеть ситуацией под натиском гораздо более мощных структур. Весной 1921 г. появляется новое распоряжение (на этот раз от имени сразу трех ведомств: Президиума ВСНХ, Наркомпроса и Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции), в котором говорилось: "Вследствие переживаемого бумажной промышленностью сырьевого кризиса учреждается Особая Комиссия (Особкомбум)... [которой] предоставляется право изъятия на всей территории РСФСР тряпья, архивных материалов, старой бумаги и обрезков, не представляющих исторической или деловой ценности"⁹¹.

Этот документ заслуживает особого внимания хотя бы потому, что под ним впервые – в связи с архивным делом – появляется подпись И.В. Сталина. В качестве "народного комиссара РКИ" он подписал этот документ вместе с А.И. Рыковым и А.В. Луначарским.

Как явствует из всех подобных документов, во главу угла отныне ставится вопрос об определении тех документов, которые не представляют "исторической или деловой ценности" (в 1921 г. исчезает слово "научной"). Иначе говоря, очевидный для А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова, В.В. Снигирева, А.С. Николаева и их единомышленников, историков и архивистов "старой школы" тезис о необходимости сохранения всех сложившихся ранее архивных фондов и частных собраний в рамках ЕГАФ подвергался пересмотру. Причем Главархив, являясь "пасынком" среди прочих административных органов, не располагал достаточной силой на местах, чтобы отстоять архивные ценности от атак "утилизаторов", получавших за успешную работу по "сбору отбросов" ("тряпья, архивных материалов, обрезков" и т. д.) премии, повышения по службе и другие поощрения. Главархив и его уполномоченные при этом выступали для властей в качестве досадной помехи, если не прямых вредителей и контрреволюционеров. Это уже была первая серьезная угроза политического характера.

Вторая угроза была еще более весомой, хотя о ней в официальной историографии говорится очень мало. Дело в том, что в полном соответствии с декретом от 1 июня 1918 г., объявлявшим в пункте 7 целью образования ЕГАФ в первую очередь "лучшее научное использование", Главархив провозгласил принцип "гласности" в пользовании документами со стороны исследователей. Официально этот принцип был закреплен в 1920 г. в "Правилах пользования архивными материалами для государственных, научных и частных потребностей". В преамбуле ("Общие положения") этих "Правил" указывалось: "1. Все архивы считаются открытыми для пользования сторонних лиц, кроме тех из них, о временном закрытии которых последовало распоряжение Г.У.А.Д.; 2. Архивами могут пользоваться государственные, ученые и общественные учреждения и частные лица", причем "русские ученые и исследователи к занятиям в архиве допускаются с разрешения управляющего архивом". Единственным условием ставилось "быть известными админист-

рации архива или представить надежные рекомендации, например ученых специалистов, учреждений по месту службы и т. п.". Иностранцы допускались к занятиям в архиве по докладу управляющего архивом Главному управлению архивным делом⁹².

Однако в том-то и заключалась проблема, что большевики уже не могли доверить политику допуска и определения секретности ("временного закрытия") специалистам ГУАД как в центре, так и на местах. По мере упрочения однопартийной власти в общегосударственном масштабе в соответствующих органах ЧК накапливалась информация об "антисоветских" действиях и высказываниях ответственных сотрудников ГУАД и его "секций" в Петрограде и Москве.

Первым из сигналов такого рода послужила публикация "Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. б. Московского охранного отделения", которая вышла под общей редакцией С.П. Мельгунова (впоследствии он будет выслан из страны) и М.А. Цявловского (он будет репрессирован) в частном издательстве "Задруга" (М., 1918)⁹³. В этом сборнике вниманию "будущих историков русской социал-демократии" предлагались документы об успешной работе охранки по вербовке и засылке в ряды ленинцев штатных провокаторов.

Нельзя было исключить и появление аналогичных документов по истории "предательства в пользу Германии", по неблагоприятным финансовым делам партии в дореволюционный период и т. д. Тогда в дело впервые активно вмешался член московского правительства М.Н. Покровский. В июле 1918 г. он собственной властью просто упразднил Комиссию по разработке политических дел, которую с марта 1917 г. возглавлял историк Мельгунов. А все документы остались на месте, но перешли в ведение образованного при СНК Московской области Архивно-политического отдела, который по совместительству возглавил сам Покровский.

Другим сигналом послужили политически "вредные" лекции, с которыми выступали перед слушателями архивных курсов

в Петрограде И.Л. Маяковский, Е.В. Тарле и другие историки и архивисты.

И.Л. Маяковский убедительно доказывал идею о преемственности архивной реформы в России, исходя из трудов Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова (впоследствии он будет вынужден публично отречься от этой точки зрения).

Е.В. Тарле в лекциях, а также в сборнике "Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции. Воспоминания современников и документы", опубликованном в 1918 — 1919 гг. под его редакцией, позволял себе недопустимые с точки зрения официальной идеологии аналогии красного террора с кровавым террором якобинцев.

Под большим подозрением находился и сам заведующий Главархивом Рязанов. Достаточно сказать, что именно к 1919 г. относятся его слова, процитированные из "неуказанного источника" в 1931 г., когда он был арестован, снят с должности директора Института Маркса и Энгельса и исключен из партии: "Я не большевик и не ленинец. Я только марксист, и как марксист я коммунист"⁹⁴.

Одним словом, даже этих фактов было более чем достаточно, чтобы партия и советское правительство обратили самое серьезное внимание на деятельность Главархива. Период мирного сосуществования науки и идеологии подходил к концу.

Уже 23 августа 1920 г. "в связи с отъездом Д.Б. Рязанова из Москвы" обязанности заведующего Главархивом были возложены на его влиятельнейшего в партийных кругах противника Покровского, который сразу же стал изгонять из архивных ведомств и учреждений людей "не наших" и заменять их "нашими". Впрочем, вспоминая в 1928 г. об обстоятельствах своего назначения, сам Покровский скромно ссылаясь на "верное большевистское чутье" старого большевика-ленинца В.В. Адоратского, который, вернувшись в 1920 г. из Казани, посетил московские архивы. Это, вспоминал Покровский, "на него, человека, не каждый день ходившего в архив, как я, а после некоторого промежутка нюхнувшего этой атмосферы, произвело головокружительное впечатление. Везде сидят не наши люди, и у них

в руках наши бумаги, наши дела... Верное большевистское чутье т. Адоратского подсказало, что творится что-то неладное. В.В. Адоратский подошел к В.И. Ленину и стал говорить, что за безобразие происходит и нельзя ли этому положить конец, т. е. тому, что наши архивы находятся в руках чужих людей"⁹⁵.

Результатом стал полный разгром Главархива "рязановского" состава.

История отечественного архивного дела вступила в новый этап.

Примечания

- 1 Макаров А.Н. Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкампа // Ист. арх. 1919. Кн. 1. С. 131; Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С. 90.
- 2 См.: Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство. Спб., 1877.
- 3 См.: Самоквасов Д.Я. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902.
- 4 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408. Л. 2 – 5. ВЦИК – ЦАУ. Докладная записка С.Ф. Платонова об организации ЦАУ. (машинопись).
- 5 РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 1 об., 4 – 4 об.
- 6 См.: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1 – 56; Ф. 7798. Оп. 1. Д. 1 – 173; Ф. 5325. Оп. 9. Д. 8; РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 25.
- 7 Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России. (1917 – 1918 гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 9 – 34; он же. Из истории организации архивного дела в России (1917 – 1918 гг.) (Окончание) // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 3 – 27. К величайшему сожалению, эта работа, глубокая по содержанию и точная по приводимым фактам и оценкам, осталась незавершенной. Владимир Николаевич не закончил ее из-за преждевременной кончины в 1993 г. Тем не менее mimo этого труда теперь не сможет пройти ни один историк, ни один серьезный исследователь архивного дела первых послереволюционных лет. В изложении темы мы будем во многом опираться на его наблюдения и оценки.
- 8 Максаков В.В. Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. XIII. С. 29.
- 9 См.: Жуков Ю.М. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917 – 1920 гг. М., 1989. С. 284; сведения о воззвании см. также: Аполлон № 2 – 3. Февраль – март 1917. С. 10, 64, 65.
- 10 См.: Сеннин А.С. Либералы у власти. История повторяется? // Кентавр. 1993. № 2. С. 116 – 117.
- 11 Архив русской революции: В 22 т. Т. 1 – 2. М., 1991. С. 5.
- 12 См.: Пресняков А.Е. Реформа архивного дела в России // Русский исторический журнал 1918. Кн. 5. С. 206 – 207.

- 13 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 17 – 25; *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела. М., 1923. С. 1 – 8.
- 14 См.: *Николаев А.С.* Реформа архивного дела в России // Исторический архив. Кн. первая. Пг., 1919. С. 2 – 3.
- 15 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 5 – 6; см. также: *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 11. Обращаем внимание на ключевые требования, содержащиеся в документе. В них уже содержатся две базовые установки (о создании государственных архивных фондов и необходимости их централизации), которые войдут затем в декрет от 1 июня 1918 г.
- 16 См.: ГАРФ. Ф. 579 (Фонд П.Н. Милюкова). Оп. 1. Д. 2744. Л. 1 – 6.
- 17 См.: РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 25. Л. 29; см. также: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 об.; там же. Д. 48. Л. 62.
- 18 РГИА. Ф. 1686. Оп. 1. Д. 25. Л. 32.
- 19 См.: *Гревс И.М. А.С.* Лаппо-Данилевский (опыт исследования души) // Русский исторический журнал. 1920. № 6.
- 20 См., например: *Артизов А.Н.* Проблемы отечественной историографии в трудах ученых старой школы в послеоктябрьский период // История СССР. 1988. № 6. С. 84; *Пушкарев Л.Н.* Определение исторического источника в русской историографии XVIII – XX вв. // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 84 и др.
- 21 См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Спб., 1913. Ч. 2: Методы исторического изучения. С. 321, 325, 375 – 376.
- 22 См.: *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. Вып. 2: Посмертное издание. Пг., 1923. С. 207 – 247.
- 23 См.: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 3. Л. 8 – 10.
- 24 *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945 гг.). М., 1969. С. 26 – 27.
- 25 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 18. Л. 13 об.; там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 250.
- 26 См.: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 – 44, 61 – 62 (Приложение к протоколу шестого собрания).
- 27 *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 207.
- 28 *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 16.
- 29 *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 208 – 209.
- 30 *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела в Петрограде. Рук. // ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 19.
- 31 Там же. Л. 5.
- 32 *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела. С. 208.
- 33 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 6.
- 34 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 18. Л. 17 – 17 об.
- 35 См. там же. Д. 27. Л. 44 – 44 об.
- 36 См.: *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 32.
- 37 См.: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы. Лит. наследство. Т. 80. М., 1971. С. 46.
- 38 См.: *Седельников В.О.* ЧК и архивы: Два эпизода из истории архивного дела в первые годы Советской власти // Звенья. Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 439 – 450.

- 39 См.: *Лопухин В.Б.* После 25 Октября // *Минувшее. Исторический альманах.* Т. 1. М., 1990. С. 25 – 26, 70, 73 – 74; см. также: *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 18 – 19.
- 40 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 95 – 98 об.
- 41 Там же. Л. 259 об.
- 42 *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 23.
- 43 См.: *Крылов В.В.* Человек огромной энергии и интеллекта // *Советская библиография.* 1989. № 6. С. 47 – 49. Здесь же содержится список литературы, посвященной жизни и деятельности Д.Б. Рязанова.
- 44 *Аграновский И.А.* Прочитаны впервые. М., 1968. С. 9.
- 45 *Ан-ский С.* После переворота 25 октября 1917 г. // *Архив русской революции:* В 22 т. Т. 7 – 8. М., 1991. С. 51.
- 46 *Гиппиус З.* Черные тетради // *Звенья.* М.-СПб. Вып. 2. 1992. С. 52, 146. Он протестовал также против декрета ВЦИК, который в ноябре 1917 г. отменил свободу печати.
- 47 *Готье Ю.В.* Мои заметки // *Вопросы истории.* 1991. № 11. С. 158.
- 48 См.: *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 234, 257, 262.
- 49 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- 50 Об этом же свидетельствует А.Е. Пресняков. См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 21.
- 51 Так в тексте. Явное свидетельство спешки при составлении протокола.
- 52 ГАРФ. Ф. 7789. Д. 1. Л. 261 – 261 об.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Д. 36. Л. 3; Д. 48. Л. 75.
- 55 *Автократов В.Н.* Указ. соч. // *Отечественные архивы.* 1991. № 4. С. 4.
- 56 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 263.
- 57 Там же. Оп. 9. Д. 480. Л. 21 – 22.
- 58 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1. Л. 4 (протокол № 104 заседания СНК от 26 апреля 1918 г.); см. также: *Шмидт С.О.* Вступительное слово (к Тихомировским чтениям 1978 г.) // *Археографический ежегодник за 1978 г.* М., 1979. С. 122 – 123; *В.И. Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974. С. 408.
- 59 См.: *В.И. Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5. С. 575, 577; *Ленинский сб.* М.-Л., 1933. Т. XXIV. С. 161.
- 60 См.: *Журнал № 5 заседания ЦК по управлению архивами от 30 апреля 1918 г.* // *Коллекция документов из собрания Библиотеки ИАИ РГГУ.*
- 61 См.: *Журнал № 9 (от 17 мая 1918 г.)* // Там же.
- 62 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 25. Л. 12 – 13; см. также: *Автократов В.Н.* Указ. соч. // *Отечественные архивы.* 1993. № 4. С. 9 – 11, 23 – 24; *Пшеничный А.П.* О подготовке декрета "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР" // *Советские архивы.* 1987. № 6. С. 16 – 24.
- 63 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 8. Л. 2.
- 64 См.: *Аннинский С.А.* 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // *Дела и дни. Исторический журнал.* 1920. Кн. первая. С. 372 – 373.
- 65 *Летопись архивной жизни* // *Исторические архивы.* 1919. Кн. 1. С. 518 – 519.
- 66 См.: *Лаппо-Старженецкая Е.* Французские архивы в их прошлом и настоящем // *Историческ. архив.* 1919. Кн. 1. С. 165 – 167.

- 67 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Д. 15. Л. 5.
68 Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 205.
69 Первая конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни. С. 381.
70 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 93. Л. 3 – 6.
71 Изгоев А.С. Петроград 1917 – 1918 гг. // Архив русской революции. Т. 10. М., 1991. С. 28.
72 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 23 – 24.
73 Пресняков А.Е. Реформа архивного дела. С. 213 – 225; Николаев А.С. Реформа архивного дела в России // Исторические архивы. 1919. Кн. 1. С. 6 – 7.
74 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 7. Л. 6 – 8.
75 Там же. Л. 1 – 3.
76 Там же. Д. 480. Л. 10 – 13.
77 См.: Автократов В.Н. Указ. соч. // Отечественные архивы. 1993. № 3. С. 71.
78 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 130. Л. 22.
79 См. там же. Д. 6. Л. 15.
80 Сб. декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. Вып. 1. М., 1921. С. 54, 68 – 71, 76, 97, 101 – 102.
81 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 24.
82 Введенский А.А. Об архивах Приуралья (Письмо из Перми) // Дела и дни. 1919. Кн. 1. С. 366, 371.
83 Съезд губернских уполномоченных Главархива. М., 1919. С. 1 – 5.
84 См.: Макасов В.В. История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945 гг.) М., 1969. С. 58, 61 – 62.
85 Майер Н. Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции. Т. 8. М., 1991. С. 86 – 87.
86 Цит. по: Старостин Е.В., Хорхордина Т.И. Декрет об архивном деле 1918 года // Вопросы истории. 1991. № 7 – 8. С. 48 – 49.
87 Бонч-Бруевич В.Д. Сохраняйте архивы. М., 1920.
88 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 93.
89 См.: Автократов В.Н. Вступительная статья к публикации "Петроградская брошюра об архивах" (1919) // Советские архивы. 1988. № 4.
90 Сб. документов, циркуляров, инструкций... С. 110.
91 Там же. С. 111 – 112.
92 См. там же. С. 113, 115.
93 См. переиздание этого сборника под тем же названием: М., 1990.
94 Цит. по: Каптан И. Рязановщина и военное дело // Под знаменем марксизма. 1931. № 4 – 5. С. 101.
95 Архивное дело. 1928. № IV (17). С. 74.

Глава 2. Централизация управления архивным делом (сентябрь 1920 — 1928 г.)

Приход М.Н. Покровского, В.В. Адоратского и их единомышленников на руководящие посты в центральный аппарат Главархива означал гораздо больше, чем просто личное поражение Д.Б. Рязанова и его сторонников в борьбе за власть над архивами. В официальной историографии 30-х годов кадровые перемены предыдущего десятилетия оценивались четко и вполне определенно: «Двурушническое руководство Главархивом было снято, и аппарат Главархива был укреплен коммунистами. Это дало возможность очистить ряды архивных работников от наиболее контрреволюционных элементов»¹.

В конце 50-х — начале 60-х годов эту же оценку, по существу, повторил В.В. Максаков, расценивая привлечение к руководству архивами коммунистов, в том числе и специально "направленных Центральным Комитетом Коммунистической партии" как победу над "оппортунистическим руководством архивным делом 1918 — 1920 гг., опиравшимся в своей деятельности на классово чуждые и политически враждебные элементы из Союза российских архивных деятелей"². Эта точка зрения оставалась господствующей до конца 80-х годов, когда по указанию руководства Главархива (ГАУ СССР) была переиздана массовым тиражом одна из наиболее одиозных работ Покровского — статья "Политическое значение архивов"³.

Смена руководства Главархива и последовавшие вслед за этим кадровые перестановки на местах были, на наш взгляд, ча-

стью начавшегося в 20-е годы общего процесса активного укрепления диктатуры партии во всех областях. Для архивистов это десятилетие пройдет под лозунгами большевизации архивных кадров и огосударствления архивов. Именно в эти годы начал возрождаться ведомственный (учрежденческий) подход к архивам, что означало, по существу, отказ от демократических принципов их комплектования, организации и использования, составивших основу декрета от 1 июня 1918 г.

Политизация архивов

Сентябрь 1920 г. можно считать началом решительного поворота архивного строительства на новый путь. В этом месяце была образована новая Коллегия Главархива, в состав которой вошли М.Н. Покровский (председатель), А.А. Трояновский, который стал его заместителем, В.В. Адоратский, В.Н. Сторожев и А.М. Полянский. В январе 1921 г. состав Коллегии будет вновь пересмотрен, и в ней останутся только М.Н. Покровский, В.В. Адоратский и Н.Н. Батурин. Именно эта большевистская тройка приступила к реализации широкомасштабной программы реорганизации архивной системы в центре и на местах.

Чтобы разобраться в существе реорганизации, необходимо уяснить, что представляли собой главные идеологи и организаторы этого целенаправленного процесса, получившего впоследствии название "процесса политизации архивного дела".

Речь идет прежде всего о Михаиле Николаевиче Покровском (1868 — 1932) и Владимире Викторовиче Адоратском (1878 — 1945), поскольку третий участник — Н.Н. Батурин (Замятин) (1877 — 1927) — активного участия в работе коллегии не принимал, отдавая все время Истпарту. В Коллегию он был привлечен скорее в "представительных целях" — как старый большевик (член РСДРП с 1901 г.), партийный журналист (работник "Правды") и автор первых очерков по истории партии, изданных нелегально еще до Октябрьской революции.

Итак, главную роль в новом руководстве Главархива играл М.Н. Покровский. Начал он свою деятельность еще в конце

прошлого века как историк "московской школы". После окончания Московского университета по рекомендации В.О. Ключевского был оставлен "для приготовления к профессорскому званию", но события 1905 г. перечеркнули его блестяще начавшуюся карьеру ученого. Покровский вступает в ряды большевиков и вскоре вынужден эмигрировать из России. В 1907 г. он участвует в работе V съезда РСДРП и даже избирается кандидатом в члены ЦК. Здесь же, в эмиграции, он издает свой главный труд – пятитомную "Русскую историю с древнейших времен", представлявшую собой очень красочное, темпераментное изложение марксистской схемы социально-экономического развития России. По авторитетному заключению современного специалиста-историографа, "когда знакомишься с его трудами, возникает впечатление, что Покровский искал в трудах своих предшественников и в источниках факты, подтверждающие уже сложившиеся у историка концепции. Именно так открывался путь для того, чтобы историк стал не искателем истины, а слугой идеологии и тем самым перестал быть ученым"⁴.

Чтобы понять "феномен Покровского", следует также помнить о том, что именно он на заседаниях Московского военно-революционного комитета (ВРК) в октябре 1917 г. первым высказался за необходимость ведения "решительных боевых действий", которые привели к угрозе тотального уничтожения Кремля и сказались на архивной разрухе в Москве. Покровский стал первым председателем СНК Москвы и Московской области. С мая 1918 г., после вступления на должность заместителя наркома просвещения, и до самой смерти в апреле 1932 г. он практически возглавлял все ведущие научные учреждения страны, твердо перестраивая их в соответствии с социалистической идеологией. Покровский был как бы живым олицетворением неоднозначной действительности 20-х годов, представляя собой тип эрудированного ученого, отдавшего все свои знания и талант на службу жесткой системе марксистских идей. Сегодня он воспринимается одновременно и как один из творцов перехода от "советской демократии" первых послереволюционных лет к жесткой тоталитарной системе сталинского типа, и как жертва

этого перехода. Сразу после кончины его имя, а также так называемая "школа Покровского" были ошельмованы Сталиным и его окружением, хотя сами идеи, ныне характеризующиеся как "вульгарно-социологические", были, как и во многих аналогичных случаях, использованы победителями. Вряд ли справедливо поэтому повторять сегодня резкие оценки личности Покровского, которые давали историки "старой школы" еще в 1918 г. (Ю.В. Готье, например, называл его "большевицким Аракчеевым", "одним из Геростратов России" и считал "позором для школы московских историков"⁵). Покровский был скорее в какой-то степени трагической и одновременно героической фигурой, достаточно типичной для первого послереволюционного десятилетия. К своим "буржуазным, классовым противникам" (так он называл всех историков-немарксистов) он относился с плохо скрываемым презрением, а на вершине карьеры — с откровенной враждебностью.

Менее заметный, хотя и гораздо более однозначный след оставил в истории отечественного архивного строительства В.В. Адоратский. Член большевистской партии с 1904 г., активный участник первой русской революции 1905 г. в Казани, он вернулся из эмиграции в Россию сравнительно поздно, в августе 1918 г. После короткого периода работы заведующим "Новоромановским архивом" (фондом документов Николая II и его семьи) он уехал для поправки здоровья из Петрограда в Казань. Оттуда вел переписку с Лениным о необходимости создания под партийным контролем собрания документов по истории большевистской партии, а также Октябрьской революции. В августе 1920 г. Ленин вызвал его из Казани в Москву и при личной встрече предложил возглавить работу по собиранию этих материалов, а также поручил "подготовку к изданию в переводе на русский язык сборника писем К. Маркса и Ф. Энгельса"⁶. В этой работе ортодоксальный большевик Адоратский полностью вытеснит своего конкурента Рязанова, заменив последнего после его ареста на всех постах, в том числе как директора ИМЭЛ (с 1931 г.) и главного редактора собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (с 1938 по 1945 г.). К старым архиви-

стам он относился с пренебрежением, считая их исследовательскую работу в старых архивах ненужной и бесполезной с точки зрения новой партийной науки.

И Покровский и Адоратский рассматривали свое назначение в Главархив вполне однозначно. Покровский неоднократно повторял слова Ленина, прозвучавшие при их назначении: они "поставлены в архив как политические руководители"⁷. Всех прочих специалистов он называл "техническими элементами".

Представители большевистской партии сразу же развернули бурную деятельность в области организационной перестройки всей системы руководства российскими архивами. Именно в эти годы принцип "централизации" архивного дела, заложенный в основу декрета от 1 июня 1918 г. как принцип освобождения архивов от ведомственного контроля в интересах научного использования, получает новое истолкование и, главное, иное практическое воплощение. На первый план выдвигаются чисто управленческие аспекты "централизации", а научные интересы заменяются государственными, которые в 20-е годы уже почти полностью отождествляются с партийными.

Прежде всего это отражается в радикальной смене руководства Главархивом.

Новое руководство ГУАД в свою очередь немедленно приступает к пересмотру состава работников управления и архивных учреждений на местах.

Современными исследователями (в частности, Н.И. Химиной, В.Е. Корнеевым и О.Н. Копыловой) выявлены документы, которые свидетельствуют о вопиющем произволе в кадровой политике, осуществлявшейся архивным руководством в 20-е годы. Подчеркиваем: именно архивным руководством (с 1922 г. — Управлением Центрархивом, подчиненным Президиуму ВЦИК), а не органам ОГПУ-НКВД, как будет позднее. Типичный сценарий этой первой волны массовой архивной "чистки" можно восстановить на примере итогов работы специально командированного в Петроградское отделение Центрархива В.В. Максакова (октябрь 1922 г.). Эта командировка совпала с позорной акцией изгнания из страны по личному указанию

В.И. Ленина большой группы виднейших историков, философов, социологов, писателей и других представителей творческой мысли России. Максакову был выдан мандат на право немедленного отстранения должностных лиц от исполнения служебных обязанностей, приостановления деятельности актохранилищ и других архивных учреждений вплоть до реорганизации работы всего местного отделения и каждой из секций ЕГАФ. В отчете Максакова (январь 1923 г.) коллегии Центрархива формулировался следующий вывод: "Безжалостно должен быть отброшен балласт, доставшийся нам в наследство от ведомственных архивов и первого периода деятельности Архивного управления. Нужно создать *свой* твердый штат сотрудников"⁸. В протоколах заседаний специально образованной комиссии по пересмотру личного состава Петроградского отделения Центрархива, которая работала в марте 1921 г., против десятка фамилий стоят лаконичные резолюции "уволить", "снять", "убрать". Обоснования — в тех случаях, когда они вообще фигурируют, — также достаточно лаконичны. Так, против фамилии одного из основателей Союза РАД, управляющего одного из отделений ЕГАФ И.А. Блинова, проставлено: "чуждый советской власти элемент, ненадежный". Всего с ноября 1921 по январь 1922 г. было уволено 270 работников из 465, а в феврале их останется уже только 150, т. е., если сравнивать с 1920 г., становится видно: число уволенных составит почти две трети общего состава. Однако дело не в количестве, которое оправдывалось кампанией борьбы за сокращение штатов в связи с "экономией средств". Дело в изгнании профессионалов высшего класса, отдавших архивной службе по пять и более лет своей жизни. "Безжалостно", если употребить выражение самого Максакова, были уволены Я.Л. Барсков, Л.Г. Дейч, И.П. Щербов, а чуть позже — М.М. Богословский, А.М. Полянский, А.И. Лебедев и другие "последние из могикиан" рязановского окружения.

Архивная "чистка" достигла такого размаха, что даже Платонов и Пресняков направили в мае 1923 г. заявление об отставке, мотивировавшейся "ненормальностью того положения, в какое поставлено заведование Петроградским отделением Центр-

архива, лишённое, притом не персонально, а принципиально, доверия и полномочий, необходимых для ответственного ведения дела". Их тоже уволили. В августе 1923 г. Максаков повторно посетил Петроградское отделение и в очередном докладе отметил, что его новое руководство — коллегия — стало "коммунистическим" и отныне общее направление работ в архивохранилищах можно признать правильным⁹.

Аналогичные "сокращения штатов" проходят в 20-е годы во всех "политически важных" архивах, хотя волна массовых репрессий настигнет их несколько позже. Была ли альтернатива такой жесткой кадровой политике? Да, была. Рязанов, например, в 1921 г. добился включения в постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о создании Института К. Маркса и Ф. Энгельса специального пункта, разрешавшего "принимать работников для института по его усмотрению и не обязательно коммунистов"¹⁰.

Однако время Рязанова уже прошло. Архивные кадры формировались уже не столько по профессиональному признаку, сколько по "классовому", что на практике означало членство в партии или в крайнем случае принадлежность к рядам "сочувствующих", так называемых беспартийных большевиков.

В результате проведенных чисток половина сотрудников Ленинградского отделения Центрального исторического архива к 1927 г. не имела даже среднего образования¹¹. Зато их политическое чутье было безукоризненным.

Другим направлением работы нового руководства Главархива стала реорганизация секционного деления ЕГАФ. Покровский и его единомышленники на заседании Коллегии Главархива 17 сентября 1920 г. приняли решение об организации новой структурной единицы, которой они придавали особое политическое значение. Его сформулировали следующим образом: "Для хранения важнейших документов РСФСР, а также наиболее ценных исторических материалов предшествующих режимов, учреждается Государственный архив РСФСР. В распоряжение Государственного архива РСФСР должны быть переданы здание бывшего Главного Московского архива МИД и помещение Московского историко-революционного архива"¹². В состав Го-

сархива вошли четыре отделения. Первые два — "древлехранилище", куда включали все материалы по внешней и внутренней политике России с древнейших времен до XVIII в., и хранилище государственных документов новой русской истории (XIX — начало XX в., до 1 марта 1917 г.). Третье и четвертое отделения — хранилище документов истории революции и общественного движения (до 1 марта 1917 г.) и архив Октябрьской революции, содержащий документы после 1 марта 1917 г.

Первым управляющим Госархивом РСФСР был назначен Адоратский.

Подлинный смысл создания этого архивного нововведения можно понять только в сопоставлении с принятым одновременно постановлением СНК РСФСР от 21 сентября 1920 г. "Об учреждении Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской коммунистической партии". Впоследствии эта комиссия стала более известной под названием Истпарт. Ее секретарем также стал Адоратский¹³. Ему же принадлежит авторство текста соответствующего правительственного постановления, которое подписал В.И. Ленин¹⁴.

Естественно, что при таком распределении обязанностей Покровский и Адоратский меньше всего внимания были склонны уделять тем отделениям Госархива, в которых сосредоточивались документы по истории России до XVIII в. ("древлехранилище") и государственные документы по русской истории XIX — начала XX в.). Исключение составил, пожалуй, только "Новоромановский архив", который сразу же был передан в секцию А (политическую). Оба руководителя Главархива объявили приоритетным (по терминологии того времени, "ударным") направлением работы обработку именно историко-революционных материалов (о классовой борьбе пролетариата — 3-е отделение Госархива) и документов послереволюционного периода (4-е отделение Госархива), которые и составили в последующем (с 1922 г.) Политическую секцию ЕГАФ. В организационном плане главным смыслом выделения "особого государственного архива" в общей системе "единого государственного архивного фонда"

означало изъятие политически важных, с точки зрения властей, комплексов документов из состава секций, каждая из которых имела свой собственный аппарат управления, свой план комплектования и использования. Госархив РСФСР подчинялся только большевистской "тройке" из Коллегии Главархива, а его отделения на местах – соответствующим провинциальным кадрам. Естественно, что на сотрудников Госархива (политических секций) сразу стали распространяться все льготы, которые полагались ответственным советским и партийным работникам. Тогда эти льготы выражались в пайках "повышенной категории", что в условиях голода и разрухи означало практически право на жизнь. О сотрудниках других архивов такая забота не проявлялась.

Образование Госархива привело к тому, что властные структуры получили мощные рычаги для расшатывания секционной системы, создававшейся в расчете на объективное и научное исследование всего комплекса архивных материалов в соответствии с запросами прежде всего ученых. Предоставление вне очереди помещений и транспорта, отбор кадров по партийной принадлежности постепенно, с 1920 по 1925 г., привели к полной ликвидации секционной системы как аппарата управления. В соответствии с Положением об организации ЕГАФ РСФСР, утвержденным Коллегией Центрархива РСФСР 3 февраля 1925 г., началась массовая перегруппировка фондов по новой схеме, т. е. все документы делились на дореволюционные и пореволюционные, центрального и местного происхождения. Ценность документа определялась соответственно тому, насколько высоко по иерархической лестнице стояло учреждение-фондообразователь (этот термин появился позже) и насколько документ "работает" на действующую концепцию историко-партийной науки. Однако в 1920 г. смысл реорганизации, предпринятой новым, большевистским составом Коллегии Главархива, был ясен далеко не всем. Многие архивисты надеялись переждать эту вспышку "административного" рвения, полагаясь на собственное понимание ценности архивных документов и своего профессионального и патриотического долга. Вряд ли их осо-

бенно волновали труднобъяснимые даже сегодня перемены в высших эшелонах управления архивной системой, когда в течение 1921 г. Главархив передавался то в состав Академического центра Наркомпроса (постановление СНК от 11 февраля 1921 г.¹⁵), то в прямое подчинение ВЦИК (постановление Президиума от 26 ноября 1921 г.)¹⁶. И в первом, и во втором случае руководителями Главархива оставались Покровский и его единомышленники, а это означало неизменность общей политической линии по отношению к архивистам старой школы, беспартийным профессионалам, а также к документам, не представлявшим, с точки зрения властей, "политической" ценности.

Что оставалось делать тем, кто не вписывался в новую кадровую структуру, кто не подходил под схему "большевизации" архивов? Только работать. Они могли это делать, поскольку еще не была задействована в полную силу машина репрессий, еще оставались "древлехранилища", музеи, рукописные собрания библиотек и, наконец, неразобранные коллекции старых документов на местах. Иначе говоря, им оставались те архивы, до которых пока не доходили руки "историков-марксистов" и "красных архивистов", считавших, что подлинная история человечества началась только в Октябре 1917 г. и только связанные с ней документы достойны "консервирования для будущих исторических работ" ¹⁷.

Однако истинная причина кампании по политизации архивов состояла не только в переоценке большевиками собственной роли в истории человечества. Истинная причина была гораздо прозаичнее и поэтому десятилетиями скрывалась от глаз исследователей в особых, "политических" секретных секциях архивохранилищ, постепенно увеличивавшихся в объеме, захватывая все новые и новые участки живого организма архивов. Дело в том, что уже в начале 20-х годов в связи с болезнью В.И. Ленина и обострившейся борьбой за власть в партийном руководстве архивные документы стали действительно важным политическим оружием, но не столько против классовых врагов и мирового капитализма, сколько во внутрипартийной борьбе. Набиравшие силу Сталин и его окружение стремились изъять из сфе-

ры свободного доступа все документы, касавшиеся вчерашнего дня партии. Типичным примером может служить история с публикацией частного письма Л.Д. Троцкого к Н.С. Чхеидзе. Оно было написано в эмиграции в апреле 1913 г., перехвачено Департаментом полиции и выявлено в его фондах в 1921 г. при формировании Госархива РСФСР. Как утверждал впоследствии Троцкий, Ленин знал об этом письме и относился к нему достаточно спокойно, поскольку разделял общую для ветеранов партии точку зрения о том, что "вряд ли в партии есть два старых эмигранта, которые круто не обругали бы друг друга в переписке под влиянием борьбы, минутного раздражения и проч.". Руководитель Истпарта М.С. Ольминский не решился на опубликование этого письма в 1921 г. — несомненно из-за отсутствия соответствующего разрешения Ленина, а отнюдь не потому, что якобы прислушался к оправданиям Троцкого (письмо-де было написано "под влиянием минуты и ее потребностей"). Однако сразу же после смерти Ленина, даже не дождавшись публикации, Сталин цитирует письмо в своем выступлении 19 ноября 1924 г. на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС, причем речь эту через неделю излагает во всех подробностях газета "Правда". А уже 9 декабря 1924 г. она же публикует полный текст письма Троцкого. Тут же его перепечатают многочисленные сборники статей и документов, выходившие в помощь партийным активистам. В конечном счете именно зачитанием наиболее "пикантных" пассажей из этого личного письма Троцкого закончил Сталин свое выступление на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 21 — 23 октября 1927 г. ("Ленин — мастер дрянной склоки", "профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении". И самая сакраментальная цитата: "Словом, все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения"). Характерен комментарий Сталина: "Язычок-то, язычок какой, обратите внимание, товарищи, — это пишет Троцкий, и пишет он о Ленине. Можно ли удивляться, что Троцкий, так бесцеремонно цитирующий великого Ленина,

сапога которого он не стоит, ругает теперь почему зря одного из многочисленных учеников Ленина — товарища Сталина?" В этой иезуитской "скромности", в этом солдафонском сопоставлении политического противника с "сапогом великого Ленина" — весь Сталин. Он цинично отверг предложение Троцкого опубликовать все без исключения хранящиеся в архивах рукописи Ленина с указанием даты их написания. Он демонстративно не обратил ни малейшего внимания на совместное компромиссное предложение Троцкого, Крупской, Каменева и Зиновьева запретить "сепаратное" использование неопубликованных документов Ленина в чьих-либо политических целях. Троцкий пытался обратить внимание членов партии на лицемерие Сталина, указывая в своем письме в ЦК, что на словах «тов. Сталин против "обращений к прошлому", но инициатива таких обращений целиком на его стороне».

Можно привести еще немало примеров подобного использования "в нужное время и в нужном месте" архивных документов. Так, ленинское письмо от 18 октября 1917 г. о "штрейкбрехерах революции" Каменеве и Зиновьеве, открыто высказавшихся при голосовании против немедленного начала октябрьского переворота, было впервые опубликовано в "Правде" 1 ноября 1927 г. под заголовком "Ленин о штрейкбрехерах в Октябре 1917 — штрейкбрехерство в 1917 и штрейкбрехерство в 1927". Именно к дате десятой годовщины Октябрьской революции антисталинская оппозиция во главе с Каменевым и Зиновьевым приурочивала свои демонстрации. Аналогично Сталин поступал и в борьбе с Бухариным в самом конце 20-х годов¹⁸.

Естественно, что в этих условиях и создание Госархива РСФСР, и постепенное обособление Истпарта, его превращение из первоначально созданного в недрах Главархива и подчиненного Наркомпросу учреждения в особый отдел ЦК с практически не ограниченными полномочиями по комплектованию, обработке и хранению архивов по истории партии и Октябрьской революции получают совсем другое логическое обоснование. В данном случае речь шла о целенаправленной подмене "централизации" в интересах вневедомственного научного пользова-

ния "централизацией" в интересах осуществления жесткого политического контроля со стороны своеобразного "надведомственного" органа – ЦК партии, верным проводником политики которого и стала Коллегия Главархива во главе с Покровским и Адоратским.

Следует иметь в виду, что особенностью 20-х годов в области архивного строительства является тот документально подтвержденный факт, что Истпарт располагал даже большими полномочиями по использованию архивных фондов, чем все-ильное ОГПУ (будущий НКВД). Так, специальный циркуляр Управления Центрархива РСФСР от 6 декабря 1922 г., разосланный на места, разрешал выдачу отделам ГПУ "дел из жандармских и полицейских фондов" из помещений самих актохранилищ "при непременно, однако, согласовании с местными бюро Истпарта как вопроса о самой выдаче дел, так и вопроса о сроках этой выдачи". В то же время местные бюро Истпарта освобождались от всякого контроля. Так, сразу же вслед за циркуляром Управления Центрархивом от 1 августа 1923 г. о том, что "передача материалов во временное пользование учреждений допускается только в исключительных случаях, каждый раз с особого разрешения Центрархива", последовало "дополнение к циркуляру", помеченное 23 сентября 1923 г., в котором разъяснялось, что "для выдачи материалов местным бюро Истпарта... особых разрешений Центрархива не требуется"¹⁹.

В это же время заместитель заведующего Центрархивом Адоратский подписывает "Правила пользования архивными материалами ЕГАФ", утвержденные Коллегией Центрархива 4 июля 1924 г. В них впервые указывается на необходимость при составлении "заявлений о допущении к занятиям" в архиве прикладывать к нему анкету (в двух экземплярах) с указанием партийной принадлежности, цели производимой работы, издания, в котором предполагается напечатание предпринимаемой работы, и т. п. Впервые вводится особый пункт, в соответствии с которым предписывается "предъявлять заведующему помещением для занятий все сделанные выписки, заметки и копии для просмотра, по окончании коего заведующий возвращает их занима-

ющимся с разрешением на вынос... Без вышеуказанного разрешения" их вынос запрещался²⁰.

Это – еще один шаг по фактической ликвидации доступа к документам как к объекту свободного научного исследования.

Следует также иметь в виду, что, учитывая важность Истпарта, ЦК РКП(б) уже в декабре 1921 г. перевел его в свое ведение, а его сотрудники автоматически стали считаться в штате Секретариата ЦК со всеми вытекающими отсюда привилегиями и полномочиями. Истпартотдел ЦК начал тяготиться формальной зависимостью от Центрархива и уже в марте 1924 г. начал активную борьбу за образование собственных хранилищ "партийно-исторических документов", мотивируя это их особой важностью и необходимостью обеспечения строжайшего режима охраны. Несмотря на трудности с подбором помещений, почти непреодолимых для "обычных" исторических архивов, вопрос был решен удивительно быстро. Уже в апреле 1924 г. объявили о создании самостоятельного архива Истпарта, который первоначально состоял из двух частей: архива документальных и архива печатных источников. Вся эта эпопея завершилась в 1929 г., когда окончательно оформилась абсолютно самостоятельная многоступенчатая система архивов с Центральным партийным архивом во главе и десятками укрупненных архивов при истпартах на местах. Это было, по существу, возрождение пагубной для исторической науки традиции создания ведомственных архивов из разряда "неприкасаемых", против которой столь яростно боролись многие поколения ученых и архивистов России. К тому же сам факт обособления отдельного архива стал прецедентом, которому затем последовали и другие могущественные ведомства и учреждения.

До последнего времени в официальной историографии архивного дела усиленно насаждался миф о высоких научных заслугах деятелей Истпарта по собиранию ленинских документов и других материалов по истории партии. Однако заслуги эти весьма относительны, поскольку изначально подразумевалось, что партийный архив не предназначен для широкой публики и что поиски объективной истины со стороны исследо-

вателей будут максимально затруднены. Приведем в качестве иллюстрации одно из малоизвестных мероприятий Истпарта, которое провалилось именно потому, что было в порядке исключения ориентировано на публикацию и использование в научных целях. Сразу же после образования Истпарта его руководство предприняло попытку собрать документальные свидетельства участников революционного движения в деревне. Организаторы этой кампании, верные партийной идеологии и абсолютно невежественные в той области, которую сегодня мы называем "полевой археографией", решили сразу облегчить себе задачу. Они решили провести массовое анкетирование будущих авторов мемуаров с заранее определенной концептуальной базой: характер и содержание воспоминаний должны были определяться не личностью автора, а тем событием, очевидцем или участником которого он был. С этой целью они разослали анкеты, содержащие "классово ориентированные" вопросы, своего рода подсказки анкетлируемым. Однако ожидаемого наплыва мемуаров не получилось. На местах анкеты фактически проигнорировали.

Истпарт не смирился с поражением. В 1925 г. было решено использовать актив селькоров "Крестьянской газеты", которую возглавлял будущий главный руководитель кампании по коллективизации сельского хозяйства, нарком земледелия СССР с 1929 г. Яков Аркадьевич Яковлев (Эпштейн, 1896 — 1938). Через газету было разослано обращение к 2 тыс. селькоров с просьбой собрать ответы на вопросник из 15 пунктов, которые дробились еще на 75 подпунктов²¹. Как писал позднее исследователь этой кампании, "собственно, концепция аграрного движения... была уже отработана, и полученный от селькоров материал должен был не проверить, не уточнить ее, а лишь проиллюстрировать"²². Это типичный подход "красных археографов" из Истпарта, который открыто насаждался в противовес "буржуазной объективности". Результаты и на этот раз были мизерными. Заполненные анкеты или зеркально повторяли одна другую, или противоречили заданной концепции. Меньшая часть их была опубликована в пропагандистских сборниках. Какая часть

была использована в "оперативно-чекистских целях", остается только догадываться.

Вряд ли случайным совпадением по времени можно считать то, что именно с середины 20-х годов органы ОГПУ начинают прямо вмешиваться в профессиональную деятельность архивистов, причем вмешательство это приобретает все более угрожающие формы. Так, секретный отдел ОГПУ (СО ОГПУ) самостоятельно провел обследование работы московского АОР и Ленинградского ЦИА в связи с хроническими запаздываниями с оформлением в этих архивах ответов на запросы чекистов. В результате 9 декабря 1925 г. ОГПУ при СНК направило в Центрархив РСФСР официальное письмо за подписью Г.Г. Ягоды, начальника СО ОГПУ Дерибаса и начальника 4-го отдела Генкина (позднее он будет введен в состав коллегии ЦАУ), в котором предлагалось всю работу в архивах полиции "подчинить и связать с интересами оперативного свойства со стороны СО ОГПУ". Для этого предлагалось все материалы департамента полиции перевезти в Москву, где предписывалось создать специальный центр, работу которого должен был возглавить кадровый сотрудник ОГПУ. Уже через неделю, 6 января 1926 г., Адоратский выражал абсолютное согласие коллегии Центрархива с предложением "сконцентрировать весь материал справочного характера по личному составу правительственных учреждений царского времени... в Москве, в Архиве революции и внешней политики". Коллегия также поддержала предложение о координации действий Центрархива и ОГПУ по "оперативным вопросам". Естественно, что в связи со столь трогательным взаимопониманием отвлеченные принципы типа "недробимости фондов" не принимались во внимание. Структуру архивов начинало определять, вслед за партийными органами, чекистское ведомство²³.

Явно под давлением "внеархивных организаций" в 1926 г. переиздали "Правила пользования архивными материалами ЕГАФ" (1924), которые были просто дополнены разъяснением некоторых общих, но весьма существенных моментов. Так, именно в "Правилах" 1926 г. впервые дается официальное разъ-

яснение, что же понимается под "секретными материалами". Оказывается, "секретными являются материалы секретного и несекретного делопроизводства учреждений пореволюционного периода, сдаваемые в Центрархив в качестве секретных, а равно те материалы дореволюционного периода, разглашение которых по характеру их содержания является в государственных интересах недопустимым"²⁴. В соответствии с этим разъяснением ведомства получали полное право самим определять степень доступа к своим материалам, произвольно относя документы к категории секретных или открывая их, что случалось гораздо реже. Особенно широко пользовались правом засекречивания могущественные центральные ведомства. Они создавали в составе ЕГАФ своеобразный "архипелаг" недоступных материалов, который весьма трудно открывает свои тайны даже сегодня.

Итак, все организационные кадровые и структурные преобразования архивной системы были продиктованы именно таким "партийно-ведомственным" подходом.

Тем не менее Главархив (точнее, ГУАД) после смены старого руководства получил высший ведомственный статус, если следовать официальной "табели о рангах". 26 ноября 1921 г. одновременно с началом активной "чистки" архивных кадров сбылась и последняя основополагающая идея Покровского в области архивного строительства. В этот день Президиум ВЦИК принял постановление о переводе ГУАД из Наркомпроса в ведение ВЦИК, а затем было утверждено "Положение о Центральном архиве РСФСР", опубликованное в официальном сборнике законов и постановлений правительства 30 января 1922 г. По этому "Положению", в состав ЕГАФ были отнесены "все архивные документы, как находящиеся в архивохранилищах, так и не находящиеся в таковых, но состоящие на учете Центрархива".

Сам термин "Центрархив" определялся как совокупность всех архивных учреждений республики, которые состоят "в ведении Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета". Заведование Центрархивом возлагалось на Управление Центрархивом РСФСР и губернские отделы Центрархива, причем

Управлению были подчинены все архивы высших государственных учреждений в Москве и Петрограде.

Кроме того, на Центрархив возлагалось общее руководство постановкой архивной части текущего делопроизводства во всех правительственных учреждениях РСФСР.

Управлению Центрархивом передавалось право на взятие под собственный контроль "особо важных в историко-революционном и научном отношении актов хранилищ на всей территории РСФСР".

На смену прежнему многосекционному делению практически автономных структур пришло жесткое деление на пять секций: политическую, юридическую, экономическую, историко-культурную и военно-морскую. Аналогичная реорганизация предусматривалась и на местах, в связи с чем отменялось "Положение о губернских архивных фондах" 1919 г. и предписывалось руководствоваться новым "Положением о губернских архивных управлениях" от 20 мая 1921 г. В свою очередь оно было дополнено "Временным положением о губернских (областных архивных бюро)", утвержденным ВЦИК 20 ноября 1922 г.

О направлении централизации можно судить по такому факту. Центрархив решительно сопротивлялся любой попытке использовать его полномочия только как органа правительственного учета и статистики архивных фондов в РСФСР. Издание целой серии декретов, постановлений, циркуляров и т. п., принятых в 1923 — 1926 гг., привело к полному разрушению прежней секционной системы ЕГАФ. Более того, уже в 1925 г. стало ясно, что в результате постоянного укрупнения центральных архивохранилищ и концентрации в них всех важнейших документальных собраний сам Государственный архив РСФСР фактически перестал существовать как собрание фондов различных отделений на местах, подчинявшихся собственным аппаратам управления. 3 февраля 1925 г. Коллегия Центрархива утвердила новое, обобщающее все прежние документы "Положение об организации ЕГАФ РСФСР", которое определяло ЕГАФ как "совокупность всех архивных материалов официального и частного происхождения, принадлежащих государству и состоящих в ве-

дении Центрархива РСФСР"²⁵. Так законодательно закладывались основы для полного огосударствления всех документов, независимо от их происхождения, собственника и содержания²⁶.

Это "Положение" открыло качественно новый период в организации архивных фондов послереволюционного периода. В нем устанавливался четкий принцип деления всех "принадлежащих государству" материалов по времени возникновения на материалы дореволюционного периода (исторические архивы) и пореволюционного периода (архивы Октябрьской революции), причем "дата размежевания" определялась февралем – мартом 1917 г. Все архивные документы независимо от их происхождения и времени возникновения должны были разделяться на секции: народного хозяйства, политики и права, армии и флота, культуры и быта. Таково было деление "по содержанию" материалов.

И наконец, все архивные материалы ЕГАФ подразделялись на материалы центрального происхождения (т. е. фонды высших и центральных государственных учреждений, а также общественных – профессиональных, кооперативных и других организаций, действующих в масштабе РСФСР), и материалы местного происхождения (т. е. материалы местных учреждений, организаций и предприятий).

Главным в этом "Положении" было четкое и ясное указание разделить все материалы на "исторические архивы" и "архивы Октябрьской революции". В принципе такой подход облегчил работу архивистам, поскольку дал ориентиры по организации огромного потока документов, которые начали поступать из всех советских учреждений, где к 1925 г. закончились сроки хранения документов текущего делопроизводства. Однако четкая ориентация на документы ведомственного происхождения (с заблаговременной установкой на приоритетность центральных ведомств и определенной категории историко-революционных материалов) заранее обрекала на ослабление внимания к документам из личных архивов и собраний рядовых, невыдающихся личностей, к местным архивам "низового уровня" и т. п. Устанавливались фильтры, сквозь которые документальному свидетельству о быте, духовной и повседневной жизни рядового

гражданина пробиться на госхранение было практически невозможно. Состав фондов регламентировался чрезвычайно жестко. Восторжествовала "центростремительная" позиция Покровского и его единомышленников, которые во главу угла всей архивной деятельности ставили обслуживание ретроспективной информацией прежде всего партийно-государственного управленческого аппарата, отводя интересам научных и культурно-просветительных органов второстепенную роль.

Одновременно чисто волевым путем был наконец окончен многолетний спор по проблеме монопольного владения государства на все виды архивов, включая частные, которые велись архивистами начиная с июня 1918 г. Попытки некоторых архивов и общественных организаций спасти свои собрания для использования в собственных целях потерпели поражение. Так, архивам Петрограда было отказано в передаче в ведение Петроградского Совета, и они были переданы в непосредственное подчинение Управлению Центрархивом РСФСР. Петроградское отделение упразднилось, на его базе образовался Петроградский центральный исторический архив, заведовать которым назначался специальный уполномоченный коллегии Центрархива РСФСР²⁷.

Еще более жесткие меры предписывались в отношении "архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 года". В соответствии с декретом СНК РСФСР от 2 августа 1923 г. все материалы подобного рода, где бы они ни находились, должны были передаваться в политические секции ЕГАФ²⁸. 12 сентября 1923 г. этот декрет был дополнен еще одним документом. Теперь предписывалось в обязательном порядке изымать повсеместно и передавать в Центрархив РСФСР все материалы, касающиеся семьи Романовых и лиц, которые занимали во время двух последних царствований и при Временном правительстве высшие государственные должности или находились в близких отношениях ко двору или к отдельным членам бывшей царской фамилии²⁹.

На местах, так же как и в центре, эти декреты и постановления понимались неоднозначно. В 20-е годы еще можно было

дискутировать или пытаться оказать посильное сопротивление той политике, которую Покровский в публичном выступлении перед архивистами в 1921 г. характеризовал так: "Я считаю, что в данный момент нам нужно на некоторые архивы навесить замок: нельзя держать людей науки около бумаг, которые могут через 30 только лет заинтересовать исследователя. Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента". Архивистам старой школы и воспитанным ими профессионалам нового поколения было органически чуждо толкование архивов в узкопартийном, агитационно-пропагандистском смысле. Им непонятна была даже лексика новых "комиссаров", приравнивавших архивные документы к "колоссальному арсеналу политического оружия", при помощи которого еще долгие годы они собирались вести политическую борьбу с белогвардейцами³⁰. Тем более неприемлемым для них было программное утверждение Покровского: "Удивляться нужно не тому, что то, что было исторической наукой в 1910 и 1913 годах, перестало быть таковой в 1919 – 1920 и следующие годы. Удивляться надо, наоборот, тому, что окончательно откристаллизовалось сознание этого только в 1928 году, что понадобилось 11 лет после революции, чтобы осознать тот факт, что в области истории, науки марксистской по преимуществу, науки ленинской по преимуществу, дореволюционные оценки, подходы и методы абсолютно никуда не годятся". Объясняя смысл перемен в исторической науке, он сказал на заседании единомышленников из общества историков-марксистов при Коммунистической академии: "Сначала как будто имела в виду только смена атмосферы и личного состава. Но как только мы подошли ближе к делу, мы сразу же увидели, что этим ограничиться никоим образом нельзя, и у нас получилась структура совершенно новая. Структура, по поводу которой, если бы обитатели в стенах Археографической комиссии... имели досуг подумать... они, вероятно, пришли бы в величайший ужас и волосы у них встали бы дыбом... Ни западной истории, ни русской истории, ни древней истории, ни новой истории, ни новейшей – ничего нет!.. Мы решили таким

образом организовать нашу работу... чтобы она была сосредоточена около нескольких крупнейших исторических проблем... История, политика прошлого, чрезвычайно увязана с политикой настоящего... Само собой разумеется, что мы постараемся, чтобы будущее поколение историков, которое не только идет за нами, но которое уже пришло, уже работает с нами, было на все сто процентов нашим"³¹.

Это было сказано в 1929 г., когда совершался коренной перелом в истории страны в целом и в истории архивного дела в частности.

Архивы и научная мысль

Российские архивисты в начале 20-х годов ощущали себя в "новой, необычайно напряженной культурно-исторической атмосфере", которая была вызвана "резким изменением всех привычных перспектив быта и мышления". Так писал об этом периоде активный участник всех событий в архивной жизни "переволюционной" России Александр Евгеньевич Пресняков. «Едва ли человечество когда-либо переживало столь глубокий и всесторонний кризис, как тот, что выпал на наше время... Ходкая тема "пересмотра всех ценностей" стала из литературно-теоретического мотива подлинной трагичной реальностью. На развалинах изжитой старины вырастает новая жизнь, и взбудораженное сознание современников жадно, хоть и растерянно, ищет разумеения "переживаемого момента"»³².

Это состояние "взбудораженности сознания" не оставит большинство отечественных интеллигентов вплоть до полного краха всех иллюзий. Для многих из них конец десятилетия совпадет с личными катастрофами: насильственным прекращением профессиональной деятельности или, что еще страшнее, с духовным насилием и прямыми репрессиями. Духовный голод конца 20-х стал как бы зеркальным отражением физического голода и лишений начала десятилетия.

В разделе "Хроника" архивного издания в эти дни сообщалось: "Многочисленные смерти петроградских ученых на почве

истощения, начиная с академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова, убедительно свидетельствуют о невыносимой тяжести для ученых работников условий петроградской жизни. Жутью веет от бесстрастных протоколов Академии наук, когда читаешь, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц – постановление, что за смертью второго работа переходит к третьему, а потом – новое постановление, о передаче работы за смертью третьего – к четвертому. Только в августе 1920 г. скончались, вследствие болезней, развившихся на почве истощения организма от недоедания и непосильной физической работы, академики Б.А. Тураев и А.А. Шахматов, а в сентябре – профессор С.А. Венгеро³³.

Однако не только "невероятные внешние лишения" являлись причиной смерти. У многих русских ученых того времени "чувство душевной боли возрастало до мучительной непереносимости, когда в бурном потоке жизни наряду с действительно обветшавшим нередко отрицались и разрушались вечные культурные ценности... а научная деятельность... низводилась на степень праздной забавы или преступного уклонения от иной, настоящей работы"³⁴.

На фоне этой трагедии все административные мероприятия Покровского, Адоратского и других представителей новой власти интересовали русских интеллигентов вообще и архивистов в частности в гораздо меньшей степени, чем кардинальный вопрос о необходимости спасения традиций отечественной культуры. Именно поэтому, видимо, была столь насыщенной научная и культурная жизнь в эти сложные годы. Врачи и микробиологи исследуют процесс собственного умирания и выступают с докладами на темы "Голодание с хирургической точки зрения" и "Биология голодной смерти". Одновременно в Доме ученых С.Ф. Платонов читает цикл лекций на темы "Смутное время в новейшем научном освещении" и "Умственное движение в начале XVII века". Здесь же Ф.Ю. Левинсон-Лессинг делает доклад "О значении фантазии в научном творчестве", а А.И. Семенов-Тянь-Шанский – на тему "Гораций и современность".

Пытаясь осмыслить современность, ученые слушают лекции профессора Святловского "Коммунистическое государство иезуитов Южной Америки", Пашковского "Христос как революционер", Иванова-Разумника "Социализм в учении Вл. Соловьева" и т. п.

Именно в такой обстановке с 25 по 28 мая 1920 г. проходит 1-я конференция архивных деятелей Петрограда, поставившая в повестку дня анализ двухлетней работы "одного из специально научных новообразований современности – Главного Управления Архивным Делом". Открыл ее вступительной речью Платонов, ему же было предоставлено заключительное слово. Однако честь созыва этого первого форума архивистов-профессионалов по праву принадлежала председателю постоянно действующего Совещания управляющих петроградских отделений Главархива А.С. Николаеву, который руководил всеми его пленарными заседаниями.

О петроградской конференции в официозной историографии сохранились лишь короткие упоминания. Может быть, это связано с тем, что она созывалась без обязательного уведомления руководства Главархива в Москве и без приглашения к участию в ее работе представителей центра. Однако только в тесном кругу единомышленников профессионалы могли рассчитывать на свободный обмен мнениями, на обсуждение собственного практического опыта и разработку ряда принципиально новых теоретических положений. Именно здесь впервые прозвучал доклад Г.А. Князева "Об архивной терминологии", основные положения которого будут обсуждаться на протяжении нескольких последующих лет архивистами России.

На этой же конференции председатель местной научно-технической комиссии А.И. Макаров в докладе "Архивное законодательство за последние годы" впервые поставил вопрос о необходимости разработки "единого архивного кодекса с целью охранения документа на всем протяжении его существования". Он выдвинул чрезвычайно интересные и актуальные даже сегодня идеи о законодательной регламентации "пользования частными архивами для научных целей". Целая серия докладов была посвящена теме "Научная работа в архиве и ее подготовка"

(П.А. Шафранов, С.А. Переселенков, В.Н. Бенешевич). На заседаниях рабочих секций выступали Г.С. Габаев, К.Я. Здравомыслов, А.И. Миловидов.

От имени Комиссии по выработке правил для составления описей и указателей выступил И.А. Блинов. С.Н. Валк дополнил его доклад лекцией "Сопоставление обзоров архивных дел".

Именно на этой конференции из уст профессора канонического права, историка-византолога В.Н. Бенешевича прозвучало красивое, хотя и несколько гиперболизированное определение декрета от 1 июня 1918 г. как "Декларации прав науки в архиве". Впоследствии Бенешевич будет репрессирован и осужден по "делу Платонова и других академиков" за шпионаж в пользу Ватикана. Отметим также, что именно на этой конференции, выступая с докладом "Особенности работы над военными архивными фондами", Габаев впервые изложил свои принципиально новые взгляды на необходимость составления "исчерпывающего теоретического перечня" не только тех фондов, которые имелись в наличии, но и тех, которые устанавливались путем "логических умозаключений". Иначе говоря, он вплотную подошел к необходимости составления полного списка фондообразователей, хотя сам этот термин Габаев произнесет только полтора года спустя, в августе 1921-го. Выступая с докладом на заседании Военно-исторической музейной секции, он скажет: "Нельзя... привести в систему ни одного архивного или музейного фонда, если нам неизвестна, хотя бы в главнейших чертах, судьба того лица, учреждения, группы их, жизнь и деятельность которых отложились в данном фонде. Такое лицо или учреждение я предложил бы назвать *фондообразователем*". Это стало одним из крупнейших открытий архивоведческой мысли, хотя сегодня оно кажется элементарным. Но имя его автора было забыто, поскольку уже в 1921 г. он был арестован, в 1926 г. арестован вторично, а в 1930 г. — в третий раз (опять же по "делу академика Платонова"). Он чудом выжил, но к активной научной деятельности его так и не подпустили³⁵.

А.С. Николаев на этой конференции сделал новаторский доклад "Подготовка архивных работников". И наконец, А.И. Ан-

дреев и В.Н. Нечаев впервые поставили проблему взаимоотношений библиотек и музеев с отделениями ЕГАФ³⁶.

Все поставленные вопросы будут затем подробно анализироваться на последующих форумах архивистов с более широким составом, а также на заседаниях научно-теоретического отдела Центрархива РСФСР. Заслуга первопроходцев в архивоведении по праву принадлежит петроградским "вольнодумцам". Может быть, именно поэтому буквально через несколько лет по ним будет нанесен особенно сокрушительный удар объединенными силами московского центра, руководящих партийных органов и ОГПУ.

Истоки этого свободомыслия, очевидно, следует искать в традициях, идущих от Союза РАД, точнее, от его первого председателя А.С. Лаппо-Данилевского. Несколько представителей молодого поколения архивистов – группа профессионалов, "одинаково мыслящих по существу", как назвал их впоследствии Александр Игнатьевич Андреев (1887 – 1959), решили почтить память своего учителя. Они начали собираться на своего рода добровольные "теоретические посиделки" и объявили себя "кружком имени Лаппо-Данилевского". Дело в том, что сам Союз (Общество – с 1919 г.) РАД уже не давал возможности столь широкого, а главное – дерзкого пересмотра традиционных постулатов архивной науки. Здесь ограничивались только "просветительскими" целями. "Люди иного склада ума", стоявшие близко к Платонову, оспаривали даже саму возможность отнесения русского архивного дела к разряду научных дисциплин, имеющих "не только свои методы, но и свою определенную область и свои задачи" (тезис, который выдвигал, в частности, И.Л. Маяковский, читавший лекции на архивных курсах в 1918 – 1920 гг., и который отвергали историки "платоновской школы").

Только за первый год организованной работы "кружок" провел 35 заседаний, из них три четверти были посвящены обсуждению и выработке архивной терминологии. Впоследствии эти идеи легли в основу докладов А.И. Андреева на I Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. и на I съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г.³⁷

Петроградские архивисты считали, что вести архивное строительство без предварительного научно-теоретического осмысления фундаментальных понятий архивоведения недопустимо. Большая работа в этом отношении велась и в Петроградском археологическом институте (ПАИ), где виднейшие историки России прививали новому поколению архивистов свое личное "почтительное отношение к архивам – хранителям нашей истории". В 20-е годы здесь читали лекции и вели практические занятия А.И. Андреев, И.И. Мещанинов, И.Л. Маяковский, Н.П. Черепнин и др. Ведущую роль среди преподавателей играл А.С. Николаев, избранный в январе 1921 г. проректором (директором был С.Ф. Платонов). По его личной инициативе в учебный план третьего, завершающего года обучения были включены самостоятельные архивоведческие лекционные курсы, одновременно значительно увеличено количество часов, отводимых на архивную специализацию. Используя собственный исторический архив и показательный архивный кабинет, будущие архивисты получали не только самые разносторонние теоретические знания, но и солидную практическую подготовку. Весной 1921 г. научно-теоретическая комиссия ГУАД высоко оценила достижения петроградцев в деле обучения специалистов архивного дела и "признала целесообразным возложить на ПАИ подготовку всех научных кадров"³⁸.

Однако уже с января 1922 г. институту не выделили ни рубля на хозяйственные расходы. Преподаватели часто работали, не получая зарплаты. К концу 1921/22 учебного года на археографическом факультете осталось всего десять энтузиастов, которые не могли рассчитывать на получение работы по специальности. Ведь новая коллегия ГУАД взяла решительный курс на замену беспартийных профессионалов малограмотными "красными архивистами". Тщетные попытки соединить два взаимно исключающих подхода в 20-е годы потерпели крах. Грамотная в профессиональном и даже просто в общеобразовательном отношении, молодежь, как правило, не обладала "пролетарским происхождением", необходимым для вступления в партию. "Партийцы" же в массе своей не считали профессию

архивиста достаточно престижной с точки зрения будущей карьеры.

В 1922 г. ПАИ прекратил свое существование. Очень небольшое количество студентов продолжали учиться на специальных "циклах" архивно-археологического отделения факультета общественных наук Петроградского университета, но это были буквально единицы. Как справедливо пишет современный исследователь, ПАИ "был задушен, так и не использовав свой огромный научный и методический потенциал специального высшего учебного заведения"³⁹.

Отметим, что одновременно с Петроградским археологическим институтом, имевшем 45-летнюю историю, официальное закрытие которого последовало в результате постановления Главпрофобра от 17 июня 1922 г., ликвидировали и аналогичный вуз в Москве. Московский археологический институт (МАИ) был закрыт столь же волевым методом 1 июля 1922 г. Правда, его влияние на подготовку отечественных кадров архивистов и на состояние архивоведческой мысли было несопоставимо с ПАИ. Аналогично петроградским "циклам" на факультете общественных наук (ФОН) Московского университета были открыты секции археологии и археографии. Но 15 сентября 1923 г. была закрыта и последняя археографическая секция, причем руководство Центрархива не предприняло никаких шагов к его спасению. Как выяснилось позднее, у Покровского были на этот счет собственные соображения, которые он изложил позже, в 1925 г., выступая на I съезде архивных деятелей РСФСР. Уже в следующем учебном году лекции и практические занятия на архивоведческом "цикле", сохранившемся только в Ленинградском университете, были объявлены "необязательными для посещения".

Акцент ставился на подготовку, в соответствии с указаниями Покровского, архивариусов — технических работников архива — на двухмесячных курсах в Москве, ориентированных на формирование кадров "красных архивистов".

На судьбах МАИ и ПАИ отразилась общая трагедия 20-х годов, которая состояла в столкновении двух начал: творческого, высокодуховного и рационально-классового.

Удар властей был обрушен на тех тружеников, которые "в неизбежно трудных условиях современности, голодные и холодные, утомленные морально и физически, изо дня в день, в пыли и духоте летом и при температуре ниже 0 зимой, отдавали последние силы труду — сегодня над изысканнейшими научными вопросами, завтра — так же безропотно над переноской и упаковкой архивных материалов"⁴⁰. Так писал по горячим следам событий в Петрограде их непосредственный участник и очевидец С.А. Аннинский. Он же отмечал, что центральные органы управления, хотя и давали "некоторые общие указания руководящего характера, объективно не могли возглавить всю работу по упорядочению, инвентаризации, изучению... громадного материала", который был спасен от гибели архивистами в первые послереволюционные годы. "Центр архивной работы лежал в личной инициативе и инициативе на местах". Однако именно в этой "личной инициативе" и видело угрозу новое руководство в Москве.

В противоборстве двух подходов к науке и культуре вообще и к архивному строительству в частности прошли, по существу, все последующие годы. Это противоборство отражено в работе I Всероссийской конференции архивных деятелей, которая проходила с 29 сентября по 3 октября 1921 г. в Москве⁴¹. Непосредственным инициатором ее созыва явилась новая коллегия Главархива во главе с Покровским. Разработка "плана" конференции была поручена членам редколлегии при научно-теоретическом отделе (НТО) Главархива в составе ее председателя, академика М.М. Богословского, и членов: профессоров Д.Н. Егорова и В.Н. Сторожева, заведующего НТО В.И. Пичеты, заведующего организационным отделом М.С. Вишневого, заведующего 1-м отделением Госархива в Москве С.К. Богоявленского и ученого секретаря Н.Ф. Бельчикова. От имени Главархива были разосланы персональные приглашения "представителям науки архивоведения", а также Петроградскому отделению Главархива, губернским управлениям архивным делом, обществам по изучению местного края, т. е. предполагался максимально широкий круг участников. С таким же размахом была

составлена и программа деятельности конференции, на которой наряду с рассмотрением практических вопросов (доклады "осведомительного характера") планировалось обсудить основные научно-теоретические вопросы, "имеющие первостепенное значение в архивном деле". Однако с первого же дня работы конференции оправдались худшие опасения "петроградцев". Покровский и Максаков властно предлагали "в связи с недостатком времени" или "в силу ясности доклада" прекращать прения.

Явное предпочтение и неограниченное время для обсуждений отдавалось докладам Адоратского и Ольминского, которые "познакомили конференцию с организацией и работой Комиссии Истпарта, учрежденной декретом 26 сентября 1920 г.", хотя в итоге никакой резолюции по ним так и не было принято. Для данной конференции это беспрецедентный факт, поскольку участники приняли в общей сложности 13 резолюций практически по всем основным докладам. Более того, в разгар работы, сразу после своего выступления 30 сентября, Адоратский ушел с конференции и провел два отдельных заседания секции Истпарта, которая, как лаконично указывалось в протоколах, "выделилась из Конференции архивных работников советской республики". Здесь же выступил еще один руководитель Истпарта — П.Н. Лепешинский, — который сделал очередной доклад по этой же тематике: "Об издательской деятельности органов Истпарта". Участники конференции были поставлены перед фактом демонстративного выделения из их состава особой части архивистов, что полностью подтверждало ключевую мысль доклада Адоратского, прочитанного еще "для общего сведения": "Политическая секция (фондов архива Октябрьской революции), имеющая в составе Госархива особое значение и преследующая особые цели, требует к себе особого внимания. Состав сотрудников, стоящих во главе этого архива и организующих в нем работу, должен безусловно быть проникнут сочувствием к основным целям пролетарского государства... Необходимо, чтобы во главе политических архивов стояли партийные люди". К этой декларации беспартийные архивисты могли бы отнестись достаточно спокойно, поскольку их уже практически отстранили от работы

в политических секциях. Хуже было другое. В связи с "неопределенностью границ изучения Истпартом революции" на конференции прозвучало довольно опасное для отечественного архивного дела, хотя и крайне примитивное умозаключение: "Коммунистическая партия есть партия, выражающая интересы пролетариата. Поэтому, поскольку в прошлом речь шла о пролетариате, это все имело отношение к Коммунистической партии", т. е. критерии отбора документов, "обособляемых" в политических секциях архивов, становились весьма размытыми, зависящими от произвола "партийных людей".

Еще более четко эта позиция была закреплена в резолюции сепаратных заседаний секции Истпарта: после заслушивания доклада Адоратского "О взаимоотношении между Истпартом и архивом" было зафиксировано: "При издании архивных документов первое место должно быть отведено изданию материалов по истории Р.К.П. и истории революции. Вообще публикация документов по истории XIX – XX веков должна находиться под контролем Истпарта". Похоже, что для провозглашения этого нового политического курса и собиралась новая Коллегия архивистов на их первую общероссийскую конференцию. Не случайно в своей "тронной речи" Покровский сразу же объявил законченным "первый период деятельности Главархива", который он назвал "консервативным", поскольку "архивное ведомство сохранило то архивное достояние, которое было накоплено в дореволюционное время". Теперь, заявил Покровский, *"задача архивного ведомства не только нашего Р.С.Ф.С.Р., но и всего мира заключается не только в сохранении старого, но и в собирании новых документов"*. Он назвал "первой задачей наших архивных работников и исследователей" "собрание документов по истории революции" и "документов настоящего момента"; причем к этой работе, по его мнению, должен быть привлечен "весь Главархив", а не только его "слишком малочисленная коммунистическая часть". Откровенной угрозой прозвучала заключительная часть его короткого вступительного слова на утреннем заседании 29 сентября 1921 г. "Только поставленная должным образом, эта работа оправдывает в данный момент существование Главархива".

Такова была "официальная" часть конференции. Однако участники ее начали обсуждать свои собственные профессиональные проблемы, практически не отвечая на призывы Покровского и Адоратского. Здесь ярко проявилась "особая позиция" достаточно сплоченной группы теоретиков и практиков архивного дела из Петрограда. Николаев, взяв слово сразу же вслед за официальным докладчиком, заведующим НТО Главархива В.И. Пичетой, в основном лишь информировавшим присутствующих о ходе последовательных реорганизаций Главархива, практически прочел отдельный содоклад на тему "Современные задачи архивного строительства". Он повторил все основные мысли участников состоявшейся петроградской конференции "вольнодумцев", сделав акцент на создание "условий для хорошей научной работы, о которой мы мечтали самым сильным образом". Николаев сказал о необходимости спасти архивы "от уничтожения не осведомленным в архивном деле советским работником". И наконец, он в очередной раз поставил вопрос о необходимости подготовки "опытных архивных работников", для чего предложил открыть специальное высшее учебное заведение — архивно-археологический институт с трехлетним курсом обучения. Он указал явно не на те задачи, на которые ориентировал собравшихся Покровский.

Еще более усугубил растущее напряжение заведующий организационно-инструкторским отделом Главархива М.С. Вишневский, который с фактами и цифрами в руках показал отчаянное положение губернских архивов в 1920 — 1921 гг. В его выступлении снова, как и на I съезде губернских уполномоченных Главархива, состоявшемся в мае 1919 г., прозвучали те же жалобы: на произвол местных "отделов утилизации", на "полную материальную необеспеченность сотрудников, отсутствие помещения, транспорта и т. п.", на отказ "советских учреждений" сотрудничать с архивистами, в связи с чем помещения архивов требуется "охранить от всякого посягательства со стороны отдельных влиятельных ведомств и учреждений". В этих условиях, сказал Вишневский, в отчетный период "архивы гибли от пожаров, от употребления бумаги для топлива, от безграмотного вы-

резывания чистой бумаги в архивных делах, от красных и белых войск, от плохого состояния помещения, от неожиданной перевозки архивных фондов, от перемены персонала в учреждениях... Немало архивных работников погибло на своем посту". Из осторожности он не упомянул ни одного "советского учреждения".

Но терпение Покровского иссякло. Он взял слово вне очереди и безапелляционно заявил: "...представители провинции несколько преувеличили встретившиеся на их пути затруднения". В этих случаях "следовало бы обратиться телеграфно в центр". И вообще, "хранить в архивах всю бумажную массу не представляется возможным".

Все оставшиеся дни наибольшую активность проявляли представители "петроградской школы" архивоведения. И.Л. Маяковский прочел доклад "О разграничении понятий архива, библиотеки и музея". А.И. Андреев на заседании научной секции познакомил участников с «работой петербургских архивистов по вопросу "об архивной терминологии"», в частности с проектом архивной терминологии, составленным И.Л. Пузино и Г.А. Князевым. Выступили также И.А. Блинов ("Об описях и описаниях XIX в."), С.А. Аннинский ("О пропаганде архивного дела"), В.Н. Нечаев ("Об архивных музеях") и Н.П. Черепнин ("Принципы организации выставок архивных материалов"). Именно в ходе этих "терминологических" выступлений раздавались замечания председательствующих о необходимости "сократить прения" ввиду недостатка времени. В связи с этим все дискуссии были отложены до следующего съезда.

"Москвичей" представляли прежде всего академик М.М. Богословский, который в докладе "Научная разработка архивных материалов" опять некстати (с точки зрения Покровского) начал говорить о том, что "архивы остаются без исследователей, и если не прийти на помощь, то исследовательская работа совсем прекратится". Он предложил Главархиву "поддерживать надлежащими ассигнованиями издания ученых работ, составленных по архивным документам, и поощрять производство таких работ установлением для них премий". Здесь в ход работы

конференции достаточно резко вмешался Максаков. На правах председательствующего он предложил "в силу ясности доклада... прения по нему не возбуждать". И действительно, если учесть, что все права приоритетного издания архивных документов отдавались под контроль Истпарта (об этом знал Максаков, но не знали другие участники конференции), обсуждать было нечего.

Ряд других докладов "москвичей" носил информационный и "прикладной" характер, избавленный от излишне острых аспектов. Так, Ю.В. Готье прочел лекцию "Движение исторической науки в связи с развитием историографии"; Н.В. Русинов познакомил участников с вопросом "О рациональной постановке делопроизводства и регистратуры в советских учреждениях"; М.К. Любавский в докладе "О подготовке архивных работников" дополнил предложение А.С. Николаева о создании специального архивно-археологического института в Петрограде аналогичным предложением, касающимся Москвы.

На этой конференции был впервые поставлен вопрос о необходимости создавать особые хранилища для "фотографического материала и кинематографических лент, долженствующих дать полное представление о том или ином моменте современной эпохи", которые "очень ценны... как живая иллюстрация эпохи".

Закрылась конференция без участия Покровского. Его отсутствие свидетельствовало о многом. Первый всероссийский форум архивистов наглядно продемонстрировал отсутствие взаимопонимания между архивными работниками на местах и новыми руководящими работниками "московского" Главархива. В ходе конференции выявилось кардинальное расхождение между реальными запросами и нуждами отечественных архивистов и искусственно навязываемыми им со стороны центра задачами "историко-партийного" характера.

Это расхождение носило принципиальный характер. Покровский и его единомышленники принялись за его ликвидацию, используя "драконовские" меры в кадровой области.

Укрываясь в "культурных окопах", по выражению Готье⁴², архивисты пытались сохранить свободу творчества в единствен-

ной оставшейся у них более или менее автономной области — в области научно-теоретической мысли. В ходе работы конференции выяснилось, что при всех расхождениях в области специальных дисциплин и у "петроградцев" и у "москвичей" есть важный центр совпадения взглядов по стратегическому вопросу: они выступали за развитие архивной науки в целом как базы строительства единой системы архивов в общенациональном масштабе, не разделяя их на "ударные" и "исторические". Первые историографические издания главным результатом работы I Всероссийской конференции называли то, что ее участники якобы "высказались за необходимость подчинить архивные учреждения непосредственно ВЦИК и его органам на местах"⁴³. Ни в одной резолюции, ни в одном опубликованном выступлении такое решение не зафиксировано. Это явная попытка выдать желаемое за действительное: на самом деле решение о передаче Главархива во ВЦИК было уже в принципе согласовано с "верхами" и принято в соответствии с запиской Покровского.

Можно полагать, что и основная масса архивистов, и руководство покинули конференцию с взаимным чувством недоговоренности, недосказанности, неопределенности.

Может быть, именно это послужило одним из мощных стимулирующих факторов, способствовавших еще большей активизации научно-теоретической деятельности архивистов. Они стремились выступать с изложением своих взглядов перед самыми разными аудиториями. Особенно заметно это на примере их сотрудничества с массовым движением краеведов и в их изданиях. Нельзя исключить и то, что важной побудительной причиной для этого сотрудничества послужил сам факт известного обособления в те годы "организованного" краеведческого движения от всесильного партийного центра. До "реорганизации" старой Российской академии наук, с 1922 по 1925 г., Центральное бюро краеведения функционировало при ней, затем (с 1926 до 1936 г.) — при Главнауке Наркомпроса РСФСР, которая была главной мишенью нападок со стороны "историков-марксистов" во главе с Покровским. Поэтому не случайно участник конференции архивных деятелей РСФСР академик Богословский вы-

ступил с докладом на состоявшейся 12 – 20 декабря 1921 г. 1-й краеведческой конференции РСФСР.

На 2-й краеведческой конференции СССР (9 – 14 декабря 1924 г.) планировалась работа специальной архивно-исторической секции, кураторами которой являлись Пичета и Платонов. Здесь предполагалось обсудить доклады Андреева, Богоявленского, Маяковского, Пичеты и др. Однако эти доклады были отозваны в связи с намеченным на этот же период созывом 1-го съезда архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.), где они и были прочитаны впервые. Основой для сотрудничества архивистов и краеведов служила программная декларация, опубликованная историком, профессором С.Н. Черновым в первом же номере журнала "Краеведение" за 1923 г.: "Только... широкой и глубокой волной общественной помощи можно спасти гибнущее на местах неповторимое национальное достояние – наши архивы и неминуемо вслед за ними имеющее погибнуть наше собственное прошлое, прошлое страны в целом и прошлое тьмочисленных ее мест. Учитывая силу краеведческого движения, я в их спасение верю"⁴⁴. Краеведы усиленно подчеркивали именно "общественный характер" своих организаций на местах, публично декларируя, что они "в значительной степени выросли из старых общественных организаций – губернских архивных комиссий"⁴⁵.

Таким образом, к середине 20-х годов повторилась попытка формирования мощного объединения культурных сил России на внепартийной, не зависящей от государственного аппарата, сугубо общественной основе. Естественно, что советская власть не могла допустить этого. Вскоре краеведческое движение будет ликвидировано, все его руководители в центре и на местах – репрессированы.

Основной удар власти нанесут именно по "ленинградской" школе краеведов, представлявшей "историко-культурное" направление в отличие от "московской школы" (московского ЦБК), «которая хотела свести краеведение с его широкими задачами к "производственному краеведению", исключаящему из своей программы изучение прошлого края». Как писал впоследствии (в тюремной камере) один из ленинградских краеведов

Н.П. Анциферов, "мы... выдвигали тезис: край нужно изучать не краешком, а *целокупно*, только тогда краеведение сможет превратиться в краеведение"⁴⁶. Это очень важное признание. Ведь и виднейшие архивисты вопреки Покровскому стремились к тому, чтобы профессионалы архивного дела изучали не только и не столько "архивоведение" (в узком, техническом смысле этого слова, а "архивовѣдение" (в широком историко-культурном аспекте). (Не случайно и судьба многих архивоведов, историков и краеведов, стоявших на этих позициях, сложилась одинаково трагически и кончилась в одно и то же время – в роковом 1929 г. Именно тогда историко-культурное направление в краеведении будет официально названо "гробокопательно-архивным"⁴⁷, а перед следователями предстанут все "не перестроившиеся на советские рельсы" интеллигенты независимо от их специализации в исторической науке.)

В 20-е годы между архивистами и краеведами были и весьма существенные различия по некоторым частным вопросам. В основном речь шла о праве создавать собственные архивы из документов, собранных краеведами и хранящихся в местных музеях или библиотеках. Эта проблема рассматривалась вначале как одна из научно-теоретических, связанных с необходимостью более четкого разграничения понятий "архив", "музей", "библиотека". Именно в таком плане рассматривалась она ленинградцами (Маяковским, Андреевым, Нечаевым и др.). Но руководство Главархива с 1925 г. начало искусственно раздувать масштабы этих разногласий, постепенно представляя краеведов чуть ли не главными врагами идеи централизации архивного дела и разрушителями основ ЕГАФ. Постепенно обвинения приобретут ярко выраженный политический характер. В конце 30-х годов в официозной историографии архивного дела история научной дискуссии будет излагаться уже совсем однозначно: «В 1927 году группа дореволюционных архивистов выступила на страницах журнала "Краеведение" со статьей, направленной против основ архивного строительства... Выступление указанной группы получило название "новой архивной политики" (НАП)... Краеведческие организации были в тот период убежищем бывших членов

ученых архивных комиссий и других дворянско-буржуазных элементов», которые, действуя "по указке белой эмиграции... стремились облегчить доступ к архивным документам врагов народа"⁴⁸.

Чтобы разобраться в подоплеке этого обвинения, следует иметь в виду следующее.

Под "группой дореволюционных архивистов" подразумевался прежде всего Илья Лукич Маяковский, который в первом номере журнала "Краеведение" действительно опубликовал теоретическую статью "Архивы как одна из областей краеведческой работы"⁴⁹. В этой статье он развивал идеи, высказанные еще на I конференции архивных деятелей в сентябре – октябре 1921 г., а затем на I съезде архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.). И.Л. Маяковский указал на очевидное противоречие между требованиями "полного административного охвата" всех архивных материалов в соответствии с существующим законодательством и тем, что при таком чисто формальном, бюрократическом подходе "огромная масса документов продолжает оставаться мертвым грузом, если порой вовсе не погибает". "Иными словами, – писал Маяковский, – органы Центрархива не успевают быстро и как следует размещать материал, разбирать его и описывать, таким образом отставая от запросов науки и задерживая ее развитие". Выход из образовавшегося тупика он видел в следующем: "Наше архивное законодательство должно последовать за нашим хозяйством, пережить своего рода архивный НЭП, или, как бы сказать, *новую архивную политику* (НАП), где методы главкизма должны уступить широчайшему привлечению к делу народившейся и окрепшей в прожитые годы советской общественности". Под "советской общественностью" автор подразумевал прежде всего "краеведческое движение" как "низовую (т. е. массовую) организацию научно-исследовательских общественных сил". Полномочия Центрархива, по мнению Маяковского, следовало «ограничить более узкими» рамками: "он должен был заниматься только центральными архивами Москвы и Петрограда, а в провинции – лишь в пределах политических секций и архивов Октябрьской революции". Иначе говоря, он

призывал к своеобразному "разделению труда": краеведческие организации (архивный "частник") должны были заниматься (на правах "не собственника, а как бы арендатора") собиранием и обработкой главным образом "частных архивов и коллекций, которые... могут поступить к ним либо на хранение, либо по завещанию, либо в дар, либо быть предложены к покупке". Затем ("по истечении срока аренды") эти обработанные и использованные краеведами материалы должны были включаться в ЕГАФ. Для ликвидации "существующей настороженности и разобщения между Центрархивом и Главнаукой" (ей подчинялись краеведческие организации, а также библиотеки и музеи с их собственными собраниями ретроспективных документов) автор предлагал создать "высший правомочный орган", который бы "координировал и направлял" общую работу "наименее бюрократическим и наиболее жизненным способом".

Нужно иметь в виду, что на I-м съезде архивных деятелей РСФСР⁵⁰ Маяковский изложил эти взгляды, выступая вместе с Адоратским с содокладом по вопросу "О взаимоотношениях Центрархива с научными учреждениями", который в повестке дня по степени важности был отнесен ко второй группе. К первой отнесены доклады по вопросам "организационно-строительским", ко второй — "научно-технические" и, наконец, к третьей — "информационные". Уже это объективно показывает, что первоначально доклад Маяковского ставился по степени важности всего лишь на уровень таких докладов, как "О приемах издания архивных материалов" (А.И. Андреев и С.Н. Валк), "О составлении и публикации каталогов, указателей и справочников по архивному делу" (А.С. Николаев), "Об учете фондов и топографических указателей" (М.С. Вишневский) и "Об уточнении архивной терминологии" (Б.И. Анфилов и Г.А. Князев).

Тон основного доклада, прочитанного Адоратским, и текст соответствующей резолюции по обоим докладом были достаточно спокойными и явно направлены на достижение компромисса. Характерен, например, такой эпизод. Наиболее резко против "империалистически-архивных идей" Центрархива выступил ди-

ректор Музея революции СССР С.И. Мицкевич. "Это будет действительно ужас, — говорил он на съезде, — когда архивы возмрут отовсюду, оторвут от естественной связи с музеями и перенесут в одно место; думаю, что они будут похоронены на многие десятилетия".

В ответ Максаков миролюбиво заметил: "Все то, что не может быть извлечено, что действительно органически связано с музеем, дворцом или монастырем, — то мы оставим, но учтем у себя в Центрархиве"⁵¹.

Такое же стремление к разумному компромиссу характерно и для большинства других выступлений руководителей Центрархива по этому вопросу. Так, в докладе Адоратского "краеведческие общества", а также "некоторые исследовательские институты и музеи" были перечислены в одном ряду с такими "наиболее нуждающимися в архивных материалах научными учреждениями как, Институт красной профессуры, Коммунистическая академия, Институт Маркса и Энгельса, Академия штаба РККА, Военно-исторический отдел РККА, Академия наук, Истпроф и Истпарт". Единственным, против чего категорически высказались участники съезда, было "образование при научных учреждениях, организациях, музеях и библиотеках... архивных фондов и отдельных документов, не имеющих органической связи с соответствующими научными учреждениями". В основу термина "органическая связь" положена классификационная схема Маяковского, в соответствии с которой "исторический" и "формальный" признаки разграничения предлагалось дополнить третьим — "той целью, которую преследует каждое из этих учреждений". В соответствующей резолюции подробно перечислялись те категории архивных материалов, которые могли оставаться "в ведении Главнауки и ее учреждений и на учете Центрархива".

Решительно выступив против "существующего параллелизма... в деле собирания и хранения архивных материалов", съезд разработал "Порядок о временном предоставлении научным учреждениям архивных фондов, подлежащих передаче в ЕГАФ", а также "о гарантиях беспрепятственного использования архивных

материалов, находящихся в архивохранилищах Центрархива и его органов".

Гораздо более решительно были настроены участники съезда по центральному вопросу, который касался не мнимой, вполне поддающейся урегулированию "угрозы" со стороны краеведов из Главнауки, а той действительно реальной и страшной угрозы централизации архивного дела, которую представил собой так называемый главкизм. В центральных докладах Коллегии "О деятельности Центрархива РСФСР за 5 лет" и "Об архивном строительстве на местах" (оба доклада сделал Максаков), в докладах "Об очередных организационных задачах Центрархива" (М.М. Константинов) и "Центрархив и архивы действующих учреждений" (И.А. Голубцов), а также в многочисленных сообщениях с мест отмечалось, что "некоторые ведомства... вообще отказываются сдавать в госархивы материал, срок которого в советском учреждении уже истек". "К этому добавлялось, — как следует из протоколов съезда, — что во многих советских учреждениях наблюдается небрежное отношение к вышедшим из делопроизводства бумагам... Нередко предлагаемый к сдаче материал находится в таком виде, что сколько-нибудь упорядоченная его приемка для вмещения в хранилище и выяснение его содержания почти невозможны".

Делегаты с мест приводили вопиющие факты. Так, делегат из Саратовского губернского архивного бюро Корнеева сообщила на съезде в ходе прений по докладам Максакова: «Когда вы входите в соответствующее учреждение... то вам говорят: позвольте, у нас есть свой комиссариат, есть свои распоряжения, хотя бы относительно бумажного хлама... Мы хотели ознакомиться с весьма ценными архивами Красной Армии, но нам сказали: "Руки прочь, у нас есть свой центр, и если он даст свое распоряжение, то мы так и поступим..." Нам приходилось устанавливать, что вместе с макулатурой уходили архивные фонды на писчебумажные фабрики для переработки. Многие местные учреждения... тем самым извлекают средства на свои материальные нужды... Затем есть партийные архивы. На этот счет нужно сказать, что мы не имеем права их касаться, брать на учет и ин-

структурировать... Даже если вы хотите получить справку за 1917 – 1918 гг., то вам скажут, что эти годы прошли и архивы уничтожены».

Для обстановки на съезде характерна ответная реплика Максаква: "Товарищи, я не понимаю, почему так вдруг нам всем захотелось партийные архивы собирать?.. Что значит взять архивы партии? Это значит взять на себя колоссальную ответственность... Охраним ли мы эти архивы, когда у нас часто и замков надлежащих нет, и железных решеток на окнах нет, и людей нет... Профсоюзы – тут положение другое, потому что архивы профсоюзов иного порядка. Здесь мы можем проявить некоторый либерализм в вопросах охраны".

Решительно осудив возрождение "ведомственных тенденций" вообще, он, тем не менее, попытался оправдать некоторые из ведомств (правда, не называя их): "Нельзя закрывать, товарищи, глаза на то, что отношение правительственных учреждений к архивным органам в известной мере определяется степенью политического доверия, которое им внушает руководящий состав наших архивных учреждений, в особенности когда мы вплотную подходим к разрешению вопроса о централизации архива пореволюционного времени. Коллегия Центрархива, учитывая это, систематически проводила план освежения (так в тексте! – Т. Х.) личного состава архивных работников как в центре, так и на местах... Коллегия полагала, что... без создания кадров красных архивистов, опираясь только на работу архивистов недавнего прошлого, пролетарское государство не сможет в полной мере выполнить лежащие перед ним задачи".

Это было важное заявление, имевшее программное значение. Решение проблемы "ведомственности" ("главкизма") сводилось, таким образом, не к обязательному выполнению существующего законодательства всеми без исключения ведомствами, учреждениями и организациями, а "дифференцировалось" в зависимости от степени "политического доверия" весьма могущественной категории партийных и советских учреждений, перед которыми архивисты были бессильными и бесправными. В этом плане 1925 г. можно считать началом решительного поворота

к той политике "освежения" архивных кадров, которая примет массовые масштабы к концу этого переходного десятилетия.

Таким образом, угроза "главкизма" содержалась отнюдь не в действиях краеведов, представлявших собой лишь "своеобразный общественный организм, объединявший две тысячи местных организаций, 50 тысяч архивистов и множество музеев, действующих на общественной инициативе." Как раз наоборот — краеведы объединялись с архивистами в одну мощную силу, чтобы ускорить процесс комплектования и научной обработки документальных комплексов для их последующей передачи в ЕГАФ. В отличие от ведомств они не предполагали хранить их вечно "под замком", или гноить в неприспособленных помещениях в виде хаотичной россыпи, или же вообще продавать как "бумажный хлам" для улучшения своего финансового состояния. Вопрос шел о взаимовыгодном сотрудничестве и сроках "аренды". Собственно, так этот вопрос и понимался большинством участников съезда в 1925 г. и даже в последующих дискуссиях на страницах архивоведческих журналов⁵².

Жестокость репрессий, которые обрушатся на краеведов и архивистов (сам И.Л. Маяковский чудом уцелеет, хотя на несколько лет останется без работы: он вплоть до самой кончины будет вынужден каяться в допущенном "политическом промахе", а злополучная статья в журнале "Краеведение" будет навсегда исключена из академической библиографии его работ), объясняется тем, что тоталитарный режим несовместим с самим фактом существования независимой структурной части общества, ставившей перед собой чисто гуманитарные, историко-культурные цели.

Другим важным итогом работы съезда, также свидетельствовавшим о его "переходном" характере, стало принятие окончательного определения основополагающего архивоведческого понятия "архивный фонд". На фоне бурных событий последующих лет забылись или были сознательно вычеркнуты властями имена теоретиков и практиков архивного дела, стоявших у истоков архивоведческой мысли. Только благодаря во многом подвижническому труду Автократова⁵³ сегодня можно определенно назвать

некоторых из них. Так, дефиниция "архивный фонд" родилась в итоге мучительных поисков, которые вели с начала 20-х годов представители "петроградской школы" (А.И. Андреев, Г.С. Габеев, И.В. Пузино, Г.А. Князев и другие участники "кружка имени Лаппо-Данилевского"), а также члены московской "терминологической комиссии", в которой активнейшее участие принимали В.К. Клейн, Б.И. Анфилов, а также И.А. Голубцов и С.К. Богоявленский. Жизненная важность этой, казалось бы, сугубо теоретической дискуссии, которую все время пытались прекратить на конференциях и съездах за "ненужностью" и Покровский и Максаков, состояла в том, что без выработки устойчивого и общепринятого понятия основной учетной единицы оказалось невозможным проведение работы по статистическому обследованию архивных массивов в центре и на местах. Неоднократные попытки обобщить соответствующие отчетные и справочные материалы в 1918 — 1924 гг. только запутывали картину, поскольку чуть ли не каждый архивист по-своему толковал слишком полисемантическое понятие "архив", а более специальный термин "архивный фонд" многим был просто непонятен.

Правда, научное разграничение этих понятий сформулировал еще в 1921 г. на Коллегии Главархива Владимир Карлович Клейн (в 30-е годы он будет расстрелян по "делу о кремлевском заговоре"; к тому времени он стал крупнейшим специалистом-"вещеведом" в Оружейной палате), но оно не стало общим достоянием. Как установил Автократов, Клейн является первооткрывателем идеи пофондового, а не поархивного, как было до этого, учета архивных документов. Автор этого важного открытия в области архивоведения был забыт; его присвоил себе М.С. Вишневский⁵⁴.

Свои варианты дефиниций выдвигали и другие архивисты (Николаев, Пузино и др.). На I съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. обсуждались "терминологические" доклады двух противоборствующих сторон — от "петроградцев" (теперь уже ленинградцев) выступили Князев и Андреев, от "москвичей" — Борис Иосафович Анфилов (1882 — 1941). Ему и принадлежит главная заслуга в определении термина "фонд", которое,

по справедливой оценке Автокротова, "стояло выше современных ему западноевропейских определений, например Х. Дженкинсона и П.А. Фурнье"⁵⁵. Он же установил, что в ряде других работ Анфилова "превосхищены важные положения... перестройки комплектования государственных архивов", которая будет осуществляться три-четыре десятилетия спустя. К несчастью, в 30-е годы Анфилов будет уволен из всех архивных органов как брат офицера-белогвардейца и сам "бывший царский офицер". Последние два года жизни он просуществовал без работы и без пенсии⁵⁶.

Его определение ("московская формула") опиралось на естественно-научную природу фондообразования, которая в мировой архивоведческой литературе понимается как "провениенц-принцип" ("принцип происхождения", являющийся научной основой классификации документов по исторически сложившимся архивным фондам). От имени московской терминологической комиссии Анфилов (в ее состав входили еще И.А. Голубцов и А.А. Сергеев) определил "фонд" следующим образом: "Архивным фондом учреждения или лица называется совокупность архивного материала, органически отложившегося в процессе деятельности этого учреждения или лица". Это была лаконичная, хотя и несколько абстрактная формулировка. Ее оспаривали, развивали и дополняли затем многие архивисты (среди них — Князев, Богоявленский), но в конечном счете выяснилось, что именно она отражала наиболее существенное и важное, явившись понятной и надежной антитезой термину "коллекция", основанному на противоположном принципе логической принадлежности или причастности ("пертиненцпринцип"). В нашу задачу не входит детальный анализ и сопоставление всех существующих толкований этого архивоведческого принципа, тем более что в настоящее время существует обширная специальная библиография работ по этому вопросу⁵⁷. Особая ценность "московского определения" с точки зрения истории архивного строительства заключалась в том, что в обстановке середины 20-х годов оно оказалось весьма актуальным. Научно-организационная коллегия Центрархива, основываясь именно на

этом определении, немедленно приняла специальное постановление с категорическим запрещением "дробления отдельных архивных фондов" не только в рамках секций, но и ведомства в целом и даже отдельных учреждений.

Разъясняя это постановление, М.К. Любавский и Я.Н. Жданович выступили со статьей⁵⁸, направленной против притязаний украинских архивистов на "украинские архивные фонды, находящиеся в пределах РСФСР", ряда местных организаций на выделение им части фондов из других архивохранилищ в связи с новым административно-территориальным делением, а также ряда ведомств и учреждений на передачу им историко-революционных материалов из центральных. Во всех этих случаях в качестве "главного момента" при разрешении вопроса о принадлежности разрозненных частей фонда выдвигались признаки "современного территориального деления", "секционности" и даже "национальный". Однако такое "расширительное толкование" принципа принадлежности фонда, справедливо указывали авторы, "повело бы к недопустимому разрушению цельности и ценности одних хранилищ в интересах других". Они делали вывод, который остается актуальным и в наши дни: "Нужно оставить фонды Центральных Исторических архивов РСФСР в том самом составе, в каком они органически, а не случайно отложились, не подвергая их в этом органическом составе никаким изъятиям и отторжениям". Предлагалось "поскорее снять со спорных материалов копии, а еще лучше — издать их для всеобщего пользования". В особых, исключительных случаях (речь шла о Наркоминдел) допускалось выделение части архивного фонда "во временное пользование" потребителю. Так новое теоретическое определение того, что "должно разуметь под архивным фондом учреждения или лица", сразу же приобрело вполне определенный практический смысл.

В рамках исторического анализа важно также установить, что вершинные достижения в области архивоведческой мысли достигались именно в тот короткий переходный период, который хронологически совпал с серединой 20-х годов, когда еще существовал сложившийся до революции и укрепившийся при

Рязанове блок историков и архивистов старой школы вместе с их учениками первого пореволюционного поколения. Архивное строительство уже укладывается новым руководством Центрархива в прокрустово ложе "классовости" и "партийности" (точнее — "однопартийности"). Архивы насильственно "огосударствляются" без учета интересов науки и культуры. Вопреки декрету от 1 июня 1918 г. создаются новые, обособленные "ведомственные" архивы, лишенные законного права на существование, но прикрываемые формулировкой "революционной целесообразности" и опирающиеся на неприступную "идеологическую" основу. Но архивисты стараются жить и мыслить вне этой системы.

Симптомы конца этого своеобразного двоевластия, точнее говоря, призрачного сосуществования двух взаимоисключающих тенденций проявились не только в серии кадровых перестановок и организационных преобразований во всех архивных структурах. Они выявились и на идейно-теоретическом уровне, особенно в тех речах, которые произнес руководитель Центрархива Покровский на I съезде архивных деятелей⁵⁹, а также в его выступлении перед учащимися первых архивных курсов при Центрархиве РСФСР⁶⁰, в рецензии на книгу А.С. Лаппо-Данилевского "Методология истории"⁶¹ и большом количестве других работ и выступлений, датируемых серединой 20-х годов. Везде с настойчивостью проводится и внушается одна и та же мысль: "Мы не в достаточной степени оцениваем, какое громадной силы политическое оружие имеется в наших руках в лице архивов, конечно, не тех, которые приходится изучать при помощи палеографии, но архивов империалистической войны, царского времени, XX столетия и архивов самой Октябрьской революции... Отсюда неизбежна тесная связь нашего архивного управления с политическими органами Республики". Покровский четко делит участников съезда на две категории: "политических руководителей архивного дела", к которым он относит, естественно, только "коммунистов", и "специалистов", без которых "коммунисты" не могут работать, называя это явно вынужденное и временное, с его точки зрения, взаимодействие симбиозом.

Он прямо ставит перед архивистами однозначную в самой формулировке задачу: "...откликаться на все политические злобы дня и участвовать во всех тех политических кампаниях, которые предпринимает Советская власть и партия для разрешения насущных вопросов момента". Он, наконец, делает весьма смелый прогноз, который опровергают реальности грядущих десятилетий: "Коммунизм, идущий под знаменем научного социализма... самым плодотворным образом может и должен подействовать на всякую науку, и в особенности на архивную работу". Пренебрежительно отозвавшись о "разных палеографиях и тому подобных вещах, которые нужны для того, чтобы читать старые документы", Покровский заявляет: "Наши археологические институты создавали прежде целые архивные отделения, где учились по 3 — 5 лет. Это было просто некоторое раздувание своего собственного дела, естественное, поскольку этим делом ведали теоретики-специалисты, которые смотрели на жизнь в лупу и которым казалась всякая мелочь важной. Мы же считаем, что годичного курса за глаза достаточно, чтобы подготовить архивиста вполне к выполнению его задачи, а задача эта в теперешней обстановке является прежде всего задачей политической".

Но у тех, кого Покровский высокомерно называл "техническими элементами", были совсем другие представления о сущности профессиональной подготовки. "Когда историческая наука все шире и глубже захватывает такие области, где доминирующим источником ее питания является массовый архивный материал, архивисту должна быть отведена определенная и самостоятельная роль в научном строительстве. Архивист перестал быть чиновником и должен стать научным работником высшей квалификации, равноправным сотрудником историка-исследователя и археографа". Так писал в программной статье "Историк — археограф — архивист", открывшей первый номер журнала "Архивное дело"⁶², выдающийся российский историк, ученик Платонова, член-корреспондент Академии наук С.В. Рождественский (1868 — 1934) (умер в ссылке). Но что он мог противопоставить "аргументации" высокопоставленного партийного оппонента, если тот опубликовал в "Правде" статью с яростными

заклинаниями: «Нужно, чтобы... каждый историк-коммунист твердо помнил, что, идя на приманку из такого тухлого мяса, как давно подошедшая буржуазная "объективность", он самым определенным образом предаст на своем участке дело рабочего класса»⁶³.

Так проявились две принципиально несовместимые позиции, и нетрудно было предугадать, кто победит.

Впрочем, пока обстановка только накалялась. Это характерно для атмосферы состоявшейся в январе 1927 г. 2-й конференции архивных работников РСФСР. Кстати, даже в названии как бы снижен ранг специалистов. «Теперь их называли не "архивными деятелями", как это делалось в названиях предыдущих конференций, съездов, берущих свое начало от Союза РАД, а "архивными работниками"». Впрочем, дело не в лексике. Гораздо более важным было то, что в работе самой конференции уже не видно чисто научных споров, свободной борьбы мнений и столкновений альтернативных позиций, столь характерных для архивных форумов прежних лет. Конференция была похожа на обычное производственное совещание, приуроченное к юбилейной дате – 10-летию Октябрьской революции. Вся работа конференции состояла в уяснении задач архивных учреждений в связи с юбилеем, а также в переориентации их деятельности на "более тесную связь с плановыми и хозяйственными органами страны в целях планомерного выявления и научной разработки архивных документов, необходимых государственным органам в деле исследования производительных сил страны и изучения хозяйственного опыта прошлого»⁶⁴.

Как и следовало ожидать, гораздо более динамичным был ход работ на проходившем в это же время, но теперь уже на вполне автономной основе сепаратном Всесоюзном совещании истпартотделов. Здесь были приняты "согласованные с авторитетным партийным учреждением – Истпартом ЦК ВКП(б)" решения об организации документальной базы истории советского общества путем собирания архивов всех действующих учреждений. По существу, Истпарт принял на себя полномочия руководителя "всего архивного строительства в СССР на новое десятилетие". Констатируя стремление ряда учреждений задержать до-

кументы 1917 – 1921 гг., "конференция признала нужным поставить об этом в известность высокие партийные и правительственные органы". В специальной резолюции совещания прямо указывалось на "недопустимость оставления архивных материалов советских учреждений и контрреволюционных организаций (так в тексте! – Т. Х.) в ведении и на хранении в музеях, библиотеках и исследовательских учреждениях"⁶⁵.

По существу, это уже был разговор "с позиции силы".

В это время все указания "авторитетного партийного учреждения" включались в проект нового положения о ЦАУ СССР на заседаниях специального комитета при Президиуме ЦИК СССР. В его состав впервые на правах полномочного члена вошел представитель ОГПУ.

Этот же комитет активно участвовал в разработке повестки дня и подготовке ораторов для очередного съезда архивных работников РСФСР, проведение которого было первоначально намечено на 1928 г., но затем перенесено на следующий, 1929 г.

Так заканчивались 20-е годы. Архивисты пережили голод и разруху, возрождение надежд на независимость научных объединений в период НЭПа и начали привыкать к состоянию "симбиоза" с властями (если использовать термин Покровского). Они подошли к той роковой развилке дорог, после которой свобода выбора одной из них перестанет существовать.

1929 год откроет новый период в истории отечественного архивного дела, период повсеместного и всеохватывающего торжества принципов тоталитаризма.

Примечания

1. *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 128.
2. *Максаков В.В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 119; он же. История и организация архивного дела в СССР. 1917 – 1945 гг. М., 1969. С. 100.
3. См.: *Покровский М.Н.* Политическое значение архивов // Советские архивы, 1988. № 3. С. 11 – 16.
4. *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 142.
5. См.: *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1991. № 9 – 10. С. 169; 1993. № 2. С. 145; см. также: Политические деятели России. 1917. Биографи-

- ческий словарь. М., 1993. С. 256 – 257; *Чернобаев А.А.* "Профессор с пикой", или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992, и др.
- 6 *В.И. Ленин.* Биографическая хроника. Т. 9. М., 1978, С. 216; см. также: ГАРФ. Ф. 332 (Фонд В.В. Адоратского). Оп. 1. Д. 16.
- 7 Чествование в Центрархиве РСФСР М.Н. Покровского по поводу 60-летия со дня его рождения // Архивное дело. 1928. Вып. IV (17). С. 74.
- 8 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 6. Л. 7; см. также: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за "чистоту" архивных кадров (1920 – 1930-е годы) // Отечественные архивы..1993. № 5. С. 29 – 30.
- 9 Цит. по: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 31.
- 10 Цит. по: там же. С. 32.
- 11 См.: *Пека О.В.* Архивы и архивные документы в политической жизни советского общества в 1920 – 1930-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 10.
- 12 См.: Бюллетень Главархива. Пг., 1921. С. 18.
- 13 Первоначально председателем Истпарта стал М.Н. Покровский, но через два месяца, по собственной его просьбе, он был освобожден, и на его место был назначен ветеран партии М.С. Ольминский.
- 14 См.: *Зелов Н.С.* В.В. Адоратский в Центрархиве // Вопросы истории. 1980. № 11. С. 174; Пролетарская революция. 1930. № 5 (100). С. 163.
- 15 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 267. Л. 2.
- 16 См.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 38. Д. 84. Л. 2.
- 17 X съезд РКП(б). Стенографический отчет (8 – 16 марта 1921 г.). М., 1921. С. 69.
- 18 См.: Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923 – 1927. Т. 1. М., 1990. С. 13; Правда. 1927. 2 нояб. С. 4; *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Т. 2. М., 1990. С. 3, 259; *Диланян А.А.* О появлении в печати ленинского письма 18 октября 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 2. С. 104 – 108; *Пека О.В.* Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 32 – 35; *он же.* Архивы и архивные документы в политической жизни советского общества в 1920 – 1930-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
- 19 Указания и распоряжения по архивному делу // Архивное дело. 1925. Вып. II. С. 101, 103.
- 20 Там же. С. 116 – 117.
- 21 См.: *Батулин Н.* Конспект-минимум для воспоминаний // Из эпохи "Звезды" и "Правды". М., 1921; *Гелис И.* Как надо писать мемуары // Пролетарская революция. 1925. № 7.
- 22 *Кабанов В.В.* Собираение и публикация в 20-х годах крестьянских воспоминаний об аграрной революции и гражданской войне в России // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1985. С. 184.
- 23 Эти документы были выявлены В.Е. Корнеевым и О.Н. Копыловой в ГАРФ (Ф. 5325. Оп. 1. Д. 212. Л. 131 – 132). Аналогичные сведения содержатся в РЦХИДНИ (Ф. 71. Оп. 2. Д. 214. Л. 27). См.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 14 – 15.
- 24 Архивное дело. 1926. Вып. VII (№ 7) С. 106.

- 25 Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 г.). М., 1961. С. 109 – 111.
- 26 См.: *Савин В.А.* Формирование ГАРФ СССР в 1920 – 1950-х гг. // Советские архивы. 1991. № 1. С. 45.
- 27 См.: Бюллетень Главархива РСФСР. Пг., 1921. № 1. С. 12 – 14.
- 28 См.: СУ РСФСР. М., 1923. № 72. С. 703.
- 29 См. там же. № 78. С. 973.
- 30 См.: Архивное дело. 1928. Вып. III(№ 16). С. 16, 18.
- 31 Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 5, 9, 12.
- 32 *Пресняков А.Е.* Обзоры пережитого // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 346.
- 33 Хроника // Там же. С. 496.
- 34 Там же. С. 497.
- 35 О судьбе Габаева см.: *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева (1877 – 1956) // Советские архивы. 1990. № 1. С. 62 – 76; № 2. С. 61 – 78.
- 36 См.: 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 372 – 384.
- 37 См.: *Автократов В.Н.* Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986. С. 48.
- 38 См.: *Курникова И.А.* Петроградский археологический институт // Советские архивы. 1991. № 2. С. 40 – 43; она же. Из истории первых архивных курсов // Советские архивы. 1989. № 2. С. 19 – 25.
- 39 *Курникова И.А.* Указ. соч. // Советские архивы. 1991. № 2. С. 44.
- 40 Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 384.
- 41 Все документы и тексты выступлений цит. по: 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. I. С. 102 – 126.
- 42 См.: *Готье Ю.В.* Мои заметки // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 83.
- 43 *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 136. Аналогичное утверждение содержится у В.В. Максакова: конференция "приняла решение... просить правительство включить Главархив в систему учреждений, подчиненных непосредственно ВЦИК или СНК" (*Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. (1917 – 1945). М., 1969. С. 129).
- 44 *Чернов С.Н.* Краеведение и архивное дело // Краеведение. 1923. № 1. С. 18 – 19; см. также: *Филимонов С.Б.* Вопросы архивного дела в материалах руководящих краеведческих органов РСФСР и СССР 1920 – середины 1930-х годов // Историография и источниковедение архивного дела в СССР. М., 1984. С. 71 – 80.
- 45 ЦГА РСФСР. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 32. Л. 338.
- 46 *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 354.
- 47 См.: *Филимонов С.Б.* Историческое краеведение в России и документальные памятники (1917 – 1929): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1992. С. 6.
- 48 *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 171 – 172.
- 49 Краеведение. 1927. № 1. С. 47 – 62; см. также: 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (29 сент. – 3 октяб. 1921 г.) // Архивное дело. 1923. Вып. I. С. 116 – 117; Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР (14 – 19 марта 1925 г.). М.-Л., 1926; *Маяковский И.Л.* Архив, библиотеки

- и музей // Архивное дело. 1926. Вып. V – VI. С. 55 – 56; *он же*. Архив, библиотека и музей // Архивное дело. 1926. Вып. VII. С. 28 – 30, 35 – 36.
- 50 Все документы и тексты выступлений цит. по: Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР (14 – 19 марта 1925 г.). М., 1926. ; *Константинов М.М.* I съезд архивных деятелей РСФСР // Архивное дело. 1925. Вып. III – IV. С. 34 – 48.
- 51 Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР. С. 117 – 118.
- 52 См., например: *Голубцов И.А.* Краеведческие "поправки" к организации архивного дела в РСФСР // Архивное дело. 1927. Вып. XIII.
- 53 См.: *Автократов В.Н.* Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов // Археографический ежегодник за 1984 г. М., 1986.
- 54 См.: *Автократов В.Н.* Указ. соч. // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 26.
- 55 См.: *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 61.
- 56 См.: *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 45.
- 57 См., например, список литературы, приведенной в статье: *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Советские архивы. 1988. № 6. С. 27; *Функ Н.К.* Разработка С.К. Богоявленским теории и методики архивного дела (по неопубликованным статьям) // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 140 – 144, и др.
- 58 См.: *Любавский М., Жданович Я.* К вопросу о недробимости архивных фондов // Архивное дело. 1926. Вып. V – VI. С. 57 – 68.
- 59 См.: *Покровский М.Н.* Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве // Архивное дело. 1925. Вып. III – IV. С. 5 – 10.
- 60 См.: *Покровский М.Н.* Политическое значение архивов. М., 1925.
- 61 См.: *Покровский М.Н.* Историческая наука и борьба классов. 1925. Вып. 2.
- 62 См.: *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // Архивное дело. 1923. Вып. I. С. 8.
- 63 *Покровский М.Н.* Классовая борьба и идеологический фронт // Правда. 1928. № 260. Цит. по ред. статье "На очередные темы // Архивное дело. 1928. Вып. IV (17). С.3.
- 64 2-я конференция архивных работников РСФСР // Бюллетень Центрархива РСФСР. М., 1927. № 24 – 25 (54 – 55). С. 203 – 205.
- 65 Архивное дело. 1927. Вып. XI – XII. С. 72 – 82.

Глава 3. Укрепление командно-административной системы управления архивами (1929 — начало 1938 г.)

1929 год открывает в истории отечественного архивного строительства десятилетие "великого перелома". Множество отдельных кампаний по "чистке" архивохранилищ и архивных кадров, которые организовывались партийно-правительственными органами при активном использовании карательно-репрессивного аппарата (ОГПУ, а с июля 1934 г. Главным управлением госбезопасности НКВД), привели к полному огосударствлению архивов.

Вначале фактически, а с 1938 г. и юридически архивные органы были полностью интегрированы в тоталитарную структуру управления всеми сторонами жизни государства и общества, что отразилось в передаче архивов в ведение НКВД.

В течение десятилетия произошла своеобразная "милитаризация" архивов, проявившаяся в устранении остатков научной самостоятельности архивистов, насильственном разрыве их связей с краеведческими организациями и с творчески мыслящими историками и в конечном счете в установлении жесткой системы их подчинения партийно-государственной диктатуре.

От Центрархива России к ЦАУ СССР

25 октября 1928 г. в Большом зале Московской консерватории состоялось торжественное заседание, посвященное 60-ле-

тию со дня рождения и 35-летию научной деятельности М.Н. Покровского. "Кампания по чествованию Михаила Николаевича, а в его лице марксистской науки развернулась очень широко. Она захватила и советские центры и периферию... Как крупнейший историк и революционер он близок одинаково как кругу научных работников, так и широким рабочим и крестьянским массам", — писал подведомственный Покровскому журнал "Архивное дело"¹.

Коммунистическая академия, созданная Покровским, спешно выпустила довольно объемную книгу "На боевом посту марксизма"², в которой были опубликованы стенограммы поздравительных речей А.В. Луначарского (Наркомпрос), А.С. Бубнова (ЦК ВКП(б)), И. Толоконцева (ЦИК СССР), Н.А. Морозова (Общество старых большевиков), С.Ф. Ольденбурга (АН СССР) и многих других.

Но с этим юбилеем волею судеб совпал еще один. В декабре 1929 г. отмечался 50-летний юбилей И.В. Сталина. Это событие, справедливо отмечают историки, знаменовало начало эпохи культа личности³. Однако в мощном и единодушном хоре приветствий в его адрес не прозвучал голос Покровского, хотя его и ждали. Зато неизмеримо большую активность проявили его заместитель по Центрархиву Адоратский, а также главный соперник в борьбе за власть в исторической науке — Ярославский.

Особую остроту возникшей ситуации придавало то, что сборник поздравительных статей по случаю юбилея Сталина вышел (первым изданием) одновременно с юбилейным сборником Покровского в том же, 1929 г.⁴.

Сталин был не только ревнив к чужой славе. Он с подозрением относился к самостоятельно мыслящим, образованным людям, а Покровский — при всем своем ортодоксальном марксистском мировоззрении относился именно к их числу.

Сталин не умел прощать не только врагов, но и друзей своих врагов. А Покровский именно в дни своего юбилея совершил непоправимую ошибку: он высоко отозвался о Давиде Бо-

рисовиче Рязанове. Несомненно, им руководили самые благородные чувства. Под их влиянием на торжественном собрании Центрархива РСФСР, состоявшемся в его честь накануне годовщины Октябрьской революции, 4 ноября 1928 г., он поправил своего личного "выдвиженца" Максакова, который в докладе "М.Н. Покровский в архивном строительстве" всю реорганизацию и централизацию архивного дела с первых дней революции и в течение всего последующего десятилетия приписал лично ему, его "необычайной дальновидности и политической чуткости". Покровский уточнил, что все-таки "идея централизации единого архивного фонда принадлежала Д.Б. Рязанову", а он "лишь поддержал Рязанова в его начинании"⁵. Об этом же говорил Покровский в 1928 г. и во время поездок за рубеж в составе делегации советских ученых-историков.

По роковому для Покровского совпадению 60-летний юбилей Рязанова тоже наступил очень скоро, и руководимая Покровским Коллегия Центрархива направила Рязанову поздравление как "основоположнику и первому строителю архивного дела в СССР", создателю Института Маркса и Энгельса и вообще крупнейшему политическому борцу-коммунисту, писателю-марксведу и т. п.⁶

Покровский осмелился пренебречь тем известным всем видным партийцам фактом, что Рязанов публично высказывал презрение к теоретическому багажу Сталина (были известны слова: "Коба, не выставляй себя на посмешище. Все знают, что теория — не твоя стихия")⁷, а также высмеивал его окружение. Покровский, так же как Рязанов, Бухарин и многие другие ветераны партии, знал истинную цену Сталину как теоретику, ученому и т. п.⁸

Но и Сталин знал все о Покровском. Поэтому он, очевидно, принял к сведению его подозрительное поведение в дни совпавших по велению судьбы юбилеев. Поэтому вряд ли простым совпадением можно объяснить тот факт, что в стенах созданного Покровским Института красной профессуры именно в апреле 1929 г. вдруг разгорелась дискуссия по существу его ис-

торических концепций. Задолго до официального шельмования "антимарксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, антинаучных взглядов" Покровского и его "школы", начатого Сталиным, Кировым и Ждановым в августе 1934 г. (после смерти ученого), Покровский уже чувствовал, что почва уходит из-под ног.

Следует иметь в виду и такой немаловажный факт. В день похорон Покровского, которые состоятся 13 апреля 1932 г. на Красной площади, с прощальной речью от имени и по поручению ЦК ВКП(б) выступит уже уничтоженный политически, но еще живой Н.И. Бухарин. Он назовет Михаила Николаевича "верным сыном партии", а также своим товарищем и другом, в то время как сменивший его В.В. Адоратский даже на траурном митинге не преминет отметить, что "у Михаила Николаевича были расхождения с партией", и в очередной раз осудит "рязановщину в архивном деле"⁹. С трибуны Мавзолея речи Бухарина и Адоратского внимательно слушали Сталин и его ближайшие соратники, в числе которых был и Ярославский, еще при жизни Покровского называвший его взгляды "ревизией марксизма" и "троцкистской прозой"¹⁰, и Молотов, и Ворошилов.

В нашу задачу не входит полная оценка жизненного пути и научного наследия Покровского, тем более что по этому поводу вплоть до настоящего времени ведутся ожесточенные споры как у нас в стране, так и за рубежом¹¹. Просто судьба Покровского на данном витке истории настолько тесно переплелась с судьбой отечественных архивов, что их невозможно оторвать друг от друга. И поэтому вряд ли падение его влияния в высших сферах партийно-правительственного руководства могло пройти бесследно для Центрархива, да и для всей системы отечественных архивов в целом.

Во всяком случае, именно с 1929 г. связаны кульминация первой ширококомасштабной, организованной помимо и вопреки рекомендациям Центрархива кампании по целенаправленному разгрому архивов в центре и особенно на местах, которая осталась в истории под эвфемистичным названием "макула-

турная", а также начало первой массовой "чистки" архивных кадров.

Вот почему 1929 год для архивистов тоже стал "годом великого перелома". Естественно, что весной 1929 г. они даже не подозревали о том, что ждет их в ближайшем будущем. Наоборот, большинство из них приехали в Москву, на свой 2-й съезд, весной 1929 г., переполненные желанием заручиться помощью руководства в решении наболевших проблем, поделиться опытом работы и наметить планы на будущее.

Многих волновал один из главных вопросов — что означает для архивистов принятое буквально накануне открытия съезда (10 апреля 1929 г.)¹² постановление о создании Центрального архивного управления СССР. Ответ, как надеялись делегаты, даст Покровский.

От его заместителей — в первую очередь Максакова — ждали указаний по организации конкретных работ в условиях "макулатурной" кампании и почти повсеместного сопротивления с органами власти, а также разъяснения смысла "Положения об архивном управлении РСФСР", принятого в январе 1929 г.¹³

2-й съезд архивных работников РСФСР, состоявшийся 25 мая — 1 июня 1929 г.¹⁴, в традиционной историографии отечественного архивного дела было принято называть "крупным событием... в истории советского архивного строительства"¹⁵.

Сегодня мы с полным основанием можем называть его "съездом обреченных". Это был последний форум, на котором выступил Покровский.

Здесь в последний раз прозвучат голоса тех, кто вскоре будет репрессирован в ходе процессов, которые начнутся в 1930 г. и окончатся в 1938 — 1939 гг. На съезде присутствовали академики С.Ф. Платонов, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, которые будут арестованы меньше чем через полгода, а также те, кто разделит их судьбу немного раньше или чуть позже, А.М. Рахлин, А.И. Андреев, Д.Г. Истнюк, А.К. Дрезен и многие другие, известные и неизвестные историки, архивисты, краеведы. Только из-

за болезни, о чем специально извещены делегаты, не смог присутствовать на съезде Д.Б. Рязанов, которого арестуют спустя год с небольшим и уничтожат в конце 30-х.

Здесь в последний раз архивисты попробуют свободно дискутировать по самым животрепещущим проблемам, не придерживаясь жестко регламентированной повестки дня и "спущенных" сверху указаний.

И наконец, это вообще будет последний столь представительный форум архивистов.

В дальнейшем, на протяжении всего рокового десятилетия, ни одного съезда уже не проводилось. Как дипломатично писали историки еще недавно, это произошло "по причинам, не зависящим от ЦАУ"¹⁶. Без всякого объяснения причин было внезапно отменено Всесоюзное совещание архивистов, первоначально намеченное на декабрь 1932 г., хотя в Москву к этой дате начали съезжаться делегаты со всей страны. Только в 1936 г. по примеру других наркоматов ЦАУ провело чисто "парадную" всесоюзную конференцию ударников-архивистов¹⁷ и еще в августе 1937 г. — так называемое Всесоюзное совещание архивных работников, на котором присутствовали только два представителя от союзных республик (Белоруссии и Грузии)¹⁸. Эти совещания не оказали ни малейшего влияния на развитие архивного строительства и созывались скорее для формального выполнения пунктов в отчетных планах ЦАУ.

Правда, нужно сказать, что и в 1929 г. ни одна надежда делегатов 2-го съезда не осуществилась.

Пожалуй, впервые на съезде столь явно проявилось стремление президиума, то есть руководства Центрархива, не учитывать в своих докладах и выступлениях запросов делегатов. Делегаты впервые обнаружили, что это почти демонстративное невнимание к их вопросам происходит не от нежелания прислушаться, а от бессилия помочь.

Выявилось это с первого дня работы съезда во время вступительной речи Покровского, традиционно открывшего съезд.

Чтобы оценить глубину недоумения архивистов, следует представить себе зал, оклеенный лозунгами и транспарантами с цитатами из трудов "главного историка и архивиста страны". Делегаты надеялись услышать от него призыв к началу серьезного, делового разговора в связи с проектом первого пятилетнего плана работ архивных учреждений, который впервые выдвигался ЦАУ и по образцу которого должны были составляться соответствующие планы на местах.

Однако, к их всеобщему недоумению, съезд начался и проходил совсем по другому сценарию. Основные докладчики (Максаков, Адоратский) говорили совсем не о том. Другие докладчики (представители Института Ленина, Института Маркса и Энгельса, Общества историков-марксистов, Института советского строительства, Истпрофа ВЦСПС, Музея Революции СССР и других учреждений) выступали с чисто информационными сообщениями, полностью игнорируя потребность в диалоге и взаимных дискуссиях. Создавалось впечатление, что исход съезда уже предreshен в более высоких инстанциях.

Сравнительно более продуктивной была работа в организационной и архивно-технической секциях, где обсуждались проекты "типовых положений о местных архивных бюро", "типовых зданий для архивохранилищ", формы описания архивных материалов и путеводителей, вопрос об архивной химико-технологической лаборатории и другие достаточно узкие вопросы.

В "секции по опубликованию архивных материалов" были заслушаны доклады Н.А. Рубинштейна о проблематике публикации документов по истории внешней политики и А.М. Панкратовой, доложившей об архивах "с точки зрения изучения истории пролетариата". Но их выводы в дальнейшем окажутся не связанными с практической работой архивистов, поскольку в ближайшие годы вся научно-публикационная и исследовательская деятельность будет, по существу, свернута. Тем более что эти выступления, по словам самой же Панкратовой, носили "агитационно-пропагандистский" характер.

Работа съезда с каждым днем приобретала все более странный характер.

Прежде всего был неузнаваем Покровский. Начав свое вступительное слово с невнятных объяснений по поводу того, почему съезд, запланированный на юбилейный — 1928 г. — год десятилетней годовщины со дня принятия Декрета о реорганизации и централизации архивного дела, — не состоялся, он обошел молчанием мучивший всех вопрос: почему этот "круглый" юбилей вопреки уже устоявшейся традиции был полностью проигнорирован центральной печатью? Зато он много говорил, что в области архивного строительства "мы полностью догнали и перегнали передовые капиталистические страны", во всяком случае "в некоторых отношениях". Доказывал это почему-то ссылками на личные мнения иностранных гостей, имена которых были абсолютно неизвестны делегатам съезда (даже стенографистки писали "Ляндуга", "Рангуальд" и т. д. вместо "Ланглюа", а вместо фамилии молодого немецкого исследователя О. Мейснера вообще оставляли пропуск). Конечно, в устах Покровского гораздо более весомыми прозвучали бы ссылки на аналогичные оценки со стороны нынешних партийно-советских руководителей. Тем более что в это же самое время они заседали на V съезде Советов, в адрес которого участники архивного форума направили развернутое послание. Однако ответного приветствия не последовало. И это тоже было расценено как определенный симптом чего-то неестественного, поскольку ЦАУ все-таки было органом ВЦИК.

Еще большее недоумение вызвала та часть выступления Покровского, которая относилась к публикационной деятельности ЦАУ. Эту область он охарактеризовал как наиболее яркое доказательство преимуществ "нашей организации" архивного дела, поскольку она помогает "втянуть массы в лице рабочих от станков и передовых крестьян в область архивного строительства". В связи с такой постановкой вопроса на съезде вспыхнул острый инцидент.

Делегат С.А. Пионтковский (вскоре репрессированный) отметил, что в этом деле наблюдается "кустарщина", поскольку при всей обширности тематики выпускаемых изданий они страдают отсутствием научности. "Я думаю, — сказал он, — что нужно отказаться от хрестоматийного типа изданий, нужно отказаться от сокращенных изданий, от выборки документов из отдельных фондов и т. д.". Необходимо, сказал он, отдавать приоритет составлению и публикации для всеобщего сведения "содержательных описей документов", а то, язвительно заметил Пионтковский, "идешь в архив как бы грибы собирать и не знаешь, что ты найдешь".

Это прозвучало как прямой выпад против основных тезисов доклада Покровского. Естественно, стерпеть это Покровский не мог. В яростной реплике, направленной против Пионтковского, он явно потерял контроль над собой. Он заявил, что Центрархив не собирается издавать "барахло" вроде документов по древнерусской истории, поскольку "от политики это чрезвычайно далеко". Он вдруг начал опять, как в первые послереволюционные годы, отстаивать право на "черновые издания" хрестоматийного характера, которые должны всего-навсего "иллюстрировать партийные оценки тех или иных явлений в интересах преподавателей Комвузов, Совтпартшкол, наших вузов и даже преподавателей школ 2-й степени".

В пылу спора он сказал делегатам то, чего ему явно не следовало говорить на таком широкомасштабном форуме, где впервые присутствовали делегаты почти из всех союзных республик: "Я не особенно сочувственно отношусь к идее создания Центрархива Союза, хотя положение о нем уже принято. Головка (т. е. руководство ЦАУ СССР. — Т. Х.), которая будет, примет меры, чтобы вреда от этого не было".

О каком вреде говорил Покровский? Он имел в виду, что после принятия предложения Наркоминдел о создании Центрархива Союза это общесоюзное ведомство (НККИД), как и другие, примется создавать собственные архивы и в течение "определенного срока, довольно долгого, 10-летнего, будет полным

хозяином этого архива". Однако, продолжал Покровский, создание таких "особых ведомственных архивов — это рискованная мера", поскольку полновластным хозяином документа от начала и до конца должно быть Государство (с большой буквы! — Т. Х.), "приказчиком", уполномоченным которого является Центрархив. "При чем тут ведомство, я, по правде сказать, не знаю".

Иначе говоря, делегатам была приоткрыта завеса над перипетиями борьбы за власть над архивами между еще недавно всемогущим Покровским, выступающим за централизацию архивов любой ценой, и набирающими вновь силу ведомственными тенденциями в архивном строительстве; причем, по признанию самого Покровского, он был вынужден уступить этой тенденции. Во всяком случае, в его изложении это прозвучало именно так.

И тут же он пожаловался на то, что его важную статью, "направленную в партийный орган", редакция, сославшись на бумажный кризис, сократила почти на две трети. Поскольку сегодня известно, что именно в это время, в апреле 1929 г., Н.И. Бухарин был практически отстранен от руководства "Правдой" и всеми редакционными делами там ведал назначенный ответственным секретарем помощник Сталина Л.З. Мехлис, нам понятна серьезность жалобы Покровского. Делегаты могли сделать из этого эпизода только один вывод: позиции Покровского в "верхах" пошатнулись.

С позиции сегодняшнего дня ясно, что был обречен на провал и основной лозунг, который выдвинул Покровский во вступительном слове. Он сформулировал его так: "Необходимо прежде всего связаться с массами, привлечь местную массу к архивному строительству". Иначе говоря, "охранительный" период якобы кончился и следует открыть архивные достояния самым широким слоям «"рабочих от станков" и крестьян, чтобы приобщить их к овладению тем колоссальной силы культурным оружием, каковым является архив». Эта установка абсолютно противоречила духу 30-х годов, когда был взят решительный

курс на отстранение от реального "овладения" архивами не только "рабочих и крестьян", но и исследователей — ученых и даже самих архивистов. Завершится этот процесс передачей архивов в систему НКВД.

Другой лозунг, который выдвинул Покровский, более соответствовал духу времени, хотя был повторением его прежних установок. Руководитель Центрархива сказал, что, "поскольку мы переходим в наступление на хозяйственном фронте в порядке социалистической реконструкции, постольку нас встречают разрозненными и слабыми, но все-таки контратаками". Поэтому "наша архивная работа должна быть классово гораздо более заострена, нежели она была классово заострена в предыдущий период".

Затем Покровский привел несколько цифр о конкретной работе архивов, несколько запутавшись в них, о чем не преминул сказать основной докладчик В.В. Максаков, и завершил свое выступление пожеланием того, чтобы "наши архивы пролетаризировались".

От самой главной и "больной" в те дни для архивистов темы ("макулатурной") он просто-напросто отмахнулся: "Я прохожу мимо скучных сюжетов макулатурного характера, сколько мы выдали бумаг и т. д., хотя вопрос о макулатуре, к сожалению, занимает у нас большое место. Но я касаться этого не буду, об этом подробнее скажет т. Максаков". Заметим сразу, что в докладе "Деятельность Центрархива РСФСР со времени 1-го архивного съезда" Максаков тоже ушел от обсуждения этого острейшего вопроса.

Своеобразным завещанием звучали слова Покровского при закрытии съезда. Отвечая на запоздалые поздравления по случаю 60-летия, он сказал: "Я получил много приветствий по поводу моего юбилея, но никакое приветствие не было для меня таким ценным, как приветствие архивных работников... Вам меньше всего достается цветов жизни и больше всего терний". И затем последовало много других хороших поэтических слов в адрес рядовых архивистов — самоотверженных героев и предста-

вителей очень нужной профессии. Он выразил надежду, что "меньше чем через четыре года состоится всесоюзный съезд архивных деятелей" и что он еще будет приветствовать "всесоюзное объединение наших архивников". Этим прогнозам и пожеланиям не суждено было сбыться. (В 1932 г. Покровский умрет, общесоюзных форумов больше не будет, а "героев очень нужной профессии" лично товарищ Сталин в 1931 г. назовет "архивными крысами" и подвергнет репрессиям невиданных даже для того времени масштабов.)

Заместитель Покровского Максаков начал свой доклад с заявления о том, что утвержденное и опубликованное в феврале 1929 г. "Положение об архивном управлении РСФСР" является крупнейшим достижением Коллегии Центрархива за весь период, прошедший со времени 1-го съезда, состоявшегося в 1925 г., и до настоящего времени. "Теперь, — сказал он, — мы работаем на основе единого закона, который уравнивает в правах местные архивные органы с органами РКИ, ОГПУ, Инспекции труда".

Нужно заметить, что эта фраза осталась только в стенограмме. В опубликованном в печати тексте доклада¹⁹ этой фразы не было. Более того, из доклада Максакова было выброшено вообще все, что касалось окончательного законодательного решения вопроса о взаимоотношениях "архивных наших органов на местах и местных советских учреждений". Но даже в том немногом, что осталось, Максаков произвел для печати существенную правку, смягчив ряд формулировок по сравнению с полным текстом. Например, вместо "чрезмерная пестрота картины по этому вопросу" он поставил "несколько пестрая картина" и т. д.

В данном случае речь шла не о правке стилистического характера. Проблема заключалась в существенной разнице между той оценкой "Положения", которая давалась Центрархивом, и оценками со стороны делегатов. В чем существо этих расхождений?

Делегат из Крыма сказал, например: "Закон, изданный Центрархивом здесь, в Москве, страдает нечеткостью. Он не да-

ет возможности раз и навсегда обосновать необходимость архивных органов". "Мне было странно видеть, — конкретизировал эту мысль другой делегат, представлявший архивистов Ленинградской области, — отход в Положении от прежних позиций. В свое время, 22 февраля 1926 года, был издан декрет об обязательной концентрации в архивных органах документов, относящихся к периоду гражданской войны и к периоду 1921 — 1927 годов. В новом Положении мы этого не видим. Наоборот, там установлен десятилетний срок хранения документов при соответствующих учреждениях... Я думаю, что здесь допущена ошибка со стороны Центрархива". И наконец, делегат из Азербайджана заявил, что разработанный в Москве "перечень наркоматов", которые имеют право самостоятельно уничтожать свои архивные материалы, уже приводит к катастрофическим последствиям. "На местах нам приходится вести настоящую борьбу с этими наркоматами, которые являются настоящими преступниками и двуногими архивными вредителями, что является совершенно недопустимым на 12-м году революции".

В этом хоре протестов и возмущения затерялись отдельные голоса тех, кто все-таки поддержал тезис Максакова. Так, делегат от Ленинградского горархбюро сказал: "Тот закон, который мы с вами получили в последнее время благодаря деятельному участию Центрархива, помогает нашей работе... Этот закон даст нам право проявить широкую инициативу и даст возможность поставить на должную высоту наш авторитет".

Следует заметить, правда, что и эта поддержка была, так сказать, "условной". Ведь делегаты критиковали "Положение", вооруженные реальными фактами настоящего, в то время как защитники говорили о его положительном воздействии в будущем.

Кто был прав в это споре?

С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что правы были все. "Положение об архивном управлении РСФСР", утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в начале 1929 г.²⁰, подверглось завышенной оценке только в самый первый момент после принятия, получив громкое название "нового

архивного кодекса, т. е. закона, охватившего в рамках единого законодательного акта все то, что в области государственной организации архивного дела требовало законодательного регулирования²¹. Спустя почти полвека даже сам Максаков, работавший над созданием этого "Положения" в составе специальной комиссии Центрархива, признавал, что оно "не вносило принципиальных изменений в положение государственных учреждений РСФСР". В этом плане, как видно, критика со стороны архивистов тех лет была вполне оправданной. Но прав был Максаков в другом: это "Положение" обобщило и дополнило все изданные за 11 лет до этого архивные декреты и постановления. Основные статьи в нем касались прежде всего состава государственного архивного фонда (ст. 1 — 3), уточнения структуры органов архивного управления (ст. 1, 5 — 10), а также подробного перечисления всех задач этих органов, разделяемых по четырем основным отраслям деятельности: административной, архивно-организационной, архивно-технической и научной (ст. 14 — 37).

Анализ текста "Положения" показывает, что в нем изначально были заложены основания для самых различных (в том числе и противоположных) толкований на практике.

Так, можно считать бесспорным, что в целом "Положение" было направлено на закрепление принципов централизации архивного дела, понимаемой как подчинение всех архивных органов единому общероссийскому органу — Центральному архивному управлению РСФСР (так в соответствии с "Положением" отныне именовалось Управление Центрархивом). Вряд ли следует это относить, как делают некоторые современные исследователи, к мероприятиям чисто "бюрократического" свойства, причем вина за это возлагается исключительно на Максакова, поскольку в силу своей занятости на других руководящих должностях Покровский не считал заведование ЦАУ "главным направлением в своей деятельности"²². Действительно, был создан единый орган управления государственным архивным фондом, состав которого, как писал в то время Б.И. Анфилов, "в соответствии с кодексом настолько всеобъемлющ, что было бы эконом-

ней и легче характеризовать его не перечислением тех разновидностей архивного материала, которые в него вошли, а указанием изъятий". Однако Анфилов (конечно, не случайно) не полностью указывает эти "изъятия"²³, отнеся к их числу только "единичные группы материалов, в том числе архивные отложения, так сказать узкобытового и личного значения, делопроизводство частновладельческих предприятий, религиозных общин пореволюционного периода и немногие другие". Тем более что и перечисленные "отложения", и немногие другие, к числу которых относились и архивы профорганизаций, в течение ближайших лет Центрархив возьмет под свой контроль.

Анфилов не называет тот постоянно растущий список государственных ведомств и учреждений, которые просто не подчинятся букве и духу этого "Положения". К их числу прежде всего следовало бы отнести ВКП(б) и ОГПУ, которые еще в 1924 г. вынудили Центрархив РСФСР издать указание о том, что их материалы не допускаются к принятию в состав политических секций формировавшихся в то время архивов Октябрьской революции²⁴. В "Положении" не было упоминания об отмене этого указания, да и быть не могло. В то же время другие учреждения типа НКВД, ВСНХ, Наркомфина широко использовали включенную в "Положение" статью, в соответствии с которой определялись новые сроки хранения документов в госучреждениях: десять лет вместо пяти (ст. 52), — причем их практическую ценность и окончательные сроки хранения Центрархив должен был определять "совместно с ведомствами". Эта формулировка ("совместно с ведомствами", "по согласованию с НК РКИ" и т. п.), естественно, ограничивала полномочия ЦАУ на практике (ст. 59 — 71 и др.).

Более того, "по соглашению с Архивным Управлением" для дел, не утративших для учреждения текущего значения, допускалась отсрочка сдачи в пределах 25-летнего срока со времени окончания (ст. 56). Перечни дел с указанием сроков хранения и уничтожения разрешалось разрабатывать самим учреждениям, а архивные органы должны были только утверждать их

(ст. 59 — 60). Это — децентрализация в деле отбора документов для их уничтожения или хранения, что сказалось в полной мере в ходе "макулатурной" кампании.

Вместо единой Центральной поверочной комиссии при Главархиве создавались поверочные комиссии на местах с определенной самостоятельностью в деле экспертизы ценности документов, причем в состав этих комиссий опять же включались представители РКИ, партийных и советских органов, которые на местах обладали гораздо более широкими полномочиями, чем сотрудники архивных бюро. Так были заложены основы для возрождения с середины 30-х годов худшей разновидности ведомственного принципа — полного отчуждения от ГАФ значительного комплекса документов, отложившихся в пределах отдельных отраслей²⁵. Кстати, симптоматичным в этом плане представляется замена прежнего названия "единый государственный архивный фонд" на "государственный архивный фонд".

Аналогичная ситуация создавалась и по ряду других вопросов. Так, расширялись права и полномочия ЦАУ и других органов архивного управления по принятию на хранение "в подведомственных им архивохранилищах частных архивных коллекций и отдельных документов, за которыми будет признано историческое значение". Однако при этом не создавалась соответствующая правовая база, не выделялись дополнительные средства, помещения и т. д.

В статьях и разделах "Положения", посвященных ограничениям в работе с архивными документами в интересах потребителей, сохранялось понимание секретных материалов как любых материалов делопроизводства учреждений пореволюционного периода, "которые сдаются ими в Центрархив в качестве секретных, а равно тех материалов дореволюционного периода, разглашение которых по характеру их содержания является в государственных интересах недопустимым".

Впервые сформулированное подобным образом в "Правилах о выдаче архивных справок, выписей и копий учреждениями Центрархива" 1926 г., это положение являлось уступкой ведом-

ствам, поскольку каждое из них наделялось правами "самостийно" определять секретность своих материалов и тем самым произвольно перекрывать к ним доступ.

В "Положении" 1929 г. это еще более ужесточалось. Отменялась возможность выдачи архивных справок для научно-исследовательских целей в "виде исключения", как устанавливалось в 1926 г., и четко указывалось, что справки, выписки и копии представляются только по вопросам, касающимся личных и имущественных прав, и лишь для предъявления в государственные или общественные организации.

"Положение" 1929 г. упраздняло секционное деление ЕГАФ, установленное декретом ВЦИК от 30 января 1922 г. (ст. 16), но предоставляло право "перегруппировывать" архивные материалы, изымая из "места отложения" и сосредоточивая в своем непосредственном ведении, если за ними будет признано важное научное или политическое значение.

И такие оговорки можно сделать в связи почти с каждой установкой принципиального характера, кроме чисто директивных (так, разграничительной датой при формировании исторических архивных фондов и фондов АОР был признан не февраль — март 1917 г., а 1 января 1917 г.).

Нечеткий характер "Положения о ЦАУ РСФСР" вряд ли можно отнести за счет причин субъективного характера (как выразился один из делегатов съезда по этому поводу: "Мы знаем своих уважаемых юристов; когда приходят к ним — они говорят одно, когда нажмут — идут на уступочки"). В нем со всей очевидностью отразилась суть переходного периода середины 20-х — начала 30-х годов. Его разработка начиналась, когда ВЦИК играл важную государственную и политическую роль, когда он еще не превратился в почти декоративное ведомство. "Положение" 1929 г. закрепило ЦАУ в подчинении ВЦИК. Заведующий ЦАУ и даже его замы по-прежнему назначались и увольнялись только Президиумом ВЦИК. Более того, заведующему теперь предоставлялось право внесения вопросов не только в СНК, но также "в Президиум ВЦИК и во Всероссий-

ский Центральный Исполнительный Комитет" в целом (ст. 32). Однако дело как раз заключалось в том, что в 30-е годы ни СНК, ни ВЦИК уже не решали судеб страны. Всех явно и безоговорочно подминала партийная бюрократия во главе с победившим своих противников Сталиным.

"Положение" носило именно "переходный" характер, совмещая несовместимое: идею жесткой централизации и уступки ведомствам.

Точно таким же образом "переходный", а точнее — "переломный" характер" 1929 г. с самого начала определил весь ход и содержание 2-го съезда архивных работников РСФСР. По отношению к нему более справедливо было бы говорить о том, почему делегатам не дали возможности высказаться по тем или иным принципиальным вопросам, чем о том, о чем они говорили. Самым наглядным примером являются в этом смысле вопросы, связанные с обсуждением Положения ВЦИК и СНК СССР о ЦАУ СССР.

Как уже указывалось, оно было принято и опубликовано 10 апреля 1929 г. Поскольку на съезд впервые в истории съехались 17 представителей архивных управлений и научных учреждений из всех союзных республик и почти всем им была предоставлена возможность выступить с отчетными докладами, было бы естественным предположить, что сложной проблематике, относящейся к учреждению ЦАУ СССР, будет уделено самое серьезное внимание.

Однако "разъяснение" Покровского²⁶ автоматически закрыло эту тему. Сложнейшие сюжеты, связанные с необходимостью формирования неизвестных до сего времени "архивных фондов общесоюзного значения" и разделения сфер компетенции между союзными и республиканскими органами архивного управления, будут практически выключены из сферы обсуждения. Но вряд ли мимо внимания делегатов прошел тот факт, что и здесь, как в случае с "Положением о ЦАУ РСФСР", Центрархиву Союза предписывалось исполнять "общее руководство по постановке в центральных учреждениях архивной части совме-

стно с НК РКИ". Впрочем, поскольку ЦАУ РСФСР практически полностью являлось и ЦАУ СССР, то проблема распределения между ними обязанностей имела на протяжении 30-х годов чисто умозрительный характер. Постепенно ЦАУ СССР поглотило республиканское управление, и после принятия нового "Положения о ГАФ СССР" в 1941 г. вопрос о судьбе ЦАУ РСФСР как самостоятельного учреждения больше не поднимался в течение всех последующих десятилетий.

Однако митинговый дух 20-х годов был еще жив. Поэтому полностью избежать на съезде конфликтных ситуаций и острых политических выпадов, иногда носящих откровенно вызывающий характер, президиуму не удалось. В основном это относилось к вопросу о ходе и результатах "макулатурной" кампании, в связи с чем он будет нами рассмотрен особо, в отдельном разделе.

Пытаясь сбить "накал страстей" и повести съезд в нужном направлении, президиум делал все, чтобы настроить делегатов на обсуждение других, не вызывающих столь опасные дискуссии вопросов. Особенно старался в этом смысле Максаков.

Натолкнувшись на резкое неприятие делегатами его однозначной положительной оценки законотворческой деятельности Центрархива, он в дальнейшем на протяжении двух с лишним часов рассказывал самым подробным образом о структуре центральных архивохранилищ и их составе. В отличие от Покровского он сказал, что "создание архивного центра СССР... будет, несомненно, иметь положительное значение". Во всех других разделах он ограничивался приведением цифр, подтверждающих установку Покровского на то, что в архивном строительстве дела обстоят не просто хорошо, а блестяще.

В этом же духе был выдержан и другой его доклад — "О пятилетнем плане архивного строительства". Здесь руководство и не скрывало, что его главной задачей было заявить о своем участии в массовой кампании по составлению пятилетних народнохозяйственных планов, к выполнению которых уже приступили все предприятия, учреждения и ведомства. Первый го-

сударственный пятилетний план развития народного хозяйства именно в дни, когда работал съезд архивистов, утверждался на V съезде Советов и на XVI партийной конференции. Однако у рядовых руководящих работников архивных учреждений, которые относились к сфере научных учреждений ("научно-политических", как подчеркивали Покровский и Максаков), не было ни малейшего представления о том, какие принципы должны быть положены в основу планов. Ведь наука, утверждали некоторые делегаты, связана с творчеством, а его планировать весьма сложно (вскоре с этими наивными представлениями, отнесенными к "буржуазным пережиткам", будет покончено). Из объяснений Максакова, содержавших в основном пожелания и нереальные прогнозы, выполнение которых не зависело от воли и возможностей архивистов ("усилить научно-исследовательскую работу с тем, чтобы она заняла одно из первых мест", "добиваться перед высшими государственными органами включения архивов в общий план финансирования научно-культурных учреждений"), архивисты не могли сделать никаких практических выводов для себя.

Более того, один из делегатов сравнил доклад Максакова с "бабушкиной сказкой" и довольно остроумно высмеял его. Тогда докладчик решил объясниться с оппонентами "плановой" кампании откровенно. Он подчеркнул в заключительном слове, что установка "дать план к 1 июля, и ни днем позже", не подлежит обсуждению просто потому, что "мы и так опоздали по сравнению с другими ведомствами". Главное, сказал он, выдвинуть план как можно быстрее, "а на местах мы сумеем эту пятилетку выполнить в измененном и уточненном виде". Одним словом, делегатам прямым текстом внушалось, что главное — проголосовать "за", а существо вопроса — дело второстепенное.

В принципе делегаты уже поняли это, но дух вольнодумства, постепенно угасая, все еще витал в зале заседаний съезда. Это проявилось и в ходе обсуждения двух тем, дискуссии по которым, в порядке исключения, не только допускались, но и поощрялись и даже навязывались руководством Центрархива.

Речь шла об обсуждении вопросов о включении архивов профсоюзных организаций и архивных коллекций, собранных ведомствами Главнауки (главным образом краеведческими и музейными) в состав ГАФ СССР. В принципе этот вопрос уже был решен путем подготовленных взаимных соглашений и договоров, которые или были уже подписаны (как это было с краеведами), или (в случае с профархивами) намечались к подписанию в 1930 – 1931 гг. Однако представителей Центрального бюро краеведения С.М. Чернова и Ваненгейма с ожесточением заставляли вновь и вновь "отмежевываться" от краеведов старшего поколения, а также от сегодняшней "гнили", которая избегает выполнения общественных нагрузок вроде "участия в предвыборных кампаниях" или "оказания помощи Осовиахиму". Напрасно краеведы клялись, что у них "одна классовая линия с архивистами" и что между ЦБК, Главнаукой и Центрархивом "установлена полная договоренность", в связи с чем надо забыть наконец о трениях и недоразумениях, отнеся их к категории "исторических пережитков". Руководители Центрархива вновь клеймили их и за давно исчезнувшие губернские ученые архивные комиссии, и за теорию "новой архивной политики" (НАП), которая была разгромлена за два года до начала съезда. Впрочем, когда сразу же после окончания работы съезда развернулась кампания репрессий против краеведов органами ОГПУ, стала ясна такая "упредительная" ожесточенность "головки" архивистов.

Аналогичная ситуация сложилась и с уже сломленными представителями профсоюзов, которые пытались сохранить свою "автономию" во всем, включая и сохранение своих собственных архивов. Их главная "политическая вина" состояла в том, что "профсоюзники" на съезде пытались провести аналогию между положением создаваемого в это время Единого партийного архива и своим собственным "архивом Истпрофа". Испугавшись того, чтобы их не обвинили в святотатстве, руководители Центрархива пошли на беспрецедентный шаг.

В последний момент, перед закрытием съезда, уже после утверждения коллегией Центрархива проектов всех резолюций

и передачи их для ознакомления и голосования делегатам, был оглашен специальный дополнительный текст, за который в порядке исключения было предложено проголосовать "с голоса" и без обсуждения. Делегаты согласились, поскольку речь шла об исправлении нештучного по тем временам промаха архивного руководства. В дополнении говорилось: "Приветствуя мероприятия ЦК партии, направленные на создание при Институте Ленина Единого партийного архива, съезд предлагает ЦАУ и его органам оказать всяческое содействие партийным организациям в деле приведения в должный порядок архива партии и комсомола".

Характерна реплика Покровского, прозвучавшая сразу после зачитывания этого текста: "Я думал, что предложение о едином партийном архиве будет принято общими аплодисментами, и удивился, что этого не последовало... Я считаю, что предложение о едином партийном архиве не встречает возражений". После такого послесловия делегаты проголосовали единогласно. Впрочем, все остальные резолюции, уже "утвержденные" руководством, были приняты точно так же. Эпоха демократических обсуждений кончилась бесповоротно.

Так делегатам был преподнесен урок "двойных моральных стандартов", столь характерных для 30-х годов и для всего последующего времени: можно и нужно бороться за централизацию архивного дела и за концентрацию всех архивных массивов под единым руководством верного "приказчика" государства — Центрархива", если использовать выражение Покровского. Но только в тех рамках, которые предписывались партийным руководством. Партийные архивы, так же как и архивы ОГПУ, были неприкасаемыми уже с 1924 г. Постепенно к ним присоединялись (явочным порядком, без законодательной основы в соответствии с ведомственными инструкциями) все новые архивы.

Так была загублена хорошая, но невыполнимая на практике идея централизации архивного дела в общегосударственном масштабе, реализация которой, начатая в 1918 г. при Рязанове, была полностью переосмыслена при Покровском. Ни в том, ни

в другом варианте тоталитарное государство не нуждалось. Сталина и его группе требовался всего лишь комплекс разрозненных и тщательно охраняемых учреждений, обслуживающий прежде всего круг заинтересованных ведомств. Однако вначале нужно было проверить, что же находится в архивах, и подобрать им настоящего "хозяина".

По существу, все события, которые происходили в течение 30-х годов после окончания 2-го съезда архивных работников, были направлены на выполнение этой двуединой задачи, которую можно назвать "чисткой архивов" и "чисткой архивных кадров".

Внешне это выглядело как целый ряд мер организационного и административно-хозяйственного характера. Только сегодня, на основании объективного анализа можно вскрыть их подлинный масштаб и отдаленные последствия. Становится ясным, в частности, почему не была реализована грандиозная, но абсолютно чудовищная по своей бессмысленности идея Покровского: реорганизовать всю структуру ГАФ СССР по образцу и подобию той структуры, которую он волевым решением установил для подведомственного ему "коммунистического" Института истории. Исходя из ортодоксального понимания марксистско-ленинского деления всей истории человечества на четко определенные общественно-экономические формации, руководство ЦАУ в самом начале 30-х годов признало необходимым сгруппировать все документы ГАФ в трех архивах: феодально-крепостнической эпохи, капиталистической и эпохи пролетарской диктатуры. Внутри каждого архива документы должны были быть распределены по шести отделам: экономическому, политическому, военно-историческому, внешних сношений, культурно-бытовому и особому²⁷. Традиционная историография объясняла причины того, что этот проект остался нереализованным, "исключительной трудностью с архивно-технической стороны"²⁸. Действительно, требовалось произвести "разрушение исторически сложившихся комплексов материалов, дробление отдельных целостных собраний, ломку научно-справочного аппарата и документальных материалов" и даже решить нерешаемые задачи:

как, например, распределить фонды, относившиеся к одному владельцу, деятельность которого не вмещалась в границы "одной эпохи"?

Однако все это было ясно даже в момент принятия соответствующего решения на коллегии Центрархива; тем не менее решение было принято. Более того, в качестве первого шага Древнехранилище Центрального исторического архива в 1931 г. даже переименовали в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи и начали свозить в него материалы из расформированного Архива народного хозяйства, культуры и быта в Москве, а также некоторые фонды разгромленных в эти и более ранние годы монастырей. Однако на этом дело и застопорилось. На наш взгляд, это было связано не в последнюю очередь с тем, что задуманная реорганизация была направлена прежде всего на обслуживание интересов историков и ученых-исследователей. В этом она была схожа с существовавшей в первые послереволюционные годы (при Рязанове) реорганизацией "секционной системы".

Однако, как уже отмечалось, в 30-е годы проблема использования архивов в научных целях неуклонно заменялась проблемой их охраны и учета. Допускался без ограничений только один вид их использования — в совершенно специфическом направлении, которое тогда же получило название "оперативно-чекистская работа".

Покровский и Максаков, отнюдь не отрицая необходимости и важности этих специфических задач "политического" характера, все-таки выступали за увеличение объема работы архивов как научно-исследовательских учреждений, относя к такой работе прежде всего издательско-публикационную деятельность.

На это были прежде всего направлены их усилия по созданию в Архиве Октябрьской революции таких отдельных секций, как военная (Архив Красной Армии), профсоюзных материалов (Архив профсоюзов), и некоторых других. Однако из ведения АОР эти материалы, как и многие другие, в течение 30-х годов были выделены в отдельные архивные хранилища и подчинены

специально созданным управленческим аппаратам, которые действовали теперь по согласованию с соответствующими правительственными наркоматами и другими ведомствами республиканского или общесоюзного уровня.

Гораздо более "счастливая" судьба постигла другой проект коренной перестройки архивного дела, который практически остался вне поля зрения традиционной историографии, хотя был реализован на практике и оказал на архивное строительство исключительно вредное влияние.

Речь идет о действительно "историческом" по своим разрушительным результатам специальном заседании коллегии ЦАУ, которое состоялось 7 января 1931 г. Его материалы отложились в фонде ГАРФ и хранятся там в отдельной папке под красноречивым заголовком "Материалы по реорганизации архивного дела в СССР"²⁹.

Это заседание было вызвано причинами экстраординарного характера.

Несмотря на то что формально, как уже указывалось, ЦАУ СССР было создано в апреле 1929 г., его юридические полномочия как полноправного союзно-республиканского органа были достаточно неопределенными. На местах возникла масса вопросов, вызванных тем, что 2 октября 1929 г. во все архивные учреждения страны было разослано официальное уведомление о начале работы этого нового ведомства. Пока было ясно одно: в состав ЦАУ СССР вошли те же лица, которые составляли и ЦАУ РСФСР (заведующий — М.Н. Покровский, заместитель — В.В. Максаков, членами коллегии стали представители НКВД, РВС СССР и ОГПУ). Единственное отличие от республиканского ЦАУ было присутствие в коллегии представителя ЦАУ УССР, а также Наркомфина. До самой кончины Покровского этот состав практически не менялся. Значило ли это, что союзный орган только дублировал функции республиканского (или наоборот)?

На этот недоуменный вопрос нужно было дать определенный ответ, в связи с чем с конца 1929 по январь 1932 г. ЦАУ

СССР практически приостановило свою деятельность. Разработкой ответа с 26 декабря 1930 г. по поручению ЦАУ РСФСР занимался введенный только в это время в состав коллегии абсолютно неизвестный ни до, ни после этого широким кругам архивистов партийный "выдвиженец" Ф.Д. Кретов³⁰. А.П. Пшеничный – единственный исследователь, обративший внимание на "тезисы" доклада, с которыми тот выступил на заседании 7 января 1931 г., выделил только одну сторону вопроса. Она относилась к чисто административному аспекту и была самой, на наш взгляд, несущественной. Точнее, никаких практических результатов она не дала и дать не могла, поскольку Кретов однозначно высказался за создание сверхмощного и надведомственного общесоюзного центра руководства архивным делом, против совмещения функций ЦАУ РСФСР и ЦАУ СССР. Он предложил юридически и практически уравнивать права архивного ведомства РСФСР с ведомствами других республик, выступил за его полное подчинение сверхведомству – ЦАУ СССР. Он высказался также за ликвидацию межведомственного характера архивных управлений (через представительство их в соответствующих коллегиях). Только эта часть "тезисов" и была опубликована для сведения архивистов³¹.

Несмотря на одобрение этих "тезисов" и на коллегии, и на совещании покорных воле центра заведующих ЦАУ союзных республик (февраль 1931 г.), несмотря даже на неоднократные ходатайства ЦАУ РСФСР, с которыми оно в течение двух последующих лет обращалось в ЦИК РСФСР и ЦИК СССР, определенное решение этого вопроса со стороны высших государственных органов так и не было принято. Юридически существовало два разных ЦАУ – республиканское и союзное, – причем ЦАУ СССР заведовало (опять же чисто формально) вплоть до конца своего существования только документами общесоюзного значения, хотя на деле руководило архивным строительством во всем СССР, а ЦАУ РСФСР оставалось таковым только на бумаге, исполняя, по существу и в основном, общесоюзные функции. Впрочем, эта двусмысленность была характерна для всего

правительственного аппарата России, который на деле не был чисто русским, республиканским органом руководства.

Вряд ли кто в союзных республиках успел даже заметить, что почти на два года ЦАУ СССР приостанавливало свою деятельность. Даже после возобновления работы в январе 1932 г. состав его руководства остался неизменным и повторял состав коллегии ЦАУ РСФСР. Таким образом, было весьма просто осуществлять так называемые "совместные заседания" союзной и республиканской коллегий ЦАУ: ведь присутствовали практически одни и те же лица.

Однако эта сторона "тезисов" Кретова была как раз наименее существенной. На архивное строительство в целом гораздо большее влияние оказали содержащиеся в них указания и рекомендации по коренной реорганизации всего архивного дела в СССР. Суть их вкратце сводилась к необходимости "военизировать" всю архивную систему в стране, чтобы обеспечить "максимальную уверенность в надлежащей охране материалов".

Напомним, что это сказано в первые дни 1931 г. и до полной реализации этой идеи остается еще несколько лет, но, как видно, она уже "носилась в воздухе" и процесс ее реализации начинался заблаговременно.

Трудно объяснить, чем продиктован абсолютно запелляционный тон Кретова, который в присутствии общепризнанных руководителей и заслуженных ветеранов архивного дела (Покровского, Максакова), а также представителей РВС СССР и НКВД говорит от их имени, приписывая себе заслуги по "овладению партийцами третью состава аппарата Центрархива" начиная с 1921 г. Он вступает в резкую перепалку с Б.С. Стомоняковым (НКВД), который после ознакомления с тезисам резонно замечает: "Из текста надо выкинуть соображения о национальной политике, иначе получится неверное впечатление, что союзные республики требуют создания ЦАУ СССР. Фактически дело обстоит иначе". Кретов корректирует даже предложение самих Покровского и Максакова о необходимости образования Архивного совета как более представительного органа с совеща-

тельными функциями, чем коллегия. "Решающей инстанцией по всем принципиальным вопросам будет не Архивный совет, а Партия", — наставляет Кретов. И члены коллегии умолкают, единодушно одоблив резолюцию: "Тезисы Ф.Д. Кротова о новых задачах и реорганизации архивного дела в СССР принять".

Таким образом, коллегия Центрархива, по существу, согласилась с тем, что "необходимо в кратчайший срок покончить с устаревшими взглядами на содержание и характер самой архивной работы, совершенно перестроить архивные органы и коренным образом изменить отжившую систему руководства архивным делом". Руководство подписывало себе своеобразный, но достаточно определенный приговор.

Ближайшей задачей Кретов с одобрения Центрархива называет необходимость внедрить в сознание всех и вся, что "архивное дело является не самоцелью, а политическим орудием пролетарской диктатуры и средством социалистического строительства". Этот принцип Кретов сводит к двум главным задачам: 1) "усилить бдительность в деле охраны архивных материалов с тем, чтобы совершенно исключить возможность использования этих материалов во вред пролетарской диктатуре"; и 2) "организовать и поставить архивную работу таким образом, чтобы впредь ни одна политическая кампания Партии и Советской власти не проходила без архивного участия и соответствующего обслуживания со стороны архивных органов".

Кретов конкретизирует ту сферу "политических кампаний партии и правительства с участием архивных органов", о которой до сих пор открыто не говорилось. Он сообщает, что "за последние 2 — 3 года по архиву Департамента полиции нами в Москве составлено 55 000 карточек и около 23 000 справок разного биографического характера для органов ОГПУ и других советских учреждений. Кроме того, составлено 17 000 карточек на лиц, прикосновенных к службе у Колчака, Деникина, Врангеля и др."

В заключение следует уникальный пассаж, представляющий собой образец политического доноса (может быть, эта вы-

зывающая "наступательность" и парализовала волю Покровского и других участников январского (1931 г.) заседания коллегии): "Нас ненавидят изгнанные из Центрархива бывшие архивные работники и историки, которые нашли себе место работы во всех более или менее крупных музеях, библиотеках и т. д. Москвы и Ленинграда. Есть такие элементы и в самом Центрархиве. Не все из прошлого Главархива и первых лет Центрархива нами вычищено".

И вот, наконец, тот самый призыв, во имя которого, похоже, и составлялись "Тезисы": "Нам надо в известной мере "военизировать" архивы, что устранил текучесть состава работников, а в связи с этим улучшит их качества и даст бóльшую уверенность в надлежащей охране архивных материалов".

По существу, "Тезисы" Кретьева представляют собой первый развернутый манифест перестройки всей архивной системы в тоталитарном духе. Так откровенно тоталитарные идеи среди архивистов еще никто не выражал. Вот почему есть все основания считать январь 1931 г. началом коренной ломки в судьбе архивов как системы учреждений и в личной судьбе почти каждого из архивистов.

На практике существо этих "тезисов" проявилось в двух генеральных кампаниях 30-х годов: "макулатурной" и "кадровой чистки", — тесно переплетенных между собой. Именно после них Центрархив превратился в административно-бюрократическое ведомство, интегрированное в систему далеких от культурно-исторических задач учреждений и действующее в отрыве от реальной жизни и деятельности ГАФ.

Российские архивы тем временем как-то совершенно незаметно, без всякого законодательного оформления, по существу, полностью растворились в общесоюзном ГАФ, а ЦАУ РСФСР утратило свой специфический республиканский статус и национальный характер, утонув в сложной системе союзно-республиканских ведомств и учреждений.

Таким образом, несмотря на формально продолжавшуюся активную деятельность Центрархива в 30-е годы, реальная

власть уже ушла из его рук. Особенно это проявилось после смерти Покровского, когда даже принятые единогласно резолюции 2-го съезда и целая серия постановлений, циркуляров и директив ЦАУ были блокированы разного рода распоряжениями, которые издавались ЦК ВКП(б), ОГПУ, НК РКИ и т. д.

Неравная борьба архивистов с чиновниками отражена и в постановлении ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г., в соответствии с которым предписывалось "выделить архивы в народных комиссариатах (центральных учреждениях) на правах отдела народного комиссариата"³². В соответствии с этим постановлением ответственность за состояние архивного дела в наркоматах и центральных учреждениях РСФСР и других союзных республик была возложена на начальников административно-хозяйственных отделов или управляющих делами этих учреждений. Речь шла именно об "архивах", хотя, по существу, они сводились к архивной части делопроизводства. Это смешение терминов было не случайным. Оно вытекало из понимания функций архивиста как главным образом хранителя бумаг ведомственного происхождения. Круг источников комплектования ГАФ четко ограничивался в зависимости от положения учреждения-фондообразователя в ведомственно-учрежденческой иерархии. На смену принципу отбора на хранение документов по "индивидуальным" характеристикам, что требовало от архивиста высочайшего культурно-профессионального уровня, пришел принцип экспертизы ценности по заранее определенным в централизованном порядке схематическим перечням, которые корректировались самими ведомствами. Это упрощало техническую сторону архивного дела, но одновременно меняло статус и престиж архивиста, низводя его до положения низшего служащего ведомственной канцелярии. Трудно поэтому понять современного исследователя, который предлагал отмечать эту дату как "день рождения советских ведомственных архивов", поскольку постановление ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г. якобы "подняло ведомственные архивы до уровня современного архивного дела"³³.

Произошло обратное: архивное дело этим постановлением было низведено до уровня заурядного делопроизводства ведомственной канцелярии. На наш взгляд, гораздо более прав другой автор, который именно к этим годам относит закрепление ведомственного, "центробежного" принципа в архивном деле, принципа, под которым он предлагает понимать "отчуждение от ГАФ значительного комплекса документов, отложившихся в рамках определенных отраслей"³⁴. Отметим, что к середине 30-х годов самостоятельные ведомственные фонды образовывали уже не только прежние могущественные ведомства, но и архитекторы (в 1935 г. образована специально для хранения ценных архивных материалов Центральная библиотека архитектурных проектов), и геологи (в 1937 г. образован Всесоюзный геологический фонд) и т. д. и т. п. Все эти новации утверждались постановлениями Президиума ЦИК СССР.

Следует отметить, что в июне 1935 г. на заседании ЦИК Союза впервые был рассмотрен доклад о состоянии архивного дела и было признано работу государственных архивов и ЦАУ считать неудовлетворительной. С тех пор эта формулировка станет кочевать из одного правительственного документа в другой. Это было вызвано прежде всего резким изменением критериев результативности их работы.

Дело в том, что с начала 30-х годов и до апреля 1935 г. в коллегии ЦАУ РСФСР и СССР велись бесконечные дискуссии по вопросу о том, что поставить во главу угла при планировании работ архивных учреждений. Максаков и его сторонники, придерживаясь установок Покровского, утверждали, что главным направлением должно стать стремление к максимальному использованию архивных документов в народнохозяйственных и научно-исследовательских целях³⁵.

На расширенном заседании коллегии ЦАУ РСФСР и СССР в 1932 г., посвященном принятию плана второй пятилетки, Максаков утверждал, что три четверти архивных документов уже доступны для использования. В декабре 1932 г. он сумел убедить членов коллегии, и план был сформирован в соответст-

вии с его предложениями. Архивисты начали спешно заполнять десятки тысяч тематических карточек по строительству дорог, использованию природных ресурсов, утилизации отходов производства, техническим проектам и т. п. Поскольку зачастую эта работа проводилась "вслепую", без участия специалистов, колоссальные затраты сил в большинстве случаев не оправдывались и вызывали насмешки потенциальных потребителей.

В 1933 г. победила точка зрения оппонентов Максакова во главе с новым управляющим (так теперь стал называться бывший пост заведующего ЦАУ), Яном Антоновичем Берзиным. Придя на этот пост в соответствии с постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 23 июня 1932 г.³⁶, он решительно изменил стиль и направление работы руководства, насаждая принцип единоначалия и личной ответственности каждого руководителя за все и за всех. Иначе говоря, это было воплощением на практике идей "военизации" архивов, провозглашенных "тезисами Кретьева". 10 августа 1933 г. была ликвидирована коллегия ЦАУ. О создании Архивного совета запрещалось даже упоминать. В апреле 1934 г. с поста заместителя заведующего ЦАУ был снят Максаков³⁷; его назначили директором библиотеки общественных наук в Комкадемии (в автобиографиях Владимир Васильевич никогда не будет упоминать названия этой новой должности).

После своей докладной записки в ЦК ВКП(б) в 1934 г. о деятельности ЦАУ за 15 лет³⁸ Берзин получил согласие на очередную перетряску архивного дела.

Несмотря на шумиху в печати по поводу единичных и весьма сомнительных успехов архивистов в деле "социалистической реконструкции народного хозяйства", Берзин назвал их бессмысленными. (В 1938 г. очередной руководитель ЦАУ, Н.В. Мальцев, в докладной записке Наркомвнудел заклеил ее как "вредительскую"³⁹, так что Максакову, можно сказать, еще повезло.)

Новый курс Берзина заключался в том, что, "если раньше значительная часть архивных работников была на положении

обслуживающего аппарата у научных работников... то теперь центральной фигурой архивного дела должен стать архивно-технический работник".

"Задачей номер один" объявлялась необходимость "архивно-технической разработки архивного материала", приведения его в порядок путем составления инвентарно-учетных документов разных видов, а также обеспечения надлежащей охраны архивов "силами рабоче-крестьянской милиции на основе соответствующих договоров между архивными учреждениями и органами НКВД".

"Задачей номер два" (в порядке перечисления, но не по важности) провозглашалась "очистка архивов от политически не выдержанных и не соответствующих этой работе лиц".

Берзин провозгласил также новый принцип структурной организации архивных учреждений. Отныне они должны перестроиться таким образом, чтобы вместо деления по исполняемым функциям (научной, справочной, технической) все работники жестко распределялись по группам фондов "при полной ответственности за определенный участок архивных материалов"⁴⁰.

Все эти положения почти дословно повторяют Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 27 июня 1935 г., что подтверждает торжество "линии Берзина" в архивном строительстве⁴¹.

Пожалуй, единственное, о чем не упомянул Берзин, был специальный пункт Постановления, который гласил: "Впредь до полного упорядочения архивного дела считать необходимым пересмотреть план издательской работы ЦАУ в целях сокращения".

Так были перечеркнуты планы публикационной и археографической деятельности, о которых так много говорилось на 2-м съезде архивных работников в выступлениях М.Н. Покровского, В.В. Максакова, Н.Л. Рубинштейна, А.М. Панкратовой и др.

Таким образом, вопреки второму пятилетнему плану "первоочередной задачей архивных учреждений" называлась "задача

упорядочения архивных фондов", а проблема их использования была отодвинута на второй план и поставлена в прямую зависимость от "конкретных заданий со стороны соответствующих учреждений и организаций". Так это излагалось в директиве ЦАУ от 29 ноября 1936 г. всем союзным, республиканским, краевым и областным архивным учреждениям⁴².

Все силы работников архивных учреждений отныне и в течение последующих лет были обращены на разборку, описание и ревизию документов. В постановлении Президиума ВЦИК от 10 сентября 1937 г.⁴³ конечным сроком завершения этих работ, а также сроком окончания строительства ряда архивохранилищ и укомплектования архивных учреждений руководящими и квалифицированными архивными кадрами был назван 1938 год.

Причем в этом очередном постановлении Президиума ВЦИК "Об упорядочении архивного дела в РСФСР" конкретно указывалось: "Предложить СНК РСФСР в целях скорейшего завершения работы по инвентаризации архивных материалов в центральных государственных архивах рассмотреть вопрос об ассигновании в 1938 г. дополнительно 1 340 000 рублей и на поделку коробок и папок для рационального хранения архивных материалов — 1 500 000 рублей". Далее следовали конкретные указания по предоставлению подготовленных для хранения архивов помещений в адрес Московского Совета, ряда других краевых и областных исполкомов — от Саратова, Курска и Иванова до Красноярска, Челябинска, Уссурийска и даже Корякского, Чукотского, Таймырского и Эвенкийского национальных округов.

Такое перечисление конкретных сумм, адресов, а главное — жестких сроков ("не позднее I квартала 1938 года") было, в общем, довольно необычно для документа высшего органа государственной власти по архивному делу.

Сегодня, когда мы знаем о том, что именно в 1938 г. состоялось решение о подчинении архивов НКВД, вполне правдоподобным представляется предположение, что вся эта спешная

кампания по "переинвентаризации" фондов и кадров проводилась именно с учетом этого обстоятельства.

Правда, Я.А. Берзин уже не дожил до логического завершения предпринятой им реорганизации.

25 августа 1938 г. этот ветеран партии (член РСДРП(б) с 1902 г.), выполнявший самые деликатные поручения Ленина в сфере финансирования в годы эмиграции, затем будущий видный дипломат, член Исполкома Коминтерна, ученый и публицист, будет расстрелян по так называемому "шпионскому делу ЦАУ". До сих пор подробности этого "дела" не раскрыты, а исследователи и сегодня вынуждены пользоваться стандартной формулировкой: "7 сентября Я.А. Берзин в 1937 году был освобожден по болезни. Жизнь его трагически оборвалась в 1938 г."⁴⁴

Я.А. Берзин был последним видным деятелем революции, выполнявшим свой партийный долг в архивном строительстве, так же как он это делал на всех "внутренних" и "внешних" фронтах. Сменивший его в 1937 г. Н.В. Мальцев в качестве и. о. управляющего ЦАУ готовил архивы к передаче органам НКВД. К этому времени архивисты вынуждены были заниматься только выполнением заявок НКВД. Речь идет о той работе, которую Кретов еще в 1931 г. с гордостью выделил в числе приоритетных — обслуживании репрессивных органов советской власти, т. е. "оперативно-чекистской" работе⁴⁵. Вряд ли справедливо сводить всю "обслуживающую" роль архивов к эпизодической работе по поиску "компрометирующих материалов на отдельных лиц". Тоталитарное использование архивов в оперативно-чекистских целях предполагает эту роль как приоритетную и, по существу, единственно важную.

Характерны в этой связи "пики" количественного роста запросов ОГПУ — НКВД в архивные органы по выявлению "фондов учреждений и организаций, имевших антисоветскую направленность", а также по "разработке всего личного состава связанных с этими фондами учреждений по характеристикам людей" ("политокраске", если пользоваться терминологией тех

лет⁴⁶). Они полностью совпадают с "пиками" политических репрессий в стране.

Вначале, до середины 30-х годов, с этой работой более или менее справлялись кадровые сотрудники ОГПУ в особых отделах архивов и их "помощники" из числа "особо доверенных и проверенных архивистов". Именно они выполняли тот огромный объем работы, о котором докладывал в начале января 1931 г. Кретов. Однако обрушившийся после убийства С.М. Кирова поток запросов полностью парализовал работу архивов. Немногочисленные штаты допущенных к секретным фондам архивистов (в среднем от двух до пяти человек, как было, например, в Ленинградском партархиве) не справлялись с составлением ответов на эти запросы, хотя рабочий день был увеличен до 12 – 14 часов, а выходные были отменены полностью. Горком партии мобилизовал на вечернюю работу по наведению справок студентов-коммунистов, а также коммунистов-пенсионеров. И все равно, несмотря на экстренные меры, по состоянию на 1 января 1935 г. в архиве оставались неисполненными более 4000 запросов. Аналогичная ситуация складывалась и во всех остальных партийных архивах⁴⁷, а также в особых ("секретных") отделах других архивохранилищ страны.

Такое же положение сложилось в архивах в 1937 г. в связи с начавшимся разгромом военных кадров. К началу 1938 г. над составлением затребованной органами НКВД картотеки трудилось в ЦАОР до 30 человек сверхштатных сотрудников, а в ЦАКА – до 40. Дошло до того, что и. о. управляющего ЦАУ Мальцев направил в Президиум ВС СССР и в НКВД жалобы на то, что "работа эта исключительно огромная и требует затраты больших средств. Обычно разработки по заданиям Наркомвнудел госархивы проводили бесплатно, однако в данном случае речь идет об огромной работе, средства на которую мы сами не можем выделить из своего бюджета"⁴⁸.

Не дождавшись ответа, Мальцев был вынужден 2 марта 1938 г. дать указание начальникам ЦАОР и ЦАКА прекратить работы. Тогда НКВД переподчинил себе всю архивную систему,

сделав ЦАУ своим ведомством, и возобновил "оперативно-чекистскую работу" уже на правах единоличного и полноправного хозяина.

Этот аспект мотивировки перевода ЦАУ в подчинение НКВД до сих пор был скрыт от исследователей. Может быть, хотя бы эта публикация деловой переписки между двумя ведомствами заставит некоторых историков архивного дела засомневаться в полной справедливости таких, например, оценок, как: "Указом Президиума ВС СССР от 16 апреля 1938 года все государственные архивные учреждения были переданы в ведение НКВД СССР. Эта передача имела в виду улучшить сохранность документальных материалов Государственного архивного фонда, ликвидировать последствия вредительства врагов народа в архивах и усилить использование материалов в укреплении обороноспособности СССР"⁴⁹. К сожалению, в большей или меньшей степени эта оценка до сих пор имеет своих приверженцев⁵⁰.

Уже в марте того же, 1938 г., когда Мальцев отдал распоряжение о прекращении бесплатного обслуживания органов НКВД, он получил указание подготовиться к передаче архивных органов в ведение НКВД, в связи с чем направить Наркомвнудел отчет "О выполнении ЦАУ СССР и РСФСР правительственных постановлений"⁵¹, а затем докладную записку "О состоянии архивного дела в СССР"⁵². "Резолюцией" НКВД стали кадровые перестановки.

2 апреля 1939 г. Н.В. Мальцев был смещен с поста и. о. управляющего ЦАУ и исключен из партии. Этот пост занял капитан госбезопасности И.И. Никитинский.

Так закончился десятилетний период (1929 – 1939), в течение которого архивы из органов ВЦИК были "разжалованы" до подчинения одному из ведомств. Эти годы составляют особый период в истории отечественного архивного строительства.

Таким образом, 1929 год стал годом, когда ортодоксальная идея академика-коммуниста Покровского об архивах как "политическом оружии рабочего класса" получила наконец полное юридическое и практическое воплощение в важнейших законо-

дательных актах ("положениях" о ЦАУ РСФСР и СССР и др.), а также оформилась в проектах практической реорганизации архивного дела, равных по радикализму которым не было с 1918 г.

Идея всемерной политизации архивного дела оказалась той разрушительной силой, которую использовала партийная номенклатура сталинского типа для достижения своих корыстных целей. Именно она привела архивы к тому, что они были постепенно интегрированы в командно-административную, ведомственную систему управления обществом, а затем полностью поглощены тоталитарным режимом. Конечная дата гибели архивов как самостоятельного культурно-исторического феномена, относящегося к сфере духовного бытия человека и человечества, — 1939 год.

Однако на этом пути выделяются промежуточные вехи, которые следует рассмотреть более детально.

"Макулатурная" кампания

До последнего времени ход и результаты так называемых макулатурных кампаний рассматривались исключительно в узком, "производственно-техническом" смысле, в полном соответствии с официальными установками и документами тех лет. В результате сложилось представление об этих кампаниях как о серии неизбежных, хотя и болезненных мероприятий, продиктованных временными трудностями народного хозяйства. В принципе исследование этого вопроса осталось как бы в стороне от научного изучения. Только в последнее время появились публикации, в которых излагаются результаты частных наблюдений над проведением "макулатурных" кампаний в отдельных архивах центрального и местного подчинения⁵³.

Внимательное изучение архивных материалов и публикаций начала 30-х годов позволяет сделать вывод о том, что такой подход абсолютно тупиковый. Он затушевывает подлинную суть "макулатурных" кампаний, которые приобрели в 30-е годы качественно новый характер, став проявлением радикального изме-

нения государственной политики по отношению к архивам. Масштабы и темпы процессов выявления и ликвидации "сырья" для нужд бумажной промышленности, их точное совпадение по времени с пиком "чисток" архивных кадров позволяют отнести эти кампании к числу важнейших историко-культурных феноменов отечественной истории 30-х годов. По катастрофическим последствиям для судеб архивов России эти кампании вполне сопоставимы с таким явлением, как коллективизация для судьбы российского крестьянства. Суть этих "чисток" в архивах соответствовала общей, "генеральной" линии партии, направленной на духовное закрепощение родившегося после революции 1917 г. поколения, на установление и закрепление тоталитарного режима в стране с использованием самых жестких мер.

Только недавно были сделаны первые попытки взглянуть на эти процессы с точки зрения их разрушительного влияния на духовный облик русского человека. Постепенно выявляется, например, "сверхзадача" кампании по ликвидации неграмотности, состоявшая в стремлении создать некий суррогат человека-робота, достаточно грамотного для усвоения простейших идеологических клише и лозунгов, спускаемых "сверху", и абсолютно невежественного, "дикого" в нравственном, общечеловеческом смысле, лишенного исторических корней, психологических устоев, личностного стержня⁵⁴.

При характеристике "макулатурных" кампаний начала 30-х годов следует различать их внешнюю сторону и глубинный, внутренний смысл. Внешне кампании проводились с вполне благими целями и достаточно открыто.

Все началось с того, что коллегия Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции, основываясь на постановлении Совета Труда и Оборона (СТО) СССР (протокол № 395, п. 1, раздел II, § 5) от 28 ноября 1928 г., приняла 20 декабря 1928 г. постановление "О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности". Оно тут же было опубликовано для всеобщего сведения в официальном правительственном органе⁵⁵. В соответствии

с этим постановлением все государственные, профсоюзные, кооперативные и общественные учреждения, организации и предприятия, в том числе архивные учреждения и архивы, обязывались срочно сдать документы, не подлежащие хранению ("архивная макулатура"), органам утильгосторга для отправки в качестве сырья на бумажные фабрики. "Бомба" для архивов была заложена не в этом достаточно рутинном задании, а в сроках и исполнителях самой акции. Дело в том, что все документы, не имеющие исторической ценности и практического значения, предписывалось сдать на переработку в месячный срок ("первая очередь"), а документы, требующие предварительного просмотра, — в двухмесячный ("вторая очередь"). Контролем за подготовкой и осуществлением этой акции на первом этапе занимался лично заместитель наркома РКИ Я.А. Яковлев.

Следует также иметь в виду, что НК РКИ представлял в те годы серьезную угрозу для хозяйственников всех рангов, поскольку обладал правом привлечения к партийной ответственности, снятия с должностей и передачи дела в суд за невыполнение своих указаний. Заинтересованными в данном случае оказались лица, абсолютно чуждые архивам, — работники органов Утильсырья, Госторга, Бумтреста и т. д. Для ускорения процессов ликвидации макулатуры предписывалось привлекать активистов-общественников, которые под контролем органов РКИ должны были обеспечить "досрочное выполнение и перевыполнение важного задания" (установка, начавшая действовать именно с этих лет "первой пятилетки", в 1929 — 1934 гг.).

Робкие попытки Центрархива противостоять этому мощному удару, катастрофические последствия которого ясны были любому культурному человеку, не принимались во внимание или давали противоположные результаты. Сейчас трудно судить, почему молчал об этих безобразиях такой еще недавно всемогущий М.Н. Покровский. Хочется верить, что связано это было с его болезнью, в результате которой он скончается в апреле 1932 г. Во всяком случае, все циркуляры, инструкции, разъяснения, в которых делались хоть какие-то попытки спасти архивы

от повального разгрома (особенно на местах), подписывали его заместитель В.В. Максаков и зав. отделом местных учреждений Центрархива РСФСР Д.Г. Истнюк.

Личное участие Покровского можно предположить только в одном случае — когда участники Всесоюзной конференции Общества историков-марксистов выразили "серьезную озабоченность в связи с "макулатурной" кампанией, а ЦК ВКП(б) немедленно, в январе 1929 г., опубликовал для всеобщего сведения указание: "Крайкомам, областкомам, губкомам, окружкомам и укомам принять все необходимые меры к тому, чтобы... не уничтожались архивные материалы, касающиеся положения рабочего класса и крестьянства, революционного движения, истории ВКП(б), Октябрьской революции, гражданской войны и советского строительства на местах, выделив для наблюдения за этим делом ответственных партийных работников"⁵⁶. Аналогичный перечень "не подлежащих передаче для утилизации материалов" был тут же продублирован в циркуляре СНК РСФСР местным органам советской власти от 29 января 1929 г. за подписью заместителя председателя СНК РСФСР А. Смирнова⁵⁷.

Однако, к величайшему горю архивистов, необратимый процесс выискивания "старого хлама" в архивах уже начался. И вряд ли можно это объяснить только "неправильным пониманием постановления Коллегии НК РКИ от 28 декабря 1928 года", как пытается делать современный исследователь — А.П. Пшеничный, — повторяя расхожую легенду 30-х годов⁵⁸.

Трагедия состояла в том, что с самого начала архивисты были обречены на беспомощное наблюдение за творящимся произволом. Напрасно Центрархив РСФСР издавал один за одним циркуляры всем архивным учреждениям, предписывая им "направлять своих представителей в состав совещаний при местных органах РКИ по вопросам выделения макулатуры" и настаивая на "согласовании всех соответствующих постановлений органов местной власти с архивными учреждениями"⁵⁹. Напрасно Максаков и Истнюк в предельно сдержанных выражениях обращались с такими увещеваниями: "В некоторых местах агенты

Утильсырья, Госторга... предъявляют к архивным органам требование выделить указанное ими количество макулатуры. К таким требованиям... надлежит подходить с большой осторожностью и давать столько макулатуры, сколько архивный орган... может выделить, не лишая фонд ни научного значения, ни ценности его для нужд местного строительства"⁶⁰.

ЦАУ дошло до того, что призывало архивных работников лично посещать "склады утильсырья" и выявлять там обреченные на уничтожение документы⁶¹. Это вызывало яростное противодействие хозяев этих складов, видевших в визитах посторонних понятную угрозу выполнению плановых заданий и соответственно получению премий, благодарностей, даже угрозу карьере. На протяжении первых же месяцев 1929 г. ЦАУ было вынуждено констатировать, что в Москве 9 из 46 организаций выделили документы в макулатуру без всякого согласования с архивными учреждениями⁶².

Никакой положительной реакции не последовало на циркуляр ЦАУ "О мероприятиях по борьбе с уничтожением материалов научного и практического значения, наблюдающимся при проведении макулатурой кампании" от 17 июня 1929 г., хотя в нем содержались такие "жесткие" указания, как "усилить контроль... усилить живое инструктирование" и т. д. и т. п.⁶³ Выборка сырья из числа документов "первой очереди" дала к концу 1929 г. около 20 тыс. тонн документов по всей России (не считая центральных архивов)⁶⁴. Речь идет о тысячах тонн документов, уничтоженных по заданию центральных органов власти в ударном порядке, с поощрением за досрочное выполнение планов.

За макулатурой "первой очереди" шла аналогичная кампания по выделению документов "второй очереди". 18 апреля 1929 г. Коллегия ЦАУ приняла поистине героическое решение: обратиться с ходатайством в НК РКИ СССР, "чтобы выборка макулатуры из архивных материалов второй очереди была исключена из проводящейся кампании и проводилась в порядке повседневной работы архивных органов". Мотивировка ходатай-

ства безупречна с точки зрения профессионалов-хозяйственников и даже простого здравого смысла. Исключая все аргументы относительно исторической, культурной и научной важности документальных массивов, которые явно не воспринимались чиновничьим ухом, коллегия ЦАУ оставила только один неопровержимый довод: "Выделение макулатуры из материалов второй очереди не может считаться рентабельным с точки зрения макулатурной кампании, так как расходы, связанные с выделением макулатуры из материалов второй очереди, далеко не оправдывают стоимости выделения макулатуры"⁶⁵.

Однако НК РКИ, получив это "ходатайство" 29 мая 1929 г., полностью его проигнорировал. Почему?

Чтобы разобраться в этом, следует внимательно рассмотреть ход дискуссии по "макулатурному" делу на 2-м съезде архивных работников РСФСР. Накануне закрытия, 29 мая, на утреннем заседании с докладом о работе Центральной поверочной комиссии и разборочных комиссий на местах выступил В.В. Адоратский.

Выбор докладчика представлялся не случайным. Организаторы съезда, очевидно, почувствовали настроения делегатов в связи с явным игнорированием вопроса о "макулатурной" кампании со стороны руководства Центрархива.

Во всяком случае, ни Покровский, ни Максаков практически не затронули крайне болезненный вопрос. Сначала это вызвало просто недоумение. Председательствовавший во второй день съезда Адоратский сразу после окончания основного доклада Максакова был вынужден огласить одну из многочисленных записок, поступивших в президиум: "Почему т. Максаков в своем докладе не коснулся вопроса о макулатурной кампании?" Адоратский тут же заявил, что "прения по этому вопросу начнутся только после моего собственного доклада", в котором он обещал "коснуться этого вопроса".

Однако претензии архивистов относились не к Адоратскому (в этом же, 1929 г. он полностью посвятит себя историко-партийной науке), а лично к Максакову, который в силу занято-

сти Покровского практически руководил Центрархивом. Адоратский, в глазах архивистов, был "чужаком". Все догадывались, что он выскажет только официальную точку зрения.

Поэтому, невзирая на предупреждение Адоратского, делегаты вопреки регламенту начали в своих выступлениях протестовать против произвола местных органов власти, главным образом РКИ, исполкомов и т. д.

Делегат от архивного бюро Нижне-Волжского края заявил: "Я считаю, что нужно макулатурные кампании прекратить, потому что это приносит большой вред. Как подходят органы РКИ к вопросу о выделении макулатуры? Они говорят, что архивы нужно гнать метлой на фабрики, что нужно оставить два последних года, а остальное гнать на фабрики. Такой подход неправилен, а между тем местные работники РКИ придерживаются такой тенденции". Делегат из Томска сказал, что "некоторые работники РКИ на организацию архивных учреждений смотрят не очень хорошо", и привел ряд вопиющих доказательств. Он пытался опровергнуть основополагающую идею доклада Максаква о том, что с принятием «архивного "кодекса" 1929 г. архивные органы утвердили свое правовое положение" "в системе советского аппарата"». На местах на этот закон ("Положение" от 1929 г.) "не обращают внимания", — подчеркнул делегат. Он призвал участников съезда "сказать, что такое отношение к архивному делу на местах в дальнейшем терпимо быть не может".

Делегат из Азербайджана рассказал, как местные власти заявляют о праве на "самостоятельное уничтожение архивных материалов вплоть до использования их на паровозах", причем ссылаются именно на соответствующий пункт "Положения", предоставляющий ведомствам такие права. «Мы против этого возражаем, но нам говорят: "Вы же не выше архивных работников РСФСР"».

Даже делегат от Московского архивного бюро Г.Д. Костомаров не удержался и в заключение своего в целом идеологически "выдержанного" выступления (он приписал себе в заслугу, что изгнал из читального зала архива священника, который при-

шел с направлением от общества "Старая Москва") вдруг привел еще один "случай" из собственной практики: "Московское архивное бюро предоставило группу документов Губсуду, а потом в ответ на неоднократные требования об их возвращении получило сообщение, что эти документы уничтожены. Когда я написал прокурору о привлечении к ответственности виновного, то прокурор ответил, что это незначительный случай и никаких судебных дел возбуждать не следует".

И наконец, один из основных докладчиков — Д.Г. Истнюк — также позволил себе язвительное замечание в адрес "таких очень авторитетных учреждений, как Рабоче-Крестьянская Инспекция, среди которых нам нужно также проводить популяризацию архивов, ибо органы РКИ частенько на местах ущемляют интересы архивного дела".

Одним словом, из выступлений уже складывалась безотрадная картина полного произвола органов советской власти по отношению к архивным учреждениям вообще и к архивистам в частности. Именно в такой накаленной обстановке и взял наконец слово Адоратский.

Следует отметить, что повестка дня была скорректирована буквально накануне вечером на распорядительном заседании президиума таким образом, чтобы прения по докладу Адоратского были минимальными. Уже вечером того же дня планировалось заслушать доклады В.В. Максакова о пятилетнем плане архивной работы и А.М. Панкратовой "Архив как источник изучения истории пролетариата". На следующий, предпоследний день были намечены еще три доклада (Рубинштейна, Попова и Ждановича), в последний день архивисты должны были работать по секциям, а суббота отводилась под торжественную церемонию закрытия съезда. Сам Адоратский тщательно избегал острых формулировок, сводя все проблемы в своем докладе к частным "ошибкам" и подчеркивая принципиальное отличие процессов уничтожения "действительно ценного исторического материала" в дореволюционной России и на капиталистическом Западе, с одной стороны, и в Советском государстве с другой.

Ссылаясь на "инструкции, последние циркуляры Совнаркома, циркуляр ЦК и записку конференции историков-марксистов", он заявил, что "советский порядок уничтожения архивных материалов, централизация этого дела, можно сказать, идеальная" (явно директивное указание, не допускавшее никаких кривотолков, а тем более дискуссий по этому поводу). Сославшись на нехватку времени, Адоратский отказался перечислять "большой список уничтожения архивных материалов без санкции Центрархива", сведя эти случаи к "неправильной политике отдельных учреждений". Но, сказал он, "общая тенденция уничтожать архивный материал в центре своей высшей точки достигла в 1925 году, а затем идет снижение". Правда, в провинции с 1928 г. наблюдается непрерывный рост, но это относится к "недостаткам работы разборочных комиссий на местах". Совершенно неожиданно для практиков-архивистов он сделал акцент на "медленность в утверждении протоколов разборочных комиссий" со стороны поверочной комиссии. Он был вынужден согласиться с оценкой профессионалов, которая заключалась в том, что уничтожение материалов «второй очереди» (т. е. нуждающихся в "предварительном разборе") нерентабельно, но постарался тут же уйти от этой скользкой темы. Причем сделал это весьма неуклюже: "У меня имеются цифры, но я не буду затруднять ваше внимание их перечислением". Но суть дела как раз заключалась в том, что убеждать архивистов в порочности методики проведения огульной "макулатурной" кампании было не нужно. Эти цифры требовалось довести до сведения тех могущественных партийных и советских органов, которые инициировали кампанию и в обход Центрархива возглавили ее проведение в преступном по темпам и масштабам виде. В.В. Адоратский все свел к необходимости "обратить внимание РКИ на ряд нарушений", "контролировать органы Госторга и рынки на предмет уловления незаконно проданных архивных материалов". И опять в качестве основного вывода заявил: "с юридической точки зрения" все обстоит "великолепно", "вина за непроведение централизации падет всецело на нас" — на архивистов.

Это была неприкрытая фальсификация, попытка свалить все с больной головы на здоровую. Делегаты не могли смириться. (30-е годы только начинались. Эпидемия "единогласия" и безоговорочного послушания еще не охватила всех.) С мест стали приводить факты о целенаправленном уничтожении собственных фондов по указанию руководства таких, например, ведомств, как Губсовпартишкола и Коммунистический университет в Туле, могущественный местный Промкомбинат и др. Когда отчаявшийся руководитель местного архивного ведомства обратился с соответствующей жалобой в местную прокуратуру, его отправили... в Губздравотдел для обследования "психического здоровья".

Делегат из Вологды рассказал, как Госторг, несмотря на запрещение со стороны Центрархива, поставил перед местным архивным бюро конкретное задание – сдать по крайней мере 500 тонн макулатуры, что вызвало в учреждениях настоящую "горячку". И здесь прокуратура демонстративно бездействовала. Даже в самих архивных органах на местах, отмечали делегаты из Твери, Рязани, Владимира, появилась масса "новых людей без подготовки, людей, которые пришли с идеологией как можно больше передать Госторгу". Один из делегатов назвал руководство архивным делом "отставной козы барабанщиками", поскольку оно не может "встать на стражу архивного достоинства нашей Республики". Его слова были встречены аплодисментами.

И уже совершенной крамолой звучало сравнение развернувшейся "макулатурной" кампании с почти совпавшей по времени кампанией по хлебозаготовкам. "Нам поступило указание первоначально сдать 170 тонн макулатуры, – рассказал один из делегатов. – Затем было постановление Сибкрая или не знаю кого о том, чтобы увеличить сдачу до 260 тонн. Когда начали проводить эту работу, то выяснилось, что учреждения должны еще прибавить, что 260 тонн мало, надо 500 тонн. Вышло как бы такое же положение, как с хлебозаготовками. Стараются как можно больше взять макулатуры, все равно откуда бы ни взять,

насколько бумаги будут ценными — все равно, только бы побольше собрать".

Это уже носило характер политического обобщения. Особенно если иметь в виду, что кампанией по резкому увеличению хлебозаготовок в Сибири в этот период руководил лично товарищ Сталин. Именно он, совершив в начале 1928 г. инспекторскую поездку по краю, дал указание покончить здесь с "мягкотелостью" и "примиренчеством" и начать наступление на "хлебном фронте".

Руководители съезда, очевидно, почувствовали опасное изменение хода его работы и немедленно объявили о сокращении выступлений в прениях до пяти минут. От Ленинграда выступил некий явно заранее подготовленный делегат, который призвал коллег учесть, что "если мы не давали бы достаточного количества макулатуры, то бумажные фабрики остановились бы". Он даже указал архивному ведомству на недооценку "этого политически важного вопроса". Выступивший за ним делегат начал восхвалять РКИ и ее актив за помощь в проведении отборки макулатуры — "этой большой политической кампании".

Но ответственный работник Центрархива В.А. Домбровский, взявший слово одним из последних, дезавуировал почти все установки доклада Адоратского. Он раскрыл перед делегатами подлинную правду о подготовке и принятии правительственными органами решения о проведении "макулатурной" кампании. Проявив немалое мужество, он сказал: "Этот вопрос рассматривался в ноябре 1928 г. в СТО без участия представителей архивных органов. Я считаю величайшей ошибкой, что при рассмотрении этого вопроса в СТО не были приглашены представители архивного ведомства".

Далее он сделал сенсационное заявление о том, что спасать архивы от уничтожения представителю Центрархива пришлось даже в недрах самого Наркомата РКИ, "оперативные работники которого отнеслись к выделению в макулатуру документов второй очереди крайне поверхностно". Более того, он привел такие факты, как случай с "Тверской РКИ, которая отка-

залась напечатать в газете разъяснение собственного наркомата о порядке выделения материалов в макулатуру, и заведующему архивным органом пришлось печатать его в газете за свой счет". Домбровский отметил, что буквально через неделю после первого межведомственного совещания по "макулатуре", которое состоялось 3 декабря 1928 г. в НК РКИ с участием представителя Центрархива, были изданы два циркуляра ЦАУ с конкретными указаниями для местных архивных органов РСФСР и центральных учреждений Москвы (от 11 и 12 декабря), но пришли они на места вместе с постановлением НК РКИ от 20 декабря для всего Союза, а то и позже и не успели сыграть той положительной роли, на которую были рассчитаны.

Поскольку Домбровский, по его словам, выступал от имени "товарищей, которые работали непосредственно по проведению макулатурной кампании в Управлении Центрархивом", в президиуме съезда почувствовали, что в зале назревает взрыв страстей. Максаков поспешил заявить, что "берет на себя полную ответственность за то, что сделано коллегией Центрархива в период проведения кампании по выделению макулатуры", и что "Коллегия Центрархива в моем лице была осведомлена о всех шагах правительства с самого их начала". Он сказал: "Единственное препятствие, с которым нам, Центрархиву, пришлось встретиться, было не в правительственных кругах, но среди ведомственных архивистов". И категорически отверг "злостные домыслы, заявления, речи и словеса, которые раздаются отчасти здесь и отчасти по ту сторону рубежа, что у нас происходит опустошение архивов". "Мы должны констатировать в резолюции, — указал он делегатам, — что мы сохранили целиком все ценные документы".

Еще более резко выступил Адоратский. В заключительном слове он бездоказательно утверждал, что от "макулатурной кампании наши архивы нисколько не пострадали и та клевета, та ложь, которую распространяет о нас эмигрантская печать, что мы строим свою бумажную промышленность на уничтожении исторических архивов, — эта ложь должна встретить с нашей

стороны самый решительный протест, потому что это действительно сплошное глганье".

Это первые уроки воспитания архивистов в духе "новой морали": "правду" и "ложь" определяет руководство, а они должны усвоить, что их судьбы теперь решаются не на профессиональных съездах и любые жалобы на произвол властей смыкаются с "белоземгрантской ложью", а потому приобретают "политически враждебный характер".

Шла весна 1929 г.

Конкретные практические выводы последуют вскоре. Уже осенью 1929 г. будут сделаны первые шаги по массовой "выбровке" теперь — живых людей, ненужных властям на данном этапе социалистического строительства. А к их числу как раз и отнесут тех профессионалов, которые не умеют подчиняться указаниям партии.

Характерны два форума (городской и областной) московских архивистов, которые состоялись в октябре — ноябре 1929 г.⁶⁶

Вопросы "макулатурной" кампании еще как бы по инерции рассматривались на созванной 3 — 4 октября 1929 г. в Москве 2-й конференции архивных работников центральных и областных учреждений Москвы. Правда и здесь Максаков, выступавший с докладом о результатах работы 2-го съезда архивных работников РСФСР и с информационным сообщением о работе над образованием общесоюзного ЦАУ, ни словом не обмолвился о "макулатурной" проблематике. Сейчас трудно сказать, чем это было вызвано: то ли договоренностью в "архивных верхах", то ли демонстративным нежеланием придавать этой теме чрезмерное значение. А, может быть, это было проявление личной осторожности Максакова.

С докладом о ходе "макулатурной" кампании выступил Домбровский. Явно выдавая желаемое за действительное, он заявил, что Центрархив вводит ордерную систему, в соответствии с которой Госторг должен принимать макулатуру только по разрешительным ордерам Центрархива. Это намерение было осу-

шествовало только через три года и приостановлено практически сразу, через несколько месяцев после введения в действие соответствующего постановления.

Так в очередной раз архивистам показали, кто является истинным хозяином архивных материалов в стране. Именно так можно было расценить и выступление на конференции официального представителя НК РКИ Вебера.

Вопреки призывам Домбровского "учесть, что основной задачей макулатурной кампании является не только снабжение сырьем бумажной промышленности, но и выявление ценных документов", РКИ устами Вебера дала указание усилить темпы и масштабы "заготовительной" работы. Он практически дезавуировал утверждение Домбровского о том, что "основная часть макулатуры уже отсеяна". Вебер сказал, что работа будет продолжаться столько, сколько будет признано необходимым, причем решать этот вопрос будут не архивисты.

Чтобы обосновать это, представитель НК РКИ привел только одну цифру: он сказал, что "из 81 000 тонны бумажного сырья, собранного по Союзу за истекший год, 25 000 тонн дали архивы". Поскольку совершенно неясно, много это или мало с точки зрения удовлетворения потребностей бумажников, архивисты должны были только принять к сведению саму постановку вопроса "компетентными органами": результаты их труда оцениваются не в единицах хранения или фондах, а в тоннах потенциального сырья.

В результате в специальной резолюции участники конференции признали необходимым ни на минуту не ослаблять темпа "макулатурной" кампании, призвав, правда, РКИ помочь ЦАУ заставить учреждения выполнить циркуляр ЦАУ о составлении "Перечней" документов, не подлежащих хранению к 1 октября 1929 г.

Потом эти просьбы будут повторяться ежегодно, и все с тем же минимальным эффектом. Осенью 1929 г. казалось, что исправить "отдельные ошибки" и "искривления" в ходе кампании возможно. Но это были тщетные надежды.

Уже на состоявшейся меньше чем через два месяца, 20 – 22 ноября 1929 г., 1-й конференции архивных работников Московской области, тот же Домбровский был вынужден выступить с сообщением совершенно другого порядка: о вредительстве в Академии наук. "Единодушно заклеив позором предательство буржуазных спецов, нашедших приют для вредительства в стенах Академии", архивисты вряд ли сознавали, что отныне угроза нависла над каждым. Они занялись обсуждением сугубо профессиональных задач ("итоги районирования архивных учреждений", "контрольные цифры пятилетки", "областная картотека фондов", "о социалистическом соревновании архивных учреждений области" и т. д.). Много говорилось о необходимости усилить научно-исследовательскую работу (доклад профессора Полосина) и "ближе подойти к нуждам местного строительства" (доклад Я. Ждановича). О макулатуре уже не говорил никто. Сообщение о результатах совместной работы органов РКИ и ОГПУ в Академии наук, очевидно, оказало воздействие. Те голоса протеста, которые не удалось заглушить ни на 2-м съезде, ни на 2-й московской конференции в начале октября, теперь смолкли.

А между тем архивные документы однозначно свидетельствуют о стремлении центрального аппарата РКИ еще более ужесточить ответственность своих местных органов за несвоевременную сдачу макулатуры. Так, именно в период с июля 1929 г., как бы "реагируя" на жалобы ЦАУ, "группа ведомственной реорганизации" НК РКИ методично рассылала всем местным органам РКИ РСФСР и всем центральным республиканского значения учреждениям циркуляры об активизации работы по сдаче бумажной макулатуры:

"...Положение со сбором и сдачей архивной и иной бумажной макулатуры на нужды бумажной промышленности в общем представляется неудовлетворительным... Для сведения прилагается постановление Коллегии НК РКИ от 24 июля 1929 г. НК РКИ предлагает... привлекать к ответственности не выполняющих или нарушающих постановление..."⁶⁷

Не был забыт и Центрархив, включая его аппарат, архивы центрального подчинения и местные органы. Отдельным разделом в постановлении Коллегии НК РКИ ему предлагалось: 1) усилить работу по рассмотрению и утверждению отборочных списков там, где эта работа ведется недостаточно интенсивно; 2) усилить отбор в сдачу бумажной промышленности макулатуры из архивных фондов, хранящихся в хранилищах Центрархива в Москве и на местах; 3) принимать решительные меры к расследованию случаев уничтожения архивов без санкции архивных органов.

Последний пункт носил особенно иезуитский характер. Центрархив становился как бы "между молотом и наковальней": с одной стороны, он сам должен был способствовать скорейшему утверждению "отборочных списков", отвечая за любое "замедление" интенсивных темпов этой работы; с другой — именно он становился ответственным за уничтожение ценных документов даже в случае ошибок, которые неизбежны при такой спешке. Впрочем, в те годы это называлось "ударными темпами", а чуть позже "стахановскими методами труда".

К чему это приводило?

В течение 1930 — 1931 гг. работники ЦАУ РСФСР направляли в правоохранительные органы целый ряд документов, в которых решительно требовали возбуждения уголовных дел против лиц, допустивших незаконное уничтожение архивных материалов. Их содержание удручающе однотипно. Так, 11 ноября 1930 г. ЦАУ извещает: "По отборочному списку № У-74 от 11.11.29 г. архивный материал ликвидируемых учреждений Госторга РСФСР в количестве 40 ящиков был предназначен к переработке на бумажной фабрике... Архивные материалы были сложены в подвальном помещении дома Госторга по соседству с котельной. Это подвальное помещение не запиралось, в результате часть из 40 ящиков оказалась разбитой и из них похищена часть дел... Поскольку материалы представляют собой большую ценность, невольно возникает предположение, что пропажа является не только результатом халатности и небрежного

отношения со стороны Госторга, но и возможно, что пропажа произошла вследствие злонамеренных деяний в корыстных целях"⁶⁸.

Другой документ, от 28 декабря 1931 г., свидетельствует о том, что уничтожены "огромной ценности архивы горных заводов (следует перечисление)"⁶⁹.

Как правило, эти представления направлялись вследствие получения следующих ответов с мест на запросы архивных органов: "Сообщаю, что ввиду того, что весь архивный материал по 1927 г. включительно как макулатура в 1930 г. был сдан на утилизацию в местный Госторг, то просимых вами сведений об архивных материалах: 1) Империалистической войны 1914 — 1917 гг. и 2) Гражданской войны 1918 — 1922 гг. представить не представляется возможным"⁷⁰. Об уровне грамотности подписавших документ начальника склада № 62 Саранска и зав. делом производством местного военкомата можно судить по самому тексту.

Обширные дела с перепиской ЦАУ не хранят никаких сведений о результатах принятых архивистами санкций. Потому в будущем количество соответствующих документов сократится, а затем полностью исчезнет. Можно сделать вывод, что эти обращения оставались без последствий. В худшем случае вина, как и следовало ожидать, возлагалась на архивистов.

Единственным случаем привлечения "макулатурщика" к уголовной ответственности, случаем, ставшим объектом общественного внимания, явился "показательный суд над старшим архивариусом Архива народного хозяйства М.Г. Поповой". Его организовал сам Центрархив, проведя судебный процесс в своих собственных стенах в качестве "урока для широких масс рабочих и служащих архивов". Речь шла о том, что Попова, будучи "членом ВЛКСМ, активисткой и ударницей", систематически похищала кальки технических чертежей (главным образом пароводопроводных котлов), отстирывала их, затем употребляла получившееся полотно на разнообразные "личные нужды"⁷¹.

Правда, было и еще одно "исключение из правил". В апреле 1935 г. "Известия"⁷² сообщили о привлечении к "строгой от-

ветственности" лиц, виновных в продаже в Томске под видом макулатуры контрреволюционных листовок и ценных политических документов. Перепечатав это сообщение, журнал "Архивное дело" призвал руководителей архивных органов усилить "революционную бдительность" и перекрыть возможности "для классового врага использовать хранимые материалы против Советской власти, против партии".

Как видно, сбывались худшие опасения архивистов: именно им приходилось отвечать за целенаправленное разрушение архивов органами власти. Что же на самом деле произошло в Томске? Как оказалось, Томский горсовет несколько раз "в спешном порядке" вынуждал местное отделение краевого архива "переселяться" из одного помещения в другое. В конечном счете огромная масса неразобранных материалов ("вагонов 12 – 15") была свалена "грудами и штабелями" в необорудованном помещении. Стремясь побыстрее привести их в порядок, заведующий архивом решил привлечь к этой работе "сверхштатных сотрудников". Поскольку денег на оплату их не было, он заключил с предприятиями города договор на продажу им макулатуры, а те со своей стороны направляли к нему добровольцев для помощи в разборке бумаг. Естественно, что среди них не было ни одного человека, знакомого с архивным делом. Поэтому работа велась чисто механически: «вытаскивая из груды материалов то одно, то другое дело, работник вырывал из него "чистую и получистую" бумагу, а дело отбрасывал в сторону». Среди "получистых" листов и попались обрывки "воззваний Колчака", переписка канцелярии губернатора и т. п. К суду, собственно, архивисты были привлечены не за столь преступные методы выявления макулатуры.

Как оказалось, это было только поводом для проверки архивных кадров. Преступлением было сочтено то, что среди "сверхштатников" обнаружили "дочь сельского кулака, лишенную прав, бывшего колчаковца, горного инженера, осужденного за вредительство, а также дочь бывшего томского крупного домовладельца". Эти лишенные всех прав и состояния, гонимые

нуждой и голодом люди были первыми, кто откликнулся на призыв заработать кусок хлеба в архиве.

Прокуратура реагировала тогда, когда нужно было осудить архивистов, особенно если речь шла о "политических" статьях. Во всех других случаях правосудие бездействовало. Все же нужно отдать должное членам коллегии Центрархива. Видя, как бесцеремонно вторгаются в сферу их деятельности невежественные в архивном деле, но облеченные мандатом РКИ чиновники, они отчаянно пытались спасти свое положение. Понимая, что никакие циркуляры за подписью Максакова и других членов коллегии ЦАУ (Истнюка, Домбровского, Лиманова, Гиваргизова) на местах выполняться не могут, поскольку противоречат "генеральной линии" РКИ, руководство центрального архивного ведомства решило пойти в обход. Не вступая в прямой конфликт с всемогущим синклитом госбюрократов, оно решило апеллировать к массам архивистов и работников ведомственных органов делопроизводства, предоставив им достаточно четкие и вполне законные критерии составления типовых перечней архивных материалов в зависимости от сроков их хранения. Так завязалась официально не объявленная неравная война архивистов и бюрократов.

Архивисты стремились сохранить контроль за ускользающим национальным достоянием, да и угроза наказания за чужие ошибки уже реально маячила на горизонте. Началась своеобразная "гонка" циркуляров и инструкций, которая, как и следовало ожидать, окончилась поражением архивистов. Исключения допускались только для тех ведомств, которые сами создавали и контролировали командно-административную систему, — ЦК ВКП(б), "силовых" наркоматов и некоторых примыкающих к ним ведомств и учреждений.

Внешне ход событий развивался так.

Межведомственное совещание при НК РКИ РСФСР 24 и 28 января 1930 г. отметило, что постановление Коллегии РКИ от 20 декабря 1928 г. выполнено не полностью, а возможности "макулатурной" кампании не были исчерпаны в связи с ее пло-

хой организацией⁷³. В связи с этим СТО СССР 27 марта 1931 г. принял постановление о возобновлении этой кампании⁷⁴. ЦАУ со своей стороны издало несколько указаний по конкретным вопросам, связанным с организацией и методами проведения кампании⁷⁵. В них запрещалось выделять для уничтожения документы до 1921 г. и предписывалось сдавать их в республиканские, краевые и областные архивы. Местным органам предлагалось в категорической форме "не допускать никаких сроков или объемов, назначаемых органами утильгосторга".

На совещании заведующих архивными учреждениями РСФСР, которое состоялось 27 — 31 июля 1931 г., была принята резолюция, в которой сообщалось, что в результате "неточности" постановления НК РКИ от 27 декабря 1929 г. "имелась и имеется опасность выделения в макулатуру под видом отчетности второстепенного значения материалов, имеющих ценность в научно-историческом или практическом отношении".

НК РКИ обвиняет ЦАУ (в частности, его центральную поверочную комиссию) в затягивании сроков утверждения перечней отбираемых для уничтожения бумаг. В ответ в октябре 1931 г. коллегия ЦАУ выделяет специальную комиссию во главе с Б.И. Анфиловым для выработки инструкции по составлению перечней, что увеличивает ответственность местных органов и отдельных ведомств за сохранность их документов. Тогда же Анфилов высказывает мысль о необходимости разработки типовых перечней, направленных не на выявление подлежащих уничтожению документов по категориям, а на их отбор на хранение по срокам в зависимости от ценности каждого из них и от содержания. (В условиях 30-х годов эта идея не могла быть реализована. Архивисты обратились к ней десятилетия спустя.) Тогда он начинает публикацию целого ряда серьезных работ, которые могли бы послужить делу не только сохранения значительных массивов архивных документов, но и увеличения роли архивного работника-профессионала в организации делопроизводства, в повышении его престижа как научного специалиста, эксперта в своей специфической области знаний⁷⁶. Однако в эти годы идеи

Б.И. Анфилова расходятся с генеральной линией партии, и вскоре он будет репрессирован.

Историки архивного дела до сих пор упускают из виду явную связь между резким ужесточением темпов и масштабов "макулатурной" кампании и опубликованием в это же время письма И.В. Сталина в редакцию журнала "Пролетарская революция". А ведь это было едва ли не самое первое выступление партийного вождя по вопросу об отношении к архивам и архивистам. Сталин был груб и безапелляционен, заявляя, что только "безнадежный бюрократ может полагаться на одни лишь бумажные документы". Историк, учил вождь, "должен был сделать **основой** своей статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их **делам**, по их истории, по их **действиям**". Это подлинный манифест торжествующего обскурантизма. Именно здесь наряду с характеристикой научных оппонентов как "историков-контрабандистов", клеветников, занимающихся "жюльническим крючкотворством", прозвучал и уничижительный выпад в адрес "архивных крыс", не понимающих самых простых истин. Все это объявлялось "головотяпством, граничащим с преступлением, с изменой рабочему классу"⁷⁷.

Центрархив немедленно отреагировал, назвав письмо "важнейшей политической директивой всему теоретическому фронту и, в частности, историческому участку этого фронта"⁷⁸. Именно с этого времени прямое сопротивление архивных органов безудержному разгулу "макулатурщиков" было окончательно сломлено.

Уже в 1932 г., в ответ на очередное постановление СТО СССР о "макулатурной" кампании на 1933 г., ЦАУ издает распоряжение, в котором, в частности, возлагает на членов поверочной комиссии персональную вину за "длительную задержку утверждения перечней со сроками хранения дел и документов, что дезорганизует работу учреждений, организаций и предприятий"⁷⁹. В то же время в его аппарате создается особый "штаб по выделению макулатуры", который призван обеспечить "ударные" темпы работ. В эти годы начинается подлинная вакханалия в

деле выделения макулатуры, погоня за обеспечением "большевистских темпов" в ликвидации бумажного хлама. Отдельные ведомства и учреждения начинают сдавать "макулатуру", вообще минуя архивные органы, которые, по их мнению, слишком "волокитят" с разрешениями. В январе 1935 г. Центрархив, правда, идет на последний шаг, продиктованный отчаянием. Он издает распоряжение о введении практики выдачи специальных ордеров на сдачу макулатуры, но в конце этого же года ввиду явной бесполезности этой меры будет вынужден его отменить⁸⁰.

В 1934 – 1935 гг. Центрархив практически стремится лишь приспособиться к создавшейся по воле советских партийных органов ситуации, стремясь установить хоть какие-то рамки в деле разрушения системы комплектования и хранения архивов.

3 июня 1934 г. на правах отдела ЦАУ образована центральная экспертно-поверочная комиссия. Из практики исчезает термин "разборочная комиссия", поскольку созданные вместо нее "экспертные комиссии" занимались только составлением и представлением в высшие поверочные органы суммарных описей в соответствии с отборочными списками, разрабатываемыми по формальному признаку ("ведомственными перечнями"). По существу, во главу угла теперь ставится не исследовательская работа архивиста, кропотливо работающего над каждым документом, а исполнение чисто технической функции архивариусами, сверяющими соответствие категории документа тому или иному пункту в ведомственном перечне документов, не подлежащих хранению.

Во второй половине 30-х годов перечни, построенные по структурному принципу (т. е. составляемые каждым учреждением), заменяются перечнями, построенными по производственному принципу (т. е. все нижестоящие учреждения составляют перечни в полном соответствии с перечнем головного учреждения данного ведомства). По мнению специально исследовавшего этот вопрос А.П. Пшеничного, эта мера представляла собой "подлинную революцию в методическом обеспечении экспертизы ценности документов"⁸¹. Очевидно, это мнение должно

иметь право на существование, но только в системе таких архивов, которые рассматриваются с точки зрения их соответствия заранее заданным "компетентными" органами критериям ценности. С точки зрения необходимости комплектования архивов как документального отражения всей полноты жизни общества и человека такая политика означает самоубийственную практику ликвидации архивов как самоценного культурно-исторического феномена. Ведь в результате этих "упрощений" технологии экспертизы происходит своеобразное "обезличивание" документа, низведение его к стандарту, что полностью соответствовало общей линии сталинского режима, направленной на низведение самого человека до уровня "винтика", на "обескультуривание" общества в целом.

Не случайно уже в 1936 г. на 2-й производственной конференции ленинградских архивов прозвучали слова, которые мог отныне с торжеством повторить любой чиновник от архивного дела: "Как правило, получая годовую контрольную цифру по выделению макулатуры, работники архива пугались этой цифры, считали ее чрезмерно высокой, трудно выполнимой. И тем не менее к концу года она оказывалась значительно перевыполненной"⁸².

Разрушительное воздействие "макулатурных" кампаний усиливалось на местах тем, что с середины 20-х годов, а особенно с 1930 г. (после XVI съезда ВКП(б)) в стране производилось крупномасштабное изменение границ губерний, уездов, волостей и сельсоветов в соответствии с новыми принципами административно-территориального деления ("районирования"). Для низовых архивных учреждений это означало подлинную катастрофу, поскольку при ликвидации местных учреждений и создании новых административных центров "реорганизации" подвергались прежде всего архивные подразделения и хранилища. Архивисты были поставлены в безвыходное положение: с одной стороны, они должны были брать на учет документальные комплексы ликвидируемых учреждений и перераспределять их по другим хранилищам; с другой — именно архивные кадры под-

вергались сокращению в первую очередь. Работать было некому. Сопrotивляться распылению фондов, их дроблению было физически невозможно. Поэтому хозяевами положения на местах автоматически становились некомпетентные лица, которые считали наиболее простым выходом из этого искусственно созданного тупика уничтожение залежей "макулатуры".

Установить ущерб, нанесенный этой очередной административной "штурмовщиной", невозможно. Некоторое представление о масштабах катастрофы можно получить, например, по отчетным данным Вышневолоцкого горархива, которые приводит современный исследователь. Массовое уничтожение архивных материалов, начавшееся в 1926 г., в 1929 г. исчислялось пудами и тоннами. При реформировании архивного фонда городской управы было отправлено в качестве утиля на переработку 3 т материалов, а оставлено меньше половины. Это только начало, поскольку в конечном счете в составе облархива к 1950 г. сохранилось всего 14 ед. хр. (из первоначальных пудов и тонн). Отнесенный к категории "не имеющего ни практического, ни научного, ни исторического значения", фонд местного отделения частного банка Рябушинского, первоначально насчитывавший 700 дел и 150 книг, сохранился в облархиве в количестве 28 ед. хр.⁸³ Это достаточно типичные показатели.

Вряд ли менее впечатляющими были количественные показатели по центральным архивохранилищам. Более четкие размеры постигшей архивы катастрофы определены по Центральному архиву Красной Армии, где при плановом задании в 36 тыс. ед. хр. в 1935 г. в макулатуру было сдано почти 53 000 ед. хр., а в 1937 г. — еще 5 тонн сдано вне плана. По Центральному архиву внешней политики в 1936 г. при плане в 560 кг было сдано почти 4 тонны макулатуры⁸⁴.

В госархивах РСФСР, по неполным данным, уничтожено в качестве сырья для бумажной промышленности 14 069 т макулатуры, что составляет приблизительно 28 млн. дел. Это на 1 млн дел больше, чем осталось к 1933 г. в составе ГАФ⁸⁵.

Как бы то ни было, факт остается фактом. Архивная "макулатура" при всех своих мобилизованных "резервах" не могла обеспечить всю бумажную промышленность дешевым сырьем в достаточном количестве. И архивисты, и "бумажники" это понимали с самого начала. Вполне понятно отчаяние одних и недоумение других.

Все становится на свои места, только если допустить, что истинной целью этого санкционированного властями массового уничтожения документов была цель политическая — показать, кто является истинным хозяином национального достояния в стране, изъять архивы из культурно-научной жизни, заставить архивистов подчиняться любому, даже самым абсурдным указаниям партийных органов.

"Макулатурные" кампании, по существу, закончились только во второй половине 30-х годов, когда был предпринят вопрос о передаче архивов в систему органов НКВД. Пик их проведения, пришедшийся на начало и середину 30-х, не случайно сопровождался разгромом архивных кадров.

"Чистка" архивных кадров

"Кадровый" вопрос с начала 30-х годов решался в архивных ведомствах и учреждениях методами, которые вполне сравнимы с методами проведения "макулатурных" кампаний. Людей просто "изымали" из сферы их жизнедеятельности и подвергали физическому уничтожению или насильственной изоляции от общества. Критерии, которыми при этом руководствовались власти, не укладываются ни в какие рамки цивилизованной законности и права. Поэтому мало просто констатировать факт, что в течение 30-х годов катастрофически упал общий образовательный и профессиональный уровень специалистов. Речь идет о гораздо более страшном явлении — о сознательном истреблении самостоятельно мыслящих профессионалов архивного дела или же о превращении их в послушных, беспрекословных исполнителей приказов и указаний "сверху". Люди, как и архи-

вные документы, расценивались только с одной точки зрения: степени их "полезности" для выполнения поставленных органами власти задач. Старое поколение требовало безусловного уважения к себе и своей профессии; оно само было воспитано в духе высокой ответственности перед архивным делом как перед особой разновидностью интеллектуального труда, требующего честности и научной добросовестности. Такое отношение было чуждо тоталитарной системе. Все "ненужное", а тем более "вредное" беспощадно ею уничтожалось. Это является одним из наиболее важных, системообразующих признаков любого тоталитарного режима, который сознательно искажает естественную направленность общеобразовательной и культурной подготовки профессионалов, переносит центр тяжести на идеологическую и политико-воспитательную функции. Органы власти вторгаются в сферу духовной жизни каждого отдельного человека и всего общества с использованием инструментов насилия, которыми являются карательно-репрессивные органы.

С этой точки зрения кажущиеся на первый взгляд эпизодическими кампании по кадровой "чистке" архивистов, которые то разгорались, то локализовывались в рамках отдельных архивов или учреждений, в конечном счете складываются в целенаправленную политику по плановому "производству" нового типа архивиста.

Не обоснованными в этой связи представляются утверждения современного исследователя о том, что, "поскольку, естественно, ни Сталин, ни его окружение лично не опускались до архивов", "инициаторов бюрократизации архивных учреждений, видимо, следует искать внутри архивного ведомства". Автор даже называет по имени этих виновников – В.В. Максакова и Я.А. Берзина. Он так и пишет: поскольку, мол, Покровский (подобно Сталину) был занят большей частью работой на других, более важных постах, а "фактическим руководителем ЦАУ был его заместитель" Владимир Васильевич Максаков, то "именно на нем бесспорно лежит главная ответственность за перемены, прошедшие в деятельности архивных учреждений". И далее:

"...после снятия Максакова в 1934 году проводником системы стал Я.А. Берзин, который хотя и был прогрессивным мыслителем в области архивного дела, тем не менее не смог или не захотел отойти от намеченного курса"⁸⁶.

Это не соответствует ни фактическому положению дел, ни, что существеннее, их глубинному смыслу.

Сталин отнюдь не гнушался прямым и личным шельмованием "архивных крыс", "гнилых либералов", "жульнических крючкотворов" и т. п. В его письме в журнал "Пролетарская революция", одновременно опубликованном в центральном партийном органе журнале "Большевик" под одинаковым заголовком "О некоторых вопросах истории большевизма"⁸⁷, упоминался в качестве обвиняемого и вполне конкретный историк-архивист Волосевич, занимавший до середины 20-х годов должность заведующего ленинградским отделением Центрархива⁸⁸. Во всех проработках того времени имя этого "вредителя-архивиста" склоняли с вполне определенными целями для запугивания "нелояльных архивистов".

Однако дело не в отдельных именах.

Гораздо важнее то, что с начала 30-х годов за всеми кампаниями по "чистке" архивных кадров и даже за вопросами, казалось бы, чисто организационной, внутриведомственной перестройки деятельности архивных органов стояли "руководящие указания партии".

Так, предпринятое в эти годы физическое и нравственное уничтожение старшего поколения архивистов вполне соответствовало генеральной линии партии на "коммунизацию" и "обращение" профессиональных кадров во всех сферах народного хозяйства и культурной жизни.

XVI конференция ВКП(б), проходившая 23 – 29 апреля 1929 г., рекомендовала государственным учреждениям перейти к функциональному построению аппарата. В соответствии с этим в течение 1930 г. производилась перестройка аппарата ЦАУ (группы сводились в звенья, потом их заменяли сектора и т. д., образовывались отделы). Коллегия ЦАУ была тогда же ликвидирована.

Убедившись в "неэффективности функциональной системы построения управления", "высшие партийные органы" рекомендовали ее замену. В резолюции XVII съезда ВКП(б), проходившего 26 января — 10 февраля 1934 г., так и говорилось: "Ликвидировать функциональную систему всех советско-хозяйственных аппаратов и перестроить их по производственно-территориальному признаку, начиная от низших производственных звеньев и кончая наркоматами".

Весь последующий период ЦАУ перестраивалось в соответствии уже с этим указанием⁸⁹. Иначе говоря, такие бюрократические "перестройки" не проводились по инициативе Покровского, Максакова или кого-либо из руководства Центрархива. Превыше всего была партийная дисциплина, которой подчинялись все и вся. В условиях тоталитарного режима архивы не могли остаться в стороне от общего курса партии на "закрепление" архивистов в рамках единомыслия и беспрекословного подчинения указаниям "органов". Задача эта облегчалась тем, что в 30-е годы архивисты вступили в явно "ослабленном составе". Даже чисто количественно их было очень мало.

На 2-м съезде архивных работников в 1929 г. Максаков сообщил, что "всего у нас по РСФСР имеется 1249 архивных работников". Это приблизительно такое же количество, которым располагала, скажем, Академия наук и подчиненные ей учреждения в то время. Но в отличие от достаточно "концентрированного" и стабильного академического коллектива, престижного в глазах властей и общества в целом, архивисты оставались на положении париев, маргиналов. Это определялось как размером заработной платы (Максаков сказал, что в среднем она составляла в 1929 г. нищенскую сумму — 80 руб. 50 коп.), так и тяжелейшими в чисто физическом смысле условиями работы (подвальные помещения, полуразрушенные церкви, пыль, холод, сырость и т. д.). В итоге главной болезнью системы архивных кадров стала огромная "текучесть". По словам Максакова, массовым явлением стало то, что "за 2 года в отдельных архивах меняется по 3 — 4 заведующих, а смена по одному заведующему на

год — дело обычное". Так, отметил он, "в Сибири из общего числа архивных работников в 34 в течение года сменилось 29 человек". С течением времени эта проблема не только не решалась, но еще более усугублялась. Выступая в конце 1930 г., Максаков отметил, "что если в 1929 г. процент текучести достигал 51, то в отчетном году он превысил уровень 56,5%".

Однако он не мог открыто назвать основную причину этой катастрофы. Уходили теперь не только и даже не столько по собственной воле. Теперь архивистов начали "чистить" прежде всего по "классовому" и "партийному" признакам. Центрархив, следуя указаниям властей, развернул крупномасштабную "борьбу за новый тип архивиста, который чувствовал бы свою ответственность и понимал политические задачи, стоящие перед ним"⁹⁰. Именно в 1930 г. задача "коммунизации" и "орабочения" архивных кадров была поставлена Центрархивом как задача первостепенной важности.

Главным критерием эффективной работы архивного руководства стала замена беспартийных кадров членами партии. Доходило до анекдотических ситуаций. Так, отчитываясь перед коллегами на 2-м съезде о своей работе по улучшению кадрового состава архивного аппарата и с гордостью заявляя: "Мы эту задачу выполнили лучше, чем где бы то ни было", глава одного из республиканских архивных органов сообщил: "Мы на руководящих постах имеем бывших рабочих. Скажем, бывшая уборщица в настоящее время у нас стоит во главе секретного архивного фонда... Этот момент дает нам возможность популяризировать архивный фонд и создает известный авторитет в глазах советской общественности".

Однако новые кадры отнюдь не собирались задерживаться на работе в архивах. Как отмечал на том же съезде Максаков: «В Центрархив партийцы не идут, предпочитая всякую другую работу архивной. К нам посылают и сами идут очень часто больные, издерганные, усталые люди — "на отдых", и к тому же в подавляющем большинстве случаев — без всякой архивной и исторической квалификации».

Кампания по "коммунизации" и "орабочению" проводилась за счет массового увольнения из архивов старых специалистов. Это привело, например, к тому, что как указывалось в официальном отчетном документе несколько более позднего времени, на 1 января 1933 г. лиц с высшим образованием всего в архивах было 94 человека, а "о специальном архивном образовании и говорить не приходится: его имеют единицы"⁹¹.

Следует иметь в виду, что такое отношение к архивам формировалось, во-первых, не сразу, а во-вторых, отнюдь не в недрах Центрархива.

В 1929 г. Покровский излагал основы кадровой политики в архивной системе весьма либерально. Он, в частности, утверждал, что "Центрархив, благодаря целому ряду исторических случайностей, уже вполне коммунизировался, попал целиком в смысле высшего руководства в руки партии раньше, нежели это случилось с нашими научными учреждениями". Более того, "у нас есть надежные, вполне лояльные специалисты", "очень уважаемые нами специалисты", единственным "недостатком" которых является возраст "несколько более почтенный, чем возраст оратора, выступающего перед вами". Он наметил достаточно разумную, взвешенную программу их постепенной замены: до того как эти старые специалисты "сойдут со сцены в течение, можно опасаться, ближайших 10 лет, превратившись в пенсионеров и инвалидов", им нужно "готовить смену". Прежде всего Покровский обращал внимание на необходимость подготовки будущих "директоров архивов". "Наши архивные курсы готовят только рядовых архивных работников: они слишком примитивны", — сказал он и предложил создать аспирантуру на десять мест ("может быть, этого будет достаточно"), с тем чтобы "послать их за границу учиться архивной технике", поскольку "у немцев очень стоит поучиться". Его идея проста: "Архивы будут в наших руках, когда весь состав заведующих сверху донизу будет классово и партийно выдержан".

Максаков уточнил, что речь идет о комплексной задаче. "Огромный процент работников в наших советских учреждени-

ях, то есть в архивах советских учреждений, беспартийные. Это не страшно само по себе. Мы понимаем, понимали и должны понимать, что около архивного дела должны стоять люди знающие, понимающие, что такое архив, архивная техника, история. Но административно-политическое руководство должно быть в руках политических работников".

Таким образом, весной 1929 г. кадровая политика руководства Центрархива в лице Покровского и Максакова еще весьма существенно отличалась от провозглашенного Сталиным и Молотовым от имени партии и правительства курса на повальную замену "буржуазных специалистов" кадрами "нового типа". Публично провозглашалась цель постепенной замены "престарелых специалистов" на "архивно-технических" должностях при срочной и полной их замене на постах руководителей по мере прихода в архивы специально подготовленной номенклатуры, подобранной по "классово-партийному признаку".

Однако Покровский просчитался, когда объявил процесс "коммунизации" Центрархива завершенным (хотя бы даже только на "верхних этажах"). Он неверно оценивал обстановку в стране и отсюда полагал, что показателем "коммунизации" служит наличие у всех членов коллегии и ведущих сотрудников аппарата партийных билетов и их безоговорочное подчинение диктату самого Покровского. Он не учел, что для Сталина и его ближайшего окружения, только что разгромивших внутрипартийную оппозицию, но еще не добивших ее окончательно, "чистка" только начиналась.

Еще одним просчетом Покровского и Максакова стал провозглашенный ими весной 1929 г. курс на придание архивам научно-исследовательского характера. При безусловном приоритете политических функций, говорили руководители Центрархива, архивы должны стремиться к расширению издательско-публикационной работы и увеличению числа занимающихся в читальных залах исследователей. "Архивы суть и научные учреждения, поэтому мы выдвигаем на первый план свой научный фронт совершенно законно... Очень опасно оставаться на линии админи-

стративного учреждения. Мы должны пристроиться к культурной пятилетке, а именно в ее научную часть. Мы должны потребовать, чтобы за нами признали значение научного учреждения", — провозглашал на 2-м съезде архивных работников Михаил Николаевич Покровский. Ему вторил Владимир Васильевич Максаков: "Количество занимающихся у нас в архивах будет расти буквально семимильными шагами... Все данные показывают, что мы в ближайшие 2 — 3 года будем иметь всю основную массу материалов описанной инвентарно и, следовательно, доступной для широкого использования... Согласно пятилетке, архивно-технических работников должна заменить смена архивистов — научных работников".

Итогом всех этих посылок стал выдвинутый делегатами 2-го съезда знаменитый лозунг "Архивы в массы!", лозунг, который будет снят с повестки дня развернувшейся буквально через несколько месяцев репрессивной кампанией против историков, краеведов и архивистов. Эта кампания завершится в конце 30-х годов полным разъединением архивов и масс. Между ними встанет преграда — положения, правила и инструкции с грифами "НКВД" и "секретно".

Первый удар по архивам как культурно-научным учреждениям был нанесен внезапно. Речь идет о кампании травли архивистов "старой школы". Потом она будет дополнена рядом других целенаправленных ударов, но до сих пор остается классическим примером провокации против гуманитарной интеллигенции. "Стариков", вдохнувших "воздух научного свободомыслия" при Д.Б. Рязанове, оставалось очень мало. Достаточно сказать, что на 2-м съезде, на котором присутствовали в качестве делегатов почти все из ветеранов архивного дела, их набралось чуть больше 20 человек (если считать тех, чей стаж работы был от пятнадцати лет и больше). Но они обладали огромным научным и чисто человеческим авторитетом. В зале съезда сидели академик М.К. Любавский, проработавший в архивах 42 года и продолжавший архивную службу, академик С.Ф. Платонов, вместе с Д.Б. Рязановым заложивший основы послереволюционного ар-

хивного строительства, а с трибуны съезда выступал академик Е.В. Тарле, признанный не только в стране, но и за рубежом историк, вступавший в ожесточенную полемику с "самим" Покровским. Здесь же выступали руководители краеведческих организаций, Центральное бюро которых возглавлял неперменный ученый секретарь Академии наук с 1904 г. С.Ф. Ольденбург.

Вряд ли случайностью было то, что ни один из десятков выступавших и ни один из докладчиков не упомянул Сталина и его победу над "оппозицией" ни единым словом. Только секретарь ячейки ВКП(б) Центрархива и член ее коллегии Д.Г. Истнюк процитирует вскользь его определение "национальной по форме и социалистической по содержанию" культуры союзных республик. На фоне здравниц в честь Покровского, которого встречали и провожали стоя, на фоне аплодисментов в адрес некоторых ветеранов — пусть даже и не избранных в состав президиума — это единственное упоминание имени Сталина, которое не нашло никакого отклика, вполне могло быть воспринято как в лучшем случае "непонимание политического момента". Но именно так обстояло дело на съезде, и вряд ли на местах этот "момент" архивисты понимали лучше.

Вполне однозначно можно вновь отметить, что к последовавшей сразу же за окончанием съезда первой широко-масштабной кампании по "чистке" архивных кадров по классово-партийному признаку Центрархив не имел прямого отношения.

Покровский и Максакон считали эту задачу выполненной в целом еще в начале и середине 20-х годов. Отдельные, частные случаи они не считали опасными и полагали, что они будут исправлены без особой огласки и без привлечения к этому карательно-репрессивных органов, "в рабочем порядке".

Это был их последний крупный просчет.

Вряд ли ожидал Покровский, что его нападки на Академию наук, за захват которой он выступал с середины 20-х годов, обернутся полным разгромом гуманитарной интеллигенции "как класса" в начале 30-х (сам он скончался в 1932 г.).

Чтобы уяснить остроту ситуации, следует обратиться к массиву документов, которые были рассекречены сравнительно недавно и касаются так называемого дела Платонова – Тарле (оно известно также как "дело Академии наук", "дело четырех академиков", "дело историков", а также "дело архивистов").

Так сложилось, что мы в настоящее время больше знаем о фабульной стороне этого дела. При этом внимание в основном обращается именно на его "академический" аспект. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживает нравственная его подоплека. Здесь впервые в открытой схватке сошлись две "правды" – общечеловеческая и "классовая". Это не был процесс борьбы между представителями партийных "верхов". Это был проигранный интеллигенцией неравный бой за право на собственное мнение, на собственную позицию. В результате тоталитарный режим доказал свое "право" на диктат в духовной сфере. Одним из следствий этого была потеря архивами своего статуса научного института в широком смысле этого слова. Они были "огосударствлены", закрепошены в жесткой структуре других ведомств и учреждений партийно-государственного аппарата.

Как это начиналось?

В личном деле Покровского, хранящемся в архиве Академии наук, находится под грифом "секретно" его официальное экспертное заключение на отчет АН СССР за 1926 г.⁹², представленное в СНК для принятия соответствующих "оргвыводов". В этом документе содержится общая рекомендация покончить с "беспристрастными искателями истины", которые исходят из "архаичного подхода к науке". В качестве конкретных объектов для "чисток" здесь назывались, в частности, Постоянная историко-археографическая комиссия АН (ПИАК), Пушкинский дом и библиотека АН. Все эти учреждения возглавлял тогда академик С.Ф. Платонов, которому в эти годы исполнялось 70 лет. Одновременно Покровский предпринял яростные атаки в журнале "Историк-марксист" против Е.В. Тарле и других историков, опиравшихся в своих исследованиях на архивные документы, а не на умозрительные марксистские схемы общественного развития

в рамках концепции "торгового капитала" (Покровский) или пришедшей ей на смену концепции "пяти формаций", положенной Сталиным в основу "Краткого курса истории ВКП(б)" (1938 г.).

Если бы в данном случае речь шла о нормальной научной дискуссии, то архивисты могли бы участвовать в ней как бы "со стороны". Однако арбитром в этом споре выступили ЦК ВКП(б) и ОГПУ. Процесс кадровых "чисток" архивистов начался с частного эпизода — в Академии наук решили укрепить партийную "прослойку". Ученые, среди которых были такие светила мирового уровня, как академики И.П. Павлов, В.И. Вернадский, выступали против проникновения партийных "элементов" в структуру академии, считая, что это приведет к ее гибели как научного учреждения. Как писал в те годы В.И. Вернадский, "партия — это мир интриг и произвола. И по партийным велениям порядочный человек делает непорядочные поступки, оправдываясь дисциплиной... Всякое назначение коммуниста обязывает: коммунистическая ячейка и партийный внестоящий орган приобретают чрезвычайное значение и сложная, чуждая учреждению сеть интриг врывается в учреждение... Начинаются доносы политического, идеологического происхождения и знакомств — и начинается чистка. До сих пор АН была вне этой гангрены. Теперь нам это предстоит"⁹³.

В течение трех лет (с 1925 по 1928 г.) на Академию наук пыталась безуспешно воздействовать так называемая Комиссия Политбюро, она же — Комиссия СНК, Комиссия ЦИК, Комиссия Енукидзе (по имени секретаря Президиума ВЦИК и ЦИК СССР А.С. Енукидзе, 1887 — 1937, репрессирован). Именно в эту комиссию, официально именовавшуюся Комиссией по содействию работам АН, стекалась вся информация о том, что делается в академии, о "политокраске" ученых, о всех их промахах и недочетах.

К 1929 г. настало время принимать меры. 12 января на общем собрании Академии наук были утверждены 39 новых академиков, из которых по отделению гуманитарных наук пять были

коммунистами. Провалили при тайном голосовании троих (А.М. Деборина, В.М. Фриче и Н.М. Лукина). Это было расценено как мятеж. И по существу и было таковым.

Образованнейшие люди России в "коммунизации" уже тогда отчетливо видели надвигавшуюся угрозу. Как и всякого русского интеллигента, их заботили прежде всего "общие вопросы". «Совершенно очевидно, что партийная группа ученых входит в Академию не для того, чтобы работать в ней, а для того, чтобы контролировать и руководить, — писал в январе 1929 г. академик П.Н. Сакулин (1868 — 1930) секретарю Академии наук и руководителю Центрального бюро краеведения С.Ф. Ольденбургу. — Ныне на всех участках идеологического, вообще культурного фронта с особой обостренностью проводится принцип, который я называю идеологической и методологической диктатурой... Партийной формуле "контролировать и руководить" в области науки самым решительным образом нужно противопоставить свободу научной мысли... Положение вещей в настоящее время таково, что только одна Академия в состоянии защитить подобную позицию. Ученые всей страны смотрят на нее с верой и надеждой, как на цитадель науки»⁹⁴.

5 февраля 1929 г. в академии было созвано заседание СНК, на котором В.В. Куйбышев требовал покончить с этой вспышкой вольнодумства. 13 февраля созвано экстраординарное общее собрание Академии наук, на котором трое проваленных партийных кандидатов были все-таки "довыбраны" в академики.

Но было уже поздно. Центральную комиссию по чистке госаппарата возглавил ветеран-чекист, бывший заместитель Ф.Э. Дзержинского, ныне член Коллегии ОГПУ Я.Х. Петерс. (В Ленинграде, где эта кампания началась в июле 1929 г., комиссию по чистке аппарата Академии наук возглавил Ю.П. Фигатнер — член Президиума ЦК ВКП(б) и Коллегии Наркомата РКИ, член ВЦИК и ЦИК СССР.) В состав комиссии вошли Ю.В. Садовский — инспектор НК РКИ и сотрудник ОГПУ, член Коллегии РКИ и сотрудник ОГПУ Разоренов, представители рабочих Путиловского и Балтийского заводов Иванов и Козлов,

а также представители месткома Академии наук бывший вахтер В.И. Шауро и П.Н. Воробьев, кроме того, П.Н. Никифоров, которого в академии считали агентом ОГПУ, и некоторые другие.

По официальной версии, вплоть до 19 октября 1929 г. комиссия в рамках своих полномочий заслушивала отчеты представленных к "чистке" сотрудников академии, не касаясь действительных членов и членов-корреспондентов.

Однако 19 октября в комиссию на имя Фигатнера якобы поступило коллективное заявление о том, что в возглавляемых академиком С.Ф. Платоновым учреждениях – в библиотеке Академии наук, Пушкинском доме и в Археографической комиссии – находятся "скрытые от Советской власти" важнейшие политические документы. Об этом Фигатнер шифровкой немедленно доложил в ЦК и ЦКК ВКП(б), СНК, РКИ и ОГПУ и сразу выехал (очевидно, за инструкциями) в Москву. Вернулся он не один. Вместе с ним приехали члены коллегии ОГПУ Я.Х. Петерс и Я.С. Агранов. Теперь они вместе с Ю.П. Фигатнером образовали Особую комиссию, которая занялась выявлением виновных, "невзирая на лица". Скорее наоборот, их интересовали прежде всего именно академики и другие авторитетнейшие ученые, в основном из сферы гуманитарных наук.

На только что прошедшем 2-м съезде архивных работников В.В. Максаков и А.К. Дрезен (Ленинград) и многие другие во всеуслышание заявили, что ряд ведомств и учреждений умышленно затягивают передачу ряда архивных фондов в распоряжение Центрархива. В присутствии сидевших за столом Президиума Покровского и представителя ОГПУ в коллегии Центрархива Генкина назывались эти "злостные укрыватели", которых Максаков перечислил в таком порядке: Наркомзем, Наркомфин, Наркомат путей сообщения, Истпроф, а также Главный артиллерийский музей и архив Военно-морской академии. Упоминались им и учреждения Главнауки (к ведению которых относились краеведческие общества и Академия наук), но общий контекст был таков: меры приняты, соглашения заключены, договоренности достигнуты, "по-видимому, в ближайшем

будущем с этим вопросом будет покончено, и мы будем сталкиваться только с отдельными случаями сокрытия отдельных коллекций – не учреждениями, а отдельными лицами". Более того, Максаков подчеркнул: "Благодаря договору, который мы заключили совсем недавно, года полтора назад, с Наркомпросом, с Главнаукой, у нас за это время положение, несомненно, улучшилось. Мы за последние год-полтора получили из научных учреждений через посредство Главнауки десятки тысяч единиц, по преимуществу переписки, дневников, и главным образом переписки и дневников семьи Романовых. К сожалению, эти коллекции, которые мы получили, очень неполны... Надо, товарищи, иметь в виду, что эти коллекции, распыленные в разных научных учреждениях, не имеют нигде даже единого учета. Можно даже больше сказать, что научные учреждения, обладающие архивными коллекциями, скрывают друг от друга, я не знаю почему, наличие своих собраний".

Однако получивших особые полномочия представителей органов НКРИ и ОГПУ такая, в общем-то, объективная и деловая постановка вопроса явно не устраивала.

Выступивший после Максакова делегат от архивного бюро Ленинграда А.К. Дрезен подробно перечислил в числе прочих все материалы, хранящиеся в Академии наук. Он назвал и материалы великого князя Константина Константиновича Романова (бывшего президента АН, поэта и музыканта, известного под псевдонимом К.Р.), и материалы о выборах на фронтах первой мировой войны делегатов Учредительного собрания и др. Но Дрезен сказал, что эти материалы задерживаются по постановлению комиссии Енукидзе, поскольку Академия наук и ее материалы отнесены к категории общесоюзных и предназначаются к передаче в Центрархив Союза после образования такового. Гораздо больше негодования он высказал в адрес Военно-морской академии, укрывавшей от Центрархива документы с XVIII в. и по период гражданской войны включительно. Эту академию он обвинил в попытке создать собственный "морской Центрархив" и назвал такую позицию "ведомственной, эгоистической и неверной".

Особая комиссия РКИ – ОГПУ проигнорировала всю эту информацию. Ее интересовали только агентурные сведения: доносы, которыми легче было манипулировать в соответствии с заранее выстроенной схемой.

Поэтому, скажем, Петерс, Агранов и Фигатнер искренне не понимали аргументов Платонова, Срезневского и Ольденбурга, которые в свою очередь так же искренне не понимали, в чем состоит их вина. Просто столкнулись две России, говорившие на одном языке, но мыслящие абсолютно по-разному.

Это проявилось в навязчивом повторении одних и тех же вопросов. Например: "Почему был допущен к работе в архивах шеф жандармов Джунковский?" – спрашивают поочередно Агранов и Фигатнер. "Джунковский мне был известен как человек, пользующийся правами гражданства, – отвечает Платонов. – Он живет на собственной квартире, дает уроки, никто ему не препятствует в передвижении... Я суда над Джунковским не знаю. Знаю, что он был в Смоленске в тюрьме. Оттуда его Рязанов вызвал в Москву в связи с процессом по делу провокатора Малиновского. Благодаря Рязанову Джунковский получил политическое оправдание... Я считаю, что его можно считать полноправным гражданином". Иначе говоря, Платонов доказывает, что как любой "полноправный гражданин" Джунковский имеет право заниматься в архиве, тем более что работает он над собственными документами, сданными на хранение в фонд Академии наук еще в 1915 г. со специально оговоренным правом личного доступа к ним.

Прав в этом споре – и с юридической, и с чисто человеческой точек зрения – Платонов. Тем более что личность Владимира Федоровича Джунковского (1865 – 1938, расстрелян) далеко не так однозначна, как трактуют Петерс с Аграновым (хотя они явно при этом лгут, зная, естественно, гораздо больше, чем Платонов). Именно Джунковский, будучи "товарищем министра внутренних дел и командиром Особого корпуса жандармов" с января 1913 г., сообщил председателю Государственной думы о том, что лидер большевистской фракции Р.В. Малиновский

является агентом охраны. Именно он дал пощечину Распутину, в результате чего в 1915 г. был отправлен на фронт, в армейскую пехоту. В 1918 г. он был арестован по ошибке (вместо однофамильца), выпущен, участвовал как свидетель на процессе по делу Малиновского. Есть сведения, что он сотрудничал "на идейной основе" с контрразведкой ГПУ во время проведения операции "Трест". Род Джунковских уходит корнями в XVII в., и архив, оставленный им, содержал семейные реликвии, личный дневник, переписку и т. д.⁹⁵

Однако для чекистов отдельный человек как таковой не существовал, он был раз и навсегда "шефом жандармов", хотя и на свободе. И архив его представлял собой не коллекцию личных документов, а "архив жандармского корпуса". "В Советской стране, в городе Ленинграде, вы допустили такую одиозную фигуру, врага революции, врага рабочего класса, человека, который всегда был врагом! — кричал Агранов на Платонова. — Вы допустили его работать над собственным архивом!"

Не менее страшное обвинение обрушил на до смерти репутанного хранителя Пушкинского дома А.И. Кубасова (из молодого поколения архивистов) Петерс: "Вы подчинились глупому и нелепому требованию (Платонова. — *Т. Х.*). Вы считали, что обязаны подчиниться начальству... А если бы вам предложили убивать, Вы тоже подчинились бы?!"

Этого Платонов и его "подельники" не понимали и понять не могли. Таким же "непонимающим" оказался и Ольденбург. Он даже осмелился учить чекистов азам архивного дела: "Фигатнер указал, что архив Джунковского имеет характер жандармского архива. Насколько я знаю по описи, там разнообразные материалы, которые никакого отношения к шефу жандармов не имеют... Мне кажется, в этом отношении у вас более радикальный взгляд, чем мой. Я не страдаю фетишизмом... Я убедился в опасности фетишизма, потому что это мешает работе".

Точно так же вел себя и научный сотрудник Пушкинского дома Н.В. Измайлов, работавший при Рязанове в аппарате Глав-

архива. Он настаивал на юридическом праве Джунковского работать в "его личном архиве" на основании разрешения Совета, выданного в начале 1929 г. в ответ на официальную заявку и анкету, заполненную Джунковским. "Вы помните, где работаете или нет?.. Вы на государственной службе или на частной?" — кричал на него Петерс.

Очевидно, чекисты и сотрудники РКИ, присланные по указанию ЦК ВКП(б), боялись именно "сокрытия" документов от органов власти в "частных" архивах, хотя бы даже это была Академия наук.

Напрасно Платонов клятвенно заверял, что «Академия в течение этих лет сохранила очень много материала... Мы смотрели так: у нас надежное место хранения... Я решительно готов не принять этого выражения: "сокрытие документов". Я решительно протестую, — повторял он. — Академия наук не скрывала... Эти документы мы сберегли, и вы их получили»⁹⁶. Он даже предъявлял опись, в которой за № 607 вполне официально более десяти лет числились документы, считавшиеся чекистами "скрытыми". Однако в том-то и заключалась вина Платонова, что "скрытые документы", с точки зрения чекистов, — это документы, хранимые в не контролируемом "органами" месте.

Очевидно, этим страхом был продиктован вопрос Петерса члену-корреспонденту Академии наук В.И. Срезневскому (1869 — 1936), старшему ученому хранителю Рукописного отдела Библиотеки академии: "Почему вы хотели иметь документы охранки?"

Характерен наивный и благородный ответ ученого: "Но ведь в 1917 году их жгли ужасно. Все выбрасывалось из окон, и нам было досадно, что исчезает много ценного. Служащие охранки хотели сжечь документы, которые связаны с их именами. Мы хотели собрать как можно больше документов". Из рассказов Срезневского, Измайлова и Платонова вырисовывалась героическая эпопея об архивистах, которые зимой на саночках свозили лично ими спасенные архивы в Академию наук

и там складывали на хранение. Многие из них так и остались неразобранными.

Теперь ученых судили, по существу, за то, что они их сохранили (не по заданию ли врага?).

"Дело академиков" ("дело архивистов") было первой пробой сталинского метода укрощения интеллигенции. По опубликованному тогда официальным данным, "из 960 сотрудников АН было уволено по чистке 648, что составило 2/3 общего состава"⁹⁷.

Масштабы "операции" далеко превзошли "академические рамки". Первые аресты начались в Ленинграде в ночь с 23 на 24 октября 1929 г., причем сразу же был арестован ученый секретарь Археографической комиссии Александр Игнатьевич Андреев (1887 — 1959), который только полгода назад возглавлял мандатную комиссию 2-го съезда архивных работников, от имени коммунистической фракции съезда оглашал список членов Президиума и выступал с докладом. Он был учеником А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова, пережил тюрьму и ссылку, преподавал в МГИАИ.

Всего на сегодняшний день установлены имена почти полутора сотен человек, арестованных с октября 1929 по декабрь 1930 г. Им не устраивали публичных процессов, как было с обвиняемыми по "шахтинскому делу", "делу Трудовой крестьянской партии" и "Промпартии". Приговоры трижды — с февраля по август 1931 г. — оглашались "тройкой" ОГПУ при Ленинградском военном округе и Коллегией ОГПУ. Были расстреляны сотрудник Главархива В.Ф. Пузинский и заведующий архивом АН А.С. Путилов, в последнюю минуту был заменен расстрел десятью годами лагерей военному историку и архивисту Г.С. Габееву. Погиб в заключении член-корреспондент В.Н. Бенешевич, одним из первых приветствовавший "архивный декрет" 1918 г. как "декларацию прав науки в архиве". Он "сознался" в том, что был связником между Платоновым и Римским папой Пием XI. Главные обвиняемые — академики С.Ф. Платонов (умер в ссылке в 1933 г.), М.К. Любавский (умер в ссылке в 1936 г.), Е.В. Тарле и Н.П. Лихачев — получили от трех до пяти лет

ссылки. По "делу АН" были осуждены или арестованы также С.В. Рождественский, В.И. Пичета, В.Г. Дружинин, С.В. Бахрушин, С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, Л.В. Черепнин, Ю.В. Готье, А.А. Шилов и др.

Многие из них выжили и вернулись, будто подтверждая справедливость слов А.С. Енукидзе: "Мы своего достигли, господа академики поняли, что с ними не шутят. Теперь понемногу их выпустили, но больше антисоветчины они не разведут"⁹⁸.

Когда сразу же после обнародования результатов работы комиссии РКИ – ОГПУ, в ноябре 1929 г., началась настоящая вакханалия по форменному разгрому неразобранных архивов Академии наук, протестовать было уже некому. Как вспоминали потом свидетели, "подавляющая часть инкриминированных Академии наук материалов политического характера просто выдергивалась из личных фондов и коллекций (фондообразователи берегли не только семейные реликвии, но и документы эпохи)". Для собственных нужд реквизировали отдельные листы, пачки, папки, связки, коробки, свертки, ящики и сундуки со всем содержимым представители ОГПУ и Госфонда (в целях распределения по музеям и распродажи). Правда, "не обидели" и Центрархив – в его адрес тоже выделили 134 ящика.

Естественно, вряд ли у кого-нибудь возникал в то время вопрос о соблюдении принципа "недробимости фондов" или о необходимости предварительной научной экспертизы силами профессионалов. Более того. Именно в эти годы начинается кампания по пересмотру всей теории и истории архивного дела в свете указаний Сталина.

Это отразилось в первую очередь на учебных программах только что созданной "кузницы новых архивных кадров" – Московского института архивоведения, где на протяжении десятилетия делались безуспешные попытки переработать все архивоведческие дисциплины в духе новых, постоянно меняющихся решений и постановлений партии и правительства.

Следует отметить, что раздел "Подготовка и переподготовка кадров архивных работников", посвященный истории созда-

ния и функционирования историко-архивного института в 30-е годы, написанный В.В. Максаковым и включенный им в известное учебное пособие⁹⁹, создает в целом безоблачную, но искаженную картину. Согласно Максакову, в марте 1930 г. коллегия ЦАУ СССР, руководствуясь решениями ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б), поставила перед правительством вопрос о реорганизации "архивного цикла" МГУ в институт архивоведения при ЦАУ СССР. Для ускорения пополнения архивов квалифицированными кадрами ЦАУ СССР считало возможным временно установить срок обучения в институте в два года на основном отделении и в один год на подготовительном, которое предназначалось для рабочих и детей рабочих с уровнем образования не ниже семилетнего. Соответствующее Постановление ЦИК и СНК СССР состоялось 3 сентября 1930 г. Эта официальная дата рождения историко-архивного института до сегодняшнего дня не оспаривалась ни одним исследователем. В круглые даты (25-летие, 50-летие) публиковались юбилейные работы, в которых картина функционирования института в 30-е годы в общих чертах повторяла оценку Максакова. В целом все сводилось к истории побед и достижений, к успешному преодолению "многопредметности", перечислению имен лучших преподавателей, изданных научных трудов и методических пособий.

Однако, как видно из архивных документов, подлинная картина была далеко не такой безоблачной. На протяжении 30-х годов институт постоянно обследовали различные комиссии, которые находили все новые и новые недостатки. В результате снимали очередного директора, увольняли преподавателей, но общий уровень преподавания дисциплин (особенно архивоведческих) не повышался.

Дело в том, что из-за настойчивых требований проверяющих из ЦАУ СССР отдавать приоритет при приеме в институт членам ВКП(б), рабочим и колхозникам зачисленные студенты умудрялись делать по 12 ошибок в диктантах из 50 слов¹⁰⁰, в связи с чем между "Комсомольской правдой", которая обнародовала этот факт и ЦАУ в 1934 г. даже развер-

нулась бурная полемика. Низок был и научно-профессиональный уровень многих преподавателей, особенно — "общественных дисциплин". Но главное — вплоть до конца 30-х годов не был определен четкий баланс между специальными, архивоведческими дисциплинами (одна кафедра), с одной стороны, и историческими и общественными, с другой. Учебники и учебные пособия по архивным дисциплинам подвергались мощной идеологической цензуре, их подготовка продвигалась чрезвычайно медленно.

Вполне естественно, что при таком отношении к подбору кадров будущих архивистов и их подготовке нельзя было ждать радикального улучшения дел в институте. И в 1937 г. наступает развязка. Сразу вслед за снятием с должности и последующим арестом куратора института в ЦАУ заместителя управляющего ЦАУ А.С. Пашуканис последовало распоряжение о создании очередной комиссии ЦАУ для "проверки работы историко-архивного института". По итогам ее работы еще один директор — М.И. Соколов — был снят с должности "как не обеспечивший руководство". И наконец, появился документ 1938 г., по которому историко-архивный институт передавался вместе со всеми архивными ведомствами и учреждениями под контроль ГАУ НКВД. Характерно, что в этом документе неправильно названа дата начала существования института (1932) и сделана оговорка о том, что "ЦАУ СССР в 1932 году переименовало его в Историко-архивный институт имени М.Н. Покровского без разрешения Правительства"¹⁰¹.

Документы из фонда Главархива полностью подтверждают оценку, которую дали современные исследователи истории МГИАИ Л.Н. Простоволосова и А.Л. Станиславский периоду 30-х годов. "Вторая половина 30-х гг. характеризовалась, с одной стороны, усилением идеологического давления на студентов и преподавателей института, а с другой — практической работой по улучшению преподавания многих предметов"¹⁰². В те же годы, как и по всей архивной системе, по институту прокатилась волна "чисток". Передача института в ведение НКВД в апреле

1938 г. сопровождалась новыми "чистками", увольнениями и арестами преподавателей и студентов.

Таким образом, к концу 30-х годов историко-архивный институт стал центром подготовки специалистов для архивной области – высшим учебным заведением с четырехлетним курсом обучения. Но насильственные методы "очищения" контингента преподавателей и студентов от инакомыслящих, отбор кадров в зависимости от происхождения и партийности, а не от способностей, интересов и знаний в значительной мере подорвали процесс формирования компетентных специалистов-архивистов.

В эти же годы наносились сокрушительные удары и по архивной науке в целом. Так, в 1932 г. в журнале "Архивное дело" была опубликована установочная статья «Задачи издания "Руководства по советскому архивному строительству"»¹⁰³. Автор требует прежде всего "ликвидации отставания на фронте теории" в направлении, «указанном в выступлениях т. Сталина и в постановлении ЦК ВКП(б) о журнале "Под знаменем марксизма" от 25.01.1931 г.», поскольку они "прямо и непосредственно относятся также и к архивному фронту".

После ритуального вступления следуют конкретные указания: «Реализуя эти задачи, мы не можем пройти мимо того "наследия", которое было оставлено архивам в установках рязановщины». Под этим подразумевается "точка зрения Рязанова, что архивы имеют преобладающее научное, а отнюдь не политическое значение, что архивы поэтому должны быть без ограничения открыты совершенно свободно для всеобщего пользования". Хотя Рязанов высказал ее в 1918 г. и с тех пор она была опровергнута всей теорией и практикой архивного строительства при М.Н. Покровском, именно с нею связывается "смычка с антисоветскими контрреволюционными элементами в свое время в Главархиве и затем в Институте Маркса и Энгельса". Далее "рязановщина" отождествляется с "троцкизмом" в архивоведении, причем в качестве доказательства называются некие «установки и дела, вскрытые в связи с процессом Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков), а также протестами против этого про-

цесса за рубежом со стороны некоего "известного социал-фашиста Пауля Кампфейера"». Далее следуют призывы "решительно выкорчевать из архивной практики и науки рязановщину", но делать это почему-то "путем энергичной борьбы со смыкающимся с ней правым оппортунизмом, а также левацкими загибами в архивном деле". Из дальнейшего текста становится понятно, что под "рязановщиной" следует понимать также "идеализацию архивоведческих теорий буржуазно-помещичьих реформаторов архивного дела Калачева, Самоквасова". Оказывается, что «оппортунизм всех мастей и примиренчество к нему добывает оружие для борьбы с партией в архивном строительстве из арсенала "школы" Калачева, Самоквасова и др.»

Кто является этими загадочными "др."? Как следует из последующего изложения: «Ученые, оберегавшие интересы монархии, попов, помещиков и капиталистов, в мировоззрении которых техника издания текстов была неразрывно связана с реакционной великодержавничеством, — "школа Лаппо-Данилевского, работы Н.П. Лихачева"». Этот безграмотный историко-теоретический пассаж вполне естественно подводит к соответствующему заключению: "Попытки некоторых современных архивоведов вносить в методику и технику архивной работы принципы дореволюционного архивоведения надо рассматривать объективно не иначе, как попытки буржуазной реставрации на архивном фронте. Никак иначе защиту указанного подхода охарактеризовать нельзя".

Кто же попал под это политическое обвинение?

Первым объектом такой критики стал Илья Лукич Маяковский, который не только объявляется "апологетом ученых архивных комиссий", но и вообще характеризуется как пример "выражения протеста буржуазного архивиста против постановки архива на службу социализму". При этом в тексте намеренно смешан курс лекций Маяковского, изданный в 1920 г., с его дискуссионными статьями о краеведах и их роли в архивном строительстве, относившимися к 1927 г. Характерна аргументация автора: "Не приходится тратить лишних слов на то, чтобы пока-

зять полную непригодность учебного пособия, составленного И.Л. Маяковским".

Так же "доказательно" отвергается и "Теория археографии" Н.Ф. Бельчикова: дескать, ей "присущи аполитичность и беспартийность, голый техницизм, служение дореволюционным архивным кумирам".

Все это, по мнению автора, привело к "затянувшемуся кризису архивоведческих наук в СССР". Далее следует главный вывод: «Без теории, без коренного пересмотра всего "наследия", полученного современной наукой от дореволюционного прошлого, без выкорчевывания пережитков рязановщины, контрреволюционного троцкизма, великодержавной лапподанилевщины, насквозь враждебного советскому строю национал-демократизма (этот термин в статье не расшифровывается. — Т. Х.), буржуазно-идеалистических, механистических, формалистско-схематических "установок", без борьбы с оппортунистическим влиянием в архивной науке, без разоблачения всякого рода фальсификаторов на архивно-историческом и других фронтах всех общественных и естественных наук, без разоблачения механики фальсификаторства в архивном деле, имеющего свою историю и традиции, — без всего этого нельзя проводить коренную реорганизацию архивного дела в Советском Союзе».

Это явно не рассчитано на понимание, поскольку одновременное выполнение сразу стольких условий в самых разных областях действительно делает реорганизацию невозможной.

Тем не менее в своих прогнозах автор весьма оптимистичен. Он докладывает, что "Научно-исследовательский кабинет ЦАУ СССР, 24 ударные бригады и силы общественности ЦАУ" уже создают новое, советское, марксистско-ленинское "Руководство по архивному строительству", которое "разрабатывается на основе опыта предшествующих лет и с учетом новейших достижений архивного дела". Правда, трудно понять, о каком "опыте" и о каких "достижениях" может идти речь. Тем более что в

статье содержатся нападки даже на само Центральное архивное управление, "игнорирующее и замалчивающее неблагополучие на фронте архивной науки", издающее "некоторые официальные документы", в которых "отсутствует четкая постановка вопроса о теории архивного дела, хотя эти документы появились вскоре после выступления т. Сталина на конференции аграрников-марксистов".

Впрочем, оптимизм автора, кажется, основан на том, что уже имеется "главная база архивной науки эпохи диктатуры пролетариата", которую составляют «руководящие статьи М.Н. Покровского, резолюции архивных съездов и конференций, передовицы в журнале "Архивное дело" и директивные распоряжения ЦАУ СССР, РСФСР и других союзных республик, резолюции Общества историков-марксистов об архивах как документальной базе истории».

Статья производит впечатление нелепого гротеска. Однако она довольно типична для тех лет. Именно по таким статьям узнавали имена репрессированных и пытались угадать направление следующего удара. В этом плане такие статьи были достаточно информативны. По этой же причине они сохраняют значение исторического источника. Другое дело, что к науке они не имеют никакого отношения. Естественно, что никакого "Руководства" все эти десятки бригад и общественность ЦАУ так и не создали. И дело даже не в том, что вскоре все, что составляло, с точки зрения автора статьи, "главную базу архивной науки эпохи диктатуры пролетариата", будет объявлено партией "вредным", классово-чуждым ("школу Покровского" постигнет судьба всех других "школ", руководство ЦАУ (в том числе и сам автор — Д.Г. Истнюк) будет репрессировано, Общество историков-марксистов ликвидировано и т. д.). Теорию нельзя создавать на пустом месте. Выкорчевав все и вся, наука остается на безлюдном пустыре, а строить что-то новое из ничего еще никому и нигде не удавалось.

Впрочем, в 30-е годы об этом не задумывались: несмотря на явные провалы в теории и практике, делались отчаянные по-

пытки создавать новые архивы и нового архивиста в полном отрыве от всего прошлого.

Не послужила уроком и печальная судьба идеи создания всеобъемлющего "Руководства по архивному делу". Несмотря на вполне социалистические, коллективные методы работы над ним с использованием соцсоревнования, окончить написание "Руководства" в 1932 г. не удалось. В декабре был принят окончательный, последний план его завершения. Однако времени хватило только на то, чтобы изучить и почти целиком отвергнуть почти все, что было подготовлено в течение 1929 – 1930 гг. Другие статьи признали нуждающимися в доработке. Складывается впечатление, что авторы и редакторы вполне сознавали, чего нельзя было писать, но были в полной растерянности от незнания того, что было можно. В конечном счете идея создания "Руководства" полностью так и не была реализована. Только в 1935 г. она была частично осуществлена в рамках подготовленного вне системы Центрархива ветераном архивной службы Г.А. Князовым учебного пособия "Теория и техника архивного дела".

Характерно, что именно к этому периоду относится и еще одна окончившаяся неудачей попытка переосмысления теоретического наследия архивистов прошлых поколений. Так, молодые в то время архивоведы И.С. Назин и З.Н. Доброва, а также Н.А. Фомин подвергли резкой критике так называемый провенийенципринцип (принцип недробимости архивного фонда)¹⁰⁴. В теоретических посылках они исходили из того, что советские архивисты не могут использовать сформулированный в западноевропейском архивоведении и широко применявшийся в дореволюционной архивной практике принцип обязательного сохранения в архиве канцелярского порядка расположения дел. Считалось, что это может повлечь за собой несоответствие основной политической задаче фондообразователя. Вывод был вполне в духе времени: архивист должен так перестроить структуру архивных фондов, чтобы исследователь сразу постиг рациональ-

ную связь между материалами, адекватную историческому процессу их образования.

Другой исследователь – Г.Н. Чабров, вообще избегая употреблять буржуазные термины (провениенции и пертиненции), заменяет их более доступными для масс синонимами: "реставрационный" и "реконструктивный" методы. Отрицание первого метода он считает "левым загибом" в архивной методике, поскольку при "реконструкции" можно скрыть следы неумелого руководства со стороны фондообразователя. Он допускает применение второго, "реконструктивного" метода для выполнения "специальных ударных заданий текущего момента", например для организации справочного аппарата по личному составу учреждения-фондообразователя на всем протяжении его существования¹⁰⁵.

В целом, естественно, уровень теоретической мысли по сравнению с 20-ми годами значительно снижается. Уже нет даже попыток философски осмыслить сущность архивов, хотя именно в эти годы (точнее, в 1931 г.) историк князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861 – 1939, расстрелян) пишет своему "духовному брату", академику В.И. Вернадскому: "Об архиве и архивах... Как все в мире, и это – органическая часть, живое звено цепи. И сейчас настал час сковать это живое звено. Если оно не скуется, значит, нет ему места во вселенной. Лучшего стечения обстоятельств, чем сейчас, для некоторого упорядочения архивного нашего дела, нельзя придумать – не то, что ожидать... Поверь мне. И проверь мои слова"¹⁰⁶. "Лучшим стечением обстоятельств" эти времена он считал потому, что назвал их "апокалипсическими".

До таких глубин проникновения в суть архивов в 30-е годы мог, пожалуй, проникнуть только ум обреченного. Архивоведы же были вынуждены заниматься выполнением узковедомственных функций, зачастую блуждая среди давно открытых истин, а главное – стараясь не выйти за пределы идеологических установок и не упомянуть имени или работы недавнего коллеги и единомышленника, ставшего "двуногим архивным

вредителем", "шпионом". А избегать этого становилось все труднее.

С середины 30-х нападкам подвергались уже не отдельные лица, а целые "школы", т. е. все ученики объявленного "чужаком" ученого независимо от давности учебы попадали в "черные списки".

Так, о "школе Лаппо-Данилевского" теперь писалось как о "школе", "которая наиболее ярко отразила упадничество и реакционность буржуазной науки в области истории, источниковедения и архивоведения", в результате чего "подвизавшиеся в области архивного строительства ее представители оказались в стане организованных вредителей, врагов советской власти"¹⁰⁷.

Особенно тяжело наблюдать, как вынуждены были унижаться чудом уцелевшие от расправы старые ученые. Например, И.Л. Маяковский так писал сам о себе на страницах печати: "Рупором краеведов... явился, к величайшему стыду, и пишущий эти строки... Мое выступление явилось, по сути дела, изменой принципу централизации архивного дела и становилось хотя и абсолютно негодным, но все же оружием в руках остатков разбитой группы злостных противников централизации, наличие и попытки которых окопаться в краеведческих организациях я обязан был рассмотреть"¹⁰⁸.

В эти годы полностью исчезает простор для самостоятельного творческого поиска. О каких научных дискуссиях могла идти речь, когда, как вспоминал Сигизмунд Натанович Валк, его в Институте истории Академии наук в эти годы на собраниях называли "беспартийной сволочью". Ученик С.Н. Валка В.Г. Чернуха воспроизвел одно из личных воспоминаний своего учителя: «Идет заседание, и в ходе дискуссии один из сослуживцев в присутствии всех набирает номер телефона НКВД, сообщая о происходящем в Институте истории и "советуясь", как поступить. А мы сидим, как зайчишки»¹⁰⁹.

Перед нами типичная выписка из "протокола заседания квалификационной комиссии ЦАУ СССР и РСФСР" от 31 декабря 1935 г.: «Слушали: о дополнительной проверке работы Ев-

фимовского и Гордон. Постановили: выяснить, не был ли связан Евфимовский с историками-националистами, снятыми с работы в архивах УССР в 1933 — 1934 гг.; выяснить социально-политическое лицо тов. Гордон, в частности, не принадлежал ли он к меньшевикам, а также выяснить, правильно ли заглавие его первой работы, где речь идет о "еврейском финансовом хозяйстве в России"¹¹⁰.

Выступая на совещании при управляющем ЦАУ РСФСР в мае 1937 г., управляющий Сталинградским областным архивным управлением доложил: «Нас, безусловно, должно мобилизовать быть более бдительными наличие таких фактов, как то, что до 1934 года управляющим облархива был Синеоков, который впоследствии оказался врагом народа. В наших читальных залах по теме "Оборона Царицына" работали профессор Романов и профессор Соколов, все они впоследствии оказались врагами народа». Управляющий "сознался", что директор Астраханского архива продал "лишние газеты как макулатуру, а в нескольких газетах оказались статьи Троцкого, за что директор был немедленно отстранен от обязанностей директора"¹¹¹.

Многого из того, как проходили архивные "чистки", особенно в годы "ежовщины", мы не знаем. Практически единственным источником до настоящего времени остается публикация А.П. Пшеничного "Репрессии архивистов в 30-х годах", которая, по существу, представляет собой длинный список имен и должностей архивистов, замученных в сталинских застенках. Обследовав некоторые из только сейчас открывающихся описей фонда Главархива СССР в ГАРФ, он установил, что в 30-е годы (начиная с 1932 г.) практически не было перерывов в арестах и расстрелах руководящего звена архивных органов. По "делу Рютина" в сентябре 1932 г. был арестован член коллегии Центрархива В.Н. Каюров. С конца 1936 г. волна арестов захватывает директора ЦГАКА Г.К. Вальдбаха, членов коллегии С.А. Пашуканис и А.Я. Буберга, заведующую АОР А.М. Рахлин, управляющего центральными госархивами в Ленинграде А.К. Дрезена, директора ЦГАНХ Н. Шкипсу и др. В 1938 г. настал черед аре-

стов по делу так называемой "шпионской организации ЦАУ", о котором до сих пор, по существу, еще ничего не известно. Видимо, точку в нем поставил расстрел управляющего ЦАУ СССР и РСФСР Я.А. Берзина. В 1939 г., как пишет Пшеничный, наступила "вторая волна" репрессий, когда арестовали более 100 сотрудников "ЦАКА, более 20 сотрудников ЦВИА и т. д.¹¹²

Пока можно сделать только предварительный вывод.

Масштабы и жестокость расправ (а мы знаем только имена руководителей, и только тех, кто не был осужден в "закрытом порядке") свидетельствуют о том, что Сталин и его окружение так и не были до конца убеждены в полной преданности архивистов тоталитарному режиму. Их панический страх перед людьми, которые в силу своей профессии могут владеть документами, представляющими угрозу "благополучию" вождей и прочности их идеологических догм, заставлял повторять кадровые "чистки" в массовых масштабах вплоть до конца 30-х годов, когда и архивы, и архивисты были полностью поглощены системой органов НКВД.

Примечания

- ¹ Архивное дело. 1929. Вып. II (19). С. 122.
- ² На боевом посту марксизма. М., 1929.
- ³ См., например: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879 – 1929. М., 1991. С. 417.
- ⁴ Сталин. Сб. статей к пятидесятилетию со дня рождения. М. – Л., 1929.
- ⁵ См.: Чествование в Центрархиве РСФСР М.Н. Покровского по поводу 60-летия со дня его рождения // Архивное дело. 1928. Вып. IV (17). С. 71–74.
- ⁶ См.: Юбилей Д.Б. Рязанова // Архивное дело. 1930. Вып. I – II (22 – 23). С. 105.
- ⁷ Цит. по: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879 – 1929. С. 434.
- ⁸ XVI конференция ВКП(б). Апрель 1929 г. М., 1962. С. 440.
- ⁹ Правда. 1932. 14 апр.; Архивное дело. 1933. Вып. III – IV (32 – 33). С. 6 – 7, 9 – 12.
- ¹⁰ История ВКП(б) / Под ред. Е.М. Ярославского. 2-е изд. М.-Л., 1931. Вып. 2, т. 3. С. 321.
- ¹¹ См.: *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1.
- ¹² СЗ СССР. 1929. № 28. С. 253; Архивное дело. 1929. Вып. II (19). С. 111 – 112.
- ¹³ СУ РСФСР. М., 1929. № 16. С. 173.

*Укрепление командно-административной системы
управления архивами (1929 - начало 1938 г.)*

- 14 Все цитаты и выступления приводятся по полному стенографическому отчету о работе съезда (т. 1, 2), машинописная копия которого хранится в фондах библиотеки ИАИ РГТУ.
- 15 См.: *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945 гг.). М., 1969. С. 205.
- 16 *Пшеничный А.П.* Система государственного управления и архивных учреждений // Советские архивы. 1991. № 2. С. 39.
- 17 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3625.
- 18 Там же. Д. 3967.
- 19 См.: *Максаков В.В.* 10 лет архивного строительства // Арх. дело. 1929. Вып. II (19). С. 3 – 34; Вып. III (20). С. 5 – 12.
- 20 СУ РСФСР. М., 1929. № 16. С. 173; Сб. руководящих материалов по архивному делу (1917 – 1941 гг.). М., 1961. С. 35 – 61.
- 21 См.: *Анфилов Б.И.* Архивный кодекс РСФСР // Архивное дело. 1929. Вып. I (18). С. 10.
- 22 *Пшеничный А.П.* Система государственного управления и архивных учреждений // Советские архивы. 1991. № 2. С. 36.
- 23 *Анфилов Б.И.* Указ. соч. С. 10 – 24.
- 24 Сб. руководящих материалов по архивному делу (1917 – 1941 гг.). С. 105.
- 25 См.: *Савин В.А.* Формирование ГАФ СССР в 1920 – 1950-х гг. // Советские архивы. 1991. С. 46.
- 26 В последний день съезда Покровский взял слово, чтобы исправить положение. Он говорил теперь прямо противоположное: о положительном значении Постановления о создании ЦАУ СССР, о его своевременности и надеждах на то, что отныне все вопросы будут решены. Но съезд уже закончился, и недоумение, порожденное его первым заявлением, делегаты увезли с собой.
- 27 См.: Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1931. № 2 – 3 (109 – 110). С. 25 – 26; *Дремлюга Г.А.* Основные периоды организации ГАФ СССР (1918 – 1970 гг.) // Труды МГИАИ. 1972. Т. 29. С. 18 – 29.
- 28 См.: *Максаков В.В.* Указ. соч. С. 232 – 233.
- 29 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2228. Л. 2 – 20; ср. также: Там же. Д. 2229.
- 30 Там же. Д. 1884. Л. 13.
- 31 См.: Бюллетень ЦАУ РСФСР. С. 18 – 26.
- 32 Постановление ЦИК и СНК Союза ССР "Об упорядочении архивного дела в народных комиссариатах и центральных учреждениях СССР" // Архивное дело. 1936. Вып. I (38). С. 9.
- 33 *Пшеничный А.П.* Дисс... канд. ист. наук. Центральное архивное управление СССР и РСФСР (1929 – 1938 гг.). М., 1985.
- 34 *Савин В.А.* Формирование ГАФ СССР в 1920 – 1950 гг. // С. 46 – 47.
- 35 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2448. Л. 32.
- 36 ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 16. Л. 76.
- 37 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3010. Л. 18.
- 38 Там же. Д. 3017. Л. 16 – 16 об.
- 39 Там же. Д. 4350. Л. 3.
- 40 Архивную работу – на высшую ступень! // Архивное дело. 1935. № 3 (36). С. 1 – 9.

- 41 См.: О мероприятиях по упорядочению архивного дела Союза ССР: Постановление Президиума ЦИК Союза ССР // Архивное дело. 1935, № 2 (35). С. 1 – III.
- 42 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3419. Л. 2 – 3.
- 43 Об упорядочении архивного дела в РСФСР: Постановление Президиума ВЦИК от 10 сентября 1937 г. // Архивное дело. 1937. Вып. III (44). С. 1 – 3.
- 44 См.: Я.А. Берзин (к столетию со дня рождения) // Советские архивы. 1981. № 5. С. 31; *Пшеничный А.П.* Руководитель советской архивной службы Я.А. Берзин (1881 – 1938) // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 249.
- 45 Специально занимавшиеся данной проблемой В.Е. Корнеев и О.Н. Копылова, которым по праву принадлежит заслуга ее "первооткрывателей", склонны относить начало этой работы не то к апрелю 1918 г., когда при секретном отделе историко-революционного архива в Петрограде была создана Особая комиссия по раскрытию секретных агентов охранных отделений, не то к февралю – марту 1917 г., когда при Министерстве юстиции Временного правительства была создана так называемая "щеголевская комиссия", занимавшаяся "обследованием деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений за время с 1905 по 1917 г." (см.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 12.
- В свою очередь А.П. Пшеничный ограничивает период использования архивных документов в "оперативно-чекистских целях" совершенно определенно: 1939 – 1953 гг. (см.: *Пшеничный А.П.* Система государственного управления и архивных учреждений. С. 36).
- Более прав, на наш взгляд, в этом косвенном споре О.В. Пека, который разграничивает период открытого использования архивных документов во внутрипартийной борьбе, а также в политической борьбе с "контрреволюцией" (которая продолжалась с 1918 г. по конец 20-х годов) и период 30-х годов. Автор совершенно справедливо связывает это с тоталитарным характером общественно-политической системы, установившейся в СССР именно в эти годы (см.: *Пека О.В.* Архивные документы во внутрипартийной борьбе 1920-х годов // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 36 – 37). Косвенным подтверждением правильности этой оценки является совпадение изменения судеб архивов в нашей стране и в Германии, когда к власти там в начале 30-х годов пришли национал-социалисты во главе с Гитлером. Там также произошло полное "огосударствление" архивов на единой партийно-идеологической основе с полным подчинением их репрессивным органам (подробнее см.: *Хорхордтина Т.И.* Архивы и тоталитаризм. (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 145 – 159.
- 46 А.П. Пшеничный, приводя эту цитату, ссылается на мифическую "Коллекцию документов по ИОАД", которая хранится в ГАРФ.
- 47 *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 16.
- 48 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 1393. Л. 11.
- 49 Труды МГИАИ. 1958. Т. XI. С. 353.

- 50 См.: *Пшеничный А.П.* О письме Е.В. Старостина в журнал "Вопросы истории" // Советские архивы. 1989. № 6. С. 43, 44.
51 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 4350. Л. 14 – 20.
52 Там же. Л. 1 – 50.
53 *Щербина Г.А.* Макулатурные кампании в военных архивах России (1919 – 1931 гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 13 – 24; *Сорина Л.М.* Архивное дело в российской глубинке в советское время (на примере Вышневолоцкого архива) // Там же. С. 24 – 28.
54 См.: *Волков В.В.* "Новая культура в области чувств". Как ликвидировали неграмотность в СССР // Человек. 1992. № 1. С. 96 – 102.
55 Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. 21 дек.
56 Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1929. 15 янв.
57 См.: Архивное дело. 1929. Вып. I (18). С. 82 – 83.
58 См.: *Пшеничный А.П.* Дис. ... канд. ист. наук. С. 131.
59 Бюллетень Центрархива РСФСР. 1928. № 15 (86). С. 1, 3.
60 Архивное дело. 1929. Вып. I (18). С. 90.
61 Бюллетень Центрархива РСФСР. 1929. № 5 (92). С. 3.
62 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1710. Л. 12 – 13.
63 Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1929. № 9 (96). С. 4.
64 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1709. Л. 36 – 38 об.
65 Там же. Д. 1710. Л. 71, 79, 81.
66 См.: 2-я конференция архивных работников центральных и областных учреждений гор. Москвы // Архивное дело. 1929. Вып. IV (21). С. 80 – 83; 1-я конференция архивных работников Московской области 20 – 22 ноября 1929 г. // Там же. С. 89 – 91.
67 См.: Бюллетень Центрархива ТССР. Казань. 1929. № 3 – 5 (7 – 9). С. 6 – 10.
68 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2059. Л. 50.
69 Там же. Л. 83.
70 Там же. Д. 2053. Л. 7.
71 См.: Архивное дело. 1931. Вып. I – II (26 – 27). С. 127 – 128.
72 Известия. 1935. 16 апр.; Архивное дело. 1935. Вып. II. С. 78 – 81.
73 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1710. Л. 25.
74 Бюллетень ЦАУ. 1931. № 5 (112). С. 4 – 5.
75 См.: Бюллетень ЦАУ. 1931. № 2 – 3 (109 – 110); Архивное дело. 1931. № I – II (26 – 27). С. 109 – 112.
76 См.: *Б.И. (Анфилов Б.)*. К вопросу о составлении учреждениями "перечней" архивных материалов // Архивное дело. 1930. Вып. I – II (22 – 23). С. 13 – 25, а также статьи в этом журнале за 1936 г. Вып. I (38). С. 44 – 45; Вып. II (39). С. 7 – 12; и др.
77 *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. 2-е изд. 1947. С. 357 – 360.
78 *Максаков В.В.* К партийной бдительности // Архивное дело. 1932. Вып. III – IV (28 – 29). С. 3. Отметим, что этот номер был подписан к печати в 1931 г.
79 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 2775. Л. 1.
80 Там же. Д. 3737. Л. 2.
81 *Пшеничный А.П.* Дисс.... канд. ист. наук. С. 139.

- 82 Полянская Л. Выработка принципов хранения и изъятия архивных материалов // Архивное дело. 1936. № 2 (39). С. 39.
- 83 Сорина Л.М. Архивное дело в глубинке в советский период // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 16.
- 84 См.: Пшеничный А.П. Дисс. ... канд. ист. наук. Приложение 12. С. 212.; Приложение 14. С. 215.
- 85 См.: Чернов А.В. Архивное строительство в СССР в годы первой пятилетки // Труды МГИАИ. 1954. Т. 5. С. 51 – 54; Савин В.А. Указ. соч. С. 49.
- 86 Пшеничный А.П. Система государственного управления и архивных учреждений: С. 36.
- 87 Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 84 – 102.
- 88 Об этом даже спустя почти десять лет не преминул написать, например, И.Л. Маяковский в юбилейной статье "20 лет работы ленинградских центральных архивов" // Архивное дело. 1938. № 3 (47). С. 142.
- 89 См.: Пшеничный А.П. Дисс. ... канд. ист. наук. С. 47 – 48.
- 90 Максаков В.В. Из отчетного доклада на общем собрании ЦАУ (октябрь 1930 г.) "О работе Управления и архивохранилищ Центрархива РСФСР за 1929/30 г." // Архивное дело. 1931. Вып. III – IV (24 – 25). С. 83 – 89.
- 91 Архивное дело. 1938. Вып. III (47). С. 21.
- 92 Покровский М.Н. К отчету о деятельности АН за 1926 год // Архив АН. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 18. Л. 88 – 102.
- 93 Пять вольных писем В.И. Вернадского к сыну // Минувшее. Исторический альманах. М., 1972. Вып. 7. С. 432 – 433. (Подлинники писем хранятся в "Бахметьевском архиве" Колумбийского университета в составе фонда сына В.И. Вернадского – Г.В. Вернадского (1887 – 1973).
- 94 ААН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 57. Л. 107 – 110. Цит. по: Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 187.
- 95 См.: Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1993. № 3. С. 172.
- 96 См. стенограмму заседания Особой комиссии НК РКИ от 24 октября 1929 г. (Алаторцева А.И. Начало "дела" Академии наук // Исторический архив. 1993. № 1. С. 79 – 109; РЦХИДНИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 35. Л. 21 – 52).
- 97 Научный работник. 1930. № 1. С. 36.
- 98 Цит. по: Перченко Ф.Ф. Дело АН // Звенья. Исторический альманах. 1991. Вып. 1. С. 233.
- 99 Максаков В.В. История и организация архивного дела в СССР. (1917 – 1945 гг.) М., 1969. С. 286 – 287.
- 100 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3148. Л. 10 – 45; Д. 2881. Л. 7 – 10; и др.
- 101 Там же. Д. 3971. Л. 17 – 82; Оп. 10. Д. 354. Л. 106 – 107.
- 102 Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 9.
- 103 Истнюк Д.Г. Задачи издания "Руководства по советскому архивному строительству" // Архивное дело. 1932. Вып. I – II (30 – 31). С. 14 – 22.
- 104 См.: Назин И., Доброва З. Провиенциальный принцип в построении архивного фонда // Архивное дело. 1937. № 1 (42). С. 56 – 68; Фомин Н. Систематизация

*Укрепление командно-административной системы
управления архивами (1929 - начало 1938 г.)*

- архивных материалов // Архивное дело. 1937. № 2 (43). С. 75 – 101; № 3 (44). С. 39 – 72.
- 105 Чабров Г.Н. К вопросу о систематизации архивных материалов // Ленинградский архивист. 1935. № 1.
- 106 ААН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1840. Л. 37 – 38 об; цит. по: Шаховской Д.И. Письма о братстве // Звенья. Исторический альманах. 1992. Вып. 2. С. 267, 308.
- 107 Юрченко А. Архивы Украины в борьбе против буржуазно-националистической пропаганды // Архивное дело. 1936. № III (40). С. 58.
- 108 Маяковский И.Л. 20 лет работы ленинградских архивов // Архивное дело. 1938. № III (47). С. 131.
- 109 Чернуха В.Г. Сигизмунд Натанович Валк – ученый и человек // Вопросы истории. 1988. № 5. С. 40.
- 110 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3321. Л. 10 – 11.
- 111 Там же. Д. 3966. Л. 6.
- 112 Пшеничный А.П. Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 46.

Глава 4. Архивы накануне и в период Великой Отечественной войны (апрель 1938 — 1945)

Период времени, который прошел с момента официально-го включения архивов в систему НКВД и до окончания войны, можно назвать самым драматическим за всю историю их существования. В эти дни проявились лучшие, самые патриотические черты в деятельности тех подвижников архивного дела, которые зачастую ценой собственной жизни сохраняли документальные богатства Отечества. С другой стороны, всемогущий бюрократизм, жесткая регламентация работы архивов и архивистов, а главное — принципиальное непонимание со стороны органов официальной власти истинной ценности архивов как феномена духовной культуры нации привели к невосполнимым утратам, которые во многих случаях не были обусловлены трагическими обстоятельствами чисто военного характера. Жизнь и гибель архивов в предвоенные и военные годы выявили несовершенство тоталитарной системы управления и саморазвивающегося по собственным, объективным законам живого организма архивов.

Архивные органы НКВД накануне Великой Отечественной войны

Поглощение всей системы отечественных архивов Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) в 1938 г. явилось

логическим завершением курса на тотальную политизацию и огосударствление архивов.

Только такой концептуальный подход, предлагаемый нами и основанный на изучении всего комплекса доступных сегодня документальных источников, дает возможность определить подлинные цели, причины, ход и последствия процессов, юридически оформленных в решении о передаче архивного ведомства (ЦАУ) в НКВД в качестве Главного архивного управления. Это решение было принято на заседании Верховного Совета СССР 16 апреля 1938 г. и объявлено 21 апреля того же года приказом по ЦАУ¹.

В историко-архивоведческой литературе до настоящего времени существуют самые разнообразные точки зрения на взаимоотношения архивов и их "хозяина" – самого мощного карательно-репрессивного органа – НКВД, в период почти двух десятилетий – с конца 30-х до конца 50-х годов. Такой разнобой оценок объясняется двумя взаимосвязанными причинами – практически полной засекреченностью относящегося к этим годам основного массива документов Главархива и поразительной живучестью ведомственного подхода к архивам, когда они рассматриваются как простая сумма "мертвых" единиц хранения, подлежащих строго централизованному учету и контролю на всех уровнях. С этой точки зрения передача архивов в ведение НКВД рассматривалась как "благо" для документов и архивистов, поскольку именно органы внутренних дел якобы способствовали спасению архивных богатств от полной разрухи в архивном деле, которую официально относили к середине 30-х годов.

Не случайно именно в 1938 г. в отчетах о работе инспекционных комиссий в центральных госархивах начинает проходить одна сквозная тема: в период 1933 – 1935 гг. в результате "безграмотности, некультурности, а также и вредительства" при описаниях архивных материалов и определениях фондов были в массовом порядке допущены чудовищные, необъяснимые с точки зрения простого здравого смысла ошибки. Так, только по ЦАКА (Центральному архиву Красной Армии) при переводе с валовой системы хранения на фондовую было установлено, что

в описях следовало читать вместо "стеклянные гильзы" — "стреляные", вместо "авиации" — "эвакуации", вместо "комиссией" — "колонией", вместо "окрестные приказы" — "секретные приказы", вместо "комьячейка" — "санчасть" и т. д. и т. п. При этом выявлялись дела, ранее числившиеся утерянными².

Но самое страшное начиналось, когда в руки архивистам попадали документы за подписью И.В. Сталина³, о чем немедленно докладывалось ему лично.

Чтобы осознать размеры следовавших за этим трагедий, нужно представить себе состояние самого вождя, который только что выпустил в свет полный фальсификаций и откровенной лжи "Краткий курс истории ВКП(б)", а его окружение в это время — от К.Е. Ворошилова и Л.П. Берия до послушных партийных историков — активно творило его "жизнь" вкупе с новой историей революции, гражданской войны и социалистического строительства "на всех фронтах". В этой обстановке каждый новый, неконтролируемый документ расценивался уже не просто как досадная помеха, а как прямая угроза личному авторитету Сталина и его новой "истории". Писать ее можно было только на абсолютно "белых" листах, т. е. на листах, состоящих из сплошных "белых" пятен, с вычеркнутыми раз и навсегда именами, фактами и событиями. Документальная память, которая откладывалась помимо воли "начальников" в массивах архивохранилищ, внушала страх и злобу. В этих условиях Сталин не гнушался никакими, самыми варварскими методами.

Косвенным подтверждением этому может служить единственный дошедший до нас эпизод из истории его прямого соприкосновения с архивами (по-видимому, по мере рассекречивания его личного архива их количество увеличится).

В январе 1925 г. в Киевский губархив из Управления делами Секретариата ЦК ВКП(б) поступает телеграмма: "Прошу подготовить архив Сталина, одобренный мною для сдачи к понедельнику — 16 февраля 1925 г. в 3 часа утра.

Управделами ЦК Брезановский".

В указанный срок документы были переданы Брезановскому, который лично приехал за ними в Киев и принял по акту для временного использования на период до шести месяцев. Ровно через полгода Киевский губархив запрашивает Управление делами ЦК о судьбе архивов. Тот же Брезановский отвечает (уже через Центрархив): "Управление делами Секретариата ЦК при сем сообщает, что в архив ЦК никаких материалов не поступало. 24.X.25 г."⁴.

Специально исследовавший этот эпизод известный военный историк Д.А. Волкогонов отмечает, что Брезановский был прав в одном: в архив ЦК документы не поступали. Они были переданы непосредственно генсеку Сталину. С тех пор они бесследно исчезли. Почему? Об этом можно только догадываться, но, судя по тому, что в описи числились личные приказы и распоряжения Сталина, его секретные циркуляры, записи разговоров по прямому проводу, доклады и т. д. времен деятельности на посту члена РВС Южного фронта во времена провала наступления на Варшаву, Сталину было чего бояться. В дальнейшем, отмечает Д.А. Волкогонов, Сталин еще не раз "почистит" архивы⁵.

Известно, что директор ЦАКА латыш Г.К. Вальдбах был арестован и подвергнут пыткам по обвинению в передаче латвийскому резиденту документов о деятельности Сталина в годы гражданской войны. Затем арестовывались десятки сотрудников этого архива, а в 1939 г. чуть ли не всему составу архива во главе с его директором М.И. Соколовым было выражено "политическое недоверие"⁶.

После ареста и расстрела Я.А. Берзина пост исполняющего обязанности управляющего Главархивом занимает старый большевик, ветеран дореволюционного подполья Николай Васильевич Мальцев. Именно ему некоторые современные исследователи приписывают авторство идеи подчинения архивов НКВД.

Действительно, в фондах ГАРФ сохранились несколько письменных обращений Мальцева, направленные в высшие органы власти⁷.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что если в письме от 3 февраля, направленном непосредственно на имя

И.В. Сталина, М.И. Калинина и В.М. Молотова, Мальцев выдвинул два варианта решения вопроса ("довести до конца организационную самостоятельность архивной системы как ведомства, передав его в ведение СНК Союза", или "передать ЦАУ в НКВД на правах главного управления"), то уже в письме от 8 февраля, направленном в Верховный Совет Союза ССР, рекомендация формулируется однозначно: "Лучшим разрешением вопроса о месте ЦАУ СССР и его местных органов была бы передача ЦАУ в НКВД". Аргументация тех лет в основном до сих пор повторяется сторонниками тезиса о "благодарности" симбиоза архивов и чекистского ведомства⁸: ЦИК и ВЦИК не уделяли должного внимания архивам, в связи с чем регулярные проверки исполнения правительственных постановлений об улучшении постановки архивного дела выявляли одно и то же — "засоренность" штатов политически вредными и неквалифицированными кадрами, исключительно тяжелое положение архивов как в центре, так и на местах с точки зрения материально-технического обеспечения. Функции ЦИК и ВЦИК были по Конституции 1936 г. возложены на Верховный Совет Союза ССР, но, поскольку Президиум ВС был лишен права располагать собственными рабочими подразделениями, нужно было подыскать архивному ведомству нового "хозяина".

Мальцев и вместе с ним весь аппарат управления архивами рассчитывали оказать противодействие явно проявлявшимся центробежным тенденциям путем образования в рамках НКВД — самого мощного союзно-республиканского ведомства того времени, обладавшего разветвленной периферийной сетью собственных органов управления на всей территории страны сверху донизу — автономного, обособленного архивного управления, которое бы опиралось на эффективную материально-техническую базу и административную мощь этого ведомства. Они исходили из реальности.

Было очевидно, что органы НКВД, имеющие собственные "оперативно-чекистские интересы" в архивах, не дадут им мирно существовать ни в рамках союзно-республиканской Академии

наук, ни в рамках СНК, ни в каких-либо других. В этом Мальцев был прав, Просчитался он в другом. НКВД не собирался ограничиваться только формальным подчинением архивов. Он проводил "реорганизацию" их структуры не по сценарию Мальцева и профессионалов из ЦАУ, а по собственному плану.

Вот почему многостраничный итоговый документ, который в виде докладной записки "О состоянии архивного дела в СССР" представил 26 апреля 1938 г. и. о. управляющего ЦАУ РСФСР и СССР Н.В. Мальцев народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову, был практически проигнорирован чекистами⁹. Нужно сказать, что для того времени это был объективный, достаточно профессиональный доклад.

Так, обращает на себя внимание, что Мальцев выдвигает собственное толкование вредительства в архивном деле. Он ни словом не говорит ни о "шпионах", ни о "троцкистско-бухаринском отребье", ни о "контрреволюционерах". Он пользуется только деловым языком, ставит только деловые вопросы. И тут уже вредителями оказываются не только и даже не столько архивисты. В самом деле, пишет Мальцев, "главной вредительской линией в архивном деле до 1935 г. было сосредоточение основных усилий на составлении т. н. тематических карточек, то есть подбор архивных материалов по темам, которые предположительно должны были интересовать различные предприятия и учреждения". Но ведь выбор этого направления диктовался партийно-правительственными постановлениями, а среди самых крупных заказчиков был и НКВД. "Результаты такой работы были минимальны, вредительские же последствия огромны", — делает он довольно рискованный вывод.

Еще более серьезно звучат выдвинутые Мальцевым причины недостатков в работе архивных органов: "Ассигнования на архивное дело были ничтожны, зарплата архивных работников исключительно низка, помещения архивов были совершенно неподходящи". Мальцев пишет, что "вредительство закончилось точно 5 ноября 1935 г., когда было принято известное Поста-

новление Президиума ЦИК Союза ССР по архивному делу, поскольку именно с этого момента начинаются мероприятия "по ликвидации последствий вредительства". Как бы ведя странную и опасную игру с адресатом, Мальцев указывает на НКВД в качестве единственного крупного наркомата, не выполнившего до сих пор постановление по разработке совместно с ЦАУ СССР перечня архивных материалов с указанием их сроков хранения.

В заключение записки Мальцев называет 1938 г. "завершающим годом по приведению архивов в надлежащий элементарный порядок" и высказывает мнение, что "необходимо переключаться на работу по научному использованию архивных материалов; по расширению их выдачи посторонним исследователям в читальных залах архивов" и т. д. (Он будто не знает, что теперь определять, чем должны заниматься архивы, будет их новый хозяин — НКВД.)

Впрочем, некоторые рекомендации Мальцева НКВД использовало. Это касалось прежде всего его предложения "ввиду засоренности архивных органов... дать указания архивным органам НКВД о политической проверке состава работников архивов всей системы". Первыми жертвами этой "проверки" пали сам Мальцев, оставшиеся в живых работники старого аппарата ЦАУ, а также почти вся масса архивистов среднего и низшего звеньев.

Проверить наличность документов специалистам из НКВД во всех архивохранилищах было достаточно сложно в силу их невежества в профессиональных тонкостях архивного учета документации и нехватки времени. Гораздо "успешнее" велась работа по проверке анкетных данных по личным делам и на основании доносов осведомителей.

Пришедший на смену Н.И. Ежову новый нарком внутренних дел Л.П. Берия сразу же после своего вступления на этот пост, 19 декабря 1938 г., ознакомился с докладом председателя "ежовской" Центральной комиссии по проверке архивных учреждений полковника Давыдова, в котором имя Н.В. Мальцева называлось первым в списке "членов контрреволюционной

троцкистской организации", "лично принимавшим участие в уничтожении архивных документов и в укрывательстве исторических фильмов"¹⁰. Назывались еще 66 работников ЦАУ и центральных архивов, которые по своим анкетным данным не могли быть зачислены в ряды безупречных по социальному происхождению, "политокраске" и прочим пунктам чекистов.

Берия не поверил на слово только что разоблаченному "врагу народа" Ежову и поручил новой комиссии НКВД в составе капитанов госбезопасности И.И. Никитинского, Белова и Петрова (инициалы последних не установлены) еще раз проверить так называемый Акт о передаче архивных учреждений СССР. Комиссия не только подтвердила выводы "ежовской" комиссии, но и добавила в страшные списки более ста новых имен, которым выражалось "политическое недоверие". Получив 15 января 1939 г. выводы этой комиссии, Берия собственноручно наложил резолюцию: "Выделить спецгруппу следователей" — и лично подчеркнул фамилии 13 сотрудников ЦАКА, подлежащих немедленному аресту.

В итоге в апреле 1939 г. старый большевик Н.В. Мальцев был исключен из партии и уволен с работы. По неизвестным причинам его не расстреляли и даже оставили на свободе (он погиб в составе народного ополчения в 1941 г.). Трагично сложилась и судьба ветерана архивного дела, крупнейшего теоретика и методиста Б.И. Анфилова. Выгнанный в апреле 1939 г. из архивов без права на пенсию, он скончался в нищете 14 октября 1941 г.¹¹

Типичен такой эпизод конца 30-х годов.

Директор Центрального военно-исторического архива Б.А. Сергеев имел смелость в ответ на типовые запросы "органов" подписать всем сотрудникам своего учреждения безупречные политические характеристики. Об этом было доложено лично Берия, и специальная комиссия тут же выявила в Центральном военно-историческом архиве 23 человека, подлежащих немедленному увольнению из архива и последующей углубленной "оперативной разработке".

Известен один (по-видимому, последний по времени) открытый эпизод неповиновения архивистов чекистам. В приказе по Главному архивному управлению от 13 февраля 1939 г. еще не уволенный Мальцев требовал: "Запретить допуск для обследований и дачу каких бы то ни было сведений о работе кому бы то ни было без предъявления приказа за подписью наркома или замнаркома. За всеми объяснениями по настоящему приказу предлагаю отсылать ко мне лично"¹². Однако соответствующий "приказ" за подписью наркома Берия был предъявлен прежде всего ему самому.

Новым руководителем Главного архивного управления НКВД СССР 2 апреля 1939 г. стал капитан госбезопасности Иосиф Илларионович Никитинский, которому вскоре было присвоено звание майора ГБ, что соответствовало приблизительно генеральскому званию в общесармейских структурах.

С его приходом в полном соответствии с внутренними правилами деятельности чекистских органов практически все нормативно-распорядительные документы засекречиваются. Все, что касается любых сторон архивной деятельности, на долгие десятилетия исключается из сферы обсуждения широкими массами архивистов и откладывается в фондах ограниченного доступа с различной степенью закрытости. Тем самым образуется как бы "вторая реальность" — самый достоверный признак тоталитарного государства: в документах открытого пользования, предназначенных для "непосвященной публики", публикуются искаженные цифры и фальсифицированные данные; в документах "для своих", т. е. для узкого круга высших номенклатурных работников, допускается дозированная правда, но с соответствующими политическими "комментариями".

В этом, по-видимому, и кроется поразительная долговечность взгляда на НКВД как на рачительного хозяина, которому архивы обязаны своей сохранностью накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Восстанавливать полную правду приходится только путем объективного анализа и сопоставления официальных документов, их проверки с привлечением источников

личного происхождения или архивных документов, чудом сохранившихся за рубежом или в местных хранилищах. Следует еще иметь в виду, что только в конце 1993 г. в ГАРФ было рассекречено 5678 дел, находившихся на секретном хранении в фондах в течение 40 – 75 лет и содержащих "нормативную документацию, регламентирующую работу архивной службы", а еще тысячи документов, относящихся непосредственно к деятельности НКВД – МВД СССР, так и остаются в закрытых фондах, поскольку требуют "полистного просмотра дел"¹³.

Эта повальная секретность, повлекшая за собой отчуждение документальных массивов в архивохранилищах от общества, явилась главным и самым характерным результатом включения архивов в систему органов НКВД. Засекречивались не только данные по вопросам, составлявшим на тот период военную или государственную тайну, но и вообще все документы, содержащие в обобщенном виде сведения о работе архивов. Создавались секретные путеводители и даже секретные сборники документов¹⁴.

Не случайно, едва официально вступив на должность начальника ГАУ НКВД СССР, Никитинский созывает совещания, на которых цитирует указания Берия и на их основании в качестве главной задачи архивным органам предписывает "поставить на службу социалистическому строительству все материалы архивов на врагов народа, начиная с провокаторов, филеров, жандармов, кончая троцкистами и правыми", т. е. представить эти документы "для оперативного использования органами НКВД". С этой целью создается специальный отдел (№ 11, или "отдел секретных фондов"), который, по словам Никитинского, должен иметь "колоссальную политическую значимость"¹⁵.

Специально исследовавшие эту проблему В.Е. Корнеев и О.Н. Копылова пришли к обоснованному выводу, что передача архивной системы в целом в ведение НКВД была непосредственно вызвана необходимостью установления прямого контроля чекистских органов над документальными массивами с целью их максимально эффективного использования в решении "узко-

домственных задач" обслуживания политики массовых репрессий¹⁶.

Характерно, что с сентября 1939 г. (почти ежемесячно) руководство НКВД и ГАУ как по отдельности, так и совместно начинают рассылать начальникам местных архивных отделов и госархивов бесчисленные директивы и циркуляры, которые имеют приоритетное значение и выполнение которых является обязательным для всех архивистов. Типичен циркуляр ГАУ НКВД СССР от 16 сентября 1939 г.: "Известно, что многие антисоветские элементы, на которых имсются в архивах компрометирующие материалы, проживают на территории СССР и ведут вражескую работу". Предписывается немедленно приступить к переносу на карточки учета всех лиц, проходивших по архивным документам определенных фондов, все данные передавать органам НКВД для проведения розыскных работ. Достаточными для ареста полагались данные, которые принято называть "установочными" (фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место службы и род занятий в прошлом). Нелишним признавалось и наличие сведений, компрометирующих данное лицо¹⁷. Есть сведения, что архивисты (иногда по собственному почину, иногда "по долгу службы в органах") выезжали вместе с оперативными группами и принимали участие в арестах, за что были представлены к поощрению. Так было, в частности, в западных областях Белоруссии¹⁸.

В число выявленных таким образом "врагов народа" попали, например, все лица, входившие в список персонала личного поезда Троцкого, его канцелярии, а также все, кто когда-либо подписал заявление на его имя¹⁹.

К началу Великой Отечественной войны, по приводимым Корнеевым и Копыловой официальным отчетным данным, количество выявленных таким образом "врагов народа", "provokatope" и "шпионов" достигло колоссальных масштабов. Если в 1939 г. было выявлено и передано в оперативные подразделения НКВД 108 694 человек, то в 1940 г. их количество возросло в 13 раз — 1 399 217 человек²⁰.

К этой работе рекомендовалось привлекать "чекистов действующего резерва и запаса". Выделялись специальные ассигнования, достигавшие сотен тысяч рублей.

Попытки некоторых современных исследователей сделать из этого вывод о профессиональной озабоченности чекистов состоянием архивного дела представляются по меньшей мере странными. Даже внутри самих органов НКВД создание нового "главного управления" было воспринято как лишняя обуза. Как признавал куратор ГАУ, заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов, ведавший до этого только всей системой ГУЛАГ, к выполнению функций по руководству архивным делом Наркомвнудел не был подготовлен. Он сказал это на первом кустовом совещании начальников архивных отделов НКВД республик, которое состоялось 15 – 16 мая 1941 г., подытоживая мнения представителей с мест. Типично выступление представителя АО УНКВД из Тульской области Ф.Д. Титкина, который сначала грустно констатировал, что "в нашем управлении архивный отдел находится на положении незаконнорожденного дитяти", но потом с гордостью заявил: даже в этих условиях "данные на 10 065 человек разных политокрасок мы передали в оперативный отдел для реализации"²¹.

Именно такие люди сменили архивистов-профессионалов. Даже в центральном аппарате ГАУ, где по штатному расписанию полагалось иметь 121 сотрудника, на 1 мая 1940 г. насчитывалось только 98 человек, т. е. не была заполнена третья часть всех вакансий²². Еще хуже обстояло дело на периферии. Как указывал начальник отдела кадров ГАУ А.К. Щербаков, из 445 начальников архивных отделов, отделений, НКВД республик, УНКВД краев и областей, а также директоров госархивов только 90 человек имели высшее образование, а общая нехватка квалифицированных специалистов по архивам составила более 3000 человек. Особенно тяжелое положение складывалось в низшем звене – в районных и городских архивах, где, несмотря на приказы, не удалось укомплектовать штаты "проверенными кадрами" хотя бы с общесредней образовательной под-

готовкой. В центр продолжали поступать сведения такого содержания:

"В Воронежской орденоносной области счетоводы Боев и Косых, ведавшие по совместительству архивами, все дела и книги колхоза с 1929 по 1933 г. сдали в сельпо за вино; счетовод Копытин все архивные материалы за 1932 – 1937 гг. продал за табак и обклеил ими зимние рамы в "красном уголке"». Зато, продолжал информатор, удалось "наладить работу по стопроцентному охвату всех райархивов социалистическим соревнованием"²³.

Как видно, для наведения порядка в архивной системе сверху донизу у чекистов не было ни сил, ни средств, ни профессиональных возможностей, ни времени. Тем не менее анализ целей, причин и хода передачи архивов в ведение НКВД не оставляет сомнений в том, что инициатором этого процесса явились прежде всего чекисты, выполнявшие волю партийно-правительственного аппарата и преследовавшие собственные, "узкопрофессиональные задачи". Попытки архивистов сохранить автономию в этих условиях быстро разбились о жестокую реальность.

Что касается непосредственных последствий "поглощения" архивов НКВД, то они были не столь однозначными. Дело в том, что, действительно, чекисты нуждались в наведении порядка в системе учета, хранения и контроля архивных материалов. Именно с этим связано спешное издание тех основополагающих нормативно-распорядительных документов, которые давно разрабатывались профессионалами из аппарата ЦАУ и ждали апробации на издание. Подчеркнем, что в условиях господства НКВД это были не проекты законов или законодательных актов, а документы внутриведомственного, подзаконного характера. В течение трех предвоенных лет их появляется просто неимоверное количество. .

Важнейшими из них являются "Положение о ГАУ НКВД СССР", подписанное наркомом внутренних дел Л.П. Берия и утвержденное Постановлением СНК Союза ССР № 140 от

28 января 1940 г. (за подписью заместителя председателя СНК А.Я. Вышинского), а также "Положение о Государственном архивном фонде СССР", утвержденное Постановлением СНК СССР от 29 марта 1941 г.

Парадоксом тоталитаризма является то, что эти фундаментальные документы не публиковались в открытой печати и не предназначались для всеобщего ознакомления. Широкие массы архивистов и историков могли ознакомиться с ними только в извлечениях, в изложениях — и только "в части, их касающейся". К полному тексту допускалась номенклатура, в ее адрес "Положения" рассылались по особому списку. Тем самым только ограниченное число лиц могло располагать правом их истолкования и применения в полном масштабе.

Именно так сложилась традиция, по которой "Положение о ГАУ НКВД СССР" рассматривается как "акт завершения централизации архивного дела на всей территории Советского Союза, такой централизации, начало которой было положено ленинским декретом СНК 1 июня 1918 года"²⁴. Это рассуждение может принять на веру только тот, кто не видел текстов ни "ленинского декрета", ни бериевского "Положения", поскольку важнейший параграф в "Положении" — тот, который устанавливает, что "в своей работе ГАУ руководствуется законодательством Союза ССР, приказами народного комиссара внутренних дел Союза ССР и настоящим Положением"²⁵. Ключевой здесь является ссылка на приказы НКВД, поскольку на практике они перекрывали все остальные. Такое в 1918 г. не могло померещиться даже Покровскому, не говоря уж о Ленине, подписавшем проект рязановского декрета.

В Положении о ГАУ НКВД обращает на себя внимание стремление по-военному четко определить иерархию важности функций и элементов внутренней структуры аппарата. Так были определены в качестве ведущих отделы организационно-методический и секретный (которому "по совместительству" передавался контроль за использованием архивных документов и соответственно за действиями научно-издательского отдела, а также

формально существующей отдельно Центральной экспертно-поверочной комиссии).

В результате передачи 14 центральных госархивов в НКВД они автоматически утратили статус научно-исследовательских учреждений (в структуре этого могущественного ведомства подобные подразделения не были предусмотрены). Так было формально закреплено печальное положение, по которому архивист-профессионал превращался в чиновника. Очень тяжелое положение сложилось с местными архивными органами управления и самими архивохранилищами. В "Положении" не содержалось упоминания об отделе союзных республик, отделе краевых и областных архивных учреждений, ведавшем ими на территории РСФСР, а также отделе ведомственных архивов. Тем самым была ликвидирована вся структура ЦАУ, существовавшая до 1938 г. Однако процесс создания новой структуры, несмотря на специальный приказ НКВД СССР № 208 от 23 апреля 1939 г. "О реорганизации архивных управлений союзных республик, краев и областей", протекал чрезвычайно медленно и болезненно, наталкиваясь на пассивное сопротивление местных органов НКВД, не готовых принять на себя выполнение непривычных для них функций.

Недоработки Положения о ГАУ НКВД было призвано устранил новое "Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных архивов".

Следует иметь в виду, что в Постановлении СНК Союза ССР об утверждении Положения о ГАУ содержалось предложение "народному комиссару внутренних дел СССР в двухмесячный срок внести на утверждение СНК Союза ССР сеть государственных архивов СССР". За этой несколько безграмотной формулировкой скрывался вполне определенный смысл: завершить перестройку архивных органов по схеме НКВД к весне 1940 г. Работа затянулась, но уже 29 марта следующего, 1941 г. все-таки была завершена. Находившийся под грифом "для служебного пользования" документ под названием "Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети государственных ар-

хивов СССР", тем не менее, широко комментировался в открытой печати, что служит лишним доказательством абсурдности тотального засекречивания.

Накануне принятия этого "Положения" в центральном аппарате ГАУ была выработана общая концепция "коренной организационной перестройки центрального аппарата архивного управления" с целью "установления новой сети государственных архивов Союза ССР" на основе упрощения существующей сети и создания системы целостных архивов путем слияния параллельно существующих архивов". Такая сеть должна была создать "залог уверенности, ясности и устойчивости... для успешной работы по приведению в порядок по максимальному использованию архивных материалов".

Следующей концептуальной установкой было требование отразить в новом Положении о ГАФ принцип "всенародной государственной собственности", чтобы "охватить все без исключения группы и категории документальных материалов независимо от их происхождения, содержания и способов изготовления". При этом архивным органам НКВД предоставлялось "право на полное заведование всеми архивными материалами"²⁶.

"Положение о ГАФ Союза ССР и сети государственных архивов СССР", которое, по существующему среди сотрудников ГАФ устному преданию, разрабатывали Н.А. Фомин и Б.Д. Дациук²⁷, было принято 29 марта 1941 г.

Следует подчеркнуть, что формально новое "Положение" действительно было ориентировано на строжайшую централизацию всего архивного строительства в одних руках. Это породило у архивистов того времени новые, совершенно неоправданные иллюзии относительно расширения "возможности научной разработки документов как государственных архивов, так и архивов учреждений, организаций и предприятий". Так, во всяком случае, формулировал свое восприятие "Положения" В.В. Максakov. Он даже выразил надежду на то, что в новых условиях, когда ГАУ предоставляется не только "право контроля и наблюдения за постановкой документальной части делопроизводства" в

ведомствах, а также "в музеях, научных библиотеках и специальных литературных институтах", все проблемы использования документов в научно-исследовательских целях "могут быть легко преодолены". Он выразил надежду на "широкое развертывание краеведческой работы на местах", основанной на "возрождающейся системе государственных районных архивов"²⁸.

Однако, как оказалось, чисто административное провозглашение идеи полной централизации архивов в рамках даже такого могущественного ведомства, как НКВД, наталкивалось на серьезное противодействие других ведомств и ограничивалось кадровыми и материально-финансовыми возможностями ГАУ.

Главное следствие этого — в "Положении" никак не оговаривались юридические вопросы управления теми фондами, которые находились на основании специальных правительственных постановлений на постоянном хранении в таких учреждениях, как ЦК ВКП(б) или, скажем, Всесоюзный геологический фонд. Кроме того, "Положение" не подтвердило ранее имевшегося у начальника ГАУ права непосредственного доклада в правительстве, что снижало его статус.

Важным нововведением в Положении о ГАФ 1941 г. являлось толкование понятия "Государственный архивный фонд" как единого комплекса "всех документальных материалов, имеющих научное, политическое и практическое значение независимо от времени их происхождения, содержания, оформления, техники и способа воспроизведения, образовавшихся в процессе деятельности" учреждений, организаций и предприятий²⁹. Однако здесь же была сделана оговорка: возможны исключения для некоторых ведомств, которым предоставлялось право долговременного (до 25 лет) и даже постоянного хранения. Эта оговорка ослабляла юридическое право ГАУ НКВД на контроль за отдельными массивами документов. Тем не менее общая ориентация "Положения" на установление единоличного контроля со стороны НКВД над всеми архивами прослеживается достаточно отчетливо.

Чекисты намеревались распорядиться этим правом достаточно своеобразно. Так, в особом разделе "Положения", которое

смело можно назвать его сердцевиной, устанавливалось, что только "архивным органам Наркомвнудел" принадлежит право на определение "политической, научной и практической ценности документальных материалов ГАФ".

Расшифровывая это положение, в центральном органе ГАУ "Архивное дело" было помещено разъяснение о том, что "темпы и качество работы" по выделению макулатуры "необходимо удесятерить". 18 апреля 1941 г. опубликованы приказ по ГАУ НКВД № 16 и "Инструкция по выделению документальных материалов, не подлежащих хранению в государственных архивах", подписанная начальником организационно-методического отдела ГАУ НКВД и председателем Центральной экспертно-поверочной комиссии М. Симкиным, которыми, по существу, была санкционирована новая "макулатурная" кампания.

Во всяком случае, так эти идеи излагались Симкиным еще в 1940 г., когда он утверждал: "Следует считать установленным, что архивный фонд; состоящий исключительно из материалов постоянного и долговременного хранения, является своего рода аномалией". Ссылаясь на "полные глубочайшей мудрости" указания товарища Сталина, Симкин призвал немедленно "покончить с псевдоученой боязнью нарушить давно устаревшие архивные каноны" и выбросить "ненужные для социалистического строительства" документы, не затрудняясь хронологическими рамками. "Для XVIII и особенно XIX веков антикварная, если можно так выразиться, ценность документа при определении вопроса о его уничтожении отступает на второй план", — указывал председатель ЦЭПК. Он прямо призвал немедленно прекратить рассматривать "каждый архивный документ... как нечто совершенно неприкосновенное", назвав это "ненужной и даже вредной фетишизацией"³⁰.

Подобные разъяснения руководящих работников развязывали руки тем, кто стремился "упростить" структуру фондов, выкинув из них все "ненужное". Не помогали и принятые в 1939 г. "Правила определения архивного фонда", одобренные совещанием научных работников ГАУ НКВД СССР, центральных госу-

дарственных архивов г. Москвы и историко-архивного института 21 августа 1939 г. и утвержденные начальником ГАУ НКВД СССР 7 сентября того же года. В первом параграфе этого документа содержалась лукавая формулировка: "Как правило, фонд делению не подлежит", а основная часть устанавливала, что "материалы секретных частей учреждения... хранятся и учитываются особо", а "делению не подлежат материалы антисоветских политических партий и организаций независимо от периода этой деятельности"³¹.

Таким образом, установление строжайшей централизации архивного дела на деле обернулось чисто ведомственной операцией по "упрощению" работы, не имевшей ничего общего с культурными или научными функциями архивов.

Об этом же свидетельствует и законченная в мае 1941 г. реорганизация структуры центральных госархивов СССР: ГАФКЭ и Центральный межевой архив слиты в ЦГАДА; Центральный архив революции, архив внешней политики и Особый архив объединены в ЦГИАМ; слиты в единый архив Центральный архив внутренней политики, культуры и быта (ЦАВПК) и ЦАНХ; Центральный архив профдвижения и организации труда включен в состав ЦАОР, который стал именоваться ЦГАОР и СС СССР. За все время был организован только один новый архив — Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА), который поглотил бесценное собрание Государственного литературного музея (ГЛМ), созданного в 1933 г. усилиями престарелого ветерана партии В.Д. Бонч-Бруевича. Кстати, его уволили с поста директора ГЛМ в марте 1940 г., а сдавал все дела и все рукописные фонды ГЛМ в новый ЦГЛА занявший его место бывший цензор Главлита некий Н.В. Боев. Современные исследователи полагают, что упразднение Гослитмузея и его превращение в ЦГЛА было предпринято для того, чтобы наказать Бонч-Бруевича, который надоедал Берия своими просьбами "не уничтожать в печке архивы арестованных литераторов". "Совершенно убежденный в том, что Вы и Ваши ближайшие помощники об этом не знают, и зная, как Вы прекрасно ставите

Центральное архивное управление, считаю необходимым сигнализировать Вам об этих ужасных случаях, чтобы Вы могли сделать распоряжение, запрещающее подобные факты"³². Такие письма Владимир Дмитриевич посылал Берия чуть ли не ежемесячно в течение всего 1939 г. Ответа он не получил ни разу, если не считать "ответом" расформирование ГЛМ и увольнение его первого директора.

Теперь, когда свидетельства о варварских методах обращения с архивами органами НКВД не ограничиваются только фактами, которые приводил в 1939 г. наивный (или притворявшийся наивным) Бонч-Бруевич, а подтверждаются все новыми и новыми рассекреченными документами, миф о "благотворности" союза архивов и НКВД должен быть навсегда развеян.

Впрочем, остается еще одна не освещенная в этом плане страница истории их взаимоотношений: Главное архивное управление НКВД в годы Великой Отечественной войны.

*Архивы в период Великой Отечественной войны
(июнь 1941 – 1945)*

В настоящее время, когда открываются ранее недоступные архивные фонды, относящиеся к военному времени, процесс переосмысления многих клише и стереотипов неизбежен. Постепенно восстанавливается истина, что же происходило в действительности с архивным достоянием Отечества. Подвергается критическому анализу главный многолетний миф о том, что "благодаря заботе партии и правительства" в труднейших условиях войны советским архивистам удалось полностью "предотвратить утрату архивных документов", а понесенный ущерб относится исключительно к "злодеяниям немецко-фашистских варваров на оккупированных территориях"³³. Истоки этого мифа уходят в официальные отчеты самих руководителей архивного главка начиная с 1943 г. Однако "для служебного пользования" составлялись другие документы. И они говорят прежде всего о том, что ГАУ НКВД не приняло своевременных

мер по отработке мобилизационных планов на период действия архивов в случае войны, хотя ее угроза осознавалась специалистами задолго до ее начала.

В этой связи обращают на себя внимание публикации предвоенных лет в открытой печати, принадлежащие ведущим теоретикам и практикам отечественного архивного дела, полнотным профессионалам.

Так, И. Назин и М. Семин в статье "Центральный военно-исторический архив" (1938)³⁴, рассказывая об "уроне старым архивам", который нанесла "неподготовленная эвакуация и реэвакуация документов в период первой мировой войны", обращали внимание на то, что "опыт прошлого русских архивов не был учтен, а потому и не был использован".

И.Л. Маяковский в своих лекциях указывал на трагические последствия, которые имела для петербургских и московских архивов не подготовленная заблаговременно кампания по их эвакуации в 1812 г. Позднее эти лекции были включены в его докторскую диссертацию, защищенную в годы войны, и полностью опубликованы в "Очерках по истории архивного дела в СССР"³⁵.

И наконец, Н. Паисов, исследуя в 1938 г. проблему охраны и спасения архивов в ходе совсем недавних событий гражданской войны в Испании, приводил примеры действия республиканского правительства, когда под огнем противника архивы вывозились в специально оборудованные "защитные сооружения в виде земляных насыпей, заграждений из мешков с песком и т. д.", а также эвакуировались "в глубь страны, в крепостные сооружения XV века, отличавшиеся колоссальной толщиной стен и еще дополнительно укрепленные устройством железобетонных сводов, насыпей и пр."³⁶

В фондах Главархива сохранилось свидетельство о том, что 6 июня 1941 г. директор ЦГВИА Б.А. Сергеев предложил в план работы научного совета архива включить "вопрос о методах организации обработки документов на случай войны и методы их эвакуации в тыл. Это чрезвычайно большой вопрос. Мы знаем, что по мировой войне очень много документов погибло. Я счи-

таю, что этот вопрос требует серьезной разработки, и он настолько актуален, что откладывать его нельзя"³⁷.

Как установил В.О. Седельников, в номере журнала "Архивное дело", который не вышел в связи с началом войны, планировалось поместить статью директора ЦАКА Ф.С. Юдина "Защита архивов в военное время"³⁸. По-видимому, это был дополненный текст его выступления на занятиях по ПВО в архиве 4 июня 1941 г. Юдин прозорливо отмечал, что "в связи с военными действиями личный состав архивов будет, несомненно, сокращен; средства передвижения будут заняты эвакуацией населения, дорогостоящего оборудования, перевозом войск, снабжением продовольствием и др., что, безусловно, затмит значение архивов... Это нужно учесть теперь, изучить, подсчитать средства всех видов"³⁹.

Однако НКВД полностью проигнорировал опыт прошлого и советы профессионалов.

Конечно, такая ситуация определялась общей ситуацией в стране. Как стало известно из недавно рассекреченных документов, по личному указанию Сталина 5 июня 1941 г. была распущена Комиссия по эвакуации населения Москвы в военное время, созданная весной того же года. В собственноручной резолюции Сталина в этой связи говорилось: "Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры по эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, ЦК и СНК уведомят Вас"⁴⁰.

Поэтому архивистам-практикам с первых же часов войны пришлось действовать в большой спешке, зачастую на собственный страх и риск. Руководство ГАУ НКВД, как и все высшее партийно-государственное руководство страны, было в первые дни парализовано. Не дожидаясь его указаний, уже через час после сообщения о нападении фашистской Германии в здании ГАУ собрались представители центральных госархивов и архивов Московской области, которые приняли решение о немедленном устройстве светомаскировки, круглосуточном дежурстве, а также "укрытии и размещении в подвалах уникальных документов"⁴¹.

Соответствующий приказ по ГАУ НКВД СССР, утверждавший эти меры, был издан в 16 часов 23 июня 1941 г. В общей форме начальником ЦГА предписывалось "в течение 48 часов все наиболее ценные документальные материалы государственного архивного фонда разместить в безопасных от возможных вражеских бомбардировок помещениях"⁴².

Однако оставался неясным вопрос о том, как в спешном порядке отобрать из фондов "наиболее ценные документы", а также о возможности выделения для них "безопасных помещений". Заблаговременно это продумано не было. Архивисты выдвинули собственные предложения.

Николай Романович Прокопенко (1910 – 1975), назначенный начальником ЦГАОР в апреле 1941 г., предложил укрыть наиболее ценные документы госархивов Москвы в тоннелях и тупиках некоторых станций метро⁴³. Пока вопрос рассматривался руководством, архивисты начали готовить документы к перемещению и переносить часть из них в ближние подвалы и бомбоубежища.

Спустя две недели после начала войны, 5 июля 1941 г., СНК и ЦК ВКП(б) приняли наконец долгожданное постановление, которое было озаглавлено "Об эвакуации архивов" и снабжено грифом "строго секретно"⁴⁴.

Постановление состояло из двух частей.

В части первой предписывалось "эвакуировать в г. Уфу архивы Совнаркома СССР, б. Комитета Обороны, ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, Комитета партийного контроля, Исполкома Коминтерна, ИМЭЛ, Наркомата госбезопасности". Уточнялось, что перевозку архивов следовало провести "вместе с нестораемыми шкафами" в сопровождении архивных сотрудников. Совнарком и обком ВКП(б) Башкирской АССР должны были "предоставить для указанных архивов соответствующие помещения".

Вторая часть постановления гораздо менее определена и категорична. В ней говорилось: "Разрешить НКВД СССР эвакуировать документальные материалы Государственного архивного фонда СССР, хранящиеся в центральных государственных хра-

нилищах г.г. Москвы и Ленинграда в г.г. Чкалов и Саратов, согласно представленному НКВД плану". Наркомат путей сообщения обязывался подать необходимое количество вагонов, на НКВД (т. Абакумов) возлагалось "обеспечение надлежащей охраны в пути". И наконец, заключительный аккорд, свидетельствующий о полном отрыве авторов документа от реальности: "Всю работу по эвакуации архивов закончить в 5-дневный срок".

По существу, была выполнена только первая часть постановления. При этом за несвоевременное обеспечение транспортом в июле 1941 г. расстреляли начальника военных сообщений РККА (Управление ВОСО Генштаба) генерал-лейтенанта Н.И. Трубецкого. Совет по эвакуации, созданный 24 июня 1941 г., был полностью переформирован уже 16 июля 1941 г.; причем из его состава выведен куратор архивов С.Н. Круглов, направленный членом Военного совета Резервного фронта⁴⁵.

Однако все-таки можно констатировать, что судьба определенной части центральных фондов была решена. Правда, приходится постоянно учитывать специфику понимания чекистами категории "ценные документы". Так, согласно циркулярным указаниям по эвакуации, которые отдал начальник ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинский, в первую очередь следовало вывозить материалы, имеющие оперативно-чекистское значение, списки и картотеки на шпионов, лиц, заподозренных в шпионаже, "троцкистов и других контрреволюционных элементов". Первоочередной эвакуации подлежала также всесоюзная картотека по учету всех фондов, входящих в состав ГАФ, все материалы по личному составу, дела фондов, архивные описи и т. д. — практически весь учетный и научно-справочный аппарат госархивов.

Сжатые сроки, установленные в указаниях руководства, заставляли архивистов работать буквально днем и ночью, увязывая по 400 — 500 коробок в день (т. е. норма была 4 — 5 тонн документов на сотрудника). Сотрудники сами грузили их в машины, а затем (преимущественно ночью) перегружали в вагоны. В результате первый эшелон (48 вагонов) вышел из Москвы 11 июля, второй был отправлен 13 июля, оба прибыли в Саратов

через два дня — соответственно 13 и 15 июля⁴⁶. График эвакуации, разработанный ГАУ, не был выполнен, поскольку предполагалось отправить три эшелона (в целом 125 вагонов)⁴⁷. Но уже 7 августа приказом по ГАУ НКВД СССР № 10/43 устанавливалось, что эвакуация важнейших документальных материалов ЦГА СССР в г. Саратов закончена точно по плану, в срок и без потерь⁴⁸. Подобные победные реляции станут обычной нормой отчетности, особенно когда будут исходить от высшего архивного руководства.

Однако реально эвакуация архивов из Москвы и других городов продолжалась до конца 1941 г. и почти весь 1942 г. (весной — в Барнаул, Чкалов и Орск; осенью — повторная эвакуация архивов из Саратова в Молотов (Пермь) и Шадринск (что мотивировалось "угрозой вражеских бомбардировок")); одновременно продолжалась эвакуация материалов из Москвы в Барнаул и другие города.

В итоговые официальные отчеты руководства архивного главка НКВД, как правило, не входила "негативная" информация. К сожалению, долгие годы именно эти отчеты, тщательно отредактированные и часто сознательно лишённые информационной достоверности, ложились в основу традиционных оценок хода эвакуации. Вне поля зрения остались документальные свидетельства, которые с точки зрения УГА (ГАУ), имели "вспомогательный", "рабочий" характер, поскольку принадлежали "рядовым солдатам" архивного фронта. А между тем именно они и дают представление о реальной, неискаженной картине происходившего. Типичным примером может служить рапорт одного из уполномоченных УГА о том, как он принял эвакуированные в Куйбышев из Вязьмы в августе 1941 г. материалы филиала госархива Смоленской области: "Точное количество эвакуированных документов неизвестно. По устному сообщению тов. Быстрова, было эвакуировано документальных материалов оперативно-чекистского значения в количестве 2-х вагонов. Согласно накладной, было отправлено 12 тонн. Прибыло 3 — 4 тонны материалов, 15 — 20% в состоянии россыпи, остальные в вязке и без

тары. Причины недостачи не выяснены. Материал никем не сопровождался, в вагоне находились совершенно посторонние лица, разное домашнее имущество"⁴⁹. Отметим, что речь идет об "особо ценных документах" (с точки зрения НКВД).

К сожалению, достоверность данных о потерях, понесенных ГАФ СССР в годы войны (обычно называется 87 млн дел), внушает сегодня большие сомнения. Эта цифра взята из "Сводных данных об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками документальным материалам ГАФ СССР" и составляет более 67% объема документов, хранившихся во всех архивах к началу Великой Отечественной войны⁵⁰. Сейчас исследователи могут попытаться уточнить эти данные. Однако сознательное искажение статистики руководством НКВД — неоспоримый факт.

Так, 22 декабря 1941 г. заместитель наркома внутренних дел СССР И.А. Серов, временно сменивший на посту куратора архивов С.Н. Круглова, отрапортовал заместителю председателя СНК СССР А.И. Микояну о том, что важнейшие материалы госархивов Украинской, Белорусской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР были своевременно эвакуированы⁵¹. Тем не менее, как установила по рассекреченным архивным данным О.Н. Копылова, всего из указанных республик, краев, а также из западных областей России было вывезено в восточные районы 4 750 000 ед. хр. из общего количества страны 68 370 500 ед. хр. и еще 779 528 кг россыпи. Таким образом, вся россыпь и более 60 млн ед. хр. осталось на местах, т. е. из прифронтовых районов было эвакуировано не более 7% документов, а если учесть неполноту сведений об объеме документов, хранившихся в ряде областей, эта цифра будет еще меньше⁵². Именно брошенные документы подверглись уничтожению, сожжению и вывозу за пределы страны.

В начале войны свою вину за происшедшую трагедию признавали многие местные руководители органов УГА, отмечая на совещании начальников отделов госархивов НКВД-УНКВД прифронтовой полосы наличие халатности, растерянности и

беспомощности в деле эвакуации документов из прифронтовых районов, в том числе из Белоруссии, Курской, Орловской и Смоленской областей⁵³.

Есть свидетельства о том, что рядовые архивисты с риском для жизни пытались спасти архивы. Так, в Одессе весь фонд городского Общества истории и древностей укрыл у себя на квартире, а затем передал советским властям работавший и при немцах по специальности научный сотрудник архива Е.Е. Мартыновский.

Были и такие факты. Сторож Николаевского исторического архива (документы не сохранили его фамилии), узнав о предстоящем вывозе архивов немцами, пытался поджечь их, за что был повешен на балконе архивного здания⁵⁴. Одним словом, каждый действовал так, как понимал свой патриотический долг. Одно остается ясным: центральный аппарат архивных органов НКВД о неумении организовать стратегию и тактику эвакуации документов постарался быстро забыть, ничтоже сумняшеся списав все исключительно на "варварство немецко-фашистских оккупантов".

О.Н. Копылова⁵⁵ на основании глубокого изучения впервые открытого фонда ранее засекреченных документов пришла к однозначному выводу: "Эвакуация архивных документов проходила недостаточно продуманно, ей были присущи моменты стихийности и поспешности. В результате документы одного центрального госархива размещались в 5-ти, а то и в 6-ти различных пунктах эвакуации". Более того, нередко в разных городах находились не только части одного фонда, но и разрозненные части описей фондов. Даже оказавшись в пределах одного города, документы были разбросаны по разным, зачастую непри приспособленным помещениям, несмотря на то что в докладной записке Никитинского на имя Круглова от 7 августа 1942 г. утверждалось: "...все помещения вполне пригодны для хранения"⁵⁶. И опять неправда.

Начальник ЦГВИА Сергеев в это же время официально информировал Никитинского о том, что в Саратове "все связи

лежат навалом в трех комнатах, забитых до отказа, коробки сложены в штабелях... часть материалов размещена в коридорах... Попытки улучшить положение ни к чему не привели"⁵⁷. В Чкалове 22 вагона материалов были сложены в непригодных помещениях навалом от пола до потолка с небольшими проходами. Отмечались случаи тяжелых травм архивистов, пытавшихся работать даже в таких условиях и буквально заваленных с головной связками бумаг. Из Орска в мае 1942 г. старший научный сотрудник ЦГАДА В.Н. Шумилов сообщал Никитинскому о том, что архивистам чудом удалось спасти от затопления в подвале промтоварного магазина ценнейшие материалы, но "руководители района ежедневно требуют их обратного перемещения в подвал, затопленный во время весеннего наводнения на 50 см глубины"⁵⁸.

Такие условия заставляли сотрудников архивов прилагать действительно героические усилия, чтобы продолжать работу. Обращает на себя внимание тот факт, что почти во всех статьях о работе архивистов во время войны упор делается на спасение центральных архивов. Меньше говорится о том, какая судьба постигла периферийные, а также местные низовые архивы. Здесь ситуация складывалась с первых же дней войны трагическая, причем также целиком по вине чекистского управленческого аппарата.

Начать с того, что подавляющая часть архивов западных районов страны, оказавшаяся в первые же месяцы войны в зоне оккупации, погибла. Исключение составили лишь фонды Карело-Финской ССР, где фронт стабилизировался достаточно рано. Цифры об эвакуации архивов из Белоруссии, Украины, Молдавии и оккупированной части России, которые обычно приводятся в публикациях на эту тему, касаются в основном их вывоза после освобождения советскими войсками.

Болезненным остается вопрос о том, что стало причиной массового уничтожения архивов. Для понимания ситуации в целом необходимо учитывать приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 0428 от 17 ноября 1941 г., подписанный Ста-

линым, в котором предписывалось "при вынужденном отходе наших частей на том или другом участке обязательно уничтожать все без исключения населенные пункты, чтобы противник не мог их использовать". Для этого предлагалось использовать "авиацию, а также артиллерийский и минометный огонь, команды разведчиков, лыжников и партизанские диверсионные группы"⁵⁹. Этот приказ, по существу, дезавуировал абсолютно нереальные указания, содержащиеся в письмах заместителя наркома внутренних дел Б.В. Чернышева, которые он направил 30 июня – 3 июля 1941 г. руководителям органов Наркомата внутренних дел прифронтовых местностей, о необходимости "приступить к подготовке на случай эвакуации архивных материалов", имеющих оперативно-чекистское значение, а также учетно-справочных материалов, раскрывающих содержание и место нахождения документов. Чекисты предпочитали уничтожать все эти материалы и документы на месте. Причем эта паническая реакция в 1941 – 1942 гг. распространилась чуть ли не на всю европейскую часть Союза. Типичным для немногих сохранившихся свидетельств тех лет является архивный акт, направленный в Москву 28 сентября 1942 г.: "Мы, нижеподписавшиеся... составили настоящий акт в том, что нами было произведено уничтожение путем сожжения архивных материалов Центрального госархива Северо-Осетинской АССР ввиду невозможности эвакуировать в глубь страны, в связи с близким нахождением фронта и отсутствием соответствующих средств передвижения"⁶⁰. Нельзя отнести это на счет "самодеятельности" местных властей. Они выполняли приказ Сталина.

Содержание циркуляра УГА НКВД, датированного июнем 1942 г., раскрывает еще одну мрачную страницу деятельности руководящих архивных органов НКВД. В циркуляре говорилось: "Некоторые экспертно-поверочные комиссии в ряде случаев стали на путь массового, огульного, совершенно некритического санкционирования актов на уничтожение материалов. В ряде республик, краев и областей при оценке материалов руководствовались ошибочными принципами, подходя к документам де-

лячески, с сугубо узковедомственной точки зрения, забывая об интересах и задачах общегосударственных... Так, экспертно-поверочная комиссия отдела госархивов УНКВД Горьковской области санкционировала уничтожение 1 293 000 единиц хранения, утвердив около тысячи отборочных списков. 4 члена этой экспертной комиссии не могли за такой срок работы даже бегло прочитать одни заголовки дел, не говоря уже о знакомстве с содержанием уничтоженных документов в натуре"⁶¹.

Но так было не только в Горьковской области. Сразу после окончания войны И.С. Назин сообщил, что в 1941 г. Центральная экспертно-поверочная комиссия ГАУ НКВД только на нескольких заседаниях утвердила акты на уничтожение 2 354 045 ед. хр. По его сведениям, в ряде местных ЭПК практиковалось утверждение к уничтожению документальных материалов в россыпи, исчисляемой в килограммах (Горьковская, Чкаловская, Кировская области)⁶². Аналогичные данные приводит и В.В. Макасов⁶³. (Следует иметь в виду, что речь в данном случае идет преимущественно о ведомственных материалах.) К этой организованной катастрофе, несомненно, причастно чекистское руководство, которое переименовало ГАУ в самые напряженные дни (июль 1941 г.) в Управление государственными архивами, т. е. самоустранилось от контроля над ведомственными архивами. В связи с этим произошел беспрецедентный случай: сотрудники ГАУ выступили с протестом против решения руководства союзного НКВД.

Никитинский, приехавший в августе 1941 г. вместе со всем аппаратом УГА в Саратов, а затем в г. Энгельс, направил на имя Берия записку с жалобой: "...никакого представления о переименовании управления я не делал". Он указывал, что такое сужение функций и полномочий главка противоречит всему ранее утвержденному "Положению" о его статусе. Характерен ответ заместителя наркома внутренних дел Б.П. Обручникова 27 сентября 1941 г.: "Структура НКВД... в том числе и Управления государственными архивами НКВД СССР – утверждена ЦК ВКП(б). Поэтому Отдел кадров НКВД СССР согласовать с вами

вопрос о названии Архивного управления не имел возможности"⁶⁴. Прежнее название (ГАУ) было восстановлено только в январе 1944 г.

После такого "разъяснения" Никитинский смирился и уже 29 декабря 1941 г. докладывал Серову о том, что "архивы народных комиссариатов и центральных учреждений СССР и РСФСР эвакуацию своих архивов производили самостоятельно"⁶⁵. Как свидетельствуют документы, в этот период контакты работников УГА с архивами учреждений были полностью прерваны. А слова Никитинского в очередной раз не соответствовали правде. Документы ведомства просто-напросто уничтожались, в том числе и в Москве.

Как установила О.Н. Копылова, по распоряжению СНК СССР от 5 июля 1941 г. (т. е. одновременно с принятием Постановления об эвакуации отдельных категорий фондов из государственных, партийных и чекистских архивов) руководителям наркоматов и центральных ведомств в целом предписывалось осуществить "разгрузку" архивов и текущего делопроизводства от материалов, не имеющих оперативного и научно-исторического значения. Результаты были катастрофическими. По выявленным Копыловой данным, на 5 апреля 1942 г. в 70 наркоматах и центральных учреждениях к началу войны хранилось 8 243 353 ед. хр.; из них в порядке "разгрузки" к уничтожению было отобрано 4 461 397 ед. хр., т. е. примерно половина, а эвакуировано всего 2 273 721 ед. хр. Так, Наркомат внешней торговли из 590 000 ед. хр. уничтожил 250 тыс., Госплан из 52 000 ед. хр. — 37 000, Комитет по делам кинематографии из 69 000 ед. хр. — 41 451, Наркомат рыбной промышленности из 120 000 ед. хр. — 70 000; ТАСС из 22 747 ед. хр. — 11 140. Особенно "отличились" Наркомпрос и Наркомзем РСФСР. В Наркомпросе в октябре 1941 г. по приказу управделами было уничтожено из 100 000 ед. хр. более половины. Среди уничтоженных материалов находились официальная переписка А.В. Луначарского и дела его секретариата, стенограммы съездов работников народного образования, все материалы Государственной ученой комиссии

и Всероссийской комиссии по ликвидации неграмотности и другие ценнейшие документы по истории народного образования с 1917 по 30-е годы. Наркомзем уничтожил 70 000 ед. хр. из 80 000.

Однако гибли и те документы, которые были отправлены на восток. Так, эвакуированные в августе 1941 г. в Уфу 1500 мешков с документами наркомата связи были свалены в деревенской конюшне в 50 км от места назначения. Осенью того же года конюшня была разобрана на дрова, часть документов (2 т) начальник архива продал Союзутилю, а остальное сгнило под открытым небом⁶⁶.

Только начиная с весны 1942 г. можно отметить активизацию усилий УГА по спасению той части ГАФ, которая, по существу, была брошена на произвол судьбы. 26 мая 1942 г. при начальнике УГА состоялось совещание начальников архивов ведомств, учреждений и организаций, на котором отмечалось наличие непрофессиональных действий и произвола руководителей ведомственных архивов⁶⁷. По представлению УГА 8 июля 1942 г. Прокуратура Союза ССР направила циркулярное указание всем республиканским, краевым и областным прокурорам о необходимости "по представлению соответствующих органов НКВД привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в незаконном уничтожении документальных материалов или проявивших халатность по службе, следствием чего явилась гибель или порча этих материалов"⁶⁸.

Однако возместить понесенные утраты уже было невозможно. Почти полностью погибли районные и городские архивы, находившиеся в прифронтовой полосе. Здесь их либо уничтожали особые группы по указанию райотделов НКВД, либо они гибли в ходе боевых действий. Массовым был отказ "начальников районных и городских отделов НКВД от обеспечения контроля за архивами в силу их перегрузки другими весьма важными оперативными заданиями, несмотря на ряд категорических указаний руководства НКВД"⁶⁹. (Дело в том, что в условиях, когда штатные должности завархивами на местах не были

заполнены, их функции возлагались на начальников соответствующих чекистских органов.)

Практически невозможно подвести количественные итоги ушербу, нанесенному отечественным архивам в годы эвакуации и резэвакуации по вине руководителей, не обеспечивших централизованной и заблаговременно спланированной общенациональной программы по их спасению (особенно в 1941 — 1942 гг.). Цифры, которые в 1945 г. приводил Никитинский в докладной записке на имя Круглова, нуждаются в тщательной проверке. Так, он указывает, что в период оккупации немецко-фашистские захватчики "уничтожили, разграбили и частично увезли 35 274 847 единиц хранения, что составляет 45% от общего количества документальных материалов", хранившихся в архивах западных районов до войны. В то же время он признает, что "значительная часть документальных материалов ведомственных архивов была сожжена по распоряжению руководителей учреждений. По неполным данным, из общего количества 27 463 012 единиц хранения... в результате нашествия немецко-фашистских захватчиков погибло 26 558 126 ед. хр., или 96,7%"⁷⁰. Как видно, здесь все цифры сознательно даются вперемешку. Можно считать, что архивы гибли и расхищались на всем протяжении войны вплоть до конца мая 1945 г., когда окончилась резэвакуация и последний эшелон с документами УГА Ленинграда (около 1 млн ед. хр.) прибыл в этот город из Чкалова. Меньше всего винить в этом можно рядовых сотрудников. Они умирали от голода, болели, падали от усталости, но работали, в меру своих сил сохраняя документальное достояние Отечества.

Следует рассмотреть еще один миф — о благотворном влиянии чекистского руководства на научно-методическую и публикационную деятельность ЦГА в годы войны. Этому вопросу посвящено множество публикаций, причем точка зрения практически всех авторов сводится к безоговорочной апологетике УГА (ГАУ) НКВД.

Трудно отрицать очевидное — в невыносимых условиях отечественные архивисты продолжали работу по подготовке до-

кументов к изданию, по составлению описей и путеводителей, по упорядочению фондов и совершенствованию НСА. Причем все разрушенное в ходе поспешной эвакуации, восстанавливалось в небывало короткие сроки. Однако стоит проанализировать весь комплекс событий под углом зрения взаимоотношений архивов и архивистов с чуждой им структурой – НКВД, как умилительная картинка бесконфликтного сосуществования между ними начинает рушиться прямо на глазах.

В самом деле. После короткого этапа почти полного паралича в первые недели войны чекисты начинают проявлять мощную волю. Прежде всего это сказалось в издании серии приказов и циркуляров типа "Об охране госархивов в военное время" (30 августа 1941 г.), "О разработке документальных материалов госархивов на немецких шпионов" (22 июня 1942 г.), "О мерах по выполнению приказа от 22 июня 1942 г.", "О разработке и использовании документов учреждений, созданных оккупационными властями", "Об улучшении работы по использованию секретных материалов госархивов в агентурно-справочной работе" и т. д. и т. п. Все эти документы являются, как правило, результатом многолюдных совещаний и подписываются самыми высокопоставленными руководителями НКВД. Иначе говоря, оперативно-чекистское направление в деятельности архивов с началом войны не только не ослабло, но и еще более усилилось.

В конце 1942 г. Круглов и Никитинский направили Берия совместную докладную записку, в которой сообщали, что по состоянию на 15 декабря 1942 г. и во исполнение приказа Наркомата внутренних дел от 22 июня 1942 г. по материалам госархивов СССР было учтено 94 000 шпионов и лиц, подозреваемых в шпионаже, в том числе немецких шпионов – 43 705, австрийских – 22 067, румынских – 8305, японских – 3415, шпионов иных разведок – 16 832. На основании этих архивных данных "уже установлено значительное количество немецких и иных шпионов, продолжающих свою преступную работу до последнего времени"⁷¹.

Естественно, вся эта работа и морально и физически очень тяжела для исполнения, учитывая трудные условия вой-

ны. Но руководство требует немедленного выполнения и перевыполнения "оперативно-чекистских" заданий.

Более того. Когда уполномоченный УГА в Молотове в ответ на один из запросов УНКВД Москвы и Московской области по материалам ЦГАКА осмелится указать, что серьезный поиск соответствующих документов физически невозможен (из-за отсутствия помещения архивы навалом сложены в штабеля), из столицы последует выразительный ответ: "...разъясняю: 1) Отрицательные ответы на запросы допустимы только в одном случае — когда в архиве нет необходимых материалов (сведений) для наведения справки. 2) В остальных случаях надо немедленно и безоговорочно отрабатывать вопрос независимо от размещения материалов".

Основная тяжесть ложилась именно на женщин-архивисток, которые вручную растаскивали тяжеленные связки, коробки, кули и тюки с документами, пытались рассортировать прибывшие в россыпи и перемешанные с грязью и вагонным мусором листы. Только они могли профессионально разобраться в этих знакомых по многу лет массивах. "Новобранцы"-чекисты, как правило, осуществляли только надзорные, контрольные функции, поскольку являлись номенклатурой отдела кадров НКВД. Их присылал отдел кадров НКВД, пользуясь собственными критериями. Отсюда те непомерные нагрузки, которые ложились на плечи чудом уцелевших после всех "чисток" и репрессий ветеранов архивного дела, а также на средний и низший технический персонал, некомплект которых был особенно ошутим в годы войны. И жаль, что в большинстве случаев их усилия были направлены только на выполнение чудовищных по масштабам и бессмысленных по сути "оперативно-чекистских" задач (научно-техническая обработка фондов, а также составление НСА и подготовка путеводителей приобретали второстепенное значение).

Другим важным направлением деятельности архивов в период войны явились многократно описанная работа по комплектованию ЦГА СССР документами Великой Отечественной

войны и публикационная деятельность. Главной особенностью этой деятельности, которая, как правило, не учитывается в историографии архивного дела военного времени, стало то, что она была втиснута в очень узкие пропагандистские рамки. Типичным примером может служить циркуляр ГАУ "О научно-издательской работе архивных органов НКВД в связи с Отечественной войной народов СССР против фашистской Германии" от 7 августа 1941 г., в котором ставилась задача "показать героическую борьбу народов СССР с немецкими варварами, уже не раз испытывшими на своей шкуре непобедимую силу русского оружия"⁷².

Такая постановка, естественно, обрекала архивистов на подбор соответствующих иллюстраций, в результате чего научная значимость архивных публикаций военного времени отодвигалась на задний план. В этой связи вызывает удивление чувство восторга, с которым современный исследователь излагает "эволюцию" Никитинского, проявившего "вскоре после начала войны" заинтересованность публикационной деятельностью. "По его инициативе, поддержанной НКВД, стали готовиться и издаваться первые крупные сборники военного времени "Из боевого прошлого русской армии", "Генералиссимус Суворов", "Фельдмаршал Кутузов", "Генерал Багратион", в которых он принимал личное участие"⁷³. Автор предполагает даже, что в октябре 1947 г. Никитинский был смещен с поста начальника ГАУ, поскольку "дальнейшая интеллектуализация его деятельности была признана нежелательной для органов НКВД".

На самом деле никакой "интеллектуальной" инициативы ГАУ проявить было не способно. Оно выполняло прямое указание Агитпропа ЦК ВКП(б). В этом плане знаменательно, что всемогущий НКВД не смог самостоятельно решить такой вроде бы простой вопрос, как возобновление издания журналов "Красный архив" и "Архивное дело", которое было приостановлено по решению партийной инстанции в самом начале войны. Круглов лично обращался с письмом к начальнику Агитпропа ЦК ВКП(б) в 1942 г., напоминая, что "Красный архив" — един-

ственное в СССР периодическое издание, публиковавшее исторические документы. Но ответа он не дождался⁷⁴.

УГА оставалось только дублировать указания ЦК, предлагая приступить в первую очередь к выявлению и публикации документов о героической борьбе русского народа против немецких захватчиков, зверствах и грабежах оккупантов, разгроме русским народом полчищ Наполеона, а также к воспроизводству фотодокументов и фольклорных материалов, отражающих героический дух русского народа⁷⁵.

В феврале 1942 г. был разослан новый циркуляр, который позволял несколько расширить тематику выявляемых документов (по сравнению с августовским 1941 г.). Теперь рекомендовалось обращать особое внимание на освещение таких тем, как "Ленин и Сталин — вожди и организаторы побед Красной Армии", "Великие русские полководцы", а также "Крепкий тыл — залог победы над врагом", "Партизанское движение в России", и всего комплекса тем, связанных с 25-летним юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции и реализацией ленинского плана социалистического строительства⁷⁶.

Архивисты (как и историки) выполняли эти указания буквально, тем более что они были закреплены в соответствующих решениях Научного совета при начальнике УГА НКВД СССР⁷⁷.

Доказательством может служить обзор исторических документальных публикаций периода Великой Отечественной войны. 1941 — 1945 гг., который был сделан Дорой Михайловной Эпштейн в конце войны⁷⁸. В нем четко прослеживается, как в полном соответствии с указаниями ЦК ВКП(б) из архивных фондов целенаправленно подбирались тематические сборники документов типа "Единство советского фронта и тыла в годы гражданской войны", "Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918 — 1922 гг." и др.

Аналогичная ситуация прослеживается и при анализе деятельности архивов по их комплектованию документами Великой Отечественной войны. Она, пожалуй, еще более ярко иллюстрирует, как всемогущая партийная бюрократия смогла погубить

даже такое благородное и чрезвычайно перспективное начинание. По-видимому, все началось с того, что уже в августе 1941 г. первый секретарь МК ВКП(б) Щербаков дал указание сделать книгу об обороне Москвы, в связи с чем в АН СССР в декабре 1941 г. была создана специальная комиссия во главе с членом-корреспондентом Академии наук И.И. Минцем. В ее адрес с фронта и из тыла пошло множество документов – бесценных по искренности рассказов очевидцев и участников трагических событий, их дневники, собственные оценки и размышления.

Примером одного из первых свидетельств такого рода "стихийно" возникавших архивных документов могут служить записи старшего научного сотрудника отдела путей сообщения ЦГИА (Ленинград) В.А. Кабанова, которые он сделал осенью 1942 г.: "Теперь для будущей истории, когда будет писаться блокада Ленинграда... 18 сентября 1941 года ЦГИАЛ подвергся первой большой бомбежке из дальнобойной тяжелой артиллерии, результатом чего был большой пожар, уничтоживший много железнодорожных материалов... После пожара, когда была снята значительная часть крыши, осенние дожди, заливая помещения архива, причиняли также немало хлопот и работ по переноске материалов... Людские же силы и за смертью и за увольнением многих сотрудников вследствие эвакуации таяли с каждым днем... В октябре месяце, когда потребовался материал С.-Петербургско-Вологодской железной дороги, его сначала после пожара необходимо было сконцентрировать в одно место. К этому времени в здании архива не оставалось ни одного целого стекла. Наступила сразу, не по времени сезона низкая температура, которая вскоре дошла до сильных морозов, которые и держались все время на уровне минус 20 – 30° и ниже. Эта же температура была и в самом архиве... Работать в перчатках или рукавицах было невозможно, поэтому у сотрудников скоро стала лопаться кожа на пальцах, из трещин которых сочилась кровь. Трещины эти при весьма слабом питании заживали весьма медленно... Мороз, тьма, 125-граммовый паек хлеба – вот обстановка рабо-

ты зимних месяцев ЦГИАЛ. Но, несмотря на это... архив делал свою скромную работу"⁷⁹.

Будто испугавшись напора такой безыскусной правды, Комиссия ученых, преобразованная в конце 1942 г. в Центральную комиссию по истории Великой Отечественной войны и возглавлявшаяся теперь уже лично начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александровым, приняла своеобразный свод правил, в котором главным принципом провозглашалось: "Поставить хранение материалов по истории Великой Отечественной войны так, чтобы никто не мог бы ими воспользоваться в ущерб делу, не разглашать сведений и по возможности допускать к материалам меньше людей"⁸⁰.

Аналогичные указания комиссия направила в республиканские Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Так, в "Инструкции о работе комиссий национальных республик и областей по истории Великой Отечественной войны" все документы предлагалось группировать по двум разделам: "Вероломное вторжение германского фашизма в пределы Советского Союза" и "Героическая борьба трудящихся с германскими захватчиками". В Белоруссии такую комиссию возглавил секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии⁸¹. И так было повсеместно.

Естественно, что при таком внимании и заботе со стороны партийных инстанций ничего хорошего из затеянной кампании не могло получиться. И не получилось. Хотя бы потому, что профессионалы из ГАУ были искусственно отстранены от активного участия в столь "секретном" пропагандистском мероприятии.

Однако в адрес архивных органов также начали поступать огромные массивы (особенно в ЦГЛА и ЦГАФФКД). В связи с растущим потоком документов из армейских формирований, а также различных ведомств и учреждений 25 ноября 1941 г. приказом НКВД СССР в ЦГАКА был создан отдел фондов Великой Отечественной войны. Затем аналогичные отделы были созданы в ЦГАОР, ЦГЛА и некоторых других архивах. Однако и здесь под давлением идеологических установок основное внимание

обращалось не на "сомнительные" документы личного происхождения, а на сбор всякого рода печатных изданий (журналов, газет, брошюр, книг и т. п.).

Исследователь этой проблемы М.М. Альтман⁸² установила, что такая "пассивность" была не случайной, она определялась циркулярами УГА НКВД, направленными в подведомственные госархивы. Как показывают документы, и здесь сказалось самым пагубным образом "чекистское нутро" аппаратчиков из архивного главка: основное внимание сосредоточивалось на собирании тиражированных материалов противника (немецкие листовки, брошюры и статьи Гитлера, его портреты). Очень много приходило трофейных писем германских солдат с фронта. Так, только из Воронежской и Ленинградской областей поступило соответственно 217 и 11 связок писем немцев. В то же время письма или любые другие документы советских людей в документах ЦГА "представлены весьма фрагментарно", а случаи собирания таких материалов были единичными⁸³. Если в архив поступали стенограммы устных воспоминаний воинов или тружеников тыла (а это были, как правило, Герои Советского Союза, орденоносцы или другие выдающиеся лица), документы подвергались такому всестороннему "редактированию", что при серьезной научной работе "нуждаются в специальном анализе"⁸⁴.

Пагубность такого пропагандистского подхода была ясна и архивистам, и историкам, и литераторам. Их настроения косвенно отражены в выступлениях на единственном мероприятии, организацию и проведение которого следует полностью и без всяких оговорок отнести к числу несомненных заслуг УГА НКВД. Речь идет о состоявшейся 1 – 3 июня 1943 г. в Москве конференции историков-архивистов СССР. Она была приурочена к 25-летию юбилею советского архивного дела. Пожалуй, ни разу – ни до, ни после – эти празднования не проходили в столь трудных условиях и одновременно с таким размахом. В работе конференции приняли участие 320 делегатов, представлявших 122 учреждения. Только архивные органы и госархивы страны представляли более 150 человек, 64 делегата представля-

ли ведомственные архивы, главным образом центральных наркоматов СССР и РСФСР. Были персонально приглашены видные деятели исторической науки и культуры (А.Н. Толстой, А.М. Панкратова, М.Н. Тихомиров, М.Н. Гернет, Н.Л. Рубинштейн, А.И. Андреев), а также представители 32 общесоюзных научно-исследовательских организаций, в том числе Академии наук, ИМЭЛ, Московского историко-архивного института, МГУ, исторических факультетов педагогических вузов и т. д.

В.В. Цаплин, досконально исследовавший весь процесс подготовки и хода этой конференции, с полным основанием подчеркивает, что такой размах вполне оправдывает все материальные затраты, поскольку они "несопоставимы с силой морального воздействия на архивистов — юбилей поддерживал уверенность в победе, в превосходстве советского народа над захватчиками"⁸⁵. Аналогичную оценку ("сам факт созыва конференции в разгар войны имел большое политическое значение"⁸⁶) дал и ее участник Макасов.

Правда, следует учитывать, что руководство УГА НКВД преследовало при созыве конференции и собственные цели. Оно должно было продемонстрировать руководству партии и правительства свои достижения и заслуги, в том числе в деле эвакуации и только что начавшейся реэвакуации архивов. В этом духе в основном был выдержан доклад, в котором Никитинский пространно изложил ставшую затем традиционной схему истории архивного строительства в СССР за 25 лет, сделав упор на то, что все успехи архивной службы были определены неуклонным и последовательным воплощением в жизнь ленинского плана централизации архивного дела в социалистическом государстве⁸⁷. Тем самым передача архивов в НКВД СССР как бы освящалась именем Ленина. Аналогичные точки зрения высказали по вопросу о связи "ленинского декрета от 1 июня 1918 г." с современностью А.М. Панкратова, Г.К. Митяев, В.В. Макасов, Е.А. Луцкий и др.

Однако прозвучали и новые мысли. Некоторые из них — на наш взгляд, незаслуженно — вызвали наибольший ин-

терес у Цаплина, который уделяет им львиную долю своей обзорно-аналитической статьи. Речь идет о том, что в докладах Никитинского и Митяева, а также в выступлениях Маяковского и "даже Максакова, самого последовательного, на наш взгляд, сторонника классового решения архивных проблем", "настойчиво подчеркивалась преемственность развития архивного дела от первых видных его деятелей XVIII в. к архивистам XIX столетия, к их советским наследникам". Между тем в условиях войны такое обращение к героическому прошлому полностью шло в русле выступлений Сталина и указаний ЦК ВКП(б) по реализации установки на своеобразную реабилитацию идеи великого прошлого Российской империи и ее всепобеждающей мощи, которая временно сменила мессианскую идею пролетарского интернационализма. К идеям "классовости" архивистов еще заставят вернуться после окончания войны.

Гораздо больший интерес, на наш взгляд, представляло то действительно новое, что прозвучало в прениях по разделу доклада Никитинского, посвященному задачам архивных учреждений в условиях Великой Отечественной войны, и прошло незамеченным не только у Цаплина, но и у других исследователей. Историки (Н.А. Таленский), писатели (А.Н. Толстой), музейные работники (В.Д. Бонч-Бруевич) и архивисты выступили единым фронтом с настоятельным требованием переориентировать всю работу по комплектованию ГАФ на всеобъемлющий, общенациональный сбор документов, отражающих события военных лет с целью их последующего размещения в новом, грандиозном хранилище — Центральном государственном архиве Великой Отечественной войны. Наиболее отчетливо эта идея была разработана и выражена В.В. Максаковым. Думается, он отдавал себе отчет в том, что такая задача потребует не только организационной перестройки всего аппарата ГАУ, но и прежде всего изменений в психологии, в нравственных устоях личности архивиста. Выражаясь современным языком, ставилась задача "гуманизации" архивов, их демократизации, предоставления им возможности свободного самоосуществления. По форме эти идеи, ко-

нечно, выражались иначе, но по существу совпадают именно с такой концепцией, вполне естественной для мироощущения подлинного архивиста. Эти идеи он потом повторял всю свою жизнь, как бы надеясь быть услышанным и понятым. В самом деле, ведь не случайно во всем его выступлении на конференции настойчиво звучит мысль о том, чтобы сконцентрировать в едином центре все типы и виды документов независимо от способа их фиксации, включая даже те, которые "не оставили рукописного или печатного следа" методом их "последующего восполнения", а также те, которые оставляются "вне архивных учреждений, то есть личные документы, воспоминания, автобиографии и др.". Более того, Максаков призывает ставить перед архивистами "специальную и неотложную задачу" "выявления, учета и планомерного собирания" именно таких материалов. Отноительно документов ведомственного и официального происхождения он говорит: "Следует встать или на путь досрочной их передачи в государственные архивы, или неотложного составления на местах их хранения предметно-тематических указателей, каталогов", поскольку в условиях ведомственного хранения и до наступления нормального срока их передачи в госархивы они могут быть уничтожены⁸⁸.

Участники конференции с энтузиазмом прослушали этот доклад. Более того, они приняли особую резолюцию, в которую вошли практически все идеи Максакова, включая главное (п. 9): "Считать необходимым поставить перед соответствующими правительственными органами союза ССР вопрос о создании Центрального государственного архива Великой Отечественной войны" с целью обеспечения "полной сохранности всех образующихся или собираемых документальных и печатных материалов" военного времени⁸⁹.

Однако в докладных записках, с которыми сразу после окончания работы конференции руководство главка обратилось к своему непосредственному начальству (С.Н. Круглову), а также в ЦК ВКП(б) (к начальнику Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александрову и некоторым другим ответственным

партийным функционерам), об этих предложениях уже не говорилось. Сам текст резолюций рассылался по разнарядке, утвержденной начальником УГА НКВД СССР 30 июля 1943 г., в количестве 597 экз.⁹⁰ Обращенный ко всем "людям доброй воли" призыв Максакова и других сторонников "гуманизации" архивов был погребен под служебными грифами и постепенно предан забвению.

Так закончились юбилейные торжества. Разъехались делегаты конференции, были вручены все положенные награды и присвоены очередные звания. Чекисты приступили к своей работе, в которой архивы вскоре отошли на подобающую им второстепенную, точнее — обслуживающую роль.

В 1944 — 1945 гг. ГАУ НКВД СССР провело целую серию совещаний по вопросам реэвакуации документов и приведения их в порядок, причем отмечались все те же традиционные для отечественного архивного дела проблемы: нехватка квалифицированных кадров, отсутствие оборудованных помещений для хранения, социальные проблемы. Столь же традиционно нереальными были и запланированные сроки для окончательного решения этих проблем. Жизнь архивов в тисках НКВД продолжалась.

Примечания

- ¹ См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 4348. Л. 2; Ф. 7523. Оп. 4. Д. 3. Л. 17.
- ² См.: *Соколов М.* Поднять работу архивов на высшую ступень // Архивное дело. 1938. Вып. IV (48). С. 25 - 26.
- ³ См.: *Соколов М.* Из опыта фондирования архивных материалов в ЦАКА // Архивное дело. 1939. Вып. IV (52). С. 103 — 105.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 244. Л. 2, 9.
- ⁵ См.: *Волгогонов Д.А.* И.В. Сталин. Политический портрет. Кн. 2. Ч. I. М., 1989. С. 38 — 39.
- ⁶ См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 86. Л. 1 — 47.
- ⁷ См. там же. Д. 4348. Л. 1, 2.
- ⁸ Ср.: Резолюция Первой конференции руководящих и научных работников системы ЦАУ, окончивших историко-архивный институт // Архивное дело. 1938. Вып. III (47). С. 234 — 237; *Вяликов В.И.* Архивное строительство в СССР (1917 — 1945 гг.). М., 1976. С. 163 — 164; *Пшеничный А.П.* О письме Е.В. Старостина в журнал "Вопросы истории" // Советские архивы. 1989. № 6.

- С. 42 – 44; *Дремина Г.А.* ЦГАДА СССР // Труды МГИАИ. Т. XI. 1958. С. 353, и др.
- 9 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 4350. Л. 1 – 50.
- 10 Там же. Оп. 2. Д. 3565. Л. 1 – 21.
- 11 См.: *Пшеничный А.П.* Репрессии архивистов в 1930-х годах // Советские архивы. 1988. № 6. С. 46 – 47.
- 12 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 4348. Л. 21 об.
- 13 См.: Сопроводительное письмо зам. директора ГАРФ в адрес руководства Росархива от 26.01.1994 г. // Архив ФАД ИАИ РГГУ (маш. коп.).
- 14 См.: *Пшеничный А.П.* Система государственного управления и архивные учреждения // Советские архивы. 1991. № 2. С. 37.
- 15 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 5. Л. 1 – 62. (протоколы совещания при начальнике ГАУ НКВД от 16.11.1939 г.).
- 16 См.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 г. – начало 1940-х годов) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 19.
- 17 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 3558. Л. 1.
- 18 См. там же. Оп. 2. Д. 107. Л. 13.
- 19 См. там же. Д. 3557. Л. 2 – 3.
- 20 См. там же. Д. 107. Л. 11.
- 21 Там же. Оп. 10. Д. 810. Л. 28 – 29.
- 22 Там же. Д. 451. Л. 37 – 42; См. также: Архивное дело. 1941. Вып. II (58). С. 3.
- 23 *Глебов С.* Районные архивы Воронежской области // Архивное дело. 1938. Вып. IV (48). С. 104.
- 24 Архивное дело. 1940. Вып. III (55). С. 4.
- 25 Положение о ГАУ (1940). Архив ФАД ИАИ РГГУ. Л. 1 – 3. (маш. коп.).
- 26 22 года архивного строительства в СССР (ред. ст.) // Архивное дело. 1940. Вып. III (55). С. 4 – 14.
- 27 См.: *Еппатьевский А.В.* Из истории непринятого закона. 1994. Архив ФАД ИАИ РГГУ. С. 2 (маш. коп.).
- 28 *Максаков В.В.* Документы советского государства в архивах СССР // Труды ИАИ. 1948. Т. IV. С. 45 – 46, 48 – 50.
- 29 См.: Документ огромной политической важности // Архивное дело. 1941. Вып. I (57). С. 1.
- 30 *Симкин М.* Выделение материалов, не подлежащих хранению // Архивное дело. 1940. Вып. IV (56). С. 16 – 21.
- 31 Архивное дело. 1939. Вып. III (51). С. 140 – 143.
- 32 Цит. по: *Шумихин С.* Письма наркомам // Знание – сила. 1989. № 6. С. 74.
- 33 "До сих пор, – пишет О.Н. Копылова, – в литературе делается акцент на успешное оперативное проведение эвакуации документов из западных районов страны", причем главная заслуга приписывается НКВД СССР (см.: *Копылова О.Н.* К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37).
- 34 См.: *Назин И., Семиш М.* Центральный военно-исторический архив // Архивное дело. 1938. Вып. III (47). С. 96.

*Архивы накануне и в период Великой Отечественной войны
(апрель 1938 - 1945)*

- 35 *Маяковский И.Л.* Очерки по истории и организации архивного дела в СССР. М., 1960. С. 307.
- 36 *Паисов Н.* Архивы и архивное дело в Испании // *Архивное дело.* 1938. Вып. IV (48). С. 120.
- 37 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 846. Л. 2.
- 38 См.: *Седельников В.О.* Становление архивоведческого издания // *Советские архивы.* 1983. № 1. С. 18.
- 39 РГВА. Ф. 39041. Оп. 1. Д. 242. Л. 26.
- 40 Цит. по: *История СССР.* 1991. № 2 (март – апрель). С. 15.
- 41 См.: *Цаплин В.В.* Подвиг архивистов // *Советские архивы.* 1968. № 3. С. 64.
- 42 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 819. Л. 45 – 46.
- 43 См.: ГАРФ. Ф. 9573 (личный фонд Н.Р. Прокопенко). Оп. 1. Д. 95. Л. 2.
- 44 Впервые опубли.: *Известия ЦК КПСС.* 1990. № 7. С. 197 – 198.
- 45 См.: *Известия ЦК КПСС.* 1990. № 6. С. 201 – 202. Вскоре он вернулся к исполнению своих прямых обязанностей на посту начальника ГУЛАГа и по совместительству куратора архивов.
- 46 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 956. Л. 21.
- 47 См. там же. Д. 838. Л. 1 – 2.
- 48 См. там же. Д. 816. Л. 51 – 52.
- 49 Там же. Д. 1365. Л. 6.
- 50 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2149. Л. 45; *Советские архивы.* 1968. № 3. С. 63 – 70; там же. 1987. № 6. С. 24 – 25.
- 51 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 805. Л. 1.
- 52 См.: *Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 39.
- 53 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1191. Л. 37.
- 54 См.: *Пшеничный А.П.* Архивы на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны // *Отечественные архивы.* 1992. № 4. С. 96, 98.
- 55 См.: *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1991; *она же.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны // *Архивы СССР. История и современность.* М., 1989. С. 136 – 142; *она же.* К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // *Советские архивы.* 1990. № 5. С. 37 – 45 и др.
- 56 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1201. Л. 17.
- 57 РГВИА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 335. Л. 4.
- 58 РГАДА. Фонд архива. Оп. 1. 1942 г. Д. 15. Л. 13 – 15.
- 59 Фотокопия приказа, опубликованная Д.А. Волкогоновым в его работе: *И.В. Сталин...* Кн. II. Ч. 1.
- 60 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1365. Л. 65.
- 61 Там же. Оп. 2. Д. 471. Л. 7 – 8.
- 62 См.: *Назин И.С.* К вопросу об экспертизе документальных материалов в государственных и ведомственных архивах СССР // *Труды ИАИ.* 1948. Т. IV. С. 205 – 211.
- 63 См.: *Максаков В.В.* Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны // *Вопросы архивоведения.* 1961. № 2. С. 6.
- 64 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 831. Л. 41 – 42.

- 65 Там же. Л. 56 – 57.
- 66 См. там же. Д. 836. Л. 41; Д. 805. Л. 20 – 22; Д. 1214. Л. 65.
- 67 См.: *Максаков В.В.* Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны. С. 4.
- 68 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 804. Л. 14.
- 69 Там же. Д. 1882. Л. 25.
- 70 Там же. Д. 2149. Л. 5, 6.
- 71 Там же. Д. 1198. Л. 6, 9.
- 72 Там же. Д. 820. Л. 13; Д. 831. Л. 78.
- 73 *Пшеничный А.П.* Система государственного управления и архивные учреждения. С. 38.
- 74 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 805. Л. 84.
- 75 См. там же. Д. 1391. Л. 2 – 4.
- 76 См. там же. Л. 11 – 14.
- 77 См. там же. Д. 1504. Л. 2.
- 78 См.: *Эпштейн Д.М.* Обзор исторических публикаций периода Великой Отечественной войны 1941 – 1944 гг. // Архив кафедры ИОАД ИАИ РГГУ.
- 79 РГИА. Ф. архива. Оп. 2. Д. 33. Л. 41 – 45. Документ выявлен О.Н. Копыловой и приведен ею в Приложениях к своей работе (См.: *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы... С. 241 – 242).
- 80 Цит. по: *Архангородская Н.С., Курносов А.А.* О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 219 – 223.
- 81 См.: *Шумейко М.Ф.* Деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны при ЦК ВКП(б) Белоруссии. 1942 – 1946 гг. // Советские архивы. 1985. № 2. С. 36 – 37.
- 82 См.: *Альтман М.М.* Организация собирания и использования документов личного происхождения о Великой Отечественной войне: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- 83 См. там же. С. 16.
- 84 *Архангородская Н.С., Курносов А.А.* Указ. соч. С. 228.
- 85 *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР 1 – 3 июня 1943 г. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 44.
- 86 *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917 – 1945 гг.). М., 1969. С. 392.
- 87 См.: *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР... С. 45.
- 88 См. цитируемую Максаковым стенограмму своего выступления на конференции: *Максаков В.В.* Документы Советского государства в архивах СССР // Труды ИАИ. 1948. Т. IV. С. 25 – 29.
- 89 См.: Резолюции конференции историков-архивистов СССР. 1 – 3 июня 1943 г. М., 1943. С. 12.
- 90 См.: *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР... С. 44, 53.

Глава 5. Архивы в послевоенный период (1945 — 1961 гг.)

Послевоенный период в истории отечественного архивного строительства — один из наименее изученных. Можно даже сказать, что вплоть до настоящего времени он привлекает внимание исследователей меньше, чем какой-либо другой. Историки, касавшиеся его в той или иной степени (В.И. Вяликов¹, В.Е. Корнеев²), единодушно выделяют в качестве важной разграничительной вехи в хронологии этих лет 1956 г. — год XX съезда КПСС и начало хрущевской "оттепели".

Насколько обоснован такой подход?

Подвергая критике своих предшественников, от В.В. Макасова до Г.А. Дреминой, за то, что их хронологические схемы "не самостоятельны, а заимствованы из других смежных наук"³, В.Е. Корнеев, тем не менее, сохраняет их схему периодизации, аргументируя это тем, что десятилетие с 1945 по 1956 г. характеризуется следующими двумя чертами: 1) полным претворением в жизнь основных организационных принципов, заложенных в нормативных актах конца 30-х — начала 40-х годов; 2) деятельностью архивных учреждений, направленной на ликвидацию последствий войны и характеризовавшейся развертыванием функций этих учреждений на научно-методической основе.

Действительно, в 40 — 50-е годы завершился процесс полного и безоговорочного подчинения всей архивной системы тоталитарному режиму, начавшийся в 30-е годы. Можно даже ска-

зять, что это был целенаправленный регресс, определенный откат архивного строительства к временам периода массовых репрессий и "макулатурных" кампаний. Специфика только в одном – "репрессировались" теперь не столько архивисты (оставшиеся специалисты были включены в кадры органов НКВД-МВД, поэтому "чистка" проходила уже на этапе их подбора), сколько сами архивы в целом, а также отдельные архивные фонды, что проявилось в тотальном засекречивании их – в насильственном отчуждении огромных массивов исторических источников от общества. Именно в эти годы завершается создание "архивного ГУЛАГа" в общенациональном масштабе.

Сразу подчеркнем, что понятие "архивный ГУЛАГ" носит не образный, метафорический характер. Это – совершенно конкретное отражение реальной действительности, хотя внешне оно может показаться излишне политизированным. Но, к сожалению, вся история отечественного архивного дела советского периода фактически слишком тесно переплетена с историей политической системы государства, с монопольным господством однопартийной идеологии, с административным, массивным и целенаправленным насилием в духовной сфере человека, частью которой являются архивы.

В связи с этим представляется совсем не случайным тот факт, что именно 40-е годы в архивном деле прежде всего отмечены грандиозной акцией обмана и грабежа, связанной с образованием двух "секретных" архивов.

Все началось с того, что курировавший архивы по линии НКВД С.Н. Круглов направил И.В. Сталину докладную записку о возможности вывезти из Праги фонды Русского заграничного исторического архива (РЗИА), который был создан и комплектовался русскими эмигрантами с 1923 по 1940 г. В его формировании приняли самое активное участие более 20 русских ученых-историков и архивистов, насильно высланных или эмигрировавших из России, в том числе известный специалист отечественного архивного дела А.Ф. Изюмов, стоявший у истоков архивного строительства в послереволюционной России.

Сталин проявил повышенную заинтересованность в приобретении архива. Деликатность ситуации заключалась в том, что правительство Чехословакии предлагало передать архивы в дар Академии наук СССР, о чем и сообщил на праздновании ее 220-летия министр школ и народного просвещения республики З. Неедлы. Следует отметить, что архив неоднократно, вплоть до июня 1939 г., пытались купить представители Колумбийского и Бостонского университетов, но российские архивисты отказывались отдать им фонды на вывоз. Во время немецкой оккупации Чехословакии часть сотрудников, включая А.Ф. Изюмова, были интернированы, а некоторые документальные фонды изъяты и переданы филиалу архива сухопутных сил Германии в Праге⁴. Однако в целом архивные фонды оставались сохраненными и целостными. Согласно методике, утвержденной ученой комиссией РЗИА, все материалы делились на разделы (от "А" до "Н"). Особую ценность представляли разделы "В", "Г" (мемуары, дневники, статьи руководящих и рядовых участников белого движения во времена революции и гражданской войны), "Д" (коллекции уставов и партийных программ, протоколы заседаний военных судов по делам о революционных обществах начиная с 70-х годов прошлого века) и "С" (личные архивы лиц, "сохраняющих свои права собственности": А.Ф. Амфитеатрова, Е.К. Брешко-Брешковской, Н.В. Чайковского и многих других)⁵. Совет РЗИА и его сотрудники отстаивали право на осуществление своей профессиональной деятельности в строго научных рамках, отрекаясь от любых "партийных пристрастий" и провозглашая девизом "объективность и аполитичность"⁶. Вынужденные в 1928 г. под давлением финансовых обстоятельств передать архив в собственность МИД Чехословакии, руководящие лица из эмигрантских кругов оговорили необходимость продолжения комплектования фондов под наблюдением представителей русской общественности, неприкосновенности всех фондов и коллекций на основе соблюдения принципов их целостности и недробимости. Отдельно и специально было указано, что передача РЗИА России (что являлось конечной целью его учредителей) новым собственником – МИД Чехословакии –

может быть осуществлена только при условии падения там большевизма⁷.

Эта договоренность в целом сохранялась и после возникновения определенных трудностей в отношениях русской эмиграции с чехословацким МИД и даже в условиях оккупации. Радикально изменилась судьба архива только тогда, когда на него обратили внимание Сталин и "специалисты" из НКВД.

Поражает цинизм, с которым была организована и осуществлена "акция" по передаче РЗИА в дар Советскому Союзу. Компетентная комиссия во главе с генералом И.И. Никитинским (грустно, но даже спустя полвека современный генерал "в отставке" Д. Волкогонов именует его "специалистом из Академии наук"⁸), приехавшая в Прагу в соответствии со специальным постановлением СНК СССР от 27 октября 1945 г., уже в конце декабря докладывает о начале доставки из Праги девяти вагонов с документами РЗИА. Сообщение о конце перевозки от 3 января 1946 г.⁹ Сталин откладывает в особую, личную папку для бумаг и отдает распоряжение немедленно организовать тщательный просмотр всех документов. В течение всех последующих лет он лично отбирает некоторые рукописи и документы для хранения в собственных шкафах и сейфах (так он поступил, например, с рукописью царского генерала А.А. Брусилова "Мои воспоминания"). Характерно, что редчайшая коллекция печатных изданий у "компетентных специалистов из АН СССР" не вызвала интереса и осталась в Праге. Зато все рукописные материалы "личной собственности" были отправлены в Москву в первую очередь.

Остальное было отработанным делом "оперативно-чекистской" техники.

В конце января 1946 г. Президиум АН СССР принял постановление: "Принять РЗИА в ведение АН СССР и ввиду ценности материалов просить ГАУ принять его на хранение в помещение ЦГАОР". В постановлении оговаривалось, что "РЗИА должен быть сохранен в том виде, в каком он образовался в Праге, не допуская передачи архивных фондов или отдельных коллекций в другие госархивы или другие научные учреждения".

Однако, приняв дар в свои помещения, ГАУ НКВД тут же распорядилось их судьбой совсем иначе.

Во-первых, было принято решение: "Ввиду того что среди материалов архива имеется большое количество документов, характеризующих антисоветскую работу белоэмиграции за период с 1917 по 1940 год, доступ к указанным материалам архива научных сотрудников различных учреждений ограничить", что на практике означало полное засекречивание.

Во-вторых, по мере "изучения" этого архива компетентными органами начался процесс "дробления" фондов вопреки всем постановлениям и просьбам ученых как с чехословацкой, так и с советской стороны. В первую очередь были изъяты все документы, связанные с деятельностью Сталина. Что было передано в ЦПА ИМЛ, а что пропало навсегда, установить нельзя. Во всяком случае, все эти работы проводились под личным контролем Сталина, который, как пишет изучавший его личный архив Д. Волкогонов, «очень заботился о том, чтобы в истории о нем осталось лишь то, что он "разрешил"... Он предавал народному обозрению лишь то, что предназначалось для ликования и восхищения»¹⁰. В период с 1946 по 1965 г. по решению ГАУ из фондов РЗИА изымали также целые массивы документов, которые раздавали в центральные государственные архивы (ЦГАСА, ЦГАЛИ, ЦГВИА), ведомственные архивы (МИД) и даже местные (Новочеркасский музей истории войска Донского). Части фондов передавали в архивы Украины и Белоруссии, причем в ряде случаев они включались в состав объединенных фондов и библиотек на местах, теряя самостоятельный характер. В результате из 350 тыс. дел и 250 кг россыпи, поступивших в 1946 г. из Праги, в ГАРФ осталось в настоящее время только 98 тыс. ед. хр.

Единственными "исследователями", которые пользовались фондами РЗИА без ограничений, были, естественно, сотрудники НКВД-МВД, которые составляли картотеку на белогвардейцев, эмигрантов и всякого рода "пособников фашистов" из среды белой эмиграции. Отдельные документы фигурировали на судебных процессах над генералами Красновым, Шкуро, Сул-

тан-Гиреем Клычом, Власовым и др.¹¹ Опять же трудно сказать, что вернулось затем в фонды ГАРФ, а что осталось в других хранилищах или было уничтожено.

Только в марте 1989 г. оставшиеся в ГАРФ фонды бывшего РЗИА были рассекречены и переведены на открытое хранение в составе коллекции белогвардейских и белоэмигрантских фондов. Впрочем, как отмечает американская исследовательница П. Кеннеди-Гримстэд, в двухтомный путеводитель по ГАРФ, изданный в 1990 г., сведения о фондах бывшего РЗИА все-таки не были включены¹².

Аналогичная судьба постигла и еще одну жертву "архивного ГУЛАГа" – так называемый Центральный государственный особый архив (ЦГОА), история которого получила широкую огласку в печати (случай почти уникальный в истории отечественного архивного дела)¹³.

Как установили журналисты, летом 1945 г. наши войска обнаружили в замке барона фон Альтхорна (Нижняя Силезия) хранилище немецких архивов, эвакуированных туда из разных мест Германии. В соляных шахтах Саксонии почти одновременно было обнаружено около 300 вагонов с архивными и музейными ценностями. Естественно, вся информация об этих и других находках направлялась в Москву и концентрировалась в органах НКВД. Собственно, аналогичная информация о таких же находках поступала и в соответствующие органы союзнических войск. Однако разница состояла в том, что американцы, например, начинали разборку архивов непосредственно на месте, составляли описи, затем либо оставляли на месте, либо вывозили в США, где они сохранялись при условии доступа к ним исследователей. После заключения соответствующих соглашений архивы (в подлинниках или копиях) были возвращены Германии.

У нас "компетентные органы" поступали по-другому.

В образованный в соответствии с постановлением СНК СССР от 9 марта 1946 г. Особый архив¹⁴ направлялись эшелоны с трофейными документами из Германии, Польши, Чехословакии и Австрии, в которых россыпью, навалом были запиханы бумаги самого разного характера, от архивов масонских лож

XVII – XIX вв. до материалов французской контрразведки, канцелярии Гитлера, дневников Бормана и т. д. В Москве документы опять же попадали в руки прежде всего "специалистов оперативно-чекистского профиля". Они работали исключительно в режиме поиска "внутренних врагов", составляя картотеки на советских военнопленных, на лиц, утнанных на принудительный труд в Германию, и т. д.

Справедливости ради следует отметить, что специально командированные для отбора трофейных документов архивисты-профессионалы пытались возражать против поспешного, непрофессионального подхода к "валовому" отбору документов "на вывоз". В фондах ГАРФ журналисты выявили совершенно секретный документ за подписью "начальника трофейной комиссии" полковника С.И. Кузьмина, в котором он писал, что из 300 выявленных в саксонских соляных копиях вагонов 290 следует оставить "для будущей Германии", а 10 – вывезти в Москву. Однако вывозили все. Причем делали это в обстановке сугубой секретности. И самое трагичное: впоследствии все исчезало в секретных недрах архивного ГУЛАГа, что разительно отличалось от вывоза трофейного оборудования по репарациям.

Такой характер вывоза документов и их использования не в силах были изменить ни первый начальник ЦГОА майор Б.И. Мусатов (1946 – 1953), ни сменивший его полковник С.И. Кузьмин (1953 – 1956), ни полковник И.С. Назин (1956 – 1959), ни другие руководители тайного архива. Впервые о нем заговорил, рискуя как минимум собственной карьерой, возглавивший архив в 1989 г. А.С. Прокопенко. Именно он раскрыл "страшную" тайну – что в Особом архиве находятся, помимо всего прочего, части материалов Коминтерна, большие массивы дел различных еврейских организаций, фонды одного из управлений МВД СССР и даже 40 тыс. ед. хр. из архивов почти всех стран Европы (от Италии и Испании до Люксембурга и Лихтенштейна)¹⁵.

Однако это произошло только в разгар гласности. В 40-е годы архив жил на положении одного из узников того же "архи-

вного ГУЛАГа", истинные масштабы и характер которого еще далеко не выявлены.

Режим секретности коснулся даже тех документов, которые содержали всего лишь обобщенные сведения о работе архивов по сугубо "техническим" вопросам обработки материалов. Не все сотрудники архивов могли получить доступ к "секретным" путеводителям и даже к "секретным сборникам документов", которые составлялись в этот период. Доходило до того, что в направляемых на места инструкциях и правилах старательно вычеркивались или оставлялись пробелы (в виде многоточия) в полном наименовании "ГАУ МВД" (печаталось "ГАУ..."), как будто принадлежность ГАУ к этому ведомству могла представлять для кого бы то ни было тайну. Архивисты старательно и целенаправленно превращались в обособленную касту работников секретных органов, отделенных железной стеной от внешнего мира.

В структуре ГАУ МВД все больший вес приобретал отдел использования (так иезуитски, вполне в духе оруэлловского "новояза", назывался бывший отдел секретных фондов ГАУ НКВД), в составе которого приказом МВД от 29 декабря 1946 г. были образованы три отделения: 1) оперативная информация, 2) народнохозяйственная и научная информация, 3) оперативно-справочная картотека. В функции научно-издательского отдела входило осуществление тотальной цензуры над всеми сборниками архивных документов, в том числе над теми, которые издавались по прямому поручению МВД, а также подбор авторов, редакторов и рецензентов, составление заключений и полный контроль над подготовкой к печати и изданием архивных публикаций во всех издательствах страны.

О работе других отделов ГАУ (организационно-инспекторского; комплектования, экспертизы и учета архивных фондов; научно-методического) архивисты имели представление по постоянно нарастающему потоку всевозможных нормативных актов, которые были направлены на регламентацию буквально каждого шага специалистов любого уровня.

Нельзя исключить того, что именно с тотальным закрытием архивов для общества связана замена в октябре 1947 г. начальника ГАУ генерала И.И. Никитинского, который руководил архивами с апреля 1939 г., генералом В.Д. Стыровым, пришедшим на эту должность из войск МВД. Объяснение причин этой замены ("дальнейшая интеллектуализация деятельности Никитинского была признана нежелательной для органов НКВД"), которую дает современный исследователь¹⁶, наиболее адекватно передает кафкианский абсурд действительности 40-х годов.

Для нового начальника был характерен военно-приказной стиль руководства. Как вспоминал один из ветеранов архивного дела, А.В. Головкин, однажды в декабре 1946 г. Стыров вызвал его из ЦГИА СССР и приказал немедленно выехать в Ашхабад, чтобы руководить Главархивом Туркменской ССР. "Но там же произошло землетрясение, – удивился Головкин. – В Москве слух прошел, что Ашхабад весь затонул". Стыров засмеялся: "Вот и будешь отдыхать на берегу озера, как на курорте". Так решалась судьба человека и судьба республиканского архива¹⁷.

Показательна для характеристики номенклатурных отношений судьба старейшего и крупнейшего отечественного архивиста – И.Л. Маяковского.

Оформляя в 1949 г. свой уход на пенсию, он представил все положенные документы в дирекцию Московского историко-архивного института. Вся его жизнь, все его многочисленные труды были отражены в многостраничных документах, хранящихся до сегодняшнего дня в личном деле И.Л. Маяковского (Архив ИАИ РГГУ). В связи с "делом о пенсии" бдительные кадры запрашивают ("совершенно секретно") архивный отдел Управления МВД Ленинградской области и получают "совершенно секретную" характеристику И.Л. Маяковского и справку о его работе в Ленинграде, подписанную начальником отделения "секретных фондов". В этих документах перечислялись все "прегрешения" престарелого профессора – от публикации в период 1925 – 1926 гг. статьи, "направленной против принципа централизации архивного дела", и до знакомства с репрессированным в 1936 г. заместителем директора Института русской ли-

тературы АН СССР Ю.Г. Оксманом. Отмечается, что в 1935 г. Маяковский восемь месяцев был без работы и только после его публичного (в печати) покаяния по решению Ленинградского горкома партии был допущен (при условии постоянного контроля) к работе консультантом в Ленинградском областном архивном управлении.

Для понимания атмосферы, в которой приходилось работать энтузиастам архивного дела под мощным прессом НКВД, характерно и описание того, как в 1952 г. был спасен личный архив А.Я. Таирова, который остался "бесхозным" после закрытия Камерного театра и смерти его создателя. Как вспоминала сотрудник Центрального государственного литературного архива (ЦГЛА, ныне РГАЛИ) М.Г. Козлова, Главное архивное управление МВД запретило заниматься архивом Таирова, чтобы "не захламлять государственные хранилища бумагами формалистов и космополитов". Распоряжения "полковников и майоров" из ГАУ; пишет М.Г. Козлова, не обсуждались, но нам "терять было нечего", кроме нищенской зарплаты. И вот, под благовидным предлогом, тайно, в свободное от работы время, по вечерам и по выходным дням, энтузиасты-архивисты около двух лет разбирали архив А.Я. Таирова, который остался на хранении у его вдовы – знаменитой актрисы А.Г. Коонен, пока наконец в 1959 г. не поменялись критерии оценок и архив не перевезли в ЦГАЛИ. Впрочем и здесь он еще долго находился на режиме "секретного хранения". Только спустя годы его открыли для исследователей¹⁸.

Так часто в жестких рамках МВД архивистам для исполнения своего профессионального долга приходилось ходить по лезвию ножа. Далеко не все были способны на это. В этом плане характерны зигзаги в послевоенной биографии В.В. Максакова, личная судьба которого, как в зеркале, отразила труднейшие и самые трагические страницы истории отечественных архивов.

В 1948 г. по его инициативе и под совместной (с И.Л. Маяковским) редакцией выходит IV том "Трудов историко-архивного института", включивший научные статьи сотрудников двух возглавляемых Маяковским и Максаковым кафедр: кафедры те-

ории и практики архивного дела и кафедры истории и организации архивного дела. Максаков помещает статью, в которой вновь возвращается к мечтаниям военного времени – предлагает превратить ведомственные архивы в "архивы с научно-исследовательскими функциями, в которых должны быть организованы читальные залы для исследователей со стороны, должны составляться описи для исследователей, предметно-тематические картотеки и обзоры документальных материалов... как это имеет место в государственных архивах". Кроме того, он настаивает на том, чтобы создавать на местах (вплоть до райцентров и отдельных сел, колхозов и т.д.) центры постоянного хранения документов для "широкого развертывания краеведческой работы"¹⁹.

Однако уже в следующем томе "Трудов", вышедшем в свет в 1954 г., тон и характер очередной статьи Максакова радикально меняются. Ни следа прежних "глобальных" иллюзий. Теперь он выражается по трафарету: "В свете указаний партии по идеологическим вопросам... советские историки-архивисты... обязаны свою работу по использованию исторических документов" направить на "беспощадную борьбу с реакционной буржуазной идеологией и ее проникновением в нашу науку, литературу и искусство, на преодоление и выкорчевывание пережитков капитализма в сознании людей, на усиление большевистской непримиримости ко всякого рода идеологическим извращениям"²⁰ (Максаков цитирует речь М.А. Суслова на XIX съезде КПСС от 12 октября 1953 г. – *Т. X.*). В качестве главной задачи архивистов Максаков называет "установление приоритета русских людей в различных областях науки", т. е. участие в борьбе с "космополитизмом и низкопоклонством перед Западом", борьбе, которая по инициативе Сталина охватила конец 40-х и начало 50-х годов.

Именно в конце 40-х – начале 50-х годов была возобновлена система тотального уничтожения документов, не представлявших "оперативно-чекистского значения". Эти процессы приобрели такой размах, что можно с достаточным основанием говорить о продолжении тех "макулатурных" кампаний, которые,

как принято считать в традиционной историографии, якобы прекратились к концу 30-х.

"В результате порочной практики экспертизы ценности документов и комплектования государственных архивов, – писал участник и очевидец этих событий, знаток архивного дела В.А. Кондратьев в 1961 г., – почти во всех архивах страны началось выделение документальных материалов в макулатуру... Если в 1945 году было выделено 8,7 млн дел, то в 1950 году их было уже 30,7 млн дел, в 1955 году – 68,1 млн дел, в 1957 году – 87,1 млн дел, а в 1959 году – 87,8 млн дел". Причем, как свидетельствует В.А. Кондратьев, "в конце 40-х, оправдывая массовое уничтожение материалов, некоторые архивисты делали ссылку на необходимость поставлять бумажное сырье для промышленности... хотя заготовительные конторы не в состоянии принять на переработку и десятой доли той бумаги, что им предлагается"²¹.

Как видим, ситуация конца 40-х – начала 50-х годов полностью (вплоть до деталей) повторяет ситуацию конца 20-х – середины 30-х годов. Единственным отличием, пожалуй, было только то, что в 40-х – начале 50-х вся история архивов развивается как бы в двух параллельных, непересекающихся мирах. Рассказанные эпизоды относятся к той невидимой, но наиболее существенной части жизни архивов, которая десятилетиями была укрыта за плотной завесой секретности. На поверхности же оставалась только парадно-официальная, ничтожная и сознательно искаженная часть айсберга.

Так, в традиционной историографии в качестве заслуги ГАУ НКВД-МВД называются "включение госархивов в сеть научно-исследовательских учреждений в сентябре 1945 года", а также составление путеводителей по ЦГАКА (1945), ЦГАОР (1946), ЦГАДА (1946 – 1947) и ряда других в последующие годы²². Однако даже эти путеводители были, мягко говоря, неполными, а "научно-исследовательская деятельность" допускалась в таких жестоких идеологических рамках, что упоминать ее можно только с большими оговорками.

Кроме того, в актив ГАУ МВД зачисляется осуществление большой работы по "проведению учета документов, приведению

их в порядок и обеспечению сохранности документов", в связи с чем обычно перечисляются многие десятки методических указаний, инструкций и правил, изданных в период с 1946 по 1954 г., когда, по утверждению В.И. Вяликова, "научно-техническая обработка в центральных госархивах была в основном закончена"²³.

А.П. Пшеничный даже относит к числу заслуг Стырова то, что "в отличие от Никитинского его интересы были направлены на вопросы комплектования госархивов и обеспечения их сохранности"²⁴. С такой оценкой трудно согласиться. Во всяком случае, примеры с образованием секретных архивов и тотальным засекречиванием целых фондов в других архивохранилищах показывают, что и "комплектование" и "сохранность" понимались Стыровым и его коллегами из МВД сутобо "профессионально". Из доступных всем архивистам того времени документов можно назвать, пожалуй, только его выступление на научной конференции историков-архивистов СССР, которая состоялась 16 – 17 июля 1948 г. Стыров зачитал доклад, который назывался "Решения ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и очередные задачи архивных органов". В докладе ставилась задача осуществить "смелую перестройку всей деятельности архивных органов с целью завершить научно-техническую обработку документов, расширить описание и использование материалов; улучшить научно-методическую работу и руководство ведомственными архивами, усилить внимание к вопросам воспитания кадров"²⁵.

И действительно, с 1949 по 1953 г. (в мае 1953 г. В.Д. Стыров был освобожден от работы в связи с начавшимися после смерти Сталина перестановками в руководящем аппарате МВД) ГАУ проводило сотни совещаний и заседаний по вопросам "улучшения научно-методической работы архивных органов и госархивов СССР". Итогом этих совещаний, как правило, являлись создаваемые комиссии и специализированные советы, которые занимались утверждением бесчисленных проектов приказов, инструкций, пособий, указаний, образцов учетной и отчетной документации и т. д. и т. п. Много сил отдали этому истин-

ные профессионалы архивного дела, заместители начальника ГАУ по научной работе – кандидат философских наук, полковник С.И. Кузьмин (с 1944 г.) и полковник И.С. Назин (с 1953 г.), а также (с 1954 г.) второй заместитель начальника ГАУ по научной работе подполковник Л.И. Яковлев (впоследствии доктор исторических наук, профессор). Однако все свежие мысли, все идеи, которые высказывались на закрытых совещаниях, в жестких рамках структуры органов МВД неизбежно теряли свой творческий характер, в лучшем случае превращаясь в секретные приказы, а в худшем – выбрасывались в корзину. Приказы нельзя было обсуждать, они предполагали безусловное послушание и выполнение, даже если установленные некомпетентным начальством сроки были нереальными, а требования невыполнимыми. Болезненный разрыв между не понимающим специфики архивного дела номенклатурным "начальством" и поставленными в безвыходное положение "низами" исполнителей к середине 50-х годов достиг огромных размеров. Все более очевидными становились признаки надвигающегося кризиса в архивном деле.

В традиционной историографии начало отсчета времени преодоления этого кризиса принято связывать с несколькими документами, которые, естественно, сразу же были названы "историческими" (термина "судьбоносные" еще не существовало). Речь идет прежде всего о принятом 7 февраля 1956 г. постановлении СМ СССР "О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств"²⁶.

Кроме того, в архивоведческой литературе много внимания уделяется принятому в 1958 г. "Положению о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных государственных архивов СССР" и, наконец, "Положению о ГАУ при СМ СССР и сети центральных государственных архивов СССР" от 28 июля 1961 г.

Рассмотрим каждый из документов.

Действительно, постановление СМ СССР, которое хронологически почти совпадает со временем проведения XX съезда

КПСС и автоматически связывается с наступлением хрущевской "оттепели", породило ожидания радикальных перемен в архивном деле. Его принятию предшествовала чехарда в высших кругах номенклатуры ГАУ: генерала Стырова сменил в 1953 г. подполковник Б.И. Мусатов (символично, что падение общественного престижа архивов в условиях командно-административной системы неизбежно связано либо со снижением статуса архивного управления – из Главного оно становится Центральным, – как было с апреля 1953 по март 1954 г., либо с упразднением "генеральской" должности начальника). В 1955 г. Мусатов был в свою очередь заменен капитаном 1-го ранга Н.В. Матковским. И только в 1956 г. на пост начальника Главархива был назначен кандидат исторических наук, полковник Г.А. Белов (1917 – 1992), который и возглавлял ГАУ до ухода на пенсию в 1972 г. Биография Белова достаточно типична для начальника архивного управления того времени: после окончания Куйбышевского индустриального института в 1940 г. он трудился в УНКВД и УНКГБ по Куйбышевской области, затем – Высшая партийная школа, и с 1945 по 1955 г. он работал вначале преподавателем института международных отношений и высшей дипломатической школы МИД СССР, а затем ответственным сотрудником МГК и ЦК КПСС²⁷.

Естественно, что номенклатурные перестановки затрагивали весь аппарат ГАУ. При этом уцелевшие после "чисток" уникальные специалисты уходили либо на научно-преподавательскую работу в Московский историко-архивный институт (который в 1947 г. был передан из системы МВД в подчинение Министерству высшего образования), либо на практическую работу в центральные госархивы. В дальнейшем этот факт сыграет важную роль в обострении борьбы между "аппаратчиками" и "энтузиастами-романтиками" архивного дела, что явится определяющим фактором жизни отечественных архивов в 60 – 70-е годы.

Итак, в 1956 г. на архивистов (буквально как снег на голову) обрушилось постановление Совета Министров СССР "О ме-

рах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств".

Сейчас можно считать установленным, что, хотя это "историческое" постановление вышло под эгидой Совета Министров, на самом деле оно готовилось специальной комиссией, созданной по решению ЦК КПСС от 3 марта 1955 г., работу которой курировал секретарь ЦК П.Н. Поспелов.

Во всяком случае, так следует из резолюции сотрудников аппарата ЦК на письме видных историков того времени А.А. Новосельского, А.А. Сидорова и В.И. Шункова (редактора журнала "Исторический архив") от 21 марта 1955 г., в котором содержалась просьба разрешить публикацию "документов, подписанных лицами, впоследствии разоблаченными как враги народа", "без подписей врагов народа... с указанием учреждений и организаций, от имени которых эти документы исходили". В соответствующей резолюции (от 3 мая 1955 г.) говорится: "Предложения... рассмотрены и учтены комиссией, созданной решением ЦК КПСС от 3 марта с. г. при подготовке проекта постановления ЦК КПСС о мерах по упорядочению режима хранения и лучшего использования архивных материалов министерств и ведомств"²⁸. Почему ЦК решил издать это постановление в 1956 г. от имени Совета Министров, остается только догадываться.

Конечно, было приятно сознавать, что с режима секретного хранения были сняты такие "опасные" документы, как материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников за 1941 – 1945 гг. или документы Нюрнбергского международного военного трибунала за 1945 – 1946 гг. Однако оставались неясными критерии как засекречивания, так и рассекречивания этих и подобных им документов. По-прежнему архивисты зависели от произвола посторонних "инстанций". А ГАУ только послушно выполняло решения этих "инстанций".

Естественно, с самого начала дело не обошлось без парадоксов. Первый заключался в том, что начало работ по рассекречиванию фондов, на которые в первую очередь нацеливало

постановление, было оформлено приказом МВД СССР № 0300 от 26 июля 1956 г. под грифом "секретно". Вторым парадоксом было то, что даже само постановление опубликовалось под грифом ограниченного пользования "ДСП" в "Научно-информационном бюллетене ГАУ".

Из этого могло следовать только одно : рассекречивание и снятие ограничений с доступа к документам не должно было носить "обвального" характера. Ясно было, что "начальство" еще само не определилось в таком деликатном вопросе. Тем более что "сверху" поступали самые противоречивые сигналы. Так, на закрытых совещаниях начальник ГАУ Белов выражал опасения по поводу того, "не слишком ли мы стали либералами", и призывал сохранять бдительность. В качестве опасного и недопустимого прецедента он указал на выдачу исследователям документов из фондов Зубатова и монархических организаций²⁹.

С другой стороны, его заместитель Л.И. Яковлев на кустовом совещании работников архивных учреждений РСФСР (Ростов-на-Дону), состоявшемся в ноябре 1956 г., заявлял, что архивисты обязаны выйти из "глубокого подполья", сорвать "прочные замки", навешанные на архивах, перестать быть "собаками на сене". И в то же время он предупреждал, что "мы не должны бросаться из одной крайности в другую, раскрывать все фонды для всех и вся". Он призвал советских историков-архивистов осознать важность вопросов, которые они решают на идеологическом фронте нашей партии³⁰.

Точку в этой опасной двусмысленности поставило закрытое "Методическое письмо начальникам ЦГА СССР, начальникам АУ-АО МВД СССР союзных республик о пересмотре порядка создания архивных справочников" от 31 августа 1959 г.³¹ В этом письме указывалось, что в проанализированных ГАУ путеводителях, которые с энтузиазмом бросились составлять истосковавшиеся по живой работе архивисты, "неоправданно широко раскрывается содержание материалов по внутренней и внешней политике и по экономике, что не представляется целесообразным для открытой печати".

ГАУ МВД СССР потребовало немедленно приостановить издание путеводителей, даже уже сданных в производство и находящихся в наборе, чтобы изъять из текста аннотаций все сведения о содержании документов, которые "могут быть использованы во вред интересам Советского Союза и его дружественным отношениям с другими странами". Строго предписывалось "сконцентрировать внимание на... совершенствовании научно-справочного аппарата внутриархивного пользования, в первую очередь описей и тематических каталогов". При этом вся работа по созданию научно-справочного аппарата ставилась под жесточайший контроль специально образуемых комиссий, которые должны были действовать в дополнение ко всемогущему Главлиту – основному цензурному ведомству страны. Издание новых справочников и путеводителей предлагалось прекратить, поскольку их подготовка мешает "внутриархивной" работе.

Как свидетельствует один из самых осведомленных в истории архивного дела этих лет, А.В. Елпатьевский, с начала 60-х годов "наступила эпоха обратного движения": была не только вновь засекречена большая часть рассекреченного в годы короткой "оттепели", но и началась работа по выявлению документов «ограниченного доступа (или допуска), кои, не будучи секретными и даже зачастую не имея грифа "для служебного пользования", по тем или иным соображениям, в основном идеологического порядка, изымались архивистами из свободного доступа, не разрешались к публикации и подвергались другим ограничениям».

Делалось это не по инициативе архивов, а по указанию, как тогда говорилось, "директивных органов"³².

Так что в конечном счете сомнения и колебания ГАУ в этой части с первых же дней неожиданного появления указания о "рассекречивании" оказались оправданными. К великому сожалению для науки и архивистов.

Гораздо более определенной была позиция ГАУ в отношении к ведомственному делопроизводству, о чем также говорилось в постановлении от 7 февраля 1956 г. Уже 1 июня 1956 г. ГАУ издало "Правила работы архивов, учреждений, организаций

и предприятий" (приказ МВД № 360), а также начало разработку инструкций по делопроизводству³³, что свидетельствовало о тенденции к отождествлению функций архивиста и работника ведомственной канцелярии, секретариата и т. д.

В связи со всеми этими новшествами в среде архивистов возникли почти панические настроения. "Нам нужно войти в директивные органы, чтобы они сказали, что такое архив и какое должно быть отношение к архиву", – отчаянно восклицал на совещании в Москве руководитель Омского облгосархива, не получив соответствующего ответа от руководства ГАУ³⁴.

Архивисты имели основания для растерянности. С одной стороны, МВД продолжало осуществлять мелочную опеку буквально над всеми второстепенными отраслями деятельности ГАУ (27 февраля 1957 г. и. о. начальника ГАУ Л.И. Яковлев просил министра внутренних дел Дудорова разрешить "израсходовать 800 – 900 рублей на покупку венка для академика Панкратовой А.М."), с другой – в воздухе повисали самые интересные предложения – например, летом 1958 г. на совещании работников архивных учреждений М.Ф. Петровская высказалась за создание Общества архивистов; В.В. Максаков высказался за образование НИИ архивоведения и археографии. Но все это не встречало ни поддержки, ни даже сколько-нибудь заметной реакции в недрах ГАУ.

Не было услышано и интереснейшее предложение В.М. Скворцовой о необходимости создания единого научно-исследовательского центра для разработки проблем, связанных с систематизацией и фондированием документов личного происхождения (вопрос этот имеет актуальное значение и сегодня).

Итак, первоначальный энтузиазм начальников архивов, архивных работников, их порыв к гласности был быстро погашен. Чисто формально, для "галочки" они еще продолжали указывать в ежегодных отчетах цифры (в процентах) "рассекреченных" фондов, однако, по существу, этот процесс начал быстро угасать. Старый перечень материалов, "вопрос о рассекречивании которых стоять не должен", начал расти с опережающей темпы рассекречивания скоростью³⁵.

Таким образом, постановление СМ СССР от 7 февраля 1956 г. не может считаться документом, который породил "новую эпоху" в жизни отечественных архивов. Остается открытым даже вопрос о том, насколько руководство ГАУ было причастно к его разработке. Как показывают факты, ни объективно, ни субъективно ГАУ, оставаясь структурно в системе органов МВД, не могло решить поставленные перед ним задачи. В лучшем случае отчеты о его выполнении носили сугубо формальный характер.

Гораздо большее значение имел для отечественного архивного дела процесс разработки, принятия и реализации Положения о Государственном архивном фонде Союза ССР и сети центральных госархивов СССР от 13 августа 1958 г.

В фонде Главархива сохранились многочисленные подготовительные материалы и варианты Положения, которые показывают, что начало его практической разработки следует отнести к 1956 г., т. е. к моменту больших перемен в составе руководства ГАУ и прихода на пост его начальника Г.А. Белова³⁶, хотя аналогичные, но безуспешные попытки предпринимались и ранее.

Анализ имеющихся документов позволяет установить, как постепенно выхолащивалось содержание документа, как нарастали в нем тенденции не только сохранения, но даже увеличения ведомственных прав на владение архивами.

От первого варианта (в разработке которого активное участие принимал Максаков) сохранился акцент на то, что все госархивы с постоянным составом документов, а также структурные подразделения Главархива, ведущие научно-исследовательскую работу, относятся к категории научно-исследовательских учреждений. В отличие от прежнего Положения (1941) новый документ возлагал на ГАУ обязанности по научному и организационно-методическому руководству, а также координации научно-исследовательской работы всех государственных и ведомственных архивов. Для рассмотрения принципиальных вопросов теории и практики архивного дела при ГАУ, ЦГА СССР и архивных управлениях (отделах) МВД союзных республик предлага-

лось создавать специализированные научные советы, в состав которых рекомендовалось вводить авторитетных ученых и специалистов (ранее в состав советов зачастую включалась областная и республиканская номенклатура). Кроме того, подчеркивалась необходимость создания и расширения функций читальных залов и научно-справочных библиотек (в Положении 1941 г. упоминались только "книгохранилища").

Важно подтверждение Положением 1958 г. основополагающей идеи формирования архивов в соответствии с принципами, разработанными отечественными архивоведами в конце 20-х – середине 30-х годов: "Документальные материалы хранятся и учитываются по архивным фондам. Архивный фонд является совокупностью документальных материалов, образовавшихся в результате деятельности учреждения, организации, предприятия или отдельного лица. Архивный фонд делению не подлежит и должен храниться в одном архиве".

Последняя фраза особенно примечательна. В Положении 1941 г. содержалось только требование не нарушать целостность архивного фонда при использовании документов. Теперь "фонд" был объявлен неприкасаемой целостностью, не подлежащей дроблению ни при каких условиях (правда, были ведомства, которые пренебрегали этим условием и в первой, и в новой редакциях, но они вообще жили вне любых правовых норм и законов). Следует отметить также такое нововведение, как предоставление начальнику ГАУ права на самостоятельное установление штатного расписания без санкции министра внутренних дел.

Все эти пункты были оставлены в окончательном проекте Положения.

Однако в ходе согласования текста с другими ведомствами (в архиве ГАУ, в частности, сохранились поправки, внесенные Минюстом и Минфином) Положение начало терять первоначальный строгий и логический характер, основанный на идее централизации архивного дела и подчинении его научно-исследовательским целям. В текст были внесены статьи о радикальном ограничении сферы управления ГАФ страны. В непосредст-

венном ведении Главархива были оставлены лишь центральные государственные архивы СССР. Республиканские госархивы подчинялись непосредственно только архивным управлениям союзных республик, а уже через них – ГАУ СССР.

При этом в явно неравноправном положении оказалось Архивное управление (АУ) РСФСР, образованное в мае 1955 г. в рамках созданного незадолго перед этим, в марте того же года, МВД РСФСР. АУ РСФСР носило весьма специфический характер. К его компетенции были отнесены только руководство ЦГА РСФСР Дальнего Востока и архивные учреждения автономных республик, краев и областей, за исключением Московской области. Все важнейшие ЦГА, естественно, остались в подчинении ГАУ. Несмотря на то что в АУ РСФСР на руководящих должностях работали авторитетные специалисты (Б.И. Мусатов, Г.А. Белов, П.В. Ильин, с 1956 г. А.А. Шилов), почти все они рано или поздно либо уходили в ГАУ, либо посвящали себя научной работе. Архивный главк ведущей республики в Союзе ССР имел характер явно второстепенного, непрестижного учреждения (впрочем, как и все остальные республиканские органы).

Не слишком изменилось положение и после того, как в соответствии с постановлением СМ РСФСР от 3 августа 1957 г. и в связи с ликвидацией многих министерств, упраздненных в условиях начинающихся хозяйственных и экономических хрущевских реформ (легкой промышленности, городского и сельского строительства, местной промышленности, промышленности продовольственных товаров, мясных и молочных продуктов, рыбной, текстильной промышленности и т. д.)³⁷, весь этот поток хлынул в специально образованный для хранения этих документов архив – Центральный государственный архив РСФСР в Москве. Его первым начальником стал майор А.Н. Гаврилов (кажется, это начальник с самым низким воинским званием среди всех номенклатурных работников центрального аппарата ГАУ МВД в то время).

В 1961 г. после ликвидации МВД СССР декоративное российское правительство просто продублировало соответствующее

постановление СМ СССР, и в результате при "карманном" Совете Министров РСФСР появилось и собственное Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР.

Естественно, что ценнейшие и самые богатые архивные фонды России по-прежнему либо оставались в подчинении союзного ГАУ, либо находились на постоянном хранении у мощных ведомств "союзно-республиканского" значения. Ведь даже собственной Академии наук Россия в отличие от других республик не имела.

Поэтому ни в 50-х годах, ни позже, после выхода из структуры МВД, ГАУ вряд ли ощутило на практике сколько-нибудь существенное ущемление своих прав на территории всей страны, даже в связи созданием АУ МВД РСФСР (позже – ГАУ при СМ РСФСР), не говоря уже о других республиканских управлениях. Речь шла, по-видимому, больше об ущемлении престижа в результате юридической небрежности, допущенной авторами Положения 1958 г.

Более того. ГАУ со все большим раздражением смотрело на постепенное расширение функций ГАУ при СМ РСФСР. Передача республиканских фондов из союзного ЦГАОР затягивалась на многие годы, а подготовленный в конце 60-х годов справочник "Высшие органы государственной власти и органы государственного управления РСФСР (1917 – 1967)" был вообще запрещен и начал распространяться только в самом конце 70-х.

Очевидно, такая болезненная реакция была вызвана опасением союзного главка конкуренции со стороны новоявленного владельца. Однако при полном отсутствии сопротивления со стороны весьма слабых республиканских органов власти справиться с попытками на их самостоятельность союзному главку было легко.

В дальнейшем российский Главархив обречен был просто дублировать все формы и методы союзного ГАУ при СМ СССР. Поэтому вряд ли правомочным является отнесение даты рождения нынешней российской архивной системы к 1955 г. Они, как говорится, даже "не однофамильцы". Тем более что с 1963 по

1971 г. ГАУ РСФСР вообще не существовало, и никто этого, кажется, даже не заметил.

Гораздо более существенным было то, что Положение 1958 г. отменяло установленный Положением 1941 г. статус архивов ведомств (за исключением архива АН СССР и некоторых других) как временных хранилищ документов.

Прежде всего вместо жесткого требования обязательно создавать при министерствах, ведомствах, предприятиях, советах профсоюзов, организациях и т. д. архивы в качестве отдельных структурных подразделений, которое содержалось в Положении 1941 г., в новый документ была внесена маленькая оговорка: создавать их следует там, "где это необходимо". Тем самым авторы Положения 1958 г. признавали свое бессилие перед всемогуществом руководителей ведомств, которые все равно по собственной воле, исходя нередко только из чисто финансовых соображений, не шли на образование "лишних", "ненужных", с их точки зрения, штатных и структурных единиц.

Еще более существенной уступкой было предоставление архивам отдельных ведомств и учреждений, образованных решениями правительства СССР, права на постоянное хранение документов. Собственно, и здесь юридически закреплялось создавшееся в условиях тоталитарного режима неизбежное расслоение архивов — все они как бы провозглашались равными, но все-таки некоторые были "более равны". Естественно, что в Положении назывались в качестве получивших право на "постоянное хранение" только "несекретные" ведомства и учреждения: АН СССР (теперь это право распространялось и на АН союзных республик), МИД СССР, давно отвоевавшее это право в "открытом бою", а также Всесоюзный геологический фонд Мингеологии СССР, Госфонд гидрометеорологических документов и некоторые другие.

В перечне не упоминались архивные фонды ЦК КПСС, МВД, МО СССР и другие, которые пользовались привилегированным положением в системе архивных учреждений страны.

Кто стоял за этой победившей всех и вся тенденцией к децентрализации архивов, к их ведомственной разобщенности?

Есть основания предполагать, что, как ни странно, такую позицию занял всемогущий, но невежественный в архивном деле аппарат ЦК КПСС. Во всяком случае, в фонде Главархива хранится датированное 1954 г. совместное заключение отдела пропаганды и агитации, а также отдела науки и культуры ЦК, на один из ранних проектов Положения о ГАФ, в котором указывалось (причем не без оснований), что "в ряде учреждений... ценнейшие документальные материалы... используются для целей научного исследования более свободно и широко, чем архивы ГАУ МВД, и имеют более квалифицированный состав работников... Оставление ряда архивов в ведении отдельных учреждений под общим наблюдением ГАУ МВД не противоречит идее о централизации архивного дела в стране"³⁸. Просто и категорично: "не противоречит". Без аргументации. Вполне в духе ЦК.

После этого работа над Положением о ГАФ была прекращена. После ее возобновления в 1956 г. "указание партии", очевидно, все еще сохранялось в памяти разработчиков нового проекта Положения.

По-видимому, победу одержала прагматическая, хотя и не очень верная теоретическая посылка: если в условиях жесткой централизации в рамках МВД нельзя поднять уровень работы архивов в целом, пусть каждое ведомство и учреждение самостоятельно решает эту задачу по примеру архивов АН СССР, Исторического музея, МИД и т. д. Но ведь, мягко говоря, далеко не все и не везде имели такие кадры и такие условия, как эти ведомственные архивы. Правда, будто компенсируя проявившуюся беспомощность ГАУ по отношению к ведомствам, в новое Положение вставили несколько статей, в которых ответственность за сохранность, упорядочение, учет и использование документов из ведомственных архивов возлагалась лично на руководителей соответствующих учреждений. Кроме того, на них же возлагалась ответственность за состояние архивов во всех ведомствах, которые им подчинялись. Иначе говоря, вводился внутриведомственный контроль с декларированной на словах, но не подкрепленной юридически персональной ответственностью.

стью последовательно всех начальников сверху донизу – очевидно, вплоть до начальников главков и министров. В новом Положении также устанавливался очень широкий диапазон сроков ведомственного хранения (от 5 до 15 лет), причем документы по личному составу разрешалось удерживать до 40 лет, а для записей актов гражданского состояния – до 75 лет. ГАУ предоставлялось право "в отдельных случаях разрешать министерствам и ведомствам, имеющим перечни материалов с указанием сроков хранения, самостоятельно решать вопрос об уничтожении документальных материалов"³⁹.

Таким образом, за два года, которые прошли от создания первого варианта Положения до его утверждения в качестве официального документа постановлением Совета Министров СССР в 1958 г., документ вобрал в себя такие поправки и "уточнения", что суть архивов опять становилась абсолютно неясной, отношения с ведомствами ставились в зависимость от сугубо конъюнктурных факторов, а полномочия Главархива существенно сужались.

Было ясно одно: ГАУ, а значит, и МВД теряли контроль над архивной системой страны в целом. Архивы практически "расползались" по ведомствам и учреждениям, их судьба полностью переходила в руки разных "хозяев".

Одновременно с Положением о ГАФ СССР 1958 г. была официально утверждена и опубликована сеть ЦГА СССР, в которую вошли девять архивохранилищ: ЦГАОР СССР, ЦГАСА, ЦГА ВМФ СССР (Ленинград), ЦГАЛИ, ЦГАДА, ЦГВИА, ЦГА КФФД и два Центральные государственные исторические архива – ЦГИАМ (в Москве) и ЦГИАЛ (в Ленинграде). Название ЦГОА в опубликованном тексте отсутствовало, но упоминалось в секретном списке ЦГА.

Многие неясности в таком внутренне противоречивом документе прояснились уже в ближайшее время. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. МВД СССР было упразднено. В новообразованном министерстве охраны общественного порядка Главному архивному управлению не было места. В связи с этим, согласно пункту

5 изданного во исполнение Указа постановлением СМ СССР от 13 января 1960 г., ГАУ МВД преобразовывалось в Главархив при Совете Министров СССР⁴⁰.

Нужно было срочно разрабатывать новое положение о Главархиве. Руководство архивного главка вышло из довольно сложной ситуации, связанной со сжатыми сроками для подготовки нового документа, очень просто.

Как показывает анализ, Положение о ГАУ при СМ СССР и сети центральных государственных архивов СССР, утвержденное постановлением Совета Министров Союза ССР 28 июля 1961 г., является в значительной степени компиляцией из тех разделов Положения 1958 г., которые касались функций Главархива со всеми присущими ему положительными и отрицательными для архивной системы сторонами.

Среди нововведений заслуживает внимания только закрепление необычных для прежней структуры ГАУ новых подразделений. Дело в том, что в 1956 г. ГАУ вступило в Международный совет архивов ЮНЕСКО. В связи с этим раздел о его функциях в Положении о ГАУ был дополнен словами: "осуществление научных связей с МСА, его органами, архивами и другими научно-исследовательскими учреждениями зарубежных стран".

Сам текст этого Положения был опубликован с ограничением режима пользования.

Кстати, тогда же, в июне 1956 г., в структуре ГАУ был создан отдел внешних связей (6-й отдел), который возглавил капитан О.В. Шабловский. Кроме того, был создан 7-й отдел (ведомственных архивов и делопроизводства), руководитель которого (с 1959 г.) А.С. Малитиков в 1966 г. стал первым директором Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивоведения (ВНИИДАД).

И наконец, тогда же начал функционировать наименее известный, 8-й отдел, который действовал напрямую под контролем и по заданию управлений, отделов и секторов ЦК КПСС, выявляя и составляя обзоры документов по истории международных связей партии и государства с зарубежными странами (начальник – майор – В.Б. Морозов).

Все эти новые структурные подразделения начали действовать без каких бы то ни было положений и других легально-правовых норм – на основании административных приказов, т. е. дело обстояло весьма просто – высшие партийные или государственные инстанции по-прежнему приказывали, а ГАУ отвечало: "Есть!"

В связи с этим совершенно необоснованным представляется утверждение о том, что процесс "формирования и полного господства бюрократической системы", который завершился в 1942 г., в период с 1942 по 1960 г. якобы претерпел "серьезные деформации", а с 1961 г. начался ее "демонтаж"⁴¹. (Хотя знать о наличии и такой точки зрения надо: в ней отразилась вся глубина расхождения между прежними оценками сути событий, диктовавшимися архивным главком, и современными.)

Таким образом, к началу 60-х годов отечественные архивы переживали жесточайший кризис. Они явно были потеснены на периферию духовной жизни. Попытки ГАУ поднять престиж архивов не могли изменить существа дела, хотя аппаратчикам нельзя было отказать в изобретательности. Так, в 1962 г. состоялось явно притянутое за уши празднование 250-летия отечественного архивного дела (за точку отсчета была взята дата указа Петра I от 16 июля 1712 г. об образовании архива Правительствующего Сената, хотя российские архивы имеют гораздо более древнюю историю). Однако волна собраний, юбилейных статей и награждений быстро схлынула. И архивы вновь оказались все в том же глубоком кризисе, из которого их не смогли вывести ни "исторические" документы 1956 г., ни Положения 1958 и 1961 гг.

Примечания

- 1 См.: *Вяликов В.И.* Архивное строительство в СССР (1946 – 1967 гг.). М., 1972.
- 2 *Корнеев В.Е.* Опыт периодизации истории и организации архивного дела в СССР // *Архивы СССР. История и современность.* М., 1989. С. 29.
- 3 Там же. С. 22.
- 4 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2023. Л. 1 – 8.

- 5 Павлова Т.Ф. Русский заграничный архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С. 29.
- 6 ГАРФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.
- 7 ГАРФ. Ф. 5962. ОП. 11. Д. 11. Л. 42.
- 8 Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. II. Ч. 2. С. 50.
- 9 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 134. Т. 1. Л. 1 – 2.
- 10 Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 50, 52.
- 11 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 2023. Л. 46 (докладная записка С.Н. Круглова А.А. Жданову от 15 мая 1946 г.).
- 12 См.: Кеннеди-Гримстэд П. Зарубежная архивная Россия и Советика // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 43.
- 13 См.: Максимова Э. Пять дней в особом архиве // Известия 1990. 17 – 22 февр. 1991 г. № 49 – 53; Кузьмин Е. Вывести... Уничтожить... Спрятать... (Судьбы трофейных архивов) // Литературная газета. 1991. 2 окт. С. 13; Украденные раритеты // Родина. 1992. № 8 – 9. С. 96, и др.
- 14 ГАРФ. Коллекция документов по архивному делу (КАД). Д. 1. Л. 111 – 112.
- 15 Максимова Э. Архивы французской разведки скрывали на Ленинградском шоссе // Известия 1991. 9 окт.
- 16 См.: Пшенничный А.П. Система государственного управления и архивные учреждения // Советские архивы. 1991. № 2. С. 38.
- 17 Интервью с А.В. Головкиным // Советские архивы. 1994. № 4. С. 99.
- 18 К 50-летию ЦГАЛИ СССР // Советские архивы. 1991. № 2. С. 5 – 6.
- 19 Макасов В.В. Документы советского государства в архивах СССР // Труды ИАИ. 1948. Т. IV. С. 47, 49.
- 20 Макасов В.В. 35 лет советской централизации архивного дела // Труды МГИАИ. 1954. Т. V. С. 36.
- 21 Кондратьев В.А. Экспертизу ценности документов нельзя проводить упрощенно // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 88, 90.
- 22 См.: Вяликов В.И. Архивное строительство в СССР (1946 – 1967 гг.). С. 5, 8, 9.
- 23 Там же. С. 9 – 10.
- 24 Пшенничный А.П. Указ. соч. С. 38.
- 25 Вяликов В.И. Указ. соч. С. 7, 8.
- 26 Научно-информационный бюллетень ГАУ. 1956. № 1.
- 27 См.: Памяти Г.А. Белова // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 126 – 127.
- 28 См.: Чернев А. Власть и историческая наука (публикация) (из фондов ЦХСД) // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 58 – 59.
- 29 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 3 (1). Д. 140.
- 30 Информационный бюллетень ГАУ МВД СССР. 1957. № 4. С. 64, 65.
- 31 СИФ ОЦНТИ ДАД. № 2116: См. также по этому вопросу: Кузьмин Е. Спецхран, или Секретная инструкция о дойке коров // Литературная газета. 1991. 28 авг. С. 14.
- 32 Елпатьевский А.В. О рассекречивании архивных фондов // Отечественные архивы. 1992. № 5. С. 16.
- 33 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 3 (1). Д. 8. Л. 7, 15.
- 34 Там же. Д. 245. Л. 6.
- 35 Там же. Д. 244. Л. 5, 14.
- 36 Там же. Д. 112 – 114.

- 37 Государственные архивы и архивное дело в союзных республиках: Учебное пособие / Под ред. Г.А. Дреминой. М., 1971. С. 6. Глава об архивах РСФСР написана И.П. Козлитиним.
- 38 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 3677. Л. 135.
- 39 См. там же. Оп. 3 (1) Д. 113. Л. 28-40; Д. 114. Л. 12.
- 40 Ведомости ВС СССР. 1960 № 3, С. 75.
- 41 *Пшеничный А.П.* Указ. соч. С. 40.

Глава 6. Архивное строительство в 1962 — 1980 гг.: тупики и альтернатива

Выход архивов из системы органов НКВД-МВД сам по себе не привел ни к каким радикальным преобразованиям в работе архивистов (речь идет именно о переменах по существу, а не по форме). Подлинные перемены начали осуществляться только под давлением "снизу", по мере пробуждения профессионального и гражданского осознания архивистами своей роли в обществе. Однако процесс этот проходил весьма трудно и набрал силу лишь к началу 80-х годов. Рассмотрим его более детально.

Итак, ведомственная децентрализация архивного дела "Положением" 1961 г. закреплялась юридически. В результате ГАУ совершенно неожиданно даже для себя лишилось статуса союзно-республиканского главка. Помимо всех прочих последствий, эта перемена статуса немедленно и самым болезненным образом ударила архивистов прежде всего по карману. Так, в 1962 г. архивно-технический работник получал 410 — 450 руб. (в старых деньгах) в месяц, научный сотрудник (с высшим образованием) — 690 руб.¹ В результате начался массовый отток кадров из архивов. Ситуацию усугубляли также непрерывно возрастающие нагрузки, связанные с тем, что после выхода ГАУ из системы МВД оно оказалось перед лицом острейшей проблемы: как обеспечить документной информацией теперь уже не одно ведомство (которое располагало достаточной силой, чтобы "отбиться" от других потребителей), а всю колоссальную систему

правительственных органов, требующих полного и немедленно-го удовлетворения своих потребностей в ретроспективной информации.

И наконец, самая грандиозная неприятность, которая обрушилась на ГАУ при Совете Министров буквально с первых дней деятельности управления в этом качестве, состояла в том, что оно оказалось включенным в мощную бюрократическую систему, порождающую неимоверное количество бумаг. Иначе говоря, Главархив был поставлен перед необходимостью напрямую выполнять управленческие функции, к чему главк оказался явно не подготовленным ни в теоретическом, ни в практическом плане. Как несколько позже признали руководители Главархива, коренной причиной всех этих последствий был все-таки "застой в области архивоведения, наблюдавшийся в 1950-х годах"².

Собственно говоря, ничего неожиданного в этом выводе для архивистов не было. Г.А. Белов еще в 1958 г. говорил о том, что многочисленные инструкции и правила, издаваемые ГАУ МВД, сковывают творческую инициативу архивистов, лишают их самостоятельности, одним словом, напоминают "солдатский окрик"³.

Однако выход их тупиковой ситуации был найден, как оказалось, далеко не самый лучший.

Все силы Главархива опять были брошены на создание новых правил, в которых предполагалось "обобщить весь опыт государственных архивов за предыдущие десятилетия". В результате напряженной работы к 1960 г. были разработаны, а в 1962 г. изданы "Основные правила работы государственных архивов СССР". Опубликованные тиражом 12 тыс. экз., эти правила отменяли действие 35 нормативных документов, изданных с 1938 по 1958 г. В новом издании излагались методики самых различных видов работ: по созданию классификатора, по каталогизации документов, включая конкретные рекомендации по переходу к созданию систематических каталогов на основе детальной (а не выборочной, как было ранее) тематической разработки фондов. Много внимания уделялось техни-

ческим вопросам, связанным с подготовкой НСА, выставок и т. д.

Но в "Правилах", как и в других документах тех лет, был обойден важный вопрос: в соответствии с принятым в 1958 г. решением ГАУ ведомственные архивы выводились за рамки "Правил", им отдавалось право самостоятельно проводить всю конкретную работу с документами. Справедливости ради следует отметить, что многоопытный В.В. Максаков еще в 1960 г. обращал внимание на то, что отсутствие общих принципов регламентации работ в государственных и ведомственных архивах в конечном счете приведет к сложностям в их взаимоотношениях на этапе комплектования ГАФ. Однако возобладала общая тенденция, приведшая в конце 50-х годов к полному хаосу, к тому самому "архивному нестроению" и дроблению ГАФ страны на неконтролируемые ведомственные архивные фонды, от которых стремились уйти отечественные архивисты еще в 1918 г.

Ситуация осложнялась тем, что после передачи Главархива в ведение Совета Министров СССР ведомства и учреждения, опираясь на содержащееся в "Положении" 1961 г. упоминание о том, что за ГАУ закрепляются функции научно-методического руководства постановкой документальной части текущего делопроизводства министерств и ведомств СССР (речь не шла о тех архивах, которые отдавались на откуп самим ведомствам), сами перешли в открытое наступление на архивный главк. Зачастую дело доходило до прямого шантажа. В госархивохранилища начинали сдавать управленческую документацию, которая была абсолютно не подготовлена к передаче на государственное хранение. К этому времени выявилось, что вообще делопроизводство в стране находится в запущенном состоянии, управленческие процессы оформляются без всякой унификации и стандартизации, номенклатуры дел составляются в меру квалификации, опыта и личной добросовестности канцелярского работника.

В результате Главархив оказался как бы "без вины виноватым" – на него обрушилась волна критики в связи с тем, что архивохранилища не в силах принять на перегруженные полки и стеллажи тонны "сырого", необработанного материала, а специ-

алисты из госхранилищ физически не успевали обрабатывать эту продукцию сотен тысяч канцелярий, секретариатов, бухгалтерий, мелких контор и т. д.

В принципе эта проблема рано или поздно встает перед архивистами всего мира. В разных странах она решается по-разному. Возможным вариантом является четкое разделение функций между специалистами по внутриведомственному документопотоку и собственно архивистами. Возможно также создание "промежуточных" хранилищ, в которых документы годами и десятилетиями могут дожидаться определения своей судьбы на основе решения экспертов. Наконец, возможны варианты создания специальных смешанных комиссий архивистов и документоведов, решающих вопросы хранения отдельных фондов на основе компромисса. Мировая практика дает достаточно большой набор приемлемых решений как в условиях горизонтальных межведомственных связей, так и при строгой вертикальной схеме построения архивной системы.

В условиях 50-х годов международный опыт Главархивом не изучался. (Впрочем, то же самое можно сказать и по отношению к собственному наследию.) Идеологические догмы и стереотипы, господствовавшие в отечественном архивоведении, обрекали его на застой и "изобретение велосипеда". Чтобы наглядно представить себе затхлость интеллектуальной атмосферы в 50-е годы, достаточно привести такой пример. Выехав впервые после возобновления международных контактов историков и архивистов в 1956 г. за рубеж, Г.А. Белов сообщал в докладной записке, отчитываясь о командировке на конгресс историков-архивистов в Берлине: "Как недостаток следует отметить излишнюю напряженность в работе сессии, которая приводила к снижению уровня отдельных выступлений и вывела из строя трех участников нашей делегации (двое получили инфаркт и один сошел с ума)"⁴.

Помимо причин субъективного характера, которые заключались в профессиональной неподготовленности архивистов решать вопросы с учетом собственного исторического наследия и мирового опыта, негативное воздействие на них оказывали и

объективные причины, обусловленные особенностями системы тех лет.

В цивилизованном обществе архивы могут в принципе находиться в рамках любой из государственных или частных структур. Все будет зависеть от свободно выбираемых ими направлений и масштабов деятельности. В рамках тоталитаризма архивы, как показывает анализ, не располагают собственной судьбой. Решения принимаются и навязываются внешними органами, которые зачастую меньше всего учитывают внутренние законы саморазвития отдельного социального феномена, а тем более его специфику, духовную сущность, культурологические аспекты и др. Именно в такой ситуации оказались архивы и архивисты в начале 60-х годов.

Казалось бы, выйдя из системы органов НКВД-МВД, они должны были обрести большую степень свободы и прав на выбор вариантов развития. Но система тоталитарной "несвободы" оставалась. Выйдя из клетки "архивного ГУЛАГа" НКВД-МВД, они оказались в такой же клетке, хотя и несколько большего размера. Теперь архивы и архивисты попали под прямой контроль мощной и разветвленной структуры партийно-бюрократического аппарата.

Совет Министров тащил Главархив в сферу осуществления исключительно управленческих функций.

ЦК КПСС рассматривал архивы прежде всего как часть своего агитационно-пропагандистского арсенала.

Совет Министров делал все, чтобы превратить архивистов в узких специалистов по организации делопроизводства, абсолютизируя первичный этап рождения документов и ограничивая сферу деятельности профессионалов архивного дела только сферой управленческой, ведомственной работы.

ЦК КПСС захватил в свои руки контроль над исторической частью архивов, жестко подавляя попытки самостоятельного, творческого подхода, пресекая стремление архивистов выйти на уровень подлинных ученых с широким историческим кругозором. Это обуславливалось, в частности, и практикой внутрипартийной борьбы, в которой владение информацией зачастую

означало владение властью. Так было при Сталине, при Хрущеве, так было и позже.

Во всяком случае, из того, что известно сегодня, следует только такой однозначный вывод.

В самом деле.

Из опубликованного в 1993 г. стенографического отчета об июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС следует, что, едва дождавшись до партийных архивов, всемогущие партийные бонзы тут же начали уничтожать компрометирующие архивные материалы на себя и подбирать компромат на других. Действовали по принципу "кто кого опередит". Так, министр внутренних дел Н.П. Дудоров, в ведении которого находился Главархив, прямо обвинил Г.М. Маленкова в том, что, пользуясь властью, тот "забрал у меня собственноручные показания Ежова и унес с собой на квартиру. И документ исчез"⁵.

Сам Хрущев вспоминал, как Каганович предлагал ему изъять и уничтожить документ, на котором все члены Президиума ЦК расписались под указанием бить арестованных. Когда бросились искать, оказалось, что этот документ уже уничтожен. И наконец, один из выступавших на этом пленуме (Аристов) обвинил Маленкова, Кагановича и Молотова в вынашивании "гнусного плана: вернуться к власти в ЦК, расправиться с негодными, добраться до архивов... уничтожить их"⁶.

Маршал Жуков обвинял "антипартийную группировку" в разгроме армейских кадров, цитируя подлинные архивные документы. Правда, на пленуме он цитировал далеко не все источники, не назвав, например, среди тех, кто творил расправы на Украине и в Московской партийной организации, имя Хрущева (хотя оно фигурировало в имевшихся у него архивных документах). Были подлоги и другого рода. Так, заведующий общим отделом ЦК В.Н. Малин доложил участникам пленума, что «в деле № 5 имеется список, в котором на странице 121 якобы имеется надпись рукой тов. Молотова: "Бить и бить", хотя надпись явно и очевидно для всех посвященных была сделана рукой Сталина ⁷.

Вялые попытки Маленкова и др. переадресовать все обвинения в бесчеловечных преступлениях на самих "судей" ими не

воспринимались — ведь документы были в руках у обвиняющей стороны. Нельзя исключить, что, если бы сложилась обратная ситуация, Маленков и его компания цитировали бы те документы, которые утаивали Хрущев и его соратники.

Для партийных верхов понятия архивов как источника объективной истины, как самодовлеющей ценности и феномена духовной культуры человека не существовало и не могло существовать. Архивы были для них либо оружием, либо помехой в политической борьбе. Другого подхода они не допускали.

Главархив осуществлял указания двуглавого монстра на практике, пытаясь преодолеть создавшийся кризис в архивной сфере за счет мобилизации всех наличных сил и средств и перебрасывая их из одного направления "главного удара" на другой в зависимости от конъюнктуры.

Но в середине 60-х годов возник еще один фактор — коллективный голос протеста профессиональных историков и архивистов, научной интеллигенции, который не был слышен практически с начала 20-х годов. Именно этот коллективный голос ("мнение общественности"), который отчетливо звучал в тупиковой для Главархива и архивной системы в целом ситуации начала 60-х годов, и позволяет датировать точку отсчета "новых веяний" в архивном деле этим временем. Тогда и начались поиски нового, альтернативного архивного дела в России.

Важнейшим, качественно новым явлением в это время стало проведение свободных дискуссий по острейшим и актуальнейшим вопросам, которые впервые за всю историю советских архивов не заканчивались применением репрессивных санкций со стороны административных органов. Очевидно, существенную роль в этом сыграло то, что в не входящем в систему учреждений Главархива Московском историко-архивном институте за десять послевоенных лет собрался высокопрофессиональный коллектив историков и архивистов, готовый (и способный) отстаивать собственную точку зрения.

Как бы то ни было, весь комплекс перечисленных факторов объективного и субъективного характера в кризисной ситуации начала 60-х годов вылился в открытый и бескомпромисс-

ный конфликт, касавшийся поначалу только одной, весьма специфической темы: как определить ценность документа на этапе отбора на государственное хранение?

Открытая конфронтация сторонников различных взглядов по этому вопросу впервые проявилась на заседании научного совета ГАУ 25 ноября 1959 г.⁸

Здесь впервые прозвучала "радикальная" точка зрения: следует отказаться от якобы окаменевших принципов экспертизы ценности, по которым государственному приему подлежал весь объем документов всех учреждений, организаций и предприятий, за исключением только выделяемых к уничтожению "законно", т. е. согласно действующим перечням. Исходя из чисто прагматических целей, ГАУ предлагало уменьшить число фондообразователей и "отсечь", таким образом, целые комплексы документов учреждений низового звена как заведомо не представлявшие научного и "другого государственного значения".

В.В. Максаков, М.Н. Черноморский, М.С. Селезнев, К.И. Рудельсон, Н.А. Орлова и другие преподаватели историко-архивного института выступили с резкой критикой такого подхода, но Главархив остался при своем мнении. "Новый курс" был, как водится, назван "перестройкой архивного дела" и вскоре получил воплощение в ряде руководящих документов. Так, в "Положение о Главном архивном управлении" 1961 г. была включена статья, согласно которой ГАУ предоставлялось право определять категории учреждений, организаций и предприятий, материалы которых подлежат или не подлежат приему в государственные архивы⁹. В утвержденных в том же году "Правилах работы госархивов СССР" порядок фондирования документальных материалов определялся таким образом, что в результате архивный фонд рассматривался уже не как автоматически образующийся в результате деятельности любого учреждения массив документов, а как результат "активного, творческого комплектования госархивов... основанного на тщательной экспертизе ценности документальных материалов"¹⁰. И наконец, в этом же году ГАУ опубликовало "Методические указания по комплектова-

нию государственных архивов документальными материалами и организации экспертизы их ценности", в которых архивистам давались уже совершенно четкие руководящие указания по определению научной ценности и практического значения учрежденческой документации в прямой зависимости от значения учреждения.

Казалось, вопрос закрыт. Однако дискуссия по нему продолжалась еще десять лет, и нельзя сказать, что даже сегодня все в этой проблеме полностью ясно, во всяком случае в ее теоретических аспектах.

Особенностью же дискуссии тех лет было то, что главный редактор ведомственного издания – научно-информационного бюллетеня ГАУ "Вопросы архивоведения" В.А. Кондратьев решительно выступил против официальной точки зрения ГАУ и смело предоставил страницы бюллетеня и сторонникам и противникам "перестройки" по указанию "сверху".

В чем была суть проблемной ситуации?

На первый взгляд, речь шла о чисто технических, внутри-ведомственных проблемах. К 1956 – 1957 гг. выявилась полная невыполнимость на практике теоретического требования полного просмотра всех оцениваемых дел с точки зрения их отбора для постоянного хранения или уничтожения. Экспертно-проверочные комиссии (так они стали называться с 1958 г., прежнее название, "экспертно-поверочные", отменялось) буквально задыхались в потоке документов, который особенно усилился в связи с бесконечными хрущевскими реорганизациями и ликвидациями учреждений. Учреждения и ведомства главные усилия направляли на то, чтобы любыми способами избавиться от залежей бумаг, зачастую подгоняя их под изданный в 1957 г. "Перечень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности министерств и других учреждений, организаций и предприятий с указанием сроков хранения материалов" по чисто формальным признакам. Например, работники канцелярии умышленно заносили в опись искаженное название документа, исходя из его оформления, а не содержания. Наиболее спорным был вопрос о мелких учреждениях и организациях низового зве-

на — о предоставлении им права на самостоятельное уничтожение малоинформативных, "пустых" документов.

Архивный главк однозначно признал прием в местные госархивы документов мелких, низовых организаций нецелесообразным. Научным обоснованием этой позиции стала так называемая теория функций, в которой за основной критерий определения ценности документов бралось значение учреждения-фондообразователя. До сих пор многие архивоведы считают такой подход "революционным", "переломным". Разрабатывавшие и излагавшие позицию Главархива В.В. Цаплин, А.В. Елпатьевский, Т.Г. Коленкина, Н.Р. Прокопенко были прежде всего реалистами. Они отстаивали принцип поэтапного процесса экспертизы ценности, в котором акцент должен быть сделан не на уничтожение, а на отбор по описям действительно ценных документов для постоянного хранения. Исходным их тезисом была трактовка формулировки декрета "О хранении и уничтожении архивных дел" от 31 марта 1919 г., которая заключалась якобы в буквальном требовании "сохранять документальные материалы, характеризующие каждую жизнь в разных, но не всех ее проявлениях"¹¹. В связи с этим выстраивалась целая иерархия основных и подсобных, вспомогательных документов, зависящих прежде всего от категории учреждения-фондообразователя. Предлагалось "отсечь", пожертвовать "бессодержательными" фондами во имя отобранных экспертно-проверочными комиссиями ценных материалов для длительного и постоянного хранения в госархивах.

Эта позиция была вполне логичной и отвечала практическим целям архивистов, оказавшимся в те дни в весьма трудном положении.

Но не менее логичной была и позиция оппонентов Главархива. В устных и печатных выступлениях В.В. Максаков, В.А. Кондратьев, М.С. Селезнев, зачастую опираясь на иную трактовку все того же декрета, страстно отстаивали необходимость сохранения документов, которые несут в себе детали, "частности", отражают конкретность и специфику "каждой жизни в разных ее проявлениях". Кондратьев выдвинул идею дополнения

перечня видов документов обязательного хранения "вопросно-документным" или тематическим перечнем. Кроме того, выдвигалась идея сохранения "стопроцентных", т. е. абсолютно целостных, архивов "той или иной области, того или иного района, города, села... за год, два или более продолжительное время"¹². Запретные даты, в течение которых вообще запрещалось уничтожать документальные материалы, предлагалось расширить до 1945 г. Совершенно резонно указывалось, что ведомства в первую очередь, основываясь на действующих перечнях, уничтожают свою переписку, а также жалобы и заявления трудящихся, хотя именно они "в важнейшей своей части должны быть оставлены для истории", поскольку в них "раскрывается стремление советских людей устранить имеющиеся в нашем обществе недостатки, ликвидировать элементы бюрократизма и равнодушия, ускорить движение страны к коммунизму". Здесь проявилось явное стремление повернуть архивы лицом к человеку, к реальной жизни. Отсюда чрезвычайно актуальное в наши дни яростное неприятие принципа априорной важности сводных, обобщенных документов, направляемых нижестоящими организациями и ведомствами в вышестоящие, а также "теория функций" учреждений. В какой-то степени эта дискуссия перекликалась с развернувшейся в те же годы дискуссией между сторонниками "окопной", солдатской правды о войне и парадно-официальной историографией, основывавшейся на спускаемых сверху установках. Не случайно архивисты, дискутируя с точкой зрения Главархива, цитировали И.Л. Андронникова, Д.С. Лихачева, а их поддерживали в свою очередь такие историки, как В.И. Шунков, Н.В. Устюгов, Н.А. Ивницкий, А.А. Кузин и др.

Отдавая себе отчет в том, насколько неподъемна в существовавших условиях идея "тотального" сохранения архивов, авторы предлагали развивать техническую базу архивного дела, опираясь на микрофильмирование фондов, а также привлекать к созданию новых архивохранилищ "широкую общественность на местах – учителей истории, учащихся старших классов средних школ и просто любителей старины, энтузиастов архивного и музейного дела"¹³. Кстати, эту идею выдвинул и горячо отстаивал

начальник АУ РСФСР П.В. Ильин. Иначе говоря, речь шла о возвращении к традициям разгромленного в 30-е годы отечественного краеведения, к союзу с учеными-историками. "Я не могу согласиться с тем, – говорил Максаков на обсуждении проблем источниковедения истории советского общества, которое состоялось в МГИАИ в октябре 1961 г. с участием редакций журналов "Вопросы истории" и "Вопросы архивоведения", а также многих ведущих ученых и преподавателей московских вузов, – что есть какие-то учреждения, документы которых обречены на уничтожение. Но архивные работники (читай: Главархив. – Т. Х.) считают иначе, они уже решили, что такие учреждения существуют. Остается установить категории таких учреждений, и в этом отношении слово историков должно иметь значение"¹⁴.

К сожалению, Максаков в очередной раз ошибся.

Решающее значение имело не слово историков.

Преобладающей тенденцией вскоре стало почти полное отождествление архивного дела и делопроизводства. Вместо научно-исследовательского института архивоведения и археографии, который предлагал создать Максаков, по решению правительства в сентябре 1966 г. начал действовать специализированный Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД), распоряжение о создании которого Совет Министров СССР издал 2 марта 1966 г.

Перед ним сразу же была поставлена конкретная задача, сформулированная как особо важное правительственное поручение: возглавить работу всех заинтересованных ведомств и учреждений по созданию Единой государственной системы делопроизводства (ЕГСД), которая велась с 1963 г., но не давала практических результатов. Кроме грандиозной задачи по "общесоюзной унификации процессов документирования и документооборота на всех стадиях", от ВНИИДАД требовалась также разработка и создание единых государственных стандартов на организационно-распорядительную документацию, включающую сведение воедино требований к структуре и размерам бланков, расположению основных реквизитов, к правилам машино-

писного оформления и т. п. Специалисты ВНИИДАД проводили научные дискуссии по целесообразности переименования "административно-управленческих" документов в "организационно-распорядительные" (ОРД), по правилам составления номенклатуры и оформления дел, по способам регистрации производства и другим вопросам технологии делопроизводства¹⁵.

Все это было, безусловно, важным и нужным делом.

Но трагедия заключалась в том, что поворот в сторону документоведения и делопроизводства был произведен на основе постановления СМ СССР № 829 "О мерах по улучшению архивного дела в СССР", в разгар дискуссий по самым животрепещущим и концептуальным вопросам о характере отечественных архивов и общественной роли архивиста.

Архивистам безапелляционно указали на их место. Им предписывалось сосредоточиться на обслуживании административно-управленческого аппарата.

Более того. Как вспоминают архивисты тех лет, уже готовилось постановление правительства с преобразованием ГАУ при СМ СССР в Государственный комитет по делопроизводству и архивному делу¹⁶.

В 1964 г. в МГИАИ был создан факультет государственного делопроизводства, а с 1977 г. здесь же была введена новая специализация – "documentsвед-организатор научно-технической информации". Можно было предвидеть полную переориентацию этого уникального вуза и перевод его, вместе с Главархивом, в категорию вспомогательного учреждения структуры административных органов управления в системе Совмина.

Историки-архивисты вроде бы уже не требовались. Во всяком случае, акценты в их подготовке явно менялись.

В эти годы (конец 60-х – начало 70-х годов) институт вынуждены были покинуть многие опытные и авторитетные преподаватели.

Власть демонстрировала свою силу и более грубыми методами, напоминая худшие времена 30-х годов.

Так, чисто волевым решением, в соответствии с постановлением секретариата ЦК КПСС от 13 ноября 1962 г. (под гри-

фом "совершенно секретно"), было запрещено издание журнала "Исторический архив", который находился под пристальным контролем лично М.А. Суслова с первых дней его восстановления в 1955 г.

"Идеологические цензоры" партии давно с подозрением относились к публикациям в этом журнале архивных документов. Первый удар по редакции был нанесен в связи с публикацией в журнале подборки документов о партизанском движении на Кубани в 1942 – 1943 гг. ЦК счел грубой ошибкой обнародование донесений партизанских отрядов, где говорилось о диверсиях, в результате которых "был взорван поезд с ранеными и живой силой противника", а также "сожжены машины с находящимися в них битком набитыми трупами и ранеными"... По решению ЦК журнал был немедленно изъят из открытой продажи, ряду сотрудников было поставлено на вид (позже главный редактор Шунков был снят с этой должности), а об "ошибке журнала было доведено до сведения всех редакторов научных и общественно-политических журналов"¹⁷.

Второй удар по этому историко-архивному изданию был нанесен в мае 1961 г., когда Секретариат ЦК КПСС принял (опять же под грифом "совершенно секретно") постановление о прекращении издания целого ряда журналов, включая уникальный, единственный в своем роде "Исторический архив" в целях сокращения расходов по их изданию"¹⁸.

Сохранилось свидетельство тогдашнего члена редколлегии "Исторического архива", видного отечественного историка и источниковеда Б.Г. Литвака о том, как он вместе с "задыхавшимся от невероятной жары" 75-летним Максаковым обходил по пыльным дорогам дачного поселка старых большевиков – друзей Максакова еще по революционным годам в Сибири, – чтобы собрать побольше подписей под слезной просьбой в ЦК не закрывать журнал.

К этой просьбе присоединились начальник ГАУ при СМ СССР Г.А. Белов, ряд видных историков. ЦК смиростивился и 4 января 1962 г. принял очередное "сов. секретное" постановле-

ние — «в частичное изменение постановления ЦК КПСС от 16 мая 1961 года... считать возможным продолжить издание журнала "Исторический архив"».

Однако уже 13 ноября 1962 г. Секретариат ЦК КПСС наносит третий, самый последний и решающий удар по столь нужному и любимому историками и архивистами журналу. На этот раз постановление было сверхкратким: "Издание журнала "Исторический архив" прекратить"¹⁹. Причем, как вспоминает вызванный на заседание Секретариата ЦК по этому вопросу сотрудник редакции, доктор исторических наук В.Д. Есаков, никакого обсуждения партийные бонзы не проводили. Просто председательствующий секретарь ЦК предложил «вопрос по существу не обсуждать, а журнал закрыть». С 1 января 1963 г. "Исторический архив" не выходил (вплоть до 1992 г.). В чем же заключался на этот раз криминал, который поставил ЦК в столь неудобное положение, причинил ему такие беспокойства в течение всего лишь одного года?

Оказывается, в нем была опубликована подборка архивных документов "Из переписки К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко (1902 – 1917 гг.)". Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС обиделся за то, что в переписке отражалась борьба художественных взглядов между этими двумя основоположниками советского театра. Из писем Станиславского за этот период выходило, что ему были ближе искания Мейерхольда, чем консерватизм Немировича.

Но ЦК считал иначе.

Поскольку к покойному Станиславскому дисциплинарные меры были неприменимы, партийные органы ограничились убийством журнала. На этот раз заступничество даже таких светил отечественной культуры, как И.Г. Эренбург, К.И. Чуковский, Д.Д. Шостакович и знаменитый театральный режиссер Ю.А. Завадский, которые обратились с письмом лично к Н.С. Хрущеву, не помогли.

Только в 1965 г. ЦК частично сменил гнев на милость и вместо "Исторического архива" разрешил ГАУ издавать журнал "Советские архивы". Точнее, дело обстояло следующим образом.

Благодаря личному энтузиазму и преданности архивному делу В.А. Кондратьев сумел за неполные десять лет (с 1956 по 1965 г.) превратить сугубо специальное издание "Информационный бюллетень" Главархива СССР, первый номер которого вышел под грифом "для служебного пользования" тиражом всего 800 экз., в достаточно популярное среди историков и архивистов издание "Вопросы архивоведения". С 1961 г. оно стало распространяться по подписке тиражом 5 – 6 тыс. экз. Его подготовка проходила в исключительно тяжелых условиях: достаточно сказать, что типографскую бумагу приходилось резать вручную, с помощью пилы и топора, а набор производился на линотипах, в ведомственной маломощной типографии Главархива.

13 сентября 1961 г. Г.А. Белов подписал направленное в ЦК КПСС письмо, в котором просил разрешить «преобразовать научно-информационный бюллетень "Вопросы архивоведения" в "Вопросы архивоведения и делопроизводства" периодичностью 6 номеров в год объемом 9 печатных листов, тиражом не менее 10 тысяч». При этом начальник Главархива ссылаясь на то, что после принятия решения о закрытии "Исторического архива" новый журнал мог бы издаваться на его материально-технической базе. Через два года после окончательного закрытия "Исторического архива", в 1965 г., в ЦК подняли это письмо и сочли его заслуживающим внимания. Но название новому изданию на заседании Секретариата ЦК КПСС от 14 сентября 1965 г. было придумано иное: "Советские архивы"²⁰.

Первый номер "Советских архивов" был подписан в печать в феврале 1966 г. Журналу была предоставлена современная типографская техника, но зато усилен идеологический контроль. Редактором стал неутомимый В.А. Кондратьев. Впрочем, уже на следующий год он уйдет из редакции и поступит (в 1969 г.) на преподавательскую работу в МГИАИ, где и проработает до ухода на пенсию в 1984 г. Владимир Александрович скончался в 1992 г. в возрасте 65 лет.

Очевидно, в результате всех передрыг вокруг архивных изданий Суслов и его окружение в ЦК затаили, мягко говоря, недобрые чувства по отношению к Г.А. Белову и архивистам, ко-

торые периодически вытаскивали из архивов ужасно неудобные и даже "неприличные" (с точки зрения партийной верхушки) документы.

Тем более что в 1965 – 1966 гг. разразился еще один скандал, связанный на этот раз с открытием в госархивах Житомирской и Хмельницкой областей Украины документов о деде и прадеде В.И. Ленина, которые оказались крещеными евреями²¹.

Наученный горьким опытом, Белов приказал изъять эти документы в оригиналах, без оставления копий, и проинформировал об этом ЦК, но там промолчали. Не получив указаний, Белов положил документы в личный сейф. Нельзя исключить, что именно это переполнило чашу терпения верховного "хозяина" всех архивов – ЦК КПСС.

Иначе трудно объяснить тот цинизм и жестокость, с которыми он был снят в 1972 г. с поста начальника ГАУ.

Как вспоминают очевидцы, Белов готовился к выступлению на VII Международном конгрессе архивов, который впервые должен был состояться в Москве. Уже был отпечатан текст доклада, с которым Геннадий Александрович должен был на правах "хозяина" выступить в день открытия конгресса. В докладе содержались весьма важные научные и методические положения, которые были наработаны архивистами за более чем два десятилетия, в течение которых Белов возглавлял ГАУ. В частности, отстаивался тезис о единстве принципов и методов работы государственных и ведомственных архивов, обосновывались новые подходы к научной экспертизе ценности документов и их отбору на постоянное хранение. Впервые выдвигалась идея о необходимости разработки методических аспектов комплекса проблем, связанных с начинающимся внедрением ЭВМ в архивное дело.

Однако доклад Белова прочитал на конгрессе новый начальник – Ф.И. Долгих, который и опубликовал его впоследствии под своим именем²². Это был не плагиат, а нечто, чему в лексиконе цивилизованного человека просто нет подходящих слов. У некоторых архивистов сохранились отдельные экземпляры доклада с обложкой, на которой еще фигурирует имя Белова.

Другие же участники конгресса довольствовались теми экземплярами, с которых прежняя обложка была в спешном порядке и обстановке секретности содрана и заменена именем нового начальника. Кого же прислали в столь пожарном порядке на замену Белова?

Новым начальником Главархива СССР стал кандидат философских наук, специалист по вопросам научного атеизма и бывший директор музея Ленина.

Естественно, что при подведении итогов работы конгресса Ф.И. Долгих на заседании Коллегии Главархива СССР больше всего восторгался тем фактом, что проведение в Москве форума архивистов имело "важное идейно-политическое значение".

Из хранилищ начальника ГАУ все раскопанные архивистами злосчастные документы о предках Ленина были сразу же переданы в сейфы ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Во всяком случае, такова версия В.В. Цаплина, который утверждает, что лично он "был среди составителей и участников подписания соответствующего акта передачи". Однако научные сотрудники РЦХИДНИ (б. ЦПА ИМЛ), проверявшие фонды в 1992 г., авторитетно утверждают, что указанных Цаплиным документов там нет. Они высказывают свое личное мнение, что указанные документы следует искать либо "в исторической части" архива Президента СССР (так называемом "кремлевском архиве"), либо в Центре хранения современной документации, объединившем архивы частей аппарата бывшего ЦК КПСС²³.

Впрочем, даже сегодня в этом странном деле, кажется, точку ставить рано. Только недавно, благодаря личному содействию ветерана Главархива В.И. Ильичева, сотрудникам журнала "Отечественные архивы" удалось установить, что перечень документов о еврейских предках В.И. Ленина 27 лет (с 1965 по 1992 г.) лежал в личном сейфе у начальника главка и только после ликвидации этого учреждения передан наконец в общий фонд Главархива.

Может быть, трудно найти более яркую иллюстрацию бесправного положения главка в отношениях с ЦК КПСС, чем информация, направленная 27 мая 1965 г. начальником ГАУ Бело-

вым в ЦК и которая теперь перекочевала в этот же фонд: "Главное архивное управление при Совете Министров СССР закрыло для исследователей материалы по этой теме, а в отношении сотрудников государственных архивов, допустивших нарушение установленных правил использования документальных материалов, были приняты дисциплинарные меры взыскания. Информирова об изложенном, Главное архивное управление просит ЦК КПСС принять решение о месте дальнейшего их хранения..."²⁴

Мы, очевидно, никогда не узнаем, что подумали по этому поводу партийные чиновники. Во всяком случае, только спустя шесть лет, 28 апреля 1972 г., за подписью Л.И. Панина и Л.А. Ястребцевой (Белов только утвердил этот документ – похоже, что он поставил здесь автограф на бумаге, отправленной в ЦК, в последний раз) в ЦК ушел "акт о передаче документальных материалов" (284 листа), в котором фигурируют только номера фондов, описей, дел и количество листов – все имена изъяты. Была и приписка: "В ГАУ при СМ СССР документальные материалы хранились с 1965 г. в опечатанном виде, для использования никому не выдавались, копии с них не снимались. Главархивом СССР копии с передаваемых документов не изготавливались... Акт составлен в двух экземплярах. Первый экземпляр оставлен на хранение в Главархиве СССР, второй экземпляр передан в Инстанцию"²⁵.

Не исключено, что в ЦК, который не верил на слово никому и никогда, сомневались в заверениях сотрудников ГАУ, и прежде всего Белова, державшего в своем личном сейфе столь опасные (для кого? почему?) документы. Кстати, сестра Ленина Анна Ильинична Елизарова-Ульянова дважды обращалась лично к И.В. Сталину (в 1932 и 1934 гг.) с таким же недоуменным вопросом: "Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта"²⁶. Очевидно, Сталин, а впоследствии все секретари ЦК по идеологии лучше знали, каких предков полагалось иметь В.И. Ленину.

Так архивные документы были приговорены к заточению.

Эта не столько детективная, сколько позорная история может служить яркой иллюстрацией к "архивному нестроению",

которое свойственно именно тоталитарному режиму. В самом деле, если практически бесследно "исчезают" комплексы документов, которые правящая партия считает "особо ценными", то что остается говорить о тех бумагах, которые она считает "макулатурой"? Следует подчеркнуть, что в данном случае окончательный вердикт выносят не профессионалы-архивисты и не исследователи-историки, а партийные функционеры, действующие под покровом секретности, при отсутствии каких бы то ни было общепринятых в мировой архивной практике правовых норм.

От архивистов требовалось только одно – подчиняться приказам.

Так складывались две отныне не пересекающиеся альтернативные тенденции в развитии отечественного архивного дела: с одной стороны, бурное и достаточно успешное развитие документоведения, пользующееся покровительством СМ СССР, с другой – практически полный застой в разработке научных, фундаментальных проблем собственно архивоведения. Только личными стараниями великолепных ученых – энтузиастов архивного дела, прежде всего В.Н. Автократова, подлинное значение наследия которого мы начинаем постигать только сегодня, а также Б.С. Илизарова и немногих других ученых, архивоведение как научная дисциплина все-таки продолжало развиваться. Однако их работы, как правило, издавались малыми тиражами и ценились только разве что в близком окружении коллег из ВНИИДАД и МГИАИ.

В аппарате Главархива их просто не понимали.

Может быть, именно поэтому не получила достаточного резонанса глубокая работа В.Н. Автократова "Фондирование и учет документов (о двух частных теориях архивоведения)"²⁷, в которой он подвел итоги дискуссии "архивистов-функционалов" и "историков-романтиков", продолжавшейся уже более десяти лет. Дело в том, что в 70-е годы сторонники "теории функций" начали прибегать к изощренной аргументации, заимствованной из очень модной тогда дисциплины – научной информатики.

На теоретических семинарах во ВНИИДАД начали все громче раздаваться голоса в защиту разработки методов экспер-

тизы ценности документов "безотносительно к конкретному содержанию документов". При этом идеи сторонников "теории функций" (или "учрежденческого подхода") приобретали наукообразие, но теряли смысл. Вот образец их аргументации: "Новый теоретический принцип экспертизы состоит в преимущественном отборе документальных фондов меньшей информационной плотности и полном отсечении фондов с нулевой информационной плотностью", то есть "в отборе документальных материалов, составляющих информационное ядро фонда и имеющих преимущество перед материалами зоны рассеяния полезной информации при полном отсечении материалов, содержащих бесполезную информацию". Это было как бы модернизированное издание теории функций, но оснащенное ультрасовременной лексикой. Правда, на поверку оказывалось, что механический перенос из информатики "закономерностей С. Брэдфорда и Дж. Ципфа", абсолютизация количественных методов приводят к заведомо неверным результатам, поскольку архивные фонды являются многопредметными и уже поэтому не могут обладать "нулевой информационной плотностью". Абсурдными были и попытки оценить в количественном аспекте категорию полезности источника, которая, естественно, меняется с течением времени и не поддается раз и навсегда заданным критериям оценки. По горячим следам этим попыткам обосновать то, что не поддается теоретическому обоснованию, поскольку продиктовано чисто конъюнктурными соображениями, дал отпор К.Б. Гельман-Виноградов, выдвинув в противовес "математической" информационности "ленинские положения о полноте и правдивости информации", а также исторический и целый набор логических методов обобщения²⁸.

Однако наиболее глубокую и развернутую критику этим "новым веяниям" дал именно В.Н. Автократов. Он подчеркнул, что фонд – это "генетически и структурно целостный источник потенциальной ретроспективной информации", а "процессу фондообразования, включающему складывание органической структуры фонда, присущи черты естественно-исторического процесса". Из этого следовало, что "вне своего фонда дела

и документы перестают восприниматься частью целого и теряют при этом значительную долю информативности". Более того, при насильственном нарушении этой целостности возможно "появление ложных внутрифондовых структур, создающих у потребителя "дезинформирующий эффект". Именно в решительном отстаивании понимания фонда как целостного, живого организма, не подлежащего дроблению, состояла суть, сердцевина "теории фондирования", которую выдвинул Автократов²⁹.

На наш взгляд, это было открытие мирового значения, которое оказалось непонятым в 70-х годах и продолжает оставаться недооцененным даже сегодня. Объяснить это можно только одним: теория Автократова предполагает концептуально новый подход к оценке архивов в целом как феномена единой общечеловеческой культуры, как системообразующего элемента единой мировой "архивной информационной среды" (этот термин тоже впервые употреблен Автократовым).

Вполне очевидно, что Автократов просто опередил свое время.

Архивное дело тогда развивалось без опоры на науку, по указаниям властей. В сентябре 1978 г. правительство отметилось очередным постановлением "Об улучшении организации архивного дела в центральных государственных архивах" (постановление СМ СССР от 20 сентября 1978 г.). Начальник ГАУ Долгих в очередной раз заверил вышестоящие инстанции, что уж этот документ точно "позволит поднять архивное дело на новую ступень"³⁰. В этом же году прошла юбилейная, в честь 60-летия советского архивного дела, конференция, проведенная совместно Главархивом и ВНИИДАД. В основном на ней прозвучали традиционные заверения в верности ленинским принципам централизации архивного дела.

Между тем реальная жизнь архивистов и архивов шла совершенно не так, как это изображали аппаратчики в своих докладах наверх, в вышестоящие инстанции.

Прежде всего, тенденция размывания Государственного архивного фонда СССР приобретала новый размах: Главархив практически ничего не мог сделать, чтобы препятствовать созда-

нию все новых ведомственных фондов, юридически обособленных документальных собраний в рамках отдельных отраслей. К уже известным ранее архивам, которым СМ СССР предоставил право постоянного или продленного длительного хранения, в эти десятилетия добавились МВД И КГБ СССР, Министерство атомной промышленности и энергетики, Министерство общего машиностроения, Государственный комитет СССР по стандартизации...

Показательной в этом плане является история создания и функционирования Российского научно-исследовательского центра космической документации (РНИЦКД).

Он был создан специальным постановлением СМ СССР и ЦК КПСС в 1974 г. и первоначально существовал под двумя названиями: Научно-исследовательский центр технической документации (для открытой переписки с внешними организациями) и Центр государственного хранения космической документации – ЦКД (секретное название)³¹. Сдавая свои фонды, ведомства и организации засекречивали документы, основываясь только на собственных представлениях о том, что подлежит такому режиму хранения. В результате не только материалы, но и вся работа архива стала секретной. Даже ценнейшие разработки стандартов по правилам хранения и методов физико-химической сохранности кино-, фоно-, видеодокументов годами хранились как внутриведомственные секреты и только с большим опозданием становились достоянием всех архивистов.

Ведомства-фондообразователи, прикрываясь секретностью, в обстановке полного произвола и беззакония зачастую формировали сдаваемые комплексы материалов, уничтожая "неудобные" документы.

Еще больший беспредел – с точки зрения мировой архивной практики творился в архивах партии и ее "вооруженного отряда" – КГБ.

Здесь, как засвидетельствовал начальник Архивного управления МБ России генерал А.А. Краюшкин, в 60 – 90-е годы, "согласно действовавшим в то время ведомственным инструкциям, часть дел уничтожалась самими ведомственными оператив-

ными подразделениями без сдачи в архив... Для какой-то части дел определялись ограниченные сроки хранения в архивах (5 – 10 – 15 лет), в зависимости от чисто субъективной оценки сотрудниками возможного возникновения необходимости в этих материалах". Очень странным представляется в связи с этим утверждение генерала, что этот центральный ведомственный архив, а также все его многочисленные филиалы и отдельные архивохранилища на местах "на всех этапах" строились "в соответствии с национальным законодательством, теорией и практикой архивного дела в нашей стране", а "архивные материалы органов безопасности, в немалой степени являющиеся национальным достоянием, никогда не покидали ведомственных полок и архивохранилищ, за исключением отдельных документов"³². Характерны эти оговорки: "в немалой степени" и "отдельные документы". По-видимому, здесь комментарии излишни. В каком еще архиве возможны такие отступления от законодательства и теории и практики архивного дела – даже "в порядке исключения"?

Были и другие архивы, которые стояли особняком в силу ведомственной принадлежности. В первую очередь это относится к бывшему ЦПА ИМЛ (ныне Российскому центру хранения и изучения документов новейшей истории – РЦХИДНИ), "кремлевским" архивам и архивам ЦК (об этом уже много писалось и говорилось), а также архивам партии на местах (об этом никто еще не сказал ни слова, хотя правовой беспредел там в отношении к архивам был таким же, если не более, абсурдным, чем в центральном аппарате).

Свидетельством прогрессирующего упадка сил Главархива в 70-е годы может служить, в частности, история с попыткой писателя К.М. Симонова добиться создания при Центральном архиве Министерства обороны СССР (ЦАМО) в г. Подольске "отдела неопубликованных воспоминаний о подвиге народа в годы Великой Отечественной войны с тем, чтобы ветераны боев и труженики военного тыла могли добровольно и безвозмездно направлять туда свои неопубликованные личные воспоминания на государственное хранение". Соответствующее письмо Симонова Общий отдел ЦК КПСС тут же засекретил и направил его

на заключение в Генштаб Вооруженных Сил СССР, Главное политуправление Советской Армии и ВМФ и в Главархив СССР (т. Долгих Ф.И.). Первым откликнулся Главархив. За подписью первого заместителя начальника ГАУ А.Н. Пегова в ЦК КПСС 12 марта 1979 г. ушло секретное письмо, в котором инициатива Симонова поддерживалась целиком и полностью. Более того, ГАУ сообщало, что ЦАМО "располагает соответствующей материальной базой и кадрами", а ГАУ, со своей стороны, "может оказать помощь в разработке положения об отделе и других нормативных документов".

Однако Генштаб и ГлавПУР рассудили иначе.

В их тоже секретном письме от 28 марта 1979 г. содержатся настоящие перлы внеучной логики типа: "любое воспоминание участника войны... в силу субъективного, нередко неполного представления о том или ином событии, несовершенства памяти не может рассматриваться как документальный источник" или "поскольку контроль в этом деле установить будет невозможно, кто будет отвечать за достоверность описываемых событий и фактов?" и т. д. Зато вывод был сформулирован абсолютно серьезно: "Полагаем, что начинать кампанию по сбору воспоминаний участников войны вряд ли правомерно". Судя по окончательной записке руководителей сразу трех отделов ЦК КПСС секретарю ЦК М.В. Зимянину, Главархив в лице тов. Долгих Ф.И., узнав о несовпадении его позиции с точкой зрения МО и ГлавПУРа, поспешил присоединиться к ним. Главархив заявил о своем новом мнении: создавать специальный фонд для сохранения воспоминаний участников войны действительно нецелесообразно, тем более что "архивные учреждения на местах ведут определенную работу по приему и хранению поступающих от учреждений и отдельных лиц материалов, представляющих ценность и объективно отображающих события тех лет..."³³ Однако в ЦК, очевидно, уже сделали пометку о "неблагонадежности" даже Долгих. Спустя несколько лет, в 1983 г., он будет заменен Ф.М. Вагановым, твердым защитником принципа партийности и классовости в архивном деле, при котором Главархив и закончит свое существование в 1991 г.

До окончания своей карьеры Долгих успел, правда, подписать фундаментальные документы: "Положение о ГАФ СССР", "Положение о ГАУ при СМ СССР", а также опубликовать последнюю руководящую статью под традиционным названием "Работу архивных учреждений – на уровень новых задач"³⁴.

В постановлении СМ СССР от 4 апреля 1980 г., которым утверждались оба "положения", главным был пункт, где предписывалось "ГАУ при СМ СССР усилить организационно-методическое руководство работой по ведению ведомственных архивов и делопроизводства и оказание министерствам и ведомствам помощи в повышении квалификации соответствующих работников". В этом же году тогда еще заместитель начальника ГАУ Ваганов (доктор исторических наук, профессор) выступил со статьей "Триумф ленинизма"³⁵, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Это был знак высокого доверия высших партийных инстанций к нему, которое он затем попытался оправдать со всей присущей ему энергией, целеустремленностью и безграничным апломбом.

Однако уже никому не под силу было остановить непрерывно углублявшийся кризис архивной системы, основанной на централизации управления архивами, которые на практике все более обособлялись и уходили из-под контроля ГАУ. Характерно, что в новом Положении о ГАФ (1980) в концептуальном разделе "Общие положения" без всяких оговорок местом постоянного государственного хранения наряду с госархивами называются "отраслевые ведомственные фонды и другие ведомственные архивы"³⁶. То есть из Положения убрана даже та стыдливая оговорка, которая была в соответствующем Положении о ГАФ 1958 г., где речь шла о ведомственных фондах, создаваемых только "по специальному постановлению правительства". Тем самым ГАУ уступало ведомствам еще больше своих прав, ставя под угрозу принцип недробимости фондов: теперь ведомства могли перетаскивать к себе "недостающие" у них части фондов или целые фонды из центральных или местных госархивохранилищ (так всегда поступал, например, ЦПА – причем, как это было в случае с предками Ленина, без оставления копий вместо

оригиналов и вообще стирая все следы, для того чтобы в будущем нельзя было понять, о каких документах, изъятых Москвой, шла речь).

Аналогичная уступка ведомствам была и в "Положении о ГАУ при Совете Министров СССР". В нем понятие "архивное дело" практически всегда сопровождается обязательным дополнением "и организация документов в делопроизводстве", причем дважды дословно повторяются в двух отдельных пунктах (п. 2 и 5 статьи "К") обязанности Главархива по "внедрению, развитию и совершенствованию Единой государственной системы делопроизводства и унифицированной системы организационно-распорядительной документации".

Ни в Положении о ГАФ, ни в Положении о Главархиве, как и в аналогичных документах 1958 г., нет ни малейшего упоминания о специальных фондах ("особых", "секретных" архивах и просто юридически самостоятельных архивах отдельных ведомств), хотя они существовали наяву.

Чуть ли не единственное, в чем действительно преуспел Главархив в 1980 г., – он формально вернул себе статус союзно-республиканского органа, что торжественно декларировалось в первом же пункте Положения о ГАУ.

Следует отметить, что почти все специфические "умолчания" в Положении о ГАФ 1980 г. были видны уже на этапе его разработки.

Один из двух сотрудников ГАУ, который непосредственно "держал в своих руках" все бумаги по его проектам вплоть до завершения работы над ними, – Андрей Валерьянович Елпатьевский (вторым был Б.Н. Богатов) – написал уникальные воспоминания о том, как с 16 октября 1970 г. по 19 декабря 1979 г. они вдвоем, чуть ли не в свободное от работы время, были вынуждены координировать и согласовывать десятки вариантов текстов, которые вносили в Положение другие заинтересованные ведомства и специалисты, а также "высокие инстанции". Похоже, что меньше всего заинтересовано было этой работой руководство Главархива, вспоминает А.В. Елпатьевский. "За десять лет в главке не было издано ни одного приказа или распо-

ряжения, которыми бы официально определялись состав рабочих групп по разработке проекта Положения, сроки работы или фиксировались бы результаты официальных рассмотрений проектов"³⁷. В результате такой беззубой, непрофессиональной позиции руководства разработчикам оставалось практически только пытаться объединить в более или менее приемлемый логически связанный текст все противоречивые поправки, поступавшие в массовом количестве из внешних ведомств, учреждений и организаций.

Эта позиция руководства, занятого повседневной административной суетой, не изменилась даже тогда, когда после окончания работ над "Положением о ГАФ" было решено повысить его статус до уровня закона или хотя бы до утверждения соответствующего юридического документа Указом Верховного Совета СССР.

Архивисты сознавали абсурдность положения, при котором СССР, кичащийся своим первородством в деле централизации архивного дела, оставался одним из немногих государств, в которых отсутствовал закон об архивах.

С другой стороны, новый начальник архивного главка, Ф.М. Ваганов, по-видимому, оценил возобновление работы над принятием нового архивного закона с точки зрения возможности повышения своего личного престижа в коридорах власти. Не исключено, что им руководили и соображения о необходимости усиления внимания со стороны властей и к архивному делу в целом. Тем более что в условиях начавшейся "перестройки" следовало позаботиться об упрочении ведомственного положения Главархива в нестабильной иерархической структуре правительственных учреждений. Как бы то ни было, от идеи разработки всеобъемлющего закона об архивном деле его авторам пришлось отказаться на первом же этапе. Главархиву было рекомендовано ограничиться законом о Государственном архивном фонде. Вопрос об узаконении статуса главка оставался открытым. Это было первым тревожным звонком. Однако Главархив решил не сдаваться. Проект нового закона о ГАФ, разработанный в основном членами коллегии главка А.В. Елпатьев-

ским, А.С. Прокопенко, В.В. Цаплиным, а также некоторыми другими представителями "либерального" крыла Главархива и согласованный с другими разработчиками (Академией наук, Государственным комитетом по науке и технике, Министерством юстиции, Министерством культуры), в конце 1988 г. вновь был представлен на рассмотрение в Совет Министров СССР. Затем еще год продолжалась работа по учету замечаний, поступивших из республиканских министерств и местных архивных ведомств. В это время даже само название закона претерпело важное изменение. В аппарате Совета Министров было предложено изъять определение "государственный" в понятии ГАФ, и к лету 1989 г. проект получил наименование "Закон об архивном фонде СССР". В этом проявилось стремление учесть отношение к различным формам собственности, которое было зафиксировано в общегражданском законодательстве.

Тогда же в проекте было зафиксировано ограничение срока секретности для архивных документов, находившихся на особом режиме хранения, 30 годами с момента их возникновения. (Правда, сделано это было с оговорками.)

Таким образом, проект за три года приобрел достаточно приемлемый и отвечающий в целом новым общественным условиям вид.

Начальник главка Ваганов был настолько доволен, что в препроводительном письме от 4 ноября 1989 г. к разосланному на места окончательному проекту закона сообщал, что данный проект "одобрен Советом Министров СССР и направлен в Верховный Совет СССР". Ваганов выдавал желаемое за действительное. Правительство в декабре 1989 г. в очередной раз отказалось утвердить проект и предложило возобновить его рассмотрение.

Было ли такое решение только результатом бюрократической волокиты?

С позиций сегодняшнего дня можно с уверенностью ответить: нет. Вопрос оказался сложнее, чем представляли себе руководящие аппаратчики из Главархива. Дело в том, что с середины 1980-х годов управление архивами перестало быть их "ке-

лейным" делом. В решение, казалось бы, сугубо профессиональных вопросов активно вмешалась та самая "общественность", мнение которой пытаюсь безуспешно игнорировать руководство Главархива.

Достаточно сказать, что группировавшиеся вокруг МГИАИ историки и архивисты выступили с целой серией публикаций, направленных на коренной пересмотр официальной идеологии архивного дела, сложившейся за десятилетия тоталитарной системы управления им³⁸.

Дело дошло до того, что основополагающий тезис Ваганова ("ответы на важнейшие вопросы истории нашей партии уже были научно обоснованы и поэтому нет необходимости переписывать историю") был буквально освидетан даже на дискуссии в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС³⁹. Его статьи "Не идеализировать, но и не драматизировать", "Жизненность ленинских принципов архивного строительства"⁴⁰ и т. п. воспринимались как свидетельство закоренелого консерватизма. В дискуссию по архивным вопросам включились самые популярные журналы – "Крокодил" и "Огонек", – посвятившие положению в архивном деле публикации под симптоматичными названиями "Архивы вне закона, или Трудное прощание с историческими тайнами" и "Украденная история"⁴¹.

Даже в самом Главархиве против руководящей линии Ваганова открыто выступили ведущие сотрудники аппарата.

Так, на Всесоюзной юбилейной научно-практической конференции "Ленинские принципы социалистического архивного строительства – основа перестройки и совершенствования архивного дела" атмосферу буквально взорвал директор ЦГАНХ Владимир Всеволодович Цаплин. Он едва ли не первым из авторитетных теоретиков и практиков архивного дела поставил перед представительной аудиторией целый ряд вопросов, суть которых сводилась к необходимости пересмотра оценок кардинальных моментов в истории архивного строительства в годы сталинских репрессий. Одну из публикаций, инспирированных руководством Главархива, он охарактеризовал как "попытку идеализации системы управления архивным делом, особенно в годы культа

личности, как призыв к сохранению бюрократической централизации управления, как отказ от признания необходимости его демократизации". Он изложил собственную программу демократизации управления архивным делом, призвав прежде всего упразднить «силовой, чисто административный орган и заменить его общественным "Архивным советом»». Главархиву отводилась роль его "исполнительного органа..."⁴².

Требования объективно разобраться наконец в существовании тех самых основополагающих "ленинских" принципов, которые столько десятилетий были ограждены от анализа идеологическими "красными флажками", стали раздаваться все громче и настойчивее. Одновременно на повестку дня выдвигались вопросы о роли самого архивного главка в "закреплении" архивов, в создании архивного ГУЛАГа. И наконец, ставилась под сомнение его способность возглавить и направить работу по кардинальной реформе архивного дела, необходимость которой сознавалась всем обществом.

В полной мере неспособность руководства архивного главка понять суть происходящего проявилась в попытке аппаратчиков свести проблему противостояния двух тенденций к козням "ректора МГИАИ и его приближенных". Вначале "для своих", в служебном бюллетене Главархива, а затем для общего сведения (в "Советских архивах") была опубликована статья без подписи, но под выразительным заголовком «"Прорабы перестройки" архивного дела: кто они и что делают?» В ней вся "вина" за "появившуюся в последний период... весьма неоднозначного свойства характерную тенденцию" противостояния Главархиву возлагается целиком и полностью на... МГИАИ. В худших традициях партийной печати вопрос ставится именно так: "Общественность, и прежде всего работники государственных архивов, хотят знать: что же происходит на архивной ниве с помощью и под руководством МГИАИ?" Конечно, это был вопрос риторического свойства. "Анонимный" автор обвиняет Ю.Н. Афанасьева, Н.И. Басовскую, Б.С. Илизарова и других "вредителей" из МГИАИ, скрывающихся под маской "прорабов перестройки" в "беззащитной демагогии, особенно

социальной, в лжи и сознательной дезинформации" с целью внести в мирную и тихую общую обитель архивистов "дестабилизацию, хаос, беспорядок, третирование и призыв к разгону органов управления". "В условиях усиливающихся дестабилизирующих действий, исходящих из МГИАИ, — излагает программу действий этот манифест аппаратчиков, — долг и обязанность советских архивистов перед своим Отечеством и народом состоит в том, чтобы всемерно укреплять свои ряды на основе ленинских принципов архивного строительства"⁴³.

Однако с объявлением войны Главархив явно опоздал. Дело было теперь уже не в МГИАИ, а в том, что никто не бросился защищать "ленинские принципы" только потому, что они "ленинские".

Архивисты задумались.

И это было самое опасное для Главархива.

Именно в такой кризисной, накаленной обстановке, когда речь шла о выживании Главархива (хотя это было делом отнюдь не первостепенной важности для сторонников радикальной реформы архивного дела), проект нового закона об Архивном фонде СССР был отправлен на очередную "доработку". Тщетно пытался главк спасти положение. Были попытки опубликовать его в ведомственном журнале "Советские архивы". Однако работники аппарата Верховного Совета СССР настоятельно рекомендовали не делать этого, справедливо усматривая в такой попытке стремление оказать давление на общественное мнение.

Авторы так и не принятого "ведомственного" проекта закона о ГАФ вплоть до сегодняшнего дня склонны видеть причину его провала в "нежелании властных структур бывшего СССР иметь закон об архивах", а также в появлении в конце 80-х годов так называемого "альтернативного" проекта Закона об архивном деле и архивах, который был разработан группой ученых-архивоведов из МГИАИ, юристов и других специалистов, в их числе: Б.С. Илизаров, А.Б. Каменский, Э.И. Хан-Пира, О.В. Щемелева, а также Ю.М. Батурин, М.А. Федотов и В.Л. Энтин⁴⁴.

Вряд ли стоит так упрощенно понимать ситуацию.

Конечно, правительство не считало вопрос об архивном деле первоочередным. Но и в нежелании принять новый закон его обвинить нельзя. Речь скорее шла о "нежелании" связывать себе руки демонстрацией поддержки устаревшей, отставшей от хода событий и утратившей контроль над ситуацией властной структурой в лице одиозного Главархива во главе с Вагановым.

С другой стороны, были очевидны некоторые явные профессиональные просчеты в "инициативном" проекте нового закона.

Складывалась вполне очевидная "патовая" ситуация, в которой власти решили еще немного подождать.

Кризис будет разрешен позже, в совершенно новой обстановке – когда рухнет вся союзно-республиканская структура архивов вместе с Главархивом. Архивное законодательство и строительство архивов в целом будут разрабатываться на принципиально новых основах.

Оба неосуществленных законопроекта станут достоянием историков архивного дела.

Так еще задолго до распада Союза ССР и формальной ликвидации союзного главка, по существу, завершилась история тоталитаристской централизации архивного дела.

С конца 80-х годов началась новая глава в истории отечественного архивного дела. На наш взгляд, пока еще слишком мала временная дистанция, чтобы объективно оценить масштаб и характер происшедших событий. Как показывает опыт "традиционной" историографии архивного дела, о прошлом нельзя писать поспешно – слишком высока цена ошибка.

Примечания

- ¹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 3. Д. 565. Л. 170.
- ² Долгих Ф.И., Елпатьевский А.В., Пшеничный А.П. Развитие ленинских принципов организации архивной службы в СССР и задачи совершенствования управления архивным делом на современном этапе // Советские архивы. 1974. № 2. С. 14.
- ³ Из выступления Г.А. Белова на совещании ГАУ МВД 4 ноября 1958 г. // СИФ ОЦНТИ ДАД. № 2237. С. 7.

- 4 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 3(1). Д. 139. Л. 8.
- 5 Пленум ЦК КПСС. Июнь 1957 г. Стенографический отчет // Исторический архив. 1993. № 3. С. 22. Все публикуемые документы хранились в "совершенно секретном" архиве Секретариата ЦК (ныне Архив Президента Российской Федерации – АПРФ).
- 6 Исторический архив. № 4. С. 65.
- 7 Исторический архив. № 3. С. 88, 94 (прим. 140).
- 8 Вопросы архивоведения. 1960. № 5. С. 30.
- 9 См.: Вопросы архивоведения. 1961. № 3. С. 7.
- 10 *Елпатьевский А.В., Коленкина Т.Г., Цаплин В.В.* Новые требования к экспертизе ценности документальных материалов и комплектованию ими государственных архивов // Вопросы архивоведения. 1961. № 4. С. 39.
- 11 Там же. С. 35.
- 12 *Кондратьев В.А.* Экспертизу ценности документов нельзя проводить упрощенно // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 94.
- 13 См.: Вопросы архивоведения. 1961. № 1. С. 27 – 32; 1961. № 4. С. 59, и др.
- 14 Обсуждение проблем советского источниковедения // Вопросы архивоведения. 1961. № 4. С. 65.
- 15 См.: *Белов Г.А.* ЕГСД и ее значение в совершенствовании управления // Советские архивы. 1966. № 2; *Малышков А.С.* Некоторые вопросы организации и содержания научной работы в области ЕГСД // Труды ВНИИДАД. Т. 2; М., 1973. *Сокова А.Н.* Государственная система документационного обеспечения управления: преемственность и развитие // Советские архивы. 1991. № 5; и др.
- 16 См.: *Старостин Е.В.* К вопросу о границах архивного дела и обязанности архивистов (историографический аспект) // Архивы СССР. История и современность. М., 1989. С. 11.
- 17 Судьба журнала "Исторический архив" в 1955 – 1962 гг. // Исторический архив. 1992. № 1. С. 200.
- 18 *Литвак Б.Г.* Об актуальности научного наследия В.В. Максакова // Археографический ежегодник за 1986 г. М., 1987. С. 115.
- 19 Исторический архив. 1992. № 1. С. 209 – 210; документы ЦК приводятся по: ЦХСД. Ф. 4. Оп. 17. Д. 9. Л. 85; Оп. 16. Д. 341. Л. 176. Оп. 15. Д. 254. Л. 11 – 12; Оп. 17. Д. 55. Л. 45.
- 20 *Есаков В.Д.* О закрытии журнала "Исторический архив" в 1962 г. // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 32 – 42. Отметим, что личный фонд С.С. Подольского, старого большевика и автора вступительной статьи к публикации переписки, был переведен в ЦГАЛИ на секретное хранение. См. также: Исторический архив. 1992. № 1. С. 209 – 211; ЦХСД. Ф. 4. Оп. 18. Д. 253. Л. 168 – 169; Оп. 17. Д. 55. Л. 45; 25 лет назад: интервью с В.А. Кондратьевым // Советские архивы. 1991. № 1. С. 29 – 30; и др.
- 21 *Цаплин В.В.* О жизни семьи Бланков в городах Старокопстантинове и Житомире // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 38.
- 22 *Долгих Ф.И.* Взаимосвязь и преемственность в работе государственных и ведомственных архивов. М., 1972. Частично доклад опубликован также в: Советские архивы. 1973. № 1; Материалы VII Международного конгресса архивов. М., 1975.

- 23 Справка РЦХИДНИ // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 46.
- 24 Были уволены с работы завотделом ЦГИА СССР В.М. Меламова, а также директор и сотрудник архива Житомирской области. В текстах документа о предках Ленина все фамилии были вписаны от руки, чтобы даже машинистка не догадалась, о ком идет речь. Причем фамилия Ленина вообще не упоминалась – речь шла только о деде и прадеде по материнской линии некоего анонима.
- 25 Цит. по: *Бондарева Т.И., Живцов Ю.Б.* "Изъятие произвести без оставления... копий" (где хранились и куда переданы документы о предках Ленина) // Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 72, 74.
- 26 Цит. по: *Кириллова Е.Е., Шепелева В.Н.* "Вы... распорядились молчать... абсолютно" // Там же. С. 76.
- 27 Труды ВНИИДАД. М., 1978. Т. VII. Ч. 1.
- 28 См.: Материалы теоретического семинара ВНИИДАД 10 сентября 1970 г. Доклады А.П. Пшеничного "Принципы экспертизы ценности документальных материалов и теория научной информации", Н.Н. Конновой "Научная теория информации и некоторые вопросы экспертизы ценности документальных материалов системы управления". М.: ВНИИДАД. СИФ ОЦНТИ; *Гельман-Виноградов К.Б.* Ленинские идеи о научной информации... // Труды МГИАИ. Т. 31. Вып. 2. М., 1975. С. 66 – 70.
- 29 *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 11, 16 – 17, 42, 44; он же. Теоретические проблемы советского архивоведения (1960 – 1970 гг.). Глава 3. Теория экспертизы ценности: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1982.
- 30 См.: Советские архивы. 1978. № 6.
- 31 См.: Рассекреченный космос // Родина. 1993. № 10. С. 46.
- 32 Люди вправе знать все... // Родина. 1993. № 11. С. 44 – 45.
- 33 См. публикацию документов из ЦХСД (Ф. 5. Оп. 76. Д. 12. Л. 1 – 19) // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 63 – 73.
- 34 СП СССР. 1980. № 10. С. 71; Советские архивы. 1980. № 4. С. 3 – 26.
- 35 Советские архивы. 1980. № 2. С. 3 – 11.
- 36 Советские архивы. № 4. С. 4 (Раздел I: "Общие положения", п. 3).
- 37 *Елпатьевский А.В.* Из истории не принятого закона (маш.). 1992. Архив редакции "Трудов историко-архивного института РГГУ".
- 38 Спасти службу социальной памяти. Письмо Ученого совета МГИАИ в газету // Советская культура. 31.05.1988; *Афанасьев Ю.Н.* Сила исторического знания // Моск. новости. 18.01 – 25.01.1987; он же. С позиции правды и реализма // Советская культура. 21.03.1987; Историческая память – рабочий фактор перестройки: подборка писем в поддержку позиции Ю.Н. Афанасьева // Советская культура. 28.07.1987; Кому выгодны тайны // Литературная газета. 01.07.1988; и др.
- 39 *Поликарпов В.Д.* Мы родом из Октября... // Советская культура. 09.07.1987.
- 40 *Ваганов Ф.М., Пономарев А.Н.* Не идеализировать, но и не драматизировать... // Советская культура. 04.07.1987; *Ваганов Ф.М.* Жизненность ленинских принципов архивного строительства // Советские архивы. 1988. № 3. С. 3 – 11.
- 41 *Петров Р.* Архивы вне закона, или Трудное прощание с историческими тайнами // Крокодил. 1989. № 26. С. 4; *Петров Р., Черный А.* Украденная история // Огонек. 1990. № 9. С. 9 – 11.

- ⁴² Цаллин В.В. Демократизация – один из основных принципов перестройки архивного дела // Ленинские принципы социалистического архивного строительства...: Сб. материалов. М., 1988. С. 78 – 83.
- ⁴³ "Прорабы перестройки" архивного дела: кто они и что делают? // Советские архивы. 1990. № 2. С. 46 – 57.
- ⁴⁴ Елпатьевский А.В. Из истории... С. 11; Батурич Ю.М., Илизаров Б.С., Каменский А.Б., Федотов М.А., Хан-Пиля Э.И., Щемелева О.В., Энтин В.Л. Закон об архивном деле и архивах: каким ему быть? Мнение ученых. М., 1990.

Заключение

Закрыта последняя страница этой книги.

Мы с вами вместе прошли по долгому, тернистому пути, которым день за днем следовали перед нами отечественные архивисты предшествующих поколений. Многое они видели и понимали не так, как мы. Легче всего с позиций сегодняшнего дня ставить им оценки, сочинять похвальные слова или выносить приговоры... Только вряд ли это нужно им. Наши предшественники прожили жизнь по необратимым законам своего времени. Объективный анализ их прошлого нужен прежде всего нам, их преемникам.

Проведенное исследование достижений и утрат в архивном строительстве прошлых десятилетий позволяет выделить ряд переломных вех, когда судьба архивов менялась радикальным образом. Иногда трудно датировать их определенным годом или какой-то точной датой — ведь живая жизнь всегда богаче любых схем и с трудом вмещается в рамки самых безукоризненных логических построений. Но исследователь должен уметь выделять главное, различать общее и специфическое, закономерное и случайное в каждом сложном явлении. На наш взгляд, в истории отечественного архивного строительства таким определяющим фактором развития было целенаправленное изменение самой сути архивов как свободно развивающегося феномена духовной культуры нации, превращение историка-архивиста в бездушного чиновника, обслуживающего узкопартийные, ведомственные структуры тоталитарного государства. Вытеснение ар-

хивов и архивистов на периферию общественной жизни; замена высококвалифицированных специалистов, обладающих собственным пониманием законов становления и развития архивного дела на разных уровнях простыми исполнителями указаний и инструкций, издаваемых некомпетентными представителями внеархивных руководящих инстанций являются главным, системообразующим признаком тоталитаризма. Именно это происходило в истории отечественного архивного дела новейшего времени.

Если исходить из такой концептуальной основы, наиболее благоприятным временем для архивов было время, когда общественность (прежде всего научная и творческая интеллигенция) активно участвовала в выработке архивной стратегии (теории) и тактики ее осуществления, т. е. в выработке идеологии архивного строительства и практических мероприятий по ее воплощению в жизнь.

Такой подход намечался только в короткий **первый** период истории отечественного архивного дела, с Февраля 1917 г. по начало 20-х годов. В это время судьбу архивов во многом определяли Союз российских архивных деятелей во главе с выдающимся ученым А.С. Лаппо-Данилевским, с которым сотрудничала еще не окрепшая советская власть, представленная в руководящих архивных органах неординарной личностью, самостоятельно мыслящим Д.Б. Рязановым. Именно в таком симбиозе была законодательно оформлена и начала воплощаться в жизнь демократическая радикальная реформа архивного дела в России. Декрет о реорганизации и централизации архивного дела от 1 июня 1918 г. исходил из двух основополагающих идей дальнейшего развития отечественного архивного строительства: сосредоточение функций архивного управления в руках специалистов и предоставление права пользования архивами всем исследователям. Не случайно ученые (в основной своей массе) восприняли этот декрет как "декларацию прав науки в архивах".

К сожалению, этот короткий период был прерван в сентябре 1920 г. с приходом к руководству архивами М.Н. Покровского и его единомышленников. Провозглашенный ими курс на

политизацию архивов ознаменовал начало **второго** периода в истории отечественного архивного строительства, который окончился на рубеже 20 – 30-х годов. Характерной особенностью этих лет был упор на централизацию управления архивами, на отрыв архивов от общества во имя узкопартийных, "классовых" интересов. В эти годы началось тотальное огосударствление архивов, "коммунизация" Центрального архивного управления путем замены старых специалистов новыми кадрами, которые отбирались преимущественно по принципу преданности господствующей партийной идеологии.

С 1929 г. – года "великого перелома" – начинается самый драматический, **третий** период истории отечественного архивного строительства. Он отмечен такими катастрофическими для архивов явлениями, как "макулатурные" кампании и массовые "чистки" архивистов. Создание жесткой бюрократической системы управления архивами под надзором партийных органов получило логическое завершение в передаче архивов в прямое подчинение НКВД в 1938 г. Полная утеря архивистами прав на свободу мышления и профессиональную самостоятельность привела к застою в области теории и практики архивного дела. Архивы, как и работавшие в них люди, были подвергнуты насильственной "селекции" по "классовому" признаку.

Особое место в истории отечественного архивного дела занимает **четвертый** период, рамки которого не ограничены только годами Великой Отечественной войны. Мы относим его начало к концу 30-х годов, когда архивы были поглощены органами НКВД. До сих пор живуче среди определенной части архивистов мнение о том, что при всех своих минусах эта реорганизация якобы способствовала сохранению документов в архивохранилищах и повышению престижа профессии архивиста. Однако проанализированные нами факты говорят о другом. Архивы, в сущности, интересовали НКВД только с сугубо ведомственной, оперативно-чекистской точки зрения. Такое отношение сыграло роковую роль в судьбе документов во время войны. В этот период выявилась в полной мере пагубность противоборства различных ведомств за бесконтрольное владение "соб-

ственными архивами", а также отрицания со стороны властей исторической ценности местных архивов, собраний документов личного происхождения и т. д. Критерии ценности вырабатывались не профессионалами, а партийными инстанциями и кадровыми сотрудниками НКВД. Спасение документальной памяти Отечества явилось результатом массового подвига рядовых архивистов, которые в тяжелейших условиях эвакуации и реэвакуации архивных богатств ценой невероятных усилий (а зачастую ценой собственной жизни) выполняли свой профессиональный и патриотический долг.

Пятый период, который охватывает послевоенные годы и короткое время так называемой "оттепели" (1945 – 1961), характеризовался тотальным засекречиванием целых архивов и отдельных фондов. Провозглашенные во второй половине 50-х годов лозунги "демократизации" архивов остались практически только на бумаге. Сохранившие власть над архивами в своих руках чиновники из партийно-административных органов определяли политику и методы действий Главного архивного управления и всех низовых архивных учреждений. Не случайно в эти годы вновь возродились "макулатурные" кампании и кадровые перестановки. К этому времени относится начало опасных процессов низведения архивного работника до уровня технического сотрудника канцелярии, до делопроизводителя.

Шестой период (с начала 60-х и включая 80-е годы) архивисты начали с активного поиска альтернативных вариантов развития отечественного архивного дела. В острых дискуссиях архивистов по профессиональным вопросам явственно проявляется осознание ими растущего кризиса, тупика, в который попали архивы в результате бюрократическо-административной централизации управления. Научная общественность и широкие круги интеллигенции начали все более активно выступать с требованиями демократизации архивов, расширения доступа к ним. Возрождается научно-теоретическая мысль – публикуются теоретические работы В.Н. Автокротова, Б.С. Илизарова и других исследователей. Они выдвигают новаторские концепции относительно самой сути архивов, их роли в общественной жизни.

На последнем этапе начинаются попытки по-новому взглянуть на историю отечественных архивов, переосмыслить суть основополагающего документа советского архивного строительства – декрета от 1 июня 1918 г. Дискуссию по этому вопросу первым начал Е.В. Старостин. Союзный Главархив с консервативных позиций пытался противостоять растущим тенденциям, но даже в его аппарате появилось прогрессивное крыло профессионалов, выступавших за демократизацию и гласность в работе всех архивных учреждений сверху донизу (В.В. Цаплин, А.В. Елпатьевский). Большую роль в активизации этих процессов сыграли ученые и преподаватели МГИАИ. Крах бюрократической системы, которую возглавлял на протяжении почти полувека Главархив, стал неизбежен.

В настоящее время отечественные архивы переживают сложный период, который правильнее всего было бы назвать переходным. Внедрение разных форм собственности изменило существо бывшего Государственного архивного фонда. Все более явственной становится необходимость пересмотра традиционных форм и методов его комплектования. На повестку дня настоятельно ставятся вопросы расширения доступа исследователей к архивным документам на основе строгого соблюдения архивного законодательства. Ведется поиск наиболее оптимальных вариантов превращения архивохранилищ в подлинные научно-исследовательские лаборатории. Все более властно заявляет о себе потребность разработки новой теории архивов, которая должна осмыслить их суть с учетом современного развития науки. Очевидно, речь идет о том, чтобы видеть в архивах самостоятельный и специфический феномен проявления духовной культуры человека. На наш взгляд, это должно стать предметом исследования новой научной дисциплины – архивософии, или философии архивного дела. В соответствии с таким концептуальным подходом должна меняться ныне существующая жесткая структура архивных ведомств и учреждений, уступая место гибкой, многоуровневой системе архивов, создаваемой на основе самого широкого участия общественности и использования разных форм собственности. Однако это, очевидно, задачи за-

втрашнего дня. Более срочным и неотложным делом сегодня является воспитание нового типа архивиста-исследователя, который должен обладать обширными знаниями университетского уровня, а также высокой профессиональной культурой и твердыми научными принципами. Настоящими хозяевами отечественных архивов должны быть только такие архивисты-профессионалы и историки. Они должны знать и помнить горькие уроки прошлого и светлые имена тех энтузиастов, у которых есть чему поучиться.

Естественно, что и совершенствование сети федеральных архивов, предпринятое в настоящее время, также немыслимо без учета отечественных традиций в архивном деле и их научного осмысления. Иначе все инициативы, предпринимаемые "сверху", будут неизбежно пробуксовывать и заводить архивистов в новые тупики номенклатурного произвола.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Архивное дело в период 1917 – 1920 гг.....	6
Архивы и безвластие: от Февраля к Октябрю 1917 г. ...	7
Архивы и власть (Октябрь 1917 – 1920).....	34
Архивы и Главархив (1918 – август 1920 г.).....	67
Глава 2. Централизация управления архивным делом (сентябрь 1920 – 1928 г.).....	90
Политизация архивов	91
Архивы и научная мысль	111
Глава 3. Укрепление командно-административной системы управления архивами (1929 – начало 1938 г.).....	143
От Центрархива России к ЦАУ СССР.....	143
"Макулатурная" кампания.....	180
"Чистка" архивных кадров.....	204
Глава 4. Архивы накануне и в период Великой Отечествен- ной войны (апрель 1938 – 1945 г.).....	239
Архивные органы НКВД накануне Великой Отечест- венной войны.....	239
Архивы в период Великой Отечественной войны (июнь 1941 – 1945).....	258
Глава 5. Архивы в послевоенный период (1945 – 1961 гг.)...	286
Глава 6. Архивное строительство в 1962 – 1980 гг.: тупики и альтернатива	316
Заключение	352

Хорхордина Т.И.

История Отечества и архивы: 1917 – 1980

Редактор *Ю.Г. Гордина*
Корректор *И.В. Леонтьева*

Компьютерная верстка *А.В. Львов*

ЛР № 020219. Подписано в печать 14.10.94.
Формат 60 × 90 1/16. Заказ № 229 Тираж 2000 экз.

АО "Астра семь". 121019, Москва, пер. Аксакова, 13.

Т.Хорхордина ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА И АРХИВЫ